

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XLIV.

1894 г.

МАРТЪ.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.

1894.

СОДЕРЖАНІЕ.

СТР.

I. ВОСПОМИНАНІЯ ЕГОРА ФЕДОРОВИЧА ТИМКОВСКАГО. Съ предисл. Н. Шугурова	359—381
II. ХАРИТАТЫВА. Прот. Петра Орловскаго	382—402
III. КІЕВЪ ТРИСТА ЛѢТЪ НАЗАДЪ А. Сторожениа . (<i>Окончаніе</i>).	403—425
IV. ЗАПИСКА О ПОСЛѢДНИХЪ ГОДАХЪ ЖИЗНИ ГР. АЛ. К. РАЗУМОВСКАГО ВЪ МАЛОРОССІИ, ЕГО КОНЧИНЪ И ПОХОРОНАХЪ. (1818—1822 г.г.). А. Л	426—439
V. ПѢСНИ И СКАЗКИ О ЖИВОМЪ МЕРТВЕЦѢ. Н. Ф. Сумцова	440—458
VI. ОТРЫВКИ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ АВТОНОМА АКИМОВИЧА СОЛТАНОВСКАГО. (<i>Окончаніе</i>).	459—479
VII. «ПОПОКЪ». Повѣсть изъ быта донскихъ малороссовъ. Бориса Познанскаго . (<i>Продолженіе</i>)	480—511
VIII. ЖЕНЩИНЫ ПРИ ЧИГИРИНСКОМЪ ДВОРѢ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVII ВѢКА. Д-ра АНТОНІЯ I , переводъ Н. М. (<i>Окончаніе</i>).	512—529
IX. ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ОБОЗНЫЙ ВАСИЛІЙ КАСПАРОВИЧЪ БОРКОВСКІЙ р. 1640+1702 г. (Къ портрету) А. Л.	530—536
X. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Картины изъ малорусскаго быта на кіевскихъ выставкахъ. Н. Ш. б) О Кирикѣ и жадномъ попѣ. Ф. Кудринскаго . в) Къ изслѣдованію о литературномъ источникѣ оперы И. П. Котляревскаго «Москаль Чаривныкъ». Вл. Перетца . г) Разказы о вѣдьмахъ. А. Малинки . д) Мѣры гетманскаго правительства Малороссіи въ 1722 и 1757 г.г. въ предупрежденіе голода. В. М. е) Къ исторіи Малороссійскихъ официальныхъ архивовъ. Сообщилъ Ал. Ковалевскій . ж) О большомъ пожарѣ въ г. Пѣчийѣ въ 1797 году. Сообщилъ Ал. Ковалевскій . з) Народныя пѣсни Херсонскаго края. Сообщилъ В. Н. Ястребовъ	537—569
XI. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Новѣйшія статистическія изданія Полтавскаго Губернскаго Земства. Л. С. Л. б) Изъ исторіи литературной дѣятельности въ Сербіи XV вѣка. «Книги царствъ». А. М. в) Запѣтки и матеріалы по исторіи Слободской Украины. Д. И. Багалъя. Ф. Титова . г) Сборникъ снимковъ съ предметовъ древности, находящихся въ г. Кіевѣ въ частныхъ рукахъ, серія вторая, вып. I. Н. Б. д) Galicya przedstawiona słowem i ołówkiem w opracowaniu Bolesława Limanowskiego z rysunkami Włodzimierza Tetmajera. Н. Ш. е) Блаженный Игорь Ольговичъ, князь Новгородъ-Сѣверскій и великій князь Кіевскій. Историческій очеркъ М. Н. Бережкова. И. Каманина . ж) Mythiske by osce lužiskich Serbow. Napisal Adolf Čerňu. В. П. з) Д. И. Эварницкій. Исторія запорожскихъ козаковъ. И. и) Письма и бумаги Петра Великаго т. I и II. И. i) Графъ Путятинъ. Переключка Альманаховъ. И.	570—590
XII. ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича (225—240).	
2) Портретъ генеральнаго обознаго Василія Каспяновича Борковскаго	

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XLIV.

1894 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчанъ Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4-й.

1894.

Дозволено Цензурою Кіевъ 4 Марта 1894 г.

Полковник Степан Иванович
Генеральный Обозный
Василий Бурконецкий.

ВОСПОМИНАНІЯ ЕГОРА ФЕДОРОВИЧА ТИМКОВСКАГО.

Предлагаемыя записки, озаглавленные авторомъ: „*Воспоминанія о моей жизни*“, были найдены нами въ с. Турановкѣ, глуховскаго уѣзда, между разными бумагами, которыя остались послѣ смерти Ильи Федоровича и его сына Василя Ильича Тимковскихъ и о которыхъ мы говорили въ своей статьѣ, посвященной первому изъ нихъ ¹⁾.

Подобно тому, какъ старшій братъ автора Ильи Федоровича Тимковскій, воспоминанія котораго подѣ заглавіемъ: „*Мое опредѣленіе въ службу*“ были изданы два раза ²⁾, начавъ вспоминать свою жизнь съ раннихъ, дѣтскихъ лѣтъ, прервалъ этотъ рассказъ на времени своего опредѣленія въ службу, такъ точно и Егоръ Федоровичъ, задумавъ, какъ видно изъ настоящихъ записокъ, рассказать всю свою жизнь, остановился въ своемъ рассказѣ приблизительно на той же самой порѣ жизни. Можетъ быть, въ этомъ случаѣ дѣйствовала общая, свойственная обоимъ братьямъ черта характера, а можетъ быть—у Егора Федоровича были для этого свои особыя причины. Начавъ писать эти воспоминанія по выходѣ въ отставку, на своей родинѣ, въ золотоношскомъ уѣздѣ, гдѣ все напоминало ему о прошломъ и гдѣ такъ удобно было сосредоточиться и уйти мыслью въ это прошлое, Егоръ Федоровичъ не остался тамъ жить навсегда и снова сталъ искать службы въ Петербургѣ;

¹⁾ Киевская Старина 1891 г. №№ 8—10.

²⁾ Москвитянинъ 1852 г. №№ 17—20 и Русскій Архивъ 1874 г. № 6.

а съ переѣздомъ туда новыя встрѣчи, принятыя имъ на себя служебныя обязанности и вообще вся обстановка столичной жизни—конечно, не могли не отвлечь его отъ той работы, которую онъ началъ въ тиши деревенскаго уединенія.

Прерванныя такимъ образомъ записки Е. Ѳ. Тимковскаго обнимаютъ собою годы его воспитанія: сначала въ семьѣ родныхъ, проживавшей въ д. Згорской Тимковщинѣ, или Тимковкѣ золотоношскаго уѣзда, потомъ—въ Золотоношскомъ Благовѣщенскомъ женскомъ монастырѣ, въ которомъ начинали свое образованіе всѣ братья и сестры Егора Ѳеодоровича, а также его племянникъ Михаилъ Александровичъ Максимовичъ, затѣмъ въ Кіевѣ и Переяславѣ и наконецъ въ Московскомъ университетѣ, причемъ воспоминанія о послѣднемъ относятся къ интересной порѣ, предшествовавшей войнѣ 1812 года. Автору пришлось видѣть этотъ университетъ, курсъ котораго онъ только что окончилъ, опустошеннымъ французами. Нѣтъ сомнѣнія, эта часть записокъ Е. Ѳ. Тимковскаго представитъ большой интересъ для москвичей и для всѣхъ интересующихся прошлымъ Московскаго университета, тѣмъ больше что въ литературѣ, на сколько намъ извѣстно, не имѣется другихъ воспоминаній объ этой порѣ жизни старѣйшаго изъ русскихъ университетовъ; а для журнала, посвященнаго изученію южно-русской старины, имѣеть значительный интересъ другая часть записокъ, которая можетъ послужить матеріаломъ для исторіи учебнаго дѣла въ этомъ краѣ, и также представляется цѣнною въ виду скудости свѣдѣній, имѣющихся въ литературѣ по этому предмету.

Такъ какъ, начавъ повѣствовать о своей жизни, Е. Ѳ. Тимковскій не окончилъ своихъ записокъ, рассказавъ лишь о своей молодости, то въ дополненіе къ тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя онъ самъ излагаетъ о себѣ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“, считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о дальнѣйшей судьбѣ автора. Поступивъ въ концѣ 1813 года на службу по вѣдомству путей сообщенія въ г. Твери, гдѣ въ то время находилось главное управленіе путей сообщенія, состоявшее подъ начальствомъ Ольденбургскаго Принца Георгія, Е. Ѳ. Тимковскій черезъ два года съ переводомъ этого управленія въ Петербургъ

переселился изъ Твери туда. Занимая должность секретаря совѣта путей сообщенія, онъ участвовалъ во многихъ комитетахъ и комиссіяхъ по представляемымъ въ этотъ совѣтъ проектамъ и запискамъ. Затѣмъ въ 1820 году, по предложенію графа М. М. Сперанскаго, который былъ тогда сибирскимъ генераль-губернаторомъ, Тимковскій былъ избранъ правительствомъ для сопровожденія въ Пекинъ вновь составленной подъ начальствомъ архимандрита Петра Каменскаго духовной миссии и для возвращенія оттуда прежней духовной миссии, начальникомъ которой былъ извѣстный Іакинфъ Бичуринъ. Выѣхавъ изъ Кяхты 31 августа 1820 г., Тимковскій возвратился туда изъ Китая 1 августа 1821 г., употребивъ такимъ образомъ на путешествіе внѣ предѣловъ Россіи около года, причемъ пять мѣсяцевъ провелъ въ Пекинѣ.

Результатомъ этой поѣздки въ Китай явилось изданное въ 1824 году, въ трехъ томахъ, сочиненіе И. О. Тимковскаго: „Путешествіе въ Китай чрезъ Монголію въ 1820 и 1821 годахъ“. Въ первой части этого сочиненія описывается караванный путь между Кяхтою и Пекиномъ, вторая часть заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія о Китаѣ и отчасти—о восточномъ Туркестанѣ, Тибетѣ и Корей; третья часть посвящена описанію возвращенія въ Россію „прежней духовной миссии и общему обозрѣнію Монголіи съ точки зрѣнія исторической, географической, административной, этнографической и религіозной; къ книгѣ приложена карта пройденнаго авторомъ пути и нѣсколько плановъ и рисунковъ. Устарѣвшее теперь, съ изданіемъ новыхъ матеріаловъ и источниковъ, прежде недоступныхъ, это сочиненіе въ свое время имѣло огромный успѣхъ, было переведено на языки французскій, нѣмецкій и англійскій и сдѣлало имя Е. О. Тимковскаго очень авторитетнымъ между всѣми изучающими Китай: въ теченіе многихъ лѣтъ оно служило для нихъ настольною книгою.

Другимъ послѣдствіемъ путешествія Е. О. Тимковскаго въ Китай было освобожденіе Іакинфа Бичурина и изданіе трудовъ послѣдняго. По поводу этого графъ М. М. Сперанскій, по словамъ К. А. Скачкова ¹⁾, говорилъ: „нашъ Тимковскій подарилъ

¹⁾ Московскія Вѣдомости 1875 г. № 66.

Россіи два китайскихъ творенія: одно живое—отца Іакинфа и другое живописное—свою книгу *Путешествіе въ Китай чрезъ Монголію*“, а упомянутый К. А. Скачковъ, который самъ не одинъ разъ путешествовалъ въ Китай (позже Тимковскаго), въ запискѣ, прочтенной въ засѣданіи Русскаго Географическаго Общества 5 Марта 1874 года, высказалъ слѣдующее: „Если, говоря словами Егора Ѳедоровича, судьба украсила его жизнь событіемъ рѣдкимъ, незабвеннымъ, тѣмъ, что онъ видѣлъ Китай, то, скажемъ и мы, судьба украсила его жизнь еще и вторымъ событіемъ, тоже рѣдкимъ и незабвеннымъ, оставившимъ вѣчную память и признательность ему. Онъ сберегъ намъ, для чести русской литературы, Іакинфа Бичурина. Пользуясь своимъ официальнымъ положеніемъ и заслуженнымъ довѣріемъ къ себѣ, Егоръ Ѳедоровичъ успѣлъ избавить изъ заточенія бывшаго архимандрита, поселеннаго въ Валаамскомъ монастырѣ, простаго чернеца; онъ помогъ этому воспитаннику и знатоку крайняго Востока выйти изъ своего ничтожества; онъ упорно содѣйствовалъ просвѣщенной инициативѣ Азіятскаго Департамента къ изданіямъ замѣчательныхъ сочиненій Іакинфа Бичурина, послѣдствіемъ чего было то, что имя названнаго синолога стало не только извѣстно, а даже, и вполне заслуженно, знаменито между учеными въ Европѣ. Значительно выиграла за то и русская литература: она получила лестное первенство своими лучшими свѣдѣніями о Китайской имперіи. И съ легкой руки Тимковскаго и Бичурина, такимъ первенствомъ она пользуется и понынѣ. Оттого, если въ кругу нашихъ ученыхъ сочленовъ будетъ справедливымъ наименовать Іакинфа Бичурина *первоучителемъ* русскихъ синологовъ, то по долгу правды и признательности столько же будетъ справедливымъ наименовать Егора Ѳедоровича Тимковскаго *патріархомъ* тѣхъ русскихъ, которые изучаютъ Китайскую имперію“.

По возвращеніи изъ Китая, Е. Ѳ. Тимковскій служилъ начальникомъ отдѣленія въ азіатскомъ департаментѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, а съ 1830 по 1836 годъ былъ консуломъ въ Молдавіи. Утомленный службой, въ 1836 году

онъ вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ имѣніи въ золотоношскомъ уѣздѣ, гдѣ прожилъ около девяти лѣтъ. Затѣмъ недостатокъ средствъ, которыя могло доставлять это небольшое наследственное имѣніе, побудилъ Тимковскаго, продавъ имѣніе, снова поступить на службу, и въ 1845 году онъ занялъ должность начальника отдѣленія драгомановъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Въ 1852 году онъ былъ назначенъ на должность управляющаго С.-Петербургскимъ главнымъ архивомъ министерства иностранныхъ дѣлъ, а съ 1866 года служилъ членомъ совѣта названнаго министерства, и въ этой должности умеръ 9-го февраля 1875 года, на 85 году отъ роду.

О частной жизни Е. Ѳ. Тимковскаго упомянутый нами членъ Русскаго Географическаго общества К. А. Скачковъ въ напечатанной въ Московскихъ Вѣдомостяхъ (1875 г. № 66) статьѣ: „Еще о покойномъ Тимковскомъ“ рассказываетъ слѣдующее: „Егоръ Федоровичъ былъ замѣчательнаго ума, отличался необыкновенной памятью, честностью и образцовою деликатностью и аккуратностью; въ своей частной жизни онъ всего болѣе любилъ тишину и спокойствіе. Женившись въ 1826 году на замѣчательной красавицѣ того времени, дщери придворнаго духовника протоіерея Павла Креницкаго, онъ имѣлъ только одну дочь, скончавшуюся на 7-мъ году. Со своею женою онъ жилъ душа въ душу 48 лѣтъ. Въ никогда неизмѣнные его вечера, по понедѣльникамъ и вторникамъ, къ нему собирались его родственники и друзья; добродушный, гостепріимный хозяинъ, всегда довольный, серьезный, обходительный и словоохотливый, обыкновенно любилъ рассказывать о своихъ протекшихъ долгихъ годахъ; любимѣйшіе его рассказы были о Китаѣ, за событіями котораго онъ усердно слѣдилъ. До момента своей кончины онъ не измѣнялъ себѣ ни въ чемъ; даже его зрѣніе оставалось по прежнему молодымъ, никогда не зная очковъ. За два дня до своей кончины, въ тяжкихъ страданіяхъ отъ антонова огня, послѣ 50 слишкомъ лѣтъ какъ онъ былъ въ Китаѣ, будучи въ полной памяти, онъ встрѣтилъ меня привѣтствіемъ, сказаннымъ по битайски“.

Другой знакомый Е. О. Тимковского Л. И. Бутовскій на обѣдѣ 12 февраля 1875 г. сказалъ о немъ:

„Прощальнымъ думая привѣтомъ
Почтить прощальный этотъ столъ,
Могу сказать предъ цѣлымъ свѣтомъ:
Другъ челоѳчества ушелъ
И намъ живой примѣръ оставилъ:
Гражданской доблести, любви
И всѣхъ душъ высокой правды.
Да! какъ его не назови:
Савовникъ, семьянинъ, знакомый,
Хотя онъ тихо, скромно жилъ,—
На службѣ, въ обществѣ и дома—
Вездѣ онъ совершенствомъ былъ“.

Въ текущемъ мѣсяцѣ 9-го числа истекла 19-я годовщина со дня смерти Е. О. Тимковского, а въ будущемъ году въ этотъ день исполнится ровно 20 лѣтъ, и мы рады, что къ этому времени могли извлечь изъ мрака забвенія воспоминанія этого почтеннаго земляка нашего и подѣлиться ими съ читающей публикой.

Н. Шугуровъ.

Воспоминанія о моей жизни.

Живи, живи, умри—и только что въ газетахъ осталось: „выѣхалъ въ Ростовъ“...

Дмитриевъ.

Биографіи людей, отличныхъ умомъ и дѣлами, есть достоинствіе исторіи, мудрой наставницы народовъ. Но и простой рассказъ о жизни челоѳка, менѣ примѣтнаго въ обществѣ, можетъ имѣть нѣкоторую степень занимательности для его ближнихъ, а иногда и для постороннихъ. Первые взглянуть на такую повѣсть, какъ на пріятный памятникъ объ ихъ товарищѣ, особенно по удаленіи его на вѣки изъ ихъ дружескаго круга, а чужимъ она представится въ видѣ примѣра, если то правда что „les leçons commencent, les exemples achèvent“.

Всегда чуждался я тщеславія. Повинуясь только убѣжденіямъ моихъ истинныхъ друзей—оставить имъ письменное изложеніе разныхъ случаевъ моей жизни, о коихъ рассказы въ

деревенскомъ уединеніи слушали они съ любопытствомъ, я далъ имъ слово какъ нибудь описать мою неизвѣстную жизнь. Долго, очень долго я колебался взяться за перо, уже изсохшее и притушенное разными переворотами въ моей судьбѣ. Возобновились приглашенія, просьбы и—нечего дѣлать!—должно исполнить свое слово.

Вотъ основаніе предлагаемаго разсказа. Не знаю, понравится ли онъ читателямъ, кои, впрочемъ, имѣютъ легкое средство избавлять себя отъ скучныхъ предметовъ¹⁾. Если же возникнетъ изъ сихъ листковъ хотя малая польза, то она будетъ лучшимъ цвѣткомъ на моей могилѣ.

Егоръ Тимковскій.

24 апрѣля 1841 года. въ д. Згарской Тимковѣ.

Вчера минуло 50 лѣтъ моего земнаго бытія; слѣдовательно я родился 23 Апрѣля 1790 года. Дѣтская колыбель моя стояла въ скромномъ деревенскомъ домикѣ, на живописныхъ холмахъ, омываемыхъ рѣчкою Згарью, полтавской губерніи, въ золотоношскомъ уѣздѣ.

Родители мои, отецъ Федоръ Назарьевичъ Тимковскій и мать Анна Савична изъ дома Терлецкихъ, происходили изъ семействъ дворянскихъ, благородныхъ не только по дипломамъ, но по ихъ чувствованіямъ и поступкамъ: такъ по крайней мѣ-отзываются о нихъ доселѣ всѣ знавшіе ихъ. Отецъ мой сначала подвизался въ рядахъ малороссійскаго козацкаго войска, потомъ служилъ на поприщѣ гражданскомъ. Будучи въ Золотоношѣ почтмейстеромъ, уже въ чинѣ коллежскаго ассесора, онъ пользовался особеннымъ благоволеніемъ своего начальника, знаменитаго нашего земляка князя Александра Андреевича Безбородки, государственнаго канцлера и вмѣстѣ главнаго директора почтъ въ Имперіи. У его свѣтлости бывалъ отецъ мой въ С.-Петербургѣ и въ прекрасномъ его помѣстьѣ Буромкѣ, Золотоношскаго же уѣзда, которое нынѣ принадлежитъ Елисаветѣ Михайловнѣ Фроловой-Багрѣевой, дочери незабвеннаго

¹⁾ Et qui me trouve mal, n'a qu'a fermer les yeux. *Molière*, „L'école des maris“.

благодѣтеля моего графа М. М. Сперанскаго. Князь, узнавши, что у добраго подчиненнаго его родился меньшей сынъ (то есть я), общалъ, въ знакъ отличной милости своей, помѣстить меня современемъ въ пажескій корпусъ. Но фортуна не присутствовала при моемъ рожденіи. Едва открылъ я глаза на свѣтъ, отецъ мой черезъ четыре мѣсяца (29 августа) оставилъ его на вѣки, къ неутѣшной скорби и бѣдѣ нашей. Все пошло за голову, какъ говорятъ малороссіяне. Такъ рушились и блестящія виды на мое лучшее образованіе и на мой лучшій будущій жребій, тѣмъ болѣе, что и князь Безбородко скончался 6 апрѣля 1799 г., когда еще не совершилось мнѣ 9 лѣтъ—срокъ для доставленія меня въ Петербургъ.

Не могу не сказать здѣсь предварительно о двухъ обстоятельствахъ. Отецъ мой, возвратясь изъ столицы, привезъ съ собою въ нашу деревню между прочимъ: а) надежду на покровительство мнѣ князя Безбородки, великаго отечественнаго *дипломата* и б) въ числѣ разныхъ эстамповъ нѣсколько картинъ *китайскихъ*. Неужели, на зарѣ моей жизни, непостижимое providѣніе такъ ясно произнесло два непреложныхъ приговора въ моей судьбѣ, кои сбылись на самомъ дѣлѣ: большую часть государственной службы моей имѣлъ я честь проходить въ *дипломатическомъ корпусѣ* и—что всего поразительнѣе—я былъ въ сердцѣ *Поднебесной* имперіи, и нѣсколько времени провелъ въ китайскомъ столичномъ городѣ Пекинѣ, или Бейдзинѣ. Но объ этомъ разскажу послѣ, въ своемъ мѣстѣ.

Бѣдственна была участь моей матери. Молодая вдова, окруженная семью сыновьями и тремя дочерьми¹⁾, владѣтельница какихъ нибудь 250 десятинъ земли, она во всемъ затруднялась, все ее смущало и мрачило дни ея живѣйшею тоскою. Чѣмъ содержать такую большую семью, какъ одинокой управиться съ хозяйствомъ и какимъ образомъ воспитать и пристроить дѣтей? И подлинно, было о чѣмъ ей подумать и потужить.

¹⁾ Сыновья: Илья, Иванъ, Александръ, Ефимъ, Василій, Романъ, Егоръ; и дочери: Татьяна, Марья, Гликерія.

Богъ милосердный услышалъ ея сѣтованія и послалъ самую вѣрную опору вдовѣ и сиротамъ.

Меньшій братъ отца моего Иванъ Назаревичъ Тимковскій, служившій въ Глуховѣ, въ Малороссійской Коллегіи, при первомъ извѣстіи о смерти его, движимый высокимъ христіанскимъ усердіемъ, оставилъ всѣ преимущества службы и немедленно явился посреди нашего семейства, какъ ангель-хранитель. По доброй волѣ, отъ чистаго сердца онъ принялъ на свои руки сиротъ и все хозяйство и далъ слово моей матери не прежде оставить нашъ домъ, какъ выведя, при помощи Божіей, на общую житейскую дорогу ея дѣтей: сыновей—на службу, а дочерей въ замужество.

Такое обѣщаніе далъ дядя мой, и все это исполнилъ въ точности, съ необыкновеннымъ самопожертвованіемъ, къ пользѣ и чести нашего семейства. Славные люди были наши старики!

Уже и я, самый младшій между братьями и сестрами, помѣщенъ былъ въ московскій университетъ (1804), какъ мой благотворительный дядя, по духу благочестія, сильно имъ преобладавшему, отправился изъ нашего дома, на спасеніе, сперва въ Кіево-Печерскую Лавру, а потомъ, уstraшенный роскошью и сварами нѣкоторыхъ черноризцевъ, удалился, въ скромномъ видѣ послушника, въ уединенный Мошненскій монастырь, лежащій въ горахъ праваго берега Днѣпровскаго, въ черкасскомъ уѣздѣ кіевской губерніи, близъ мѣстечка Мошны. Тамъ скончался онъ въ сентябрѣ 1823 г.¹⁾

По плану воспитанія, предположенному еще моимъ отцемъ, и по мѣстному обычаю того времени, братьевъ моихъ, по нѣкоторомъ приготовленіи дома, обучали въ Кіевской Академіи, потомъ отправляли въ Московскій университетъ; а оттуда расходились они по разнымъ путямъ жизни, увлекаясь случаемъ или собственнымъ желаніемъ. Хвала Всевышнему! подѣ снѣию

---

¹⁾ Нѣсколько дополнительныхъ свѣдѣній о томъ же Иванѣ Назаревичѣ Тимковскомъ можно найти въ нашей статьѣ „Илья Федоровичъ Тимковскій“, Кіевская Старина 1891 г. № 8. Н. Ш.

родительскаго благословенія, каждый изъ нихъ служилъ хорошо, къ удовольствію начальства и не безъ пользы для отечества.

Дни моего дѣтства протекли во всей простотѣ сельской жизни. Я росъ вмѣстѣ съ двумя моими сестрами, нѣсколько старшими отъ меня, слѣдовательно безъ товарищей. Какъ самое меньшее дитя, я былъ предметомъ особенной нѣжности матери, которая впрочемъ, по своей разсудительности, не позволяла мнѣ лишняго баловства.

Когда наступилъ шестой годъ моего возраста, матушка, вѣрная исполнительница всѣхъ добрыхъ совѣтовъ и распоряженій нашего дяди-благодѣтеля, отвезла меня въ г. Золотоношу, отстоящій отъ нашей деревни верстахъ въ семи, и тамъ отдала меня, по примѣру другихъ дворянъ нашего уѣзда, въ Благовѣщенскомъ женскомъ монастырѣ монахинѣ Аврааміи, для обученія чтенію и письму. Не могу выразить, какъ грустна была для меня эта первая разлука съ домомъ, съ сестрами, а всего болѣе съ матерью, которую всегда любилъ я съ благоговѣйнымъ чувствомъ уваженія и привязанности. Нерѣдко посѣщала меня матушка съ сестрами моими, нерѣдко присылала домашніе гостинцы, но все таки монастырь—не родительскій домъ. Впрочемъ, на великіе праздники, раза три или четыре въ годъ, брали меня домой. Тогда занимались мною, какъ самымъ дорогимъ гостемъ. Лучшимъ наслажденіемъ было для меня, вмѣстѣ съ сестрами и другими маленькими родственниками нашими, разсматривать привезенные покойнымъ батюшкою изъ Петербурга разные эстампы и виды голландскіе, итальянскіе, китайскіе и проч. Ничто не поражало столько моего дѣтскаго любопытства, какъ огромное и, помнится, очень искусное изображеніе красками большаго крокодила съ открытою пастью. Всѣ эти картины чрезвычайно занимали меня, и впечатлѣнія ихъ на мое воображеніе тогда же поселили во мнѣ вкусъ и почти страсть къ хорошимъ эстампамъ, усилившуюся съ лѣтами и господствующую до сего времени.

Какъ бы то ни было, поплакавши и погоревавши подъ сѣнію монастырскихъ шелковиць или тутовыхъ деревьевъ, я принялся за готическую граматку, т. е. славянскій букварь;

училъ его прилежно, не скажу—съ великимъ рвеніемъ. Черезъ годъ, много полтора, я бѣгло читалъ уже часословъ, псалтырь и порядочно писалъ на черной дощечкѣ жидко разведеннымъ мѣломъ и все таки перомъ, а не кистью. Такова была тогда бережливость на бумагу и чернила; но то былъ восемнадцатый вѣкъ, а въ девятнадцатомъ дѣло иное.

Въ первоначальномъ изученіи мною славянской литературы, произведшей довольно благопріятное вліяніе на мой духъ и слогъ (извините, отъ лѣтъ уже сухой и ветхій), я руководствовался уроками нашей учительницы, семнадцатилѣтней дѣвушки Евдокіи Корнѣевны или запросто *Евдошки*, карликовидной, горбатой, но весьма добродушной и любезной. Вообразите, она до сихъ поръ ¹⁾ живетъ въ г. Золотоношѣ, согбенная еще болѣе годами и нуждою, по упраздненіи монастыря, нашего лица. Сколь изумила меня теперь встрѣча съ нею: это было, такъ сказать, свиданіе прабабушки съ правнукомъ, истинно признательнымъ. Ей никакъ не вѣрилось, чтобы я былъ тотъ самый ученикъ, кото аго въ минувшемъ столѣтіи она изрѣдка и по дѣломъ за уши дирала, къ столу привязывала и проч. Да, было время, когда я поклонялся ученой Евдошкѣ, какъ Аристотелю, и съ удивленіемъ взиралъ, какъ она бѣлые нитяные чулки своей отличной работы украшала симметрически вишневыми пятнышками изъ сока шелковицы, по тонкому вкусу тогдашнихъ щеголихъ, мѣщанокъ золотоношскихъ.—*Tempora mutantur, et nos mutamur in illis*: время все измѣняетъ.

Монахиня Авраамія, тетка Евдошки, лично не занималась обученіемъ дѣтей, принимаемыхъ въ ея учебное заведеніе, по нынѣшнему—пансіонъ. Она была женщина тихая, скромная, истинно благочестивая, и сіи черты ея права легко отпечатывались на сердцахъ ея воспитанниковъ, коихъ въ мое время у нея было двѣ дѣвочки и три мальчика. При всемъ томъ не могу не сознаться, что сухость подобнаго воспитанія въ простой женской обители, а съ другой стороны холодное, нѣсколько суровое обхожденіе монастырское, коего продолженіемъ было и

¹⁾ Напоминаемъ, что это говорилось въ 1841 году. — Н. Ш.

наше обученіе въ знаменитой кіевской академіи, произвели не совѣмъ счастливое вліяніе на мой характеръ. Въ немъ осталась на всегда излишняя мягкость и даже застѣнчивость между чужими людьми, особенно въ жизни политической, непреодолимая склонность къ уединенію, много меланхоліи и расположеніе къ мрачнымъ картинамъ природы.

Года черезъ два послѣ того, какъ уже три брата моихъ были въ московскомъ университетѣ, остался еще въ кіевской академіи старшій (8-ю годами) братъ мой Василій, котораго, по причинѣ слабаго здоровья, въ тайныхъ совѣтахъ матушки съ нашимъ дядею, предполагалось посвятить въ монашество, и тѣмъ заплатить подобострастную дань любимому обычаю края и времени. Конечно, пути провидѣнія непостижимы, но мнѣ кажется, что въ ивоческой мантіи онъ былъ бы превосходнымъ витіею и очень умнымъ педагогомъ въ духовномъ мірѣ, словомъ—совершилъ бы свое земное поприще съ большею пользою, не такъ рано и не столь жалко. Его-то руководству ввѣрено было настоящее уже образованіе моего ума и сердца, и я съ чувствомъ вѣчной благодарности объявляю, что ежели замѣтно въ нихъ что либо хорошее, то оно насаждено его братскими о мнѣ попеченіями въ Кіевѣ, потомъ въ Москвѣ и Петербургѣ, сколь ни были слабы мои способности предъ его геніальными дарованіями. Врожденная склонность одного къ другому и долговременное пребываніе, такъ сказать, подъ одною кровлею сблизили насъ тѣсно и положили твердое основаніе взаимной дружбѣ и тому глубокому уваженію, которое всегда я къ нему питалъ въ моей душѣ.

И такъ, отправились мы съ любезнымъ братомъ въ богоспасаемый градъ Кіевъ. Тамъ годъ приготовлялся я къ правильному ученію, и потомъ около трехъ лѣтъ посѣщалъ самые классы, носившіе іезуитскія названія *фары, инфимы, грамматики, синтаксмы* и т. д. Каждый годъ пріѣзжали мы домой на два вакаціонныхъ мѣсяца, іюль и августъ; а въ сентябрѣ всякій разъ матушка провожала насъ опять въ Кіевъ, для устройства нашего спартанскаго хозяйства въ наемной квартирѣ, болѣе же для ежегоднаго поклоненія св. мощамъ Божіихъ угодниковъ.

Отраднo было мнѣ провести вмѣстѣ съ нею нѣсколько лишнѣхъ дней и въ большомъ городѣ, но за то въ день отъѣзда ея въ деревню сердце мое разрывалось до того, что я около недѣли хожу, бывало, въ жестокомъ горѣ, какъ больной. Нехорошо, право нехорошо слишкомъ рано отдалять дѣтей изъ родительскаго дома: лишеніе наслажденій невинными семейственными удовольствіями изсушаетъ сердце и преждевременно наполняетъ его грустнымъ чувствомъ. Въ отдаленномъ учебномъ заведеніи любовь зрителей и наставниковъ бываетъ болѣе поддѣльною и раздѣляется между великимъ множествомъ. Ребенокъ, подъ надзоромъ совершенно чуждыхъ ему людей, дѣлаетъ сначала все изъ одного только скрытаго страха, который никогда не превращается въ дѣтскую любовь; юная душа его, которая въ родительскомъ домѣ такъ хорошо привязывалась почтеніемъ къ отцу (дядѣ) и нѣжностію къ матери, тамъ стѣсняется въ неизвѣстномъ ей кругѣ. Вотъ отчего происходитъ равнодушіе и холодное обращеніе, замѣчаемая почти во всѣхъ дѣтяхъ, кои внѣ своего семейства воспитаны подобно сиротамъ.

Первое путешествіе мое въ Кіевъ, по тогдашнему очень далекое, занимало меня новыми мѣстами, лицами и приключеніями. Чрезвычайно поразилъ меня видъ готической башни (нынѣ потомками уничтоженной) съ пушками на стѣнахъ, сооруженной графомъ Румянцевымъ-Задунайскимъ въ его помѣстьи Ташани, которое своимъ турецкимъ именемъ ясно возвѣщаетъ грозу Османовъ. Отдаленная синева праваго дѣпровскаго берега удовлетворяла моей мечтательности, полагавшей за тѣми горами нѣкоторый новый міръ. Блѣбующая тамъ же надъ Днѣпромъ въ г. Каневѣ церковь и монастырскія зданія въ Переяславѣ показались мнѣ въ первый разъ гигантскими произведеніями архитектуры въ сравненіи съ нашею деревянною приходскою церковью въ селѣ Крупскомъ. Но что вамъ сказать о томъ таинственномъ ужасѣ, съ которымъ вступилъ я въ густой сосновый боръ, на тридцать верстъ простирающійся подъ самымъ Кіевомъ. Утопающія въ глубокомъ пескѣ лошади, обожженные молніею сосны, пробирающіеся вдали сквозь чащу лѣса поклонники— все это представляло мнѣ мрачную картину; да и старшіе, по-

мнится, не мало трусили. Мнѣ казалось, что въ каждой песчаной долинѣ мы найдемъ гробъ свой, какъ въ пескахъ Ливійскихъ, и за каждымъ деревомъ стоитъ съ предлиннымъ ножомъ разбойникъ, готовый поразить насъ; а въ то время много было тамъ разбойниковъ, или по крайней мѣрѣ разсказовъ о нихъ, напимѣръ о силачѣ Гаркушѣ, о кровожадномъ Мацапурѣ и проч. Тутъ-то заронились у меня въ памяти всѣ пріятно-ужасныя сказки моей нянюшки Христины; тутъ-то, думалъ я, дѣйствительное поприще всѣхъ пугалищъ дѣтскаго воображенія. Далѣе, во глубинѣ бора, козачья могила, памятникъ какой-то давней битвы малороссійскихъ козаковъ съ вѣковыми недругами—ляхами. Но вотъ и Лысая гора—Олимпъ привилегированныхъ вѣдьмъ, не Шекспировскихъ, а нашихъ доморощенныхъ, малороссійскихъ. Въ таинства этого волшебнаго міра ввела меня моя няня. Отъ нея я узналъ, что вѣдьмы по ночамъ вылетаютъ изъ домовъ черезъ трубу, на метлѣ, и такъ путешествуютъ по воздуху; что иногда рыскаютъ онѣ по улицамъ въ видѣ свиньи, собаки, или катаются клубкомъ, пугая невѣрныхъ; что онѣ торгуютъ чарами и лѣкарствами, какъ напимѣръ вдова Терновѣя, жившая за рѣкою противъ нашего дома, славная колдунья въ нашемъ околоткѣ; что наканунѣ Иванова дня, на 24 іюня, когда вечеромъ молодые козаки и козачки, по преданію славянской старины, празднуютъ бывало языческаго Купала скаканіемъ черезъ огонь и громкими хорами, около полуночи знаменитѣйшія вѣдьмы слетаются для ежегодныхъ отчетовъ и совѣщаній на Лысую гору, у подошвы коей между тѣмъ въ самую полночь раскрываются огненные всеильные цвѣты папоротника. Все это я зналъ, и могъ ли послѣ того вашъ восьмилѣтій антикварій проѣзжать мимо роковой горы безъ страха и трепета. Вообще переѣздъ черезъ кіевскій боръ для меня былъ живою поэмою ужасныхъ народныхъ слуховъ; а однажды, въ концѣ іюня, большая стая волковъ насъ окружила тамъ, и чуть было не исчезли въ ихъ челюстяхъ кони и всадники.

Житье въ Кіевѣ сначала мнѣ не понравилось. Тамъ изнемогалъ я часто, особенно весною, подъ вреднымъ вліяніемъ ступенной атмосферы на Подолѣ, нижней части города, освѣяемой

крутою горою, на которой величественно возвышается церковь ап. Андрея Первозваннаго. Не выгодно ли было бы, защитивъ эту низменную часть Кіева отъ днѣпровскихъ водъ высокою набережною и глубокими каналами, дать ей видъ новой Венеціи и открыть для заселенія огромное пространство земли, ровное, изобилующее водою и легкими путями сообщенія, для снабженія города разными жизненными припасами, тѣмъ болѣе, что прочія гористыя части его вовсе лишены такихъ необходимыхъ удобствъ. Но про то лучше старшіе знаютъ. Да, много я страдалъ тамъ отъ простудныхъ болѣзней; однажды пребольшая желѣза чуть чуть не прекратила было моего дыханія на вѣки. Осенью, а всего болѣе весною, частенько бывало провожаю юныхъ товарищей моихъ на кладбище Щекавицу, коей стародавняго героя, какого-то Щека, вмѣстѣ съ гадательными именами нареченныхъ братьевъ его Кія, Хорива и сестры ихъ Лыбеди, какъ зиждителей Кіева, усердно втискивалъ въ нашу память иннокъ—учитель русской исторіи, проглотившій, какъ говорится, все „Ядро“ князя Хилкова и сказанія Татищева, Щербатова и имъ подобныхъ нашихъ ветхихъ историковъ. Молодые студенты сангвиники поражаемы были горячкою, отъ которой не легко избавляла сомнительная помощь академическаго эскулапа. Одинъ изъ нихъ, прекрасный риторъ и поэтъ, жившій по сосѣдству съ нами, въ сильномъ припадкѣ болѣзни, ночью, когда все спало въ его комнатѣ, выскочилъ изъ дома, и по снѣгу (это было въ февралѣ) бросился бѣжать на Днѣпръ и тамъ, по истощеніи силъ, на ледяномъ ложѣ кончилъ свою жизнь. Приключеніе это, вмѣстѣ съ другими случаями слишкомъ ранней кончины знакомыхъ мнѣ учениковъ и студентовъ, чрезвычайно меня смущало. Только *бурсаки* (бѣдныя дѣти духовнаго званія), закаленные нуждами всякаго рода, отличались между нами здоровьемъ и силою, такъ что я смотрѣлъ на бурсу—казенное скудное мѣсто ихъ жилища и пропитанія—какъ на гнѣздо орлиное. Изъ нихъ также набирались отличные пѣвчіе въ церковь академическую и для капеллы митрополита кіевскаго. Еще упомяну о подвигахъ благочестія, казавшихся для дѣтскаго возраста слишкомъ строгими, ежели не преждевременными. Зимой,

въ дни воскресные и праздничные, не взирая ни на какую стужу, я долженъ былъ, вмѣстѣ съ прочими, являться въ церковь Братскаго монастыря, холодную и вымощенную чугунными плитами, и притомъ не только на обѣдню и вечерню, но и къ заутренѣ, начинавшейся часу въ третьемъ по полуночи. Это была сущая эпитимія для моихъ ногъ, которыхъ не могъ я отогрѣвать довольно, даже поднимая подъ шубу попеременно одну за другою, то есть стоя по журавлиному. Впрочемъ наступало теплое время, и я легко забывалъ всѣ обиды зимнія.

Весною, съ апрѣля мѣсяца и такъ далѣе, лучшимъ провожденіемъ времени для меня было, въ свободные отъ ученія дни, посѣщеніе Лавры и святыхъ пещеръ, гдѣ съ особеннымъ умиленіемъ лобызалъ я руку безсмертнаго Нестора, бросившаго плодотворныя сѣмена въ область отечественной исторіи. Кіево-печерская колокольня, высокая и красивая, коей блистающій крестъ видѣнъ издалика при самомъ вступленіи въ извѣстный сосновый боръ, совершенно изумляла меня. Окружающіе Лавру крѣпостные валы и стоящія на нихъ мѣстами пушки возбуждали въ душѣ моей какой-то горделивый героизмъ. Но верхомъ удовольствія былъ для меня парадъ пли разводъ полковой, въ присутствіи военнаго губернатора Беклешова и пресловутаго коменданта Массы, доселѣ живущаго въ памяти кіевлянъ. Не могу выразить того благоговѣнія, съ какимъ я смотрѣлъ особенно на побѣдоносныхъ солдатъ, кажется, Повало-Швейковскаго полка, возвратившихся изъ Италіи въ изорванныхъ мундирахъ, почти дымящихся еще порохомъ и французскою кровью.

Предметами прогулокъ моихъ, вмѣстѣ съ братомъ Васиіемъ Ѳ. и нѣсколькими товарищами, бывали дворцовый садъ и Крещатикъ, въ глубокомъ оврагѣ коего и мы освѣжались струями источника, оросившаго нѣкогда сыновей равноапостольнаго Владиміра благодатію св. крещенія. Теперь Крещатикъ уже не тотъ. У подошвы горы, гдѣ бывало мы ловили молодыхъ жаворонковъ, нынѣ возвышаются большія прелестныя зданія, которыя право не послѣднее мѣсто заняли-бы, не только

въ нашемъ красавцѣ Петербургѣ, но и въ любой столицѣ Западной Европы. Конечно, то было время, а нынѣ другое.

Плаваніе по Днѣпру въ дубѣ, большой шлюпкѣ, на отдаленныя острова, въ обществѣ взрослыхъ уже студентовъ, занимало меня самымъ пріятнымъ образомъ. Подробности такого катанья, сборы, личное приготовленіе пищи и маленькія на водѣ опасности воспаляли мое воображеніе, и я мысленно представлялъ себя, ежели не Колумбомъ, то никакъ не меньше Кука, коего путешествіе вокругъ свѣта было первою книгою, какую прочиталъ я, научившись хорошо читать и разумѣть. Да, странствія сего предприимчиваго британца по неизвѣстнымъ морямъ и островамъ увлекали все мое дѣтское вниманіе и поселяли во мнѣ мечту—увы!—не исполнившуюся, быть непременно вторымъ Кукомъ, а не то простымъ козакомъ. Почему знать, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ вышелъ бы изъ меня порядочный морякъ, хотя бы сотрудникъ безстрашнаго капитана Казарскаго. Минувшее невозвратно.

Пойдемте лучше со мною гулять въ Шулявщину, загородный лѣтній домъ кіевскаго митрополита, окруженный оврагами, быть можетъ въ старину съ дремучими лѣсами, въ коихъ наши воинственные Святославы и Ярополки забавлялись подъ часъ звѣриною охотою. Въ дни рекреаціи, отдыха послѣ ученья, весь сонмъ кіевскихъ учителей и учениковъ отправляется, бывало, туда на цѣлый день съ походною провизіею своею, и всѣ въ патриархальной простотѣ, дружески проводили его какъ умѣли веселѣе. Подъ отеческимъ архипастырскимъ прирѣніемъ, все играло, шумѣло, забавлялось и мячемъ, и кеглями, и приличными гимнами; а студенты філософіи и богословіи, какъ старшіе и болѣе образованные, иногда тамъ же, при дневномъ свѣтѣ, разыгрываютъ, бывало, какуюнибудь комедію или драму.

Въ зимнее время Кіевъ дѣлался тогда очень шумнымъ, по случаю сѣзда польскихъ помѣщиковъ и поссессоровъ на контракты.

Ученье мое шло своимъ обычнымъ порядкомъ. Въ классахъ и дома я обучался языкамъ латинскому и нѣмецкому,

также ариѳметикѣ и географіи. Мои успѣхи въ послѣдней обращали на меня вниманіе и похвалы не только учителей, но и начальниковъ; таковы были митрополиты Іерооѳей и буковинецъ Гавріилъ, бывшій послѣ экзархомъ Бессарабскимъ и Молдавскимъ. Бойко отвѣчалъ я, помнится, и на географическіе вопросы, сдѣланные для примѣра при посѣщеніи академіи какими-то двумя сенаторами, пріѣзжавшими ревизовать губернію. Я подобоострастно тогда смотрѣлъ на лица сихъ озаренныхъ премудростію жрецовъ Ѡемиды, а болѣе на звѣзды, нашитыя даже на ихъ медвѣжьихъ шубахъ. Видите, это было зимою, а въ нашихъ классахъ, ежели и топили, то очень не жарко, въ твердомъ упованіи на пламенное стремленіе наше къ просвѣщенію.

Русскому языку научился я отъ моего старшаго брата Василя, который гремѣлъ тогда въ Кіевской академіи, какъ отличный знатокъ его; да и впослѣдствіи, правда, я лучшаго не зналъ. И на берегахъ Днѣпровскихъ начали уже раздаваться славныя имена первостепенныхъ литераторовъ нашихъ: Дмитріева, Карамзина, Кострова, главнѣйше же въ челѣ ихъ появлялся на горизонтѣ нашего образованія безсмертный Державинъ. Кіевскія музы не могли похвалиться богатствомъ, а потому студенты и ученики съ какою-то истинно поэтической ревностію переписывали оды и другіе стихи Державина, проникавшіе разными путями на кіевскій Парнасъ. Всѣ спѣшили имѣть ихъ; учили, повторяли ихъ; и съ какимъ упоительнымъ наслажденіемъ слушаю, бывало, когда братъ мой восторженнымъ голосомъ станеть декламировать изъ *Водопада*:

„Алмаза сыплется гора
Съ высотъ четырехъ скалами;
Жемчугу бездна и сребра
Кипитъ внизу, бьетъ вверхъ буграми;
Отъ брызговъ синий холмъ стоитъ,
Далече ревъ въ лѣсу гремитъ“.

За сорокъ лѣтъ предъ симъ выучилъ я много золотыхъ стиховъ Державина, Дмитріева, и теперь готовъ перечитывать ихъ наизусть; но вы сами можете насладиться благоуханіемъ этихъ неуывадаемыхъ цвѣтовъ, хранящихся, вмѣстѣ съ новѣйшими, въ моей маленькой бібліотекѣ. Позвольте мнѣ только

оправдаться на счетъ памяти о Костровѣ. Въ числѣ немногихъ книгъ русскихъ и латинскихъ были и поэмы шотландскаго барда Оссіана, переведенныя или, справедливѣе сказать, созданныя въ гомерическомъ вкусѣ Костровымъ; ибо, какъ учителя наши утверждали, переводъ лучше самаго оригинала Макферсонова. Превосходное твореніе сіе братъ мой часто съ восторгомъ читывалъ при мнѣ въ Кіевѣ; но что можетъ сравниться съ тѣмъ незабвеннымъ удовольствіемъ, когда, бывало, пріѣзжая домой лѣтомъ, мы удалялись съ нимъ въ нашъ дубовый лѣсъ, и тамъ на высотѣ, подъ тѣнію вѣтвистаго дерева, повторяли гармоническіе звуки Оссіановой арфы. Намъ казалось, что его томный гласъ журчалъ съ зефиромъ въ зеленомъ дернѣ холма, на коемъ мы въ задумчивости возсѣдали. Безподобныя отрывки приносились на память, и мы съ братомъ знали наизусть, почти всего Оссіана.

Съ такими чувствованіями и знаніями я перешелъ въ XIX столѣтіе, новый періодъ моей жизни. Закрывая страницы моего дѣтства, скажу только, что въ 1801 году братъ мой Василій, не пожелавшій рѣшительно облечься въ черную ризу анахорета, отправленъ былъ въ Московскій университетъ; а меня перемѣстили поближе къ дому (за 70 верстъ) въ городъ Переяславъ, гдѣ и продолжалъ я ученіе мое, вмѣстѣ съ другими дворянскими дѣтьми, въ классахъ тамошней семинаріи. Кладу руку мою на сердце и чистосердечно исповѣдуюсь, что это перемѣщеніе не послужило мнѣ въ пользу, сколько ни отличался я моими дарованіями между товарищами. Изъ числа ихъ всегда и вездѣ вспоминаю съ живѣйшимъ удовольствіемъ о Бюхкаловскомъ, истинномъ моемъ другѣ, о Звенигородскомъ и Дьяконенкѣ. Съ двумя первыми встрѣтился я позже и въ столицѣ, о чемъ расскажу въ свое время. Между старшими видѣлъ я тамъ много примѣровъ излишней преданности Бахусу, а меньшіе вели себя тоже не безъ укоризны, по причинѣ слабаго за ними надзора.

Въ Переяславѣ свѣдѣнія мои развивались болѣе и болѣе. Тамъ читалъ я съ искреннимъ благоговѣніемъ „Письма русскаго путешественника“, „Лониды“, „Мои бездѣлки“, „И мои

бездѣлки“ и разныя другія произведенія славнѣйшихъ авторовъ. Постигая уже вполне смыслъ всякой книги, я осмѣливался подражать, или скажу прямѣе—уносить какія нибудь разительныя слова и самые счастливые обороты слога Карамзина или Дмитріева и пересаживалъ ихъ на тощую почву своихъ маленькихъ сочиненій по заданной темѣ. Конечно, мои юныя созданія не разъ являлись въ видѣ баснословной вороны, украсившейся павлиными перьями. Между тѣмъ учитель былъ доволенъ, и часто надписывалъ по нѣскольку строчекъ похвалы, все въ превосходной степени, на моихъ сочиненіяхъ прозаическихъ и стихотворныхъ. Виноватъ, и я когда-то писалъ стихи, и притомъ, сознаюсь къ вашему и моему ужасу, не только русскіе, но даже латинскіе. Разумѣется, въ область римской поэзіи лазилъ я при помощи *gradus ad Parnassum*, то есть парнасской лѣстницы, изъ коей однако время и опытность моя выкидали ступени, и я, узнавъ на опытъ, что „Парнасъ гора высокая, дорога къ ней не гладкая“,—остался у подошвы ея, предпочитая тихое удовольствіе восхищаться цвѣтами, посѣянными рукою вдохновенныхъ любимцевъ Аполлона. Такъ проза сухая на всю жизнь стала моимъ удѣломъ.

Въ 1804 г. разстался я и съ Череемъ, и съ живописными холмами нашей Згари. Одинъ изъ старшихъ братьевъ моихъ, Романъ Ѳ. ¹⁾, облеченный уже въ Московскомъ университетѣ саномъ магистра филологіи, глубокой знатокъ греческой и латинской словесности и древней исторіи, пріѣхалъ лѣтомъ того года къ намъ въ деревню, повидаться съ родными, отдохнуть послѣ ученья и трудовъ и взять меня, послѣдняго въ родѣ, для посвященія Московскимъ музамъ. И такъ, на 14 году моего возраста, я опять и на долго оставилъ родительскій домъ, въ которомъ завистливая судьба никакъ не позволяла мнѣ заживаться до сихъ поръ. И словъ не нахожу для точнаго выраженія тягчайшей скорби, съ какою на прощанье въ послѣдній разъ я поцѣловалъ руку матушки, обнялъ сестеръ и по-

¹⁾ Очеркъ жизни и дѣятельности Романа Ѳеодоровича Тимковскаго помѣщенъ въ „Біографическомъ словарѣ профессоровъ Московскаго университета“, томъ II, стр. 486—498.—Н. III.

клонился достопочтенному дядѣ-благодѣтелю. Съ братомъ Романомъ Ѡ. и съ горемъ пополамъ, пустились мы въ путь далекій. До Нѣжина ѣхали мы на своихъ лошадяхъ, а тамъ наняли русскаго извозчика, который на своей тяжелой тройкѣ, въ рогожаной кибиткѣ, черезъ города Орель, Тулу и проч. доставилъ насъ въ Москву 14 сентября, послѣ двухнедѣльнаго пути, какъ говорится, хоть не скоро да здорово.

Около того времени я нашель въ университетѣ и моего брата—друга Василя, возвысившагося и тѣломъ, и духомъ. По большей удобности, меня поселили въ комнатахъ брата Романа, который вообще принялъ меня на свое содержаніе. Въ душѣ моей вѣчно хранится благодарность за его пожертвованія на меня.

Недѣли черезъ двѣ по моемъ прїѣздѣ въ Москву, я съ робостью вступилъ въ классы университетской академической гимназіи; но вскорѣ замѣтилъ, что тамошніе ученики, сверстники мои, далеко уступаютъ мнѣ въ знаніи языковъ русскаго, латинскаго и нѣмецкаго, а моими географическими свѣдѣніями я блеснулъ между ними, какъ Сиріусъ между звѣздами. Затѣмъ, совершенствуя себя въ дальнѣйшемъ познаніи означенныхъ предметовъ, приступилъ я къ изученію языковъ греческаго и французскаго, а равно исторіи. О математикѣ не было и въ поминѣ, о чемъ впоследствии я весьма сожалѣлъ.

Учители гимназическіе далеко превосходили образованіемъ своимъ наставниковъ моихъ кіевскихъ; но не могу утаить, что нѣкоторые изъ нихъ были съ большими странностями физическими и моральными, служившими поводомъ къ разнымъ проказамъ на ихъ счетъ школьниковъ, остряковъ и шалуновъ, къ числу коихъ, право, я никогда не принадлежалъ. Забавно бывало смотрѣть, какъ они утромъ залѣпливали мягкимъ хлѣбомъ внутренность замковъ у шкафовъ съ глобусами и картами г. Падерина, учителя географіи и исторіи, и какъ онъ, являясь въ классъ послѣ обѣда, подъ часъ и на веселѣ, трудится и потѣетъ надъ выковыриваніемъ засохшаго хлѣба изъ своихъ замковъ. Около получаса проходило въ семь хлѣбопаніи; а ученикамъ того и надобно для сокращенія двухчасоваго урока. Г. Дмитревскій Иванъ Ивановичъ, заржавленный греко-славя-

нинъ, смѣшилъ всякій разъ 'передъ урокомъ переключкою учениковъ, фамиліи коихъ онъ произносилъ съ какимъ то своимъ оригинальнымъ удареніемъ, особенно иностранныя. Напримѣръ, Иванъ Ивановичъ взываетъ: Петръ Дѣло (Deleau), Иванъ Дѣло, почему-же не ять—ѣ (то есть Дѣло)?, и по всему классу раздается громкій хохотъ. Однажды смѣльчаки до его прихода нарисовали на черной учебной доскѣ какое-то изображеніе. Является нашъ Иванъ Ивановичъ, крестится по своему обыкновенію въ углу при чтеніи молитвы; но, взглянувъ на доску, съ изступленіемъ кричитъ: „и вы гордые, и вы буяны, пойдемъ сейчасъ къ инспектору!“ И вотъ подъ его предводительствомъ, въ процессіи учениковъ, несутъ огромную доску съ изображеніемъ, черезъ весь университетскій дворъ, въ комнаты инспектора на разбирательство и судъ, къ удивленію всѣхъ зрителей домашнихъ и проходящихъ по улицѣ. Разумѣется, дѣтское единокудіе всегда скрывало виноватаго; а инспекторъ съ гнѣвомъ и бранью прогоняетъ обратно и учителя и учениковъ.—Французской грамматикѣ обучали Лере (L'heureux), настоящей парижанинъ, щеголявшій своимъ почеркомъ и картавымъ произношеніемъ, и Дежанъ—какой-то гасконецъ. Уморительно бывало, когда сей послѣдній, задавши ученикамъ что нибудь твердить или переписывать, самъ между тѣмъ, вѣроятно, въ воспоминаніе прежняго своего ремесла во Франціи, принимается tout bonnement зашивать и подшивать свой ветхій плащъ; или какъ бывало весь классъ синѣеть, удерживаясь отъ смѣху, когда m—ег Дежанъ начинаетъ толковать полурусскимъ языкомъ свойства временъ въ спряженіяхъ глаголовъ французскихъ. Сказавши, напримѣръ, что такое давно-прошедшее время, онъ обращается къ ученикамъ съ вопросомъ: „понимаете-ли?“ Вотъ какой нибудь дерзкій для шутки отвѣчаетъ: „нѣтъ“. Дежанъ вторично, но уже значительно возвыся голосъ повторяетъ тоже самое безтолковое толкованіе; отвѣтъ тотъ-же. Учитель выходитъ изъ себя, и для большаго вразумленія поднимаетъ крикъ свой crescendo до того, что наши молодые уши, утомленные грамматическими воплями, понуждаютъ насъ воскликнуть наконецъ хоромъ: „понимаемъ, понимаемъ!“ И m—ег Дежанъ съ самодо-

вольнымъ видомъ продолжаетъ преподаваніе урока. Таковы-то были, конечно, не всѣ мои древніе учителя. И не взирая на то, при помощи моихъ счастливыхъ природныхъ способностей, я оказывалъ большіе успѣхи и стяжалъ громкія хвалы гимназическихъ учителей.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ХАРИТАТЪВА.

Харитатывою на Украинѣ назывался налогъ *subsidium charitativum*, которымъ уніатскіе делегаты¹⁾ на Варшавскомъ конгрессѣ, состоявшемся 4 апрѣля 1776 года, обложили все православное украинское духовенство, какъ бѣлое, такъ и монашествующее. Налогъ этотъ былъ вопіюще несправедливостію со стороны уніатскихъ делегатовъ и совершенно противорѣчилъ трактату, заключенному 1768 года, по уничтоженіи гайдамащины, между Россією и Польшею. Въ первомъ сепаратномъ актѣ, въ § 7 втораго артикула этого трактата было постановлено такъ: „отъ подати, во злоупотребленіе вшедшей и называвшейся *jus stolae*, разъ навсегда освобождаются и монастыри и священники греко-неунитскаго исповѣданія, и римскія духовныя власти ни подъ какимъ видомъ никакой подати не должны требовать отъ тѣхъ и другихъ подъ опасеніемъ строгой отвѣтственности и кары“. Не смотря на этотъ параграфъ, такъ ясно и опредѣленно освобождавшій православное духовенство отъ

---

¹⁾ Делегаты эти были слѣдующіе: Леонъ Шентницкій, епископъ Львова, Галиція и Каменца, коадьюторъ и администраторъ митрополіи цѣлой Россіи; Теодоръ Охримовичъ, Хартофилаксъ Львовской катедріи и делегатъ Клира Львовской и Острожской діецезіи; Стефанъ Левинскій, архидіаконъ Львовской катедральной церкви, делегатъ епископовъ Хелма и Владимира Волынскаго; Иларіонъ Комарницкій, докторъ теологіи, провинціальннй прокураторъ Польши, делегатъ на Конгрессѣ отъ прото-архимандріи ордена Святаго Василія великаго. Актъ, которымъ установлена подать—*subsidium charitativum*, озаглавленъ такъ: *Informacya istotna y rzetelna o danje Subsidiu charitatywi w Archydiecesyi Kijowskiej kladziesie*;—онъ собственноручно скрѣпленъ подписями прописанныхъ делегатовъ и хранится при дѣлахъ архива Кіев. Консистеріи за 1786 г. № 38.

всякаго рода податей, Посполитая рѣчь, по обычному своему непостоянству, утвердила *subsidium charitativum* въ предѣлахъ Украины и постановила отъ блага духовенства ежегодно взывать въ коронное казнохранилище по 10556 польскихъ злотыхъ, а отъ монашествующаго по 7146 польскихъ злотыхъ и 12 грошей, съ добавленіемъ къ этой суммѣ отъ монастырей эмеригенціи—подати на непредвидѣнные случаи—по 728 польскихъ злотыхъ и 22 гроша.

На совѣщаніи своемъ, состоявшемся въ м. Подебрахъ 12 ноября того-же 1776 года, уніатскіе делегаты сумму харитативы и эмеригенціи раздѣлили между украинскими православными и уніатскими монастырями, соотвѣтственно имущественному состоянію и достаткамъ каждаго изъ нихъ и для взысканія ея составили нижеслѣдующія табели:

Tabella, въ которой отдѣльно показывается, сколько каждый изъ греко-унитскихъ монастырей долженъ ежегодно вносить въ казнохранилище царства *subsidiū charitativū* и сколько *emerigentiae*.

Subsidiū charitativū.

Emerigentiae.

Польскихъ злотыхъ.		Грошей.		Польскихъ злотыхъ.		Грошей.	
Бѣлиловскій	303	„		22		10	
Грановскій	180	2		15		10	
Уманскій	1486	10		174		6	
Каневскій	42	„		5		„	
Лисянскій	284	21		16		20	
Овручскій	3428	6		348		10	
Тригорскій	362	1		33		4	
Всего 6086		10		615		„	

Tabella, въ которой отдѣльно показывается, сколько каждый изъ греко-неунитскихъ монастырей долженъ ежегодно вносить въ казнохранилище царства *Subsidiū charitativū* и сколько *Emerigentiae*.

Subsidiū charitativū.

Emerigentiae.

Польскихъ злотыхъ.		Грошей.		Польскихъ злотыхъ.		Грошей.	
Богуславскій	. 69	„				7	
Чигиринскій	. 46	2					

Subsidii charitativi.		Emerigentiae.	
Польскихъ злотыхъ. Грошей.		Польскихъ злотыхъ. Грошей.	
Корсунскій . . .	68 „	7	7
Лебединскій . . .	160 „	18	9
Мотронинскій . . .	160 „	18	9
Виноградскій . . .	46 2	4	„
Ржищевскій . . .	68 „	7	7
Онуфриевскій Жа- ботинскій . . .	77 „	7	25
Медведовскій . . .	77 „	7	„
Трехтомировскій . . .	66 „	7	7
Бершадскій . . .	69 „	7	7
Всего . . . 906 4		92	18

А отъ всѣхъ грекоунитскихъ и неунитскихъ монастырей въ каждый годъ въ казну царства должно поступать . . . 7146   12   728   22

Въ прописанныхъ табеляхъ греко-унитскіе делегаты обозначали, какую сумму харитативы и эмеригенціи должны были вносить въ казнохранилице царства отдѣльно каждый изъ украинскихъ монастырей. Что же касается православныхъ украинскихъ священниковъ, то распределеніе харитативы между ними предоставлено было личному усмотрѣнію, или вѣрнѣе произволу имѣвшихъ быть назначенными сборщиками ея.

По распоряженію Радомысльской уніатской консисторіи, послѣдовавшему 20 декабря 1776 года, сборъ харитативы долженъ былъ начаться съ православныхъ украинскихъ священниковъ и порученъ былъ слѣдующимъ украинскимъ дзѣканамъ: Брацлавскому Іоанну Разворовичу въ протопопіяхъ—Брацлавской, Чечельницкой, Винницкой, Рашковской, Кальницкой и Шаргородской; Уманскому Игнатію Маркевичу въ протопопіяхъ Торговицкой, Уманской и Краснянской; Корсунскому Іоанну Абраменко въ протопопіяхъ Корсунской, Смѣлянкой и Ольшанской; Бѣлоцерковскому Михаилу Рубановичу—въ протопопіяхъ Бѣлоцерковской, Ставиской, Пятигорской и Фастовской; Мошенскому Іосифу Гдишицкому въ протопопіяхъ Мошенской, Черкасской и Чигиринской. Эти дзѣканы слишкомъ усердно

принялись за исполненіе возложенной на нихъ обязанности, тѣмъ болѣе, что, не имѣя надъ собою никакого контроля, безнаказанно не только увеличивали, когда хотѣли, сумму харитативы, но собирали ее съ однихъ и тѣхъ же священниковъ по два и даже по три раза, особенно если послѣдніе имѣли неосторожность потерять выданныя имъ квитанціи. Брацлавскій протопопъ Василій Мокрицкій въ репортѣ своемъ, поданномъ 20 февраля 1777 года преосвященному Иларіону, епископу Переяславскому, писалъ, что дѣйканъ Разворовичъ отъ священниковъ малыхъ приходоу ежегодно взымалъ по два и по три рубля, отъ священниковъ же большихъ приходоу по четыре и по пять рублей. Завѣдывавшій Смѣлянскою и Ольшанскою протопопіями Чечельницкій протопопъ Лука Романовскій 20 марта 1778 года репортовалъ тому-же преосвященному, что дѣйканъ Мошенскій Гдишицкій вымогалъ *subsidiū charitativū* отъ однихъ священниковъ по пяти рублей, а отъ другихъ по семи и больше. Изъ репорта намѣстника Бѣлоцерковской протопопіи іерея Василя Стефановича, поданнаго 13 марта 1778 года, видно, что Бѣлоцерковскій дѣйканъ Михаилъ Рубановичъ *subsidiū charitativū* взымалъ отъ православныхъ священниковъ по шести и больше рублей. Такъ-же точно, по распоряженію офиціаловъ Примовича и Любинскаго, поступали и другіе уніатскіе дѣйканы. Въ меморіалѣ, лично поданномъ 8 генваря 1779 года польскому королю священниками Стоцкимъ и Зеленкевичемъ, уполномоченными отъ лица всего православнаго украинскаго духовенства, между прочимъ, прописано: „*Subsidium charitativum* неуніатское духовенство аккуратно выплачивало, если имѣло возможность и достатки, и никогда не сопротивлялось экзекуторскимъ властямъ. Между тѣмъ въ прошломъ 1778 году, по приказанію ксендза Любинскаго, офиціала Брацлавскаго, при содѣйствіи компутовыхъ жолнѣровъ, во всемъ Брацлавскомъ воеводствѣ силою вырвано у насъ отъ кого 15 рублей, отъ кого десять, а отъ кого восемь ради убожества. Вырывали отъ насъ деньги, а квитанціи давали намъ менѣе, чѣмъ на половину. И горе было тому изъ насъ, кто терялъ такія квитанціи.... Уніатскіе офиціалы Примовичъ и Любинскій и подвѣдомые имъ

дѣбаны, вымогая отъ насъ *Subsidium charitativum*, сколько хотятъ, богатѣютъ, роскошествуютъ и отъ собранныхъ съ насъ экзекуціями денегъ отдають въ ростъ одни по десять, а другіе по полтора ста тысячъ злотыхъ“.

Какимъ образомъ уніатскіе официалы и дѣбканы могли богатѣть, толстѣть, роскошествовать и дѣлаться ростовщиками,— это пояснилъ намѣстникъ Корсунской протопопіи, іерей Андрей Вартминскій въ доношеніи своемъ, поданномъ 3 мая 1780 года преосвященному Иларіону. Въ этомъ доношеніи показано, что „отъ священника села Неморожи взыскано *Subsidii charitativi* и другихъ платежей — катедратака и экспенсу за св. миро 157 руб., отъ священника Лисянской Георгіевской церкви 51 руб., отъ священника Лисянской Вознесенской церкви 46 руб. 50 коп., отъ священника Лисянской Успенской церкви 58 руб., отъ священника села Бужанки 208 руб., отъ священника Стеблевскаго 105 руб., отъ священника Горностаевского 109 руб., отъ священника села Яблоновки 23 руб., отъ священника села Журжинецъ 106 руб., отъ священника села Дучиной 67 руб. 50 коп., отъ священника села Юзефовки 104 руб., отъ священника села Щербатинецъ 104 руб. 50 коп., отъ священника мѣстечка Стеблева 120 руб. 20 коп. и т. д.“.

При взысканіи *Subsidii charitativi* и другихъ платежей въ такихъ значительныхъ размѣрахъ уніатскіе дѣбканы довольно часто прибѣгали къ разнаго рода разорительнымъ неистовствамъ и самымъ тиранскимъ истязаніямъ. Снизшемъ нѣсколько образцовъ тиранскаго взысканія *Subsidii charitativi* изъ хранящихся въ архивѣ кіевской духовной консисторіи реестровъ и вѣдомостей, поданныхъ переяславскому епископу Иларіону 1778—1781 года православными украинскими протопопами и хранящихся (въ копіяхъ) въ архивѣ кіевской духовной консисторіи.

„1778 года іюня 22 дня дѣбканъ Разворовичъ, ѣздя съ компутовыми команды полковника Роха Іерлиха выбирать *Subsidium charitativum* отъ православныхъ священниковъ, набѣгъ на домъ Летковскаго священника Онуфрія Лозѣнскаго и началъ требовать отъ него пяти рублей, за неимѣніемъ же оныхъ приказалъ онаго бить плетью такъ тиранско, что онъ весь кровью

подплылъ и до тѣхъ поръ билъ, пока братчики увидя, что въ священникѣ мало дыханія остается, вызычили церковныхъ три рубля и дали Разворовичу, который, получивши деньги, пересталъ мучить, лишивши совсѣмъ здоровья священника“.

„Того же 1778 года и мѣсяца дзѣканъ Разворовичъ съ кэмпутовыми, выправляя *Subsidium charitativum* въ селѣ Кошаринцахъ у священника Василя Пухальскаго, за неимѣніемъ тогда у него денегъ, велѣлъ его какъ мертвечину какую волочить по цѣлому двору и волочилъ до тѣхъ поръ, пока ему не выданы были два червонцы ¹⁾“.

„Того же года и мѣсяца наѣхавшій въ мѣстечко Красное униатскій дзѣканъ упомянутый Разворовичъ съ товарищемъ польскимъ по прозванію Броднѣцкимъ и четырьмя шеренговыми для отобранія отъ священниковъ православныхъ податковъ, зовомыхъ *subsidium charitativum*, напалъ вопервыхъ на домъ викарнаго тамошняго священника Петра Зборовскаго, у котораго требовалъ денегъ 20 руб., и какъ онъ священникъ не могъ столько денегъ выстачить, то онъ Разворовичъ съ товарищемъ Броднѣцкимъ приказали шеренговымъ его бить, которые шеренговые, порвавши ему на головѣ и бородѣ волосы, били жестоко палками стоячаго, а потомъ поваливши долѣ, до тѣхъ поръ лозами били, пока онъ безъ памяти сталъ, что увидѣвши самъ товарищъ Броднѣцкій отъ Разворовича его оборонилъ и не допустилъ въ смерть убить, притомъ же повелѣлъ 8 руб. дать, какъ же онъ священникъ, давъ 5 рублей, попросилъ, чтобъ отпустили его гдѣ нибудь три рубля позычить, то и отпущенъ былъ съ шеренговыми въ мѣстечко, которые шеренговые за то, что не тотчасъ досталъ денегъ, били и паки по щекамъ, ногами топтали, наконецъ какъ досталъ уже денегъ, то шеренговый, сѣдши на него, приказалъ везти себя чрезъ мѣстечко до самой квартиры, которая была разстояніемъ отъ мѣстечка версты на полторы. Отъ тиранскихъ побоевъ и мученій помянутый священникъ, девять мѣсяцевъ болѣзнуя на грудь, умеръ“.

„Того-жь 1778 года іюня 26 дня помянутый дзѣканъ Разворовичъ въ мѣстечкѣ Красномъ съ вышеписаннымъ товарищемъ

¹⁾ Изъ вѣдомости, представленной протопопомъ Лукою Романовскимъ.

Броднѣцкимъ, нападши на домъ викарнаго священника Іакова Сецѣлѣнскаго, приказалъ съ строгостію для *subsidium charitativum* дать девять рублей, а какъ онъ священникъ сказалъ, что не имѣеть денегъ, то онъ Разворовичъ приказалъ шеренговымъ взять его за волосы и бороду и водить по мѣсту до тѣхъ поръ, пока не достанетъ помянутыхъ 9 рублей, которые жолнѣры четыре раза за волосы провели его чрезъ мѣсто, притомъ же били жестоко палкою по спинѣ, потомъ дуломъ столь крѣпко подъ грудьми збили, что онъ въ томъ мученіи два раза сомлѣлъ,— что видячи тамошніе прихожане сложили оныя деньги отъ себя, и какъ принесъ прихожанинъ до Разворовича оныя, то приказалъ его шеренговымъ разложивши бить жестоко, говоря, „на что ты за него вѣру платишь“, а потомъ пусти прихожанина домой, схватилъ въ избу священника, велѣлъ тоже разложить и бить жестоко палкою, въ коемъ побоѣ здѣлалъ ему близко ста ударовъ, отъ которыхъ побоевъ и мученій онъ священникъ едва живъ остался¹⁾.

Села Лотошова священникъ Θεодоръ Демковичъ такъ описываетъ свои обиды при истребованіи отъ него *subsidiū charitativi*: „сего 1780 года іаннуарія 12 дня уніатскій парохъ Зелѣнскій наѣхалъ ко мнѣ на ночь съ козаками на закуцію, которые козаки многія обиды мнѣ поробили, посудокъ весь въ дому моемъ поразбивали, и дѣтей моихъ порозгоняли, и мене самого порывались бити и, замѣряючись на мене палицею, Зелѣнскій по иконѣ Божіей Матери два раза ударилъ, которому я взялъ говорить такъ: когда имѣешь такую волю, то меня бій или убій, а иконы не бій; а они взяли мене ругати псяюхою, и псіюю вѣрою называли, и инако сквернословили, страву и мясо, що не могли повыѣдати, на землю бросали и ногами топтали, а другую страву принуждали варити и, стрѣляючи въ хатѣ, грубу разбили, хлѣбъ въ снопахъ пораскидали и молоченаго хлѣба корчевъ четыре спасли, да еще Зелѣнскій отъ мене 13 іаннуарія взялъ 20 рублей: Того-жъ мѣсяца 14 дня той же Зелѣнскій взялъ отъ мене 10 рублей; мѣсяца февраля 7 дня той

¹⁾ Изъ вѣдомости, представленной преосвященному Илаціюу 20 августа 1779 года правителемъ Краснянской протопопіи Петроу Стефановичемъ.

же Зелѣнскій взялъ отъ мене 19 рублей, и притомъ были громадскіе люди. Козаки же взяли отъ мене гривень пять, да горилки и меду рублей на два выпили, а Зелѣнскій взялъ годованаго кабана и новую шкуру лисицы“.

Села Богачевки священникъ Петръ Василевичъ такъ репортоваль о своихъ обидахъ: 1780 года іаннуарія 16 числа внезапно прибыли уніатскіе парохі Курошъ и Кульчицкій съ козаками и стали требовать отъ меня *Subsidii charitativi* и другихъ податковъ 189 рублей; а какъ я сталъ отказываться, что денегъ не имѣю, то они заразъ сурово стали поступать и бранить меня мерзко, горилку и медъ съ корчмы носить и пить стали, музыку привели, стали скакать, стрѣлять, въ хатѣ горшки бить, куры душить, заставляли варить, слугъ и дѣтей моихъ розогнали, а мене и попадаю подъ арестомъ держали, ругаясь намъ безмилосердно, постель всю на землю поскидали, водою ее поливали и по оной скакали, попадаине хутро, подшитое бѣлыми зайцами, порвали, потоптали и водою поливали, а дверьми такъ стали стучать, что и глина на стѣнахъ отвалилась, и разныя пакости дѣлали, и весь домъ разорили, лошадамъ своимъ сѣна и овса по цѣлому двору понакидали. А потомъ они принесли сѣна въ комнату и съ курячимъ перьемъ запалили, а мене въ комнатѣ заперли и двери затушковали ряднами, потомъ еле живаго выпустили и, прорѣзавши въ лубку дыру и сквозь оную протягли крайніе мои уды тѣлесныя шнуркомъ, стали водить мене по селу на поруганіе и соблазнъ. Послѣ всего того взяли мои лошади и меня повезли до отца Θεодора Звенигородскаго и тамъ мнѣ многія пакости чинили, а потомъ повезли мене до отца Петра Звенигородскаго и тамъ двѣ noci и день такожъ сѣномъ и гноемъ курили и тютюнъ заставляли кришить, а отгуду повезли въ Юровку до комисара и тамъ громада Богачевская, видячи мою биду, сложила въ позыку требуемыя отъ мене платежи и отдала экзекуторамъ, которые однако квитанціи не захотѣли выдать.

Священникъ Звенигородской Преображенской церкви, по поводу взысканія съ него *Subsidii charitativi*, такъ описываетъ свои обиды: „сего 1780 года іаннуарія 16 числа уніат-

скіе порохи Курошъ и Кульчицкій съ козаками, въ небытность мою въ дому, вымогали отъ пощады моей сто чотыредесять руб. а за неимѣніемъ денегъ такъ экзеквовали: приказали козакамъ разбивать горшки и мыски, убивать гуси и индыки, а потомъ велѣли нанести гною изъ сѣна въ избу мою и, зачинивши въ избѣ пощаду мою, тотъ гной запалить. Въ томъ куреніи пощада моя гвалту кричала и, отъ дыму удушившись, упала на огонь, аки мертва, ничего нечувствуя. Люди же, видя такое мученіе, близъ смерти бывшее, черезъ великое моленіе и усилованіе вырвали зъ огня жену мою и ледви на дворѣ черезъ полчаса снѣгомъ въ чувство привели ее. Потомъ тѣже козаки снова жену мою въ избу впроводили и паки почали дымомъ курить и принудили ее идти до пана Маршущаго, у котораго она позычила рублей 70 и отдала парохамъ а въ рещту упрохалась до моего приѣзду“.

„Въ добрахъ ясновельможнаго Феликса Солтыка, старосты Звенигородскаго, въ вси Еркахъ священнику Трофиму отъ униатскаго пароха Куроша и сообщниковъ его Сосѣмовскаго и Кульчицкаго при взысканіи Харитатывы такія разныя мученія нанесены, которыя только отъ давнихъ мучителей идолопоклонниковъ чинились и въ писаніяхъ жгтій мучениковъ обрѣтаются, о чемъ пунктовально и запись слѣдуетъ:

1. Какъ скоро набѣгли на домъ мой, заразъ позабыли ключи отъ обоихъ шпиклировъ и почали пашню конямъ носить и зъ медомъ-патокою мѣшать.
2. Отъ орандаря разныя напитки послали, пили разливали по хатѣ и самими напитками даже и коней поили.
3. Повбиравшись экзекторскіе козаки въ мою одежду по селу ходили и, ругаючись, мовляли до людей: ходите до насъ благословенія прохаты, бо мы—благочестивые попы, у своего жъ попа не берить благословенія, бо винъ жидъ, а не пипъ.
4. Тѣ же самыя подушки, которые подъ кони клали, повкидали въ бочки и буряковымъ квасомъ пообливали.
5. Посадивши меня между собою, скверныя басни выкрикали.

6. Когда ти басни выкрикували, единъ козакъ, узявши мене за бороду, и другій за усы, ротъ мой роздырали, а третій козакъ дымъ изъ люльки въ ротъ мой пускалъ.

7. Увязавши за тайный удъ мотузомъ, вѣшали мене до жердки и, когда я висѣлъ, кіями въ бока мои штурхали и мовляли такъ: „нехай тебе, благочестивче, ваша осударыня зъ нашихъ рукъ вызволяє“.

8. Отвязавши мене отъ жердки, надыгли на мене два кожуха, мене за пичъ захпали, а тимъ часомъ почали конскимъ гноемъ курить идо того мовили: „пей, благочестивче, вино, котораго вамъ Катерина, ваша осударыня, наварила“.

9. Увидѣвши мене почти уже удушеннаго, окна и коминъ порозбивали.

10. Послѣ разныхъ мученій мене хотѣли взять еще въ неволю, а чтобъ не взяли, то дѣти мои дали имъ готовыхъ денегъ рублей 18.

11. А потомъ шукаючи причины на моихъ дѣтей, едного сына моего узяли у неволю, у котораго вымучили рублей 12, кромѣ иныхъ експенсовъ“.

Эти антики уніатскихъ неистовствъ внесены въ вѣдомость, составленную 3 августа 1780 года намѣстникомъ Корсунской протопопіи Андреемъ Вартминскимъ и представленную переславскому Епископу Иларіону.

Всѣ православные украинскіе протопопы и священники терпѣливо переносили всякаго рода тиранства и неистовства экзекуторовъ, собиравшихъ харитатыву. Но въ Жаботинскомъ ключѣ Чигиринской протопопіи, по распоряженію Мошенскаго уніатскаго дзѣкана Іосифа Гдишицкаго, уніатскіе парохи села Прусь Журавскій и Цариковскій и села Пляковки Заіончковскій вздумали замѣнить денежную харитатыву женами и взрослыми дочерьми совершенно несостоятельныхъ священниковъ Куликовскаго, Головятинскаго, Ревовскаго и Яровецкаго. Такая замѣна не осталась безнаказанною для виновниковъ ея. Экзекуторскій поѣздъ, нагруженный живымъ товаромъ, медленно двигался дорогою мимо Жаботинскихъ церковныхъ полей, на которыхъ многолюдною толокою, въ началѣ іюля 1779 года,

собиралъ свои поѣзды Жаботинскій крестовый протопопъ Григорій Тимофеевичъ Орловскій. Повязанныя веревками жертвы униатскаго неистовства стали кричать „ратуйте, хто въ Бога вѣруе“. Заслышавши отчаянный вопль и окруживши съ своими рабочими эзекуторскій поѣздъ, отецъ Орловскій повязанныхъ священническихъ женъ и дочерей освободилъ, а надъ парохами сперва поглумился, смазавши лица ихъ смолою, а потомъ каждому изъ нихъ велѣлъ отсчитать батошьемъ по достаточному числу ударовъ. Отпуская пароховъ, Орловскій присовокупилъ: „теперь всякій, хто васъ забачить, то заразъ пизнае по вашимъ харямъ, що вы збираете харитативу“, и велѣлъ клацаться Мошенскому дзѣкану, „что и его привелебіе такой же харитативы достане, якъ понавдається до Жаботина“.

Расправа съ униатскими парохами не прошла даромъ протопопу Орловскому. Эти парохы рѣшились отмстить ему самымъ безчеловѣчнымъ образомъ. Пригласивши польскихъ жолнѣровъ, они въ сентябрѣ того же года неожиданно напали на домъ Орловскаго и, предавши огню все его имущество, его самого тяжко изувѣчили и потомъ рѣшились было бросить въ огонь. Впрочемъ замыселъ ихъ не былъ исполненъ, благодаря прибытію на пожаръ князя Любомірскаго, который властію своею спасъ жизнь изувѣченнаго и приговореннаго къ сожженію. Спустя 14 лѣтъ послѣ этого печальнаго случая въ своей жизни, протопопъ Орловскій совмѣстно съ игуменомъ Лебединскаго монастыря Даніиломъ воссоединилъ униатовъ Житомирскаго Округа.

Православные украинскіе монастыри въ теченіе пяти лѣтъ (съ 1776—1781) отказывались отъ взноса *Subsidii charitativi* и *Emerigentiae*, но наконецъ и они привлечены были къ этому взносу постановленіемъ Люблинскаго Провинціального сейма, послѣдовавшаго 2 мая 1781 года. Постановленіе это въ переводѣ на русскій языкъ читается такъ: „поелику подать *Subsidium charitativum* и *Emerignetia* Варшавскимъ конгрессомъ наложена на всѣ, безъ исключенія, монастыри Кіевской архидіецеѣи, а между тѣмъ законники неупиты въ теченіе ис-

текшихъ пяти лѣтъ уклонялись отъ взноса этой подати и ее за нихъ и за себя, боясь военной эзекуціи, уплачивали до Короннаго скарбу законники униатскихъ монастырей, и такъ какъ послѣдніе протестовали, предъ кѣмъ слѣдовало, о своихъ прошедшихъ и будущихъ убыткахъ въ этомъ дѣлѣ, то по этой причинѣ и состоялось постановленіе Посполитой Рѣчи о взысканіи *Subsidii charitativi* и *Emerigentiae*, за истекшіе пять лѣтъ, съ cadaго изъ неунитскихъ монастырей Кіевской архидіецезіи. А какая сумма сей подати должна быть взыскана отдѣльно съ cadaго изъ сихъ монастырей за истекшіе пять лѣтъ—это показывается въ ниже слѣдующей табеллѣ“.

	Subsidii charitativi.		Emerigentiae.		А всего.	
	Польскихъ злотыхъ.	грошей.	Пол. зл.	гр.	Пол. зл.	гр.
Отъ Богуславскаго	345	„	36	5	381	5
— Чигиринскаго	230	10	20	„	250	10
— Корсупскаго	340	10	36	5	376	15
— Лебединскаго	800	„	91	15	891	15
— Мотронинскаго	800	„	91	15	891	15
— Мѣшенскаго	800	10	91	15	891	25
— Виноградскаго	230	10	20	„	250	10
— Ржищевскаго	340	20	36	5	376	25
— Св. Онуфріевск.						
Жаботинскаго	385	„	39	5	424	5
— Медведовскаго	385	„	39	5	424	5
— Терехтемировскаго . . .	330	„	35	„	365	„
— Бернадскаго	345	„	36	5	381	5
Всего					5904	15

„Прописанные греко-неунитскіе монастыри, состоящіе въ Кіевской архидіецезіи на Украинѣ, обязательно приглашаются къ уплатѣ за всѣ истекшіе пять лѣтъ въ Коронный скарбъ за леглую за ними подать—*Subsidium charitativum* и *Emerigentiam* каждый въ той суммѣ, которая выше обозначена и которая за нихъ уже внесена греко-унитскими монастырями той же архидіецезіи“.

„Истребованіе таковой суммы, т. е. 5904 польскихъ злотыхъ и 15 грошей и притомъ при помощи военной экзекуціи, если это окажется нужнымъ, государственною комиссіею поручается произвести въ теченіе текущаго года пречестному отцу Іустину Погорлецкому, суперіору и миссіонеру Лисянскаго монастыря. Для большаго вѣса и вѣры настоящая информация моею собственною рукою подписывается съ приложеніемъ большою государственной печати. Люблинъ мая 2 дня 1781 года.

Орестъ Нахимовичъ, Секретарь Польской Короны“.

Упомянутый суперіоръ Погорлецкій, получивши прописанную информацию, немедленно объѣхалъ всѣ украинскіе православные монастыри и, сообщивши игуменамъ копию ея, приказалъ имъ, съ угрозою военной экзекуціи, притотовить къ 8 сентября 1781 года, для взноса ему ту сумму *Subsidii charitativ* и *Emerigentiae*, какая показана въ информации.

Опасаясь военной экзекуціи, которая всегда сопровождалась безошаднымъ грабежомъ и разореніемъ монастырей, игумены Чигиринскаго, Лебединскаго, Мотронинскаго, Мошенскаго, Виноградскаго, Онуфріевскаго (Жаботинскаго), Медведовскаго, Терехтемировскаго и Бершадскаго монастырей послѣшили къ назначенному сроку приготовить и выдать Погорлецкому за истекшіе пять лѣтъ, какъ *Subsidium charitativum*, такъ и *Emerigentiam*, чѣмъ предотвратили отъ ввѣренныхъ имъ монастырей военную экзекуцію со всѣми ея послѣдствіями. Но не такъ поступили игумены Богуславскаго монастыря Анемподистъ, Корсунскаго Онуфріевскаго—Елеазаръ и Ржищевскаго—Ареадій. Считая потребованную отъ нихъ подать нарушеніемъ вѣчнаго трактата (1768) г.) Россіи съ Польскимъ Королевствомъ, они рѣшились, для защиты отъ нея, обратиться съ своими просьбами къ преосвященному Иларіону, епископу Черыяславскому. Починъ въ этомъ дѣлѣ учинилъ игумень Богуславскаго монастыря, тѣмъ болѣе, что суперіоръ Погорлецкій ему первому изъ украинскихъ игуменовъ вручилъ копию выше-прописанной информации Люблинскаго сейма.

10 іюля 1781 года игумень Анемподистъ съ нарочнымъ іеромонахомъ послалъ преосвященному Иларіону слѣдующее про-

шеніе: сего іюля 8 дня прїѣздилъ въ монастырь Богуславскій суперіоръ Іустинъ Погорлецкій съ объявленіемъ Королевскаго расположенія о взысканіи *Subsidii charitativi* зо всѣхъ монастырей, наченши отъ Овруцкаго даже до Чигринскаго, не минуя ни униатскихъ, ни благочестивыхъ по всей Украинѣ обрѣтающихся, въ которомъ расположеніи за пять годъ положено на мой монастырь Богуславскій польскою монетою 381 злотый и грошей 5, и того російскою монетою пятьдесятъ семь руб. семнадцать копѣекъ съ половиною. И означенныя деньги на столъ Короля польскаго опредѣлено означенному суперіору Іустину Погорлецкому збирать со всей Украины зъ монастырей, по диспозиціи митрополита Іассона Сморгжевскаго, и положень срокъ до прїйдучаго сентября 8 числа. Сего страшнаго оклада я не надѣялся быть никогда, и за скудостію моего монастыря не только означенной суммы, но ни единого рубля въ казнѣ монастырской на лицо не имѣется; буди же означеннаго оклада къ показанному сроку не будетъ, то экзекуція королевской команды прислана быть имѣеть. И въ такомъ горестномъ состояніи и приключеніи донося вашему преосвященству, прошу милостиваго архипастырскаго защищенія и наставленія въ непродолжительномъ времени, дабы за неполученіемъ резолюціи не довелось монастырю моему разоренія.

Такого же содержанія прошенія 23 числа тогоже іюля поступили къ преосвященному Іларіону и отъ игуменовъ Ржищевскаго и Корсунскаго съ тѣмъ только различіемъ, что Корсунскій игумень къ концу прошенія своего присовокупилъ: Корсунскій монастырь издревле есть православный... и подъ окладомъ, собираемымъ на униатскихъ митрополитовъ, никогда не былъ, особливо же на столъ Королевскій збору никогда не было, да и нынѣ собирается не на Королевскій столъ, а только подъ протекстомъ Королевскаго стола на митрополита Сморгжевскаго.

По заслушаніи прошеній, поступившихъ отъ игуменовъ Богуславскаго, Ржищевскаго и Корсунскаго, Переяславская духовная консисторія 26 іюля послала къ нимъ и къ игуменамъ прочихъ православныхъ украинскихъ монастырей указы слѣдующаго

содержанія: по указу Ея Императорскаго Величества въ духовной Переяславской Консистоіи заслушаны доношенія игуменовъ Богуславскаго, Корсунскаго и Ржищевскаго, что суперіоръ Іустинъ Погорлецкій, сего іюля бывши во всѣхъ 'православныхъ украинскихъ монастыряхъ, объявлялъ расположеніе, отъ уніатскаго митрополита Іассона Смогоржевскаго ему данное, о собираніи со всѣхъ уніатскихъ и православныхъ монастырей и церквей, на Украинѣ состоящихъ, якобы на столъ Королевскій денсжнаго оклада... означивъ притомъ для выстатченія онаго оклада срокъ сего года 8 сентября неотмѣнно, съ тѣмъ, что если на тотъ срокъ выстатченъ не будетъ, то экзекуцію Королевскаго войска имѣеть быть взысканъ: а понеже въ вѣчно заключенномъ отъ Россіи съ Польскимъ королевствомъ трактатѣ, въ актѣ первомъ сепаратномъ, артикулѣ второмъ, параграфѣ седьмомъ по прочемъ узаконено такъ: отъ платежа, во злоупотребленіе вшедшаго и называемаго *jus Stolae*, диссиденты и греки неуниты увольняются вовсе, и римскія духовныя власти ни подъ какимъ видомъ никакого платежа требовать не должны, для того съ резолюціи его преосвященства приказали: предложить вамъ указомъ и предлагается съ тѣмъ, что какъ вашъ монастырь издревле есть православный и кромѣ своей власти болѣе никакой не подлежитъ, то и окладу суперіоромъ Погорлецкимъ требуемаго давать по силѣ прописаннаго узаконенія вовсе не слѣдуетъ,—чѣмъ и защищаться и чинить по сему Ея Императорскаго Величества указу.

Того же 26 іюля за № 117 преосвященный Іларіонъ отправилъ въ Св. Синодъ слѣдующее доношеніе: „Сего года 13 апрѣля заграничный Чигиринскій протопопъ Максимъ Левитскій представилъ мнѣ доношеніемъ, что пѣякійсь уніать Іосифъ Гдишицкій, именующійся Чигринскимъ и Мошенскимъ дзѣканомъ, разослалъ отъ имени уніатскаго митрополита Іассона Смогоржевскаго печатный универсалъ по всѣмъ православнымъ церквамъ, требуя по оному таковажъ исполненія, какъ предписано въ немъ по уніатскимъ приходамъ, чѣмъ де все священство православное приведено въ крайнее смущеніе. Равнымъ образомъ и по всѣмъ православнымъ монастырямъ па

Украинѣ разосланъ универсалъ таковой же. Сего жь іюля отъ монастырей Богуславскаго, Корсунскаго и Ржищевскаго представлено особыми доношеніями, что Лисянскаго монастыря суперіоръ Іустинъ Погорлецкій, самъ будучи въ оныхъ монастыряхъ, объявлялъ копію расположенія отъ митрополита онаго Іассона Смогоржевскаго о собираніи со всѣхъ украинскихъ униатскихъ и православныхъ монастырей якобы на столъ королевскій суммы за пять истекшихъ лѣтъ и срокъ означилъ до 8 слѣдующаго сентября, съ тѣмъ что если въ то число таковъ окладъ положенный отданъ не будетъ, то де имѣеть быть взыскапіъ строжайшею королевскаго войска экзекуціею. А какъ въ учиненномъ 1768 года трактатѣ акта перваго сепаратнаго, артикула 2 по 7 параграфу точно заключено, что отъ платежа, во злоупотребленіе вшедшаго и называвшагося *ius stolae*, диссиденты и греки неуниты увольняются вовсе, и римскія духовныя власти ни подъ какимъ видомъ никакого платежа требовать не должны; то хотя жалующимся и приказано отъ меня онымъ защищаться постановленіемъ, но что униатскія на православныхъ стремленія, въ противность всѣхъ законовъ, безъ всякаго уваженія дерзновенны; затѣмъ оныя универсалъ митрополитанскій и доношенія помянутыхъ монастырей и Чигиринскаго протопопа самыя подлинныя подъ милостивое Святѣйшему Правительствующему Синоду разсмотрѣніе и резолюцію всенижайше у сего прилагаю⁴.

На репортъ преосвященнаго Иларіона Св. Синодъ указомъ своимъ отъ 17 сентября 1781 г. за № 1883 отвѣтилъ, что „универсалъ митрополита Смогоржевскаго и прошенія игуменовъ Богуславскаго, Корсунскаго и Ржищевскаго отосланы въ Коллегію иностранныхъ дѣлъ на примѣчаніе при указѣ, дабы оная къ защищенію паходящагося въ Польшѣ православнаго духовенства отъ чинимыхъ ему униатами притѣсеній и насильственныхъ несносныхъ поборовъ не оставила, чрезъ кого слѣдуетъ, употребить возможныя мѣры, по своему благоизобрѣтенію“.

Копію сего Синадальнаго указа Переяславская Консисторія при своемъ указѣ отъ 31 октября 1781 года за №№ 155—

175 разослала во всѣ украинскіе православныя монастыри и духовныя правленія. Одновременно съ тѣмъ Консисторія сообщила во всѣ украинскія духовныя правленія и копію своего указа, посланнаго украинскимъ игуменамъ 26 іюля 1781 г.

Указы, разосланные Переяславскою Консисторіею, не защитили ни бѣлаго, ни монашествующаго духовенства отъ взысканія *Subsidii charitativi*. Въ репортѣ, поданномъ 10 февраля 1782 года въ Переяславскую Консисторію, игумень Богуславскаго монастыря Анемподистъ взысканіе *Subsidii charitativi* и *Emergentiae* съ вѣреннаго ему монастыря такъ описалъ: „сею 1782 г. генваря 22 числа суперіоръ Погорлецкій, при немъ офицеръ польскій Казимѣръ Рублевскій, два жолнѣры и четыре служители, прибывъ прямо въ мой монастырь съ повозками и лошадьми и только что повидѣвшись со мною въ келии, тотчасъ офицеръ съ шумомъ и бранью вездѣ пошелъ по монастырю и, расположивъ около церкви свой поѣздъ, а жолнѣровъ и служителей по братерскимъ келиямъ, съ азартомъ воротился ко мнѣ въ келию и требовалъ выстатченія для лошадей и людей всякаго довольствія: я между тѣмъ дѣйствительно отъ суперіора увѣдомився, что онъ пріѣхалъ для взысканія вышепомянутаго оклада, внушалъ ему силу Консисторскаго указа, а особливо предлагая ему для внятія и копію Святѣйшаго правительствующаго Синода указа, изъ духовной Консисторіи полученную, защищался оными отъ оклада, яко не надлежащаго отъ монастыря, напротиву чего суперіоръ съ гордостію и презрѣніемъ сказалъ, что онъ не точію указовъ, но и трактата не уважаетъ; а офицеръ, въ великую пришедъ суровость и обращаясь по келии съ шумомъ и грубостію, означилъ въ келии моей квартиру для себя, а для суперіора въ чуланчику, мнѣ же приказалъ выбратъся вонъ. Потомъ паки вездѣ по монастырю пошедъ, всѣхъ монашествующихъ повыгонилъ изъ келій, также и скотъ монастырскій весь, съ подъ сарая выгнавъ, а свои лошади поставивъ, сѣно и овесъ, гдѣ неповидѣвъ, приказалъ брать и давать лошадямъ съ великимъ излишествомъ. И такимъ образомъ занявъ весь монастырь и отъ часу на часъ умножая помянутый офицеръ свою суровость,

привелъ меня до того, что лошадямъ фуражъ и людямъ провизию принужденнымъ былъ выстачать съ такимъ довольствіемъ, какова требовали, яко то: для десятерыхъ лошадей, кромѣ сѣна на кормъ и на постелю, брали овса на день по пять четвериковъ, для жолнѣровъ съ служителями на обѣдъ и ужинъ рыбу и мясиво за послѣдніе милостынныя деньги куповано и давано, а горѣлки не точію во время обѣда и ужина, но и чрезъ весь день, когда имъ вздумалось, тогда требовали и давано было: ибо хотя я между тѣмъ являлся въ здѣшній Богуславскій замокъ съ объявленіемъ такова нахальства и обиды и съ прошеніемъ защищенія, но и тамъ отказано съ насмѣшкою. Прописанные же суперіоръ и офицеръ, продолжая свои суровства, первый безпрестанно требовалъ отдачи денегъ, а другой, разогнавъ и послушниковъ зъ монастыря до послѣдняго человѣка, началъ употреблять на сторожу къ лошадямъ монашествующихъ: (а именно стоялъ на сторожѣ цѣлую ночь монахъ Анавія), съ произношеніемъ похвалокъ еще прибавить войсковой команды и ограбить зъ церкви святое евангеліе съ чашею, къ чему хотя суперіоръ и несоглашался, но неотступно требовалъ денегъ, однако офицеръ Рублевскій началъ было усиливаться къ тому, чтобы ограбить церковь. Какову крайность я нижайшій вида и предразсуждая, что сія обитель, всечастнымъ гоненіямъ будучи подвержена, и все свое содержаніе отъ труда рукъ, да милостыннаго подаенія имѣеть, а особливо церковь Божія самонужнѣйшими къ священнослуженію книгами, сосудами и одѣяніями снабдѣна отъ принявшихъ на себя христіановъ ктиторей имя, мимо вѣдома которыхъ естьлибы подлинно заграблены были церковныя вещи, то, кромѣ всегдашняго отъ оныхъ ктиторей нарѣканія, не лишиться бы напредки и пособія ихъ, за необходимое по общему всей братіи совѣту почелъ дать знать о томъ ктиторамъ, кои, по отличной своей къ православію ревности собрався въ монастырь и также иными къ защищенію средствами ничего не успѣвъ, согласились положить требуемый окладъ общественно отъ себя и положили всего шестьдесятъ девять рублей сорокъ копѣекъ, да на экспенсъ ихъ издержано рублей болѣе десяти. А за приня-

тіемъ денегъ суперіору и офицеру, по вымогательству ихъ, дано по рублю и жолнѣрамъ съ служителями рубля; напослѣдокъ при выѣздѣ изъ монастыря суперіоръ объявлялъ, чтобы и напредки ежегодно таковъ окладъ заготовляемъ и за востребованіемъ отдаваемъ былъ безъ всякаго прекословія, а въ случаѣ еще какова либо сопротивленія съ большею и строжайшею экзекуціею взысканнымъ будетъ. Для того духовной Переяславской Консистеріи о выше писанномъ представляя, всепокорнѣйше прошу отъ таковыхъ совѣтъ не надлежащихъ поборовъ милостиваго покровительства и благоразсмотрѣнія. Но какъ въ таковыхъ напредки случаяхъ поступать—не оставить еще снабдить въ резолюцію указомъ. По каковому же расположенію оный суперіоръ таковъ окладъ взыскалъ—прилагаю у сего точную копію информации“.

Подобнаго же содержанія доношенія объ экзекуціонномъ взысканіи *Subsidii charitativi* и *Emergentiae* въ началѣ февраля 1782 года поступили въ Переяславскую Консистерію и отъ игуменовъ Корсунскаго и Ржищевскаго монастырей.

Всѣ доношенія объ экзекуціонномъ взысканіи этой подати, какъ отъ блага, такъ и отъ монашествующаго Украинскаго духовенства Преосвященный Иларіонъ при репортахъ своихъ немедленно отправлялъ въ Святѣйшій Синодъ, откуда они чрезъ Коллегію иностранныхъ дѣлъ препровождались въ Варшаву чрезвычайному и полномочному русскому посланнику графу Стакельбергу съ предписаніемъ „здѣлать польскому королю и его непремѣнному совѣту сильнѣйшее представленіе для совершеннаго пресѣченія противозаконно взымаемаго уніатскими духовными властями палого и для поправленія всѣхъ обидъ, причиненныхъ единовѣрному духовенству отъ духовенства уніатскаго“.

Настоятельныя требованія графа Стакельберга увѣнчались успѣхомъ въ началѣ іюля 1782 года. Сообщая о таковомъ успѣхѣ, Святѣйшій Синодъ въ указѣ своемъ, послѣдовавшемъ 24 августа того же года за № 1540 на имя Переяславскаго епископа Иларіона, писалъ такъ: Святѣйшему Правительствующему Синоду Коллегія Иностранныхъ дѣлъ доношеніемъ сво-

имъ представила, что вслѣдствіе отправленнаго въ Варшаву отъ 13 іюня 1782 года рескрипта. . . . не оставилъ посоль графъ Стакельбергъ сдѣлать его величеству королю польскому и его непремѣнному совѣту сильнѣйшее представленіе для совершеннаго пресѣченія и поправленія всѣхъ обидъ, причиненныхъ заграничнымъ нашимъ единовѣрцамъ отъ уніатскаго духовенства, которое возымѣло уже желанный успѣхъ, и что для переду должно ожидать совершеннаго спокойствія православнымъ монастырямъ и церквамъ . . . и запискою отъ канцлера литовскаго Хребтовича отъ 8 іюля 1782 года дано предписаніе уніатскому митрополиту Смогоржевскому, дабы никакая подать подъ названіемъ *Subsidium charitativum*, или подъ инымъ какимъ, не была собираема уніатскимъ духовенствомъ съ монастырей и церквей неунитскихъ . . . . и что митрополитъ Смогоржевскій, по моему приказу, велитъ прото-архимандриту Моргульцѣ принудить суперіора Погорлецкаго не токмо ничего не требовать отъ монастырей неунитскихъ подъ именемъ *Subsidii charitativi* и *Emergentiae*, но и возвратитъ помянутымъ монастырямъ при свидѣтеляхъ все полученное имъ отъ нихъ. . . .”

Принудилъ ли протоархимандритъ Моргулецъ суперіора Погорлецкаго возвратитъ православнымъ украинскимъ монастырямъ взысканную отъ нихъ за пять лѣтъ Харитатъву и Эмеригенцію—въ дѣлахъ консисторскаго архива свѣдѣній объ этомъ мною не найдено. Что же касается блага православнаго украинскаго духовенства, то о возвращеніи взысканной отъ него харитатъвы съ 1776—1782 годъ ни слова не сказано въ приказѣ канцлера Хребтовича, 8 іюля 1782 года послѣдовавшемъ на имя митрополита Смогоржевскаго. Предполагаемъ, что православное украинское духовенство, по справедливому выраженію протопопа Максима Левитскаго ¹⁾ „совершенно ободранное, ограбленное, обнаженное, лишенное даже своего хлѣба и состоявшее въ большихъ долгахъ“, и не рѣшалось поднимать во-

¹⁾ См. доиошеніе его преосвященному Пларіону отъ 9 декабря 1778 г., напечатанное 1891 г. въ Подол. Епарх. вѣд. въ моей статьѣ: матеріалы для исторіи православія въ Брацлавъ воеводство съ 1776—1782 г.

прось о возвращеніи ему взысканной съ него харитативы уніатскими офіціалами и дзѣканами, которые въ этой подати нашли для себя „источникъ обогащенія и роскоши“, какъ засвидѣльствовали священники Стоцкій и Зелѣнкевичъ въ своемъ меморіалѣ, поданномъ польскому королю въ ноябрѣ 1778 года.

Прот. Петръ Орловскій.

КІЕВЪ ТРИСТА ЛѢТЪ НАЗАДЪ.

Способъ заселенія Новаго Кіева и обороны бывшей столицы кіевского княжества отъ всякой опасности безъ обремененія его величества короля и безъ затратъ для короны польской, объясненный господамъ посламъ будущаго краковскаго сейма¹⁾.

Сочиненіе Іосифа Верещинскаго, Божією милостью епискупа Кіевскаго, аббата Сѣцьковскаго²⁾.

Милостивые государи братья! Отъ всего сердца желаю Вамъ милости и безопаснаго покоя въ Новомъ Году отъ Бога Отца и Господа нашего Іисуса Христа, который предалъ себя за грѣхи наши, чтобы освободить насъ отъ имѣнншаго злаго свѣта, по волѣ Бога и Отца нашего.

Имѣя въ виду, милостивые государи братья, свою присягу, которою я присягнулъ моему Государю совѣтовать и препираться при каждой бѣдѣ, угрожающей Рѣчи-Посполитой, и не желая быть клятвoprеступникомъ, я счелъ нужнымъ и умѣстнымъ, по обязанности сенатора, сообщить Вамъ о громадной опасности, угрожающей отъ пограничныхъ непріятелей столицѣ славнаго нѣкогда княжества Кіевскаго. При нашей заспанности и нерадивости мы доведемъ ее рано или поздно до полнаго отчаянія. Поэтому необходимо и своевременно, чтобы Вы, милостивые государи братья, по праву пословъ походатайствовали передъ Его Величествомъ Королемъ, чтобы онъ на этомъ-же сеймѣ принялъ

¹⁾ Ближайшія по времени описанія Кіева принадлежали Эриху Лассотѣ (1794) и Райнгольду Гейденштейну (1596). См. Сборн. матер. для ист. томогр. Кіева, 1874, стр. 15—24 втораго отдѣла.

²⁾ См. „Кіев. Стар.“ 1894 г. № 2, ст. А. Стороженка.

мѣры къ охранѣ столицы Кіевского княжества отъ пограничныхъ опасностей; теперь есть еще время и мѣсто подумать объ этомъ и принять мѣры къ устройству сильной обороны. Для этого достаточно обратить въ города два стародавнихъ огромныхъ замка, которые нѣкогда были стольными кремлями Кіевского княжества, а теперь опустѣли. Это будетъ способъ, по моему мнѣнію, легкій и такой, при которомъ ни Его Величество Король, ни Рѣчь-Посполитая не истратятъ ни одного гроша, а между тѣмъ съ теченіемъ времени ежегодная кварта въ Раву ¹⁾ отъ Кіевского староства увеличится болѣе, чѣмъ на 1.000 злотыхъ ²⁾. Съ Божіею помощью это устроится не только безъ нарушенія публичнаго права, но и безъ затратъ для Короны Польской.

Кіевъ—городъ издавна знаменитый и къ тому-же древній, хотя онъ никогда не былъ, какъ думаютъ иные люди, Троей. Расположенъ онъ надъ славною рѣкою Днѣпромъ, которая впадаетъ въ Черное Море. Раньше этотъ городъ, какъ свидѣлствуютъ лѣтописи, занималъ шесть миль ³⁾; это подтверждаютъ и теперешнія развалины. Онъ имѣлъ въ себѣ до пятисотъ церквей, роскошно выстроенныхъ, но отъ нихъ, какъ и отъ самого города, уцѣлѣли лишь слабые признаки. Выше всѣхъ церквей стоялъ по значенію храмъ въ стольномъ Кіевскомъ кремлѣ, названный по-гречески „Софія“, т. е. Премудрость Божія. Храмъ этотъ былъ отстроенъ роскошно и не имѣлъ цѣны. Не только само зданіе храма было выведено изъ камня, похожего на халцедонъ, но и внутри, вмѣсто живописи красками, онъ былъ украшенъ изображеніями святыхъ лицъ изъ золоченныхъ

¹⁾ Квартой называлась четвертая часть доходовъ, назначенныхъ на содержаніе королевскаго двора, которая, по мысли Петроковскаго сейма 1563 года, должна идти на содержаніе постоянныхъ войскъ для защиты границъ королевства. Касса, куда поступалъ этотъ доходъ, помѣщалась въ г. Равѣ, нынѣ уѣздномъ городѣ Петроковской губерніи. Подробности см. въ сочиненіи проф. Навинскаго „Skarbowość w Polsce i jej dzieje za Stefana Batorego. Źródła dziejowe, Tom. VIII, W. 1881, стр. 132—141.

²⁾ Польскій злотый стоилъ въ 1590-хъ годахъ на наши деньги около 1 р. 35 к., такъ что 1.000 злотыхъ равняется 1350 рублямъ.

³⁾ Польская миля считалась въ 2639, въ 3037 и въ 3374 русск. сажень. Шесть миль составляло отъ 30 до 42 верстъ.

и эмальированныхъ камешковъ разныхъ цвѣтовъ; иконы эти были сдѣланы съ такимъ тонкимъ искусствомъ, что изображенныя на нихъ святые могли показаться живыми людьми. Этотъ Кіевскій храмъ былъ выстроенъ по образцу Константинопольскаго Софійскаго, при которомъ находился патріаршій престолъ. Вверху онъ увѣнчанъ двѣнадцатью куполами, а тринадцатый куполь, на подобіе фанаря, висится надъ серединой церкви. Внутри этотъ послѣдній куполь украшенъ изящными мозаичными изображеніями четырехъ евангелистовъ и иныхъ апостоловъ и прекрасно освѣщаетъ почти всю церковь. Весьма многіе согласны въ томъ, что въ цѣлой Европѣ нѣтъ храмовъ, которые по драгоцѣнности и изяществу украшеній стояли-бы выше Константинопольскаго и Кіевскаго (оба построены по одному плану). Хотя Кіевскій храмъ меньше Константинопольскаго, но все-таки онъ одинъ со всѣми своими придѣлами равняется по пространству двумъ такимъ храмамъ, какъ костелъ св. Станислава въ Краковскомъ замкѣ. Къ сожалѣнію эта святыня въ настоящее время не только сдѣлалась помѣщеніемъ рогатаго скота, лошадей, собакъ и свиней, но и теряетъ свои украшенія отъ дождей, проникающихъ сквозь дырявую крышу. Кое-гдѣ и стѣны начали уже падать. Виною тому—плохой присмотръ со стороны Кіевскихъ митрополитовъ и равнодушіе господъ греческой вѣры. Этому горю можно было-бы легко пособить, если-бы господа греческой вѣры вмѣстѣ съ своими митрополитами снова истинно полюбили-бы Господа Бога. Тоже самое дѣлается и съ Кіевскимъ бискупствомъ и съ его каѳедральнымъ храмомъ, отъ котораго и остатковъ нѣтъ. Католики въ Кіевѣ болѣе столѣтъ не имѣли своихъ собственныхъ бискуповъ и жили, какъ овцы безъ пастырей. Я не засталъ у нихъ ни кзендза, ни костела, ни алтаря, а только капличку въ замкѣ, въ которую замковые урядники изъ пренебреженія къ ней запирали своихъ лошадей, да костеликъ Доминиканцевъ съ однимъ монахомъ при немъ¹⁾. Не только Татары были причиной такого запустѣнія, но также Кіевскіе обыватели греческой вѣры, которые

¹⁾ Доминиканскій костелъ св. Нисолія находился въ это время на мѣстѣ нынѣшней духовной семинаріи.

умышленно изъ всѣхъ силъ уничтожали, опустошали и угнетали католическія учрежденія. Они присвоили себѣ и распредѣлили между собой бискупскія земли, опредѣленные на костель; но этимъ путемъ они ничего не выиграли ни для своихъ усадбъ, ни для вѣры, а, напротивъ, жестоко были наказаны за это Господомъ Богомъ, а именно они были со всѣмъ своимъ потомствомъ взяты въ рабство—одни къ Туркамъ, а другіе—въ татарскія орды. Они щепотками расхватывали достояніе римскаго костела, а Татары, съ поущенія Божія, цѣлою горстью хватали ихъ самихъ и ихъ добро; они изъ всѣхъ силъ угнетали хвалу Господню и древнюю католическую вѣру, устраивая на грунтахъ, пожертвованныхъ Господу Богу и освященныхъ, свои дворы, конюшни и хлѣвы, а Господь Богъ руками Турокъ и Татаръ не только уничтожалъ славу ихъ, сжигая и обращая въ прахъ ихъ имущества, но и отдавалъ язычникамъ на развратъ ихъ женъ, дочерей и дѣтей. Люди греческой вѣры и обыватели Кіевскіе опустошили одинъ каедральный костель Кіевского бискупа и четыре другихъ костела, а за то Господь Богъ 500 церквей греческой вѣры въ одномъ Кіевѣ не только смѣшалъ съ землею или обратилъ въ прахъ, но и отдалъ шныя, построенныя подобно большимъ замкамъ съ огромными затратами,—на логовища медвѣдямъ, волкамъ, скоту, собакамъ и пороснымъ свиньямъ. Самый митрополитанскій храмъ въ Кіевѣ, посвященный св. Софіи, т. е. Премудрости Божіей, который представляетъ единственное чудо въ свѣтѣ, но на который Русскіе не обращаютъ вниманія,—оскверняется и теперь берлогами разныхъ звѣрей. Къ тому-же Кіевъ имѣлъ собственныхъ земель пространствомъ болѣе, чѣмъ на 50 польскихъ миль, и два стольныхъ кремля, расположенныхъ другъ противъ друга и принадлежавшихъ двумъ роднымъ братьямъ, Кію и Щеку. Они и теперь еще стоятъ пустыми, окруженные огромными земляными валами. Валы эти, еслибы нанимать грабарей, съ большой натяжкой едва-ли можно было-бы насыпать за 500,000 червонцевъ ¹⁾. Одинъ изъ этихъ двухъ пустыхъ кремлей захва-

¹⁾ Сумма эта на наши деньги составляетъ около полутора милліона рублей

тываетъ такое пространство, какое—краковскія стѣны со всѣмъ своимъ замкомъ. Этотъ кievскій старинный кремль, запущенный еще до тѣхъ поръ, какъ началось процвѣтаніе кievской столицы, имѣетъ валы такой высоты, какъ костель св. Станислава въ краковскомъ замкѣ. Что касается другаго кремля, который и теперь еще стоитъ, то вскорѣ послѣ его разрушенія еще во времена язычества, и послѣ смерти бездѣтнаго упомянутаго выше Щека, родного брата Кія, онъ былъ заселенъ жидами. Со введеніемъ христіанства, по убѣжденію апостола кievскаго св. Яцеа ¹⁾, они были изгнаны оттуда, такъ какъ замучили для своихъ жидовскихъ суевѣрій христіанское дитя, а ихъ мѣстожителство вмѣстѣ съ упомянутымъ кремлемъ отдано было польскими королями каедрѣ кievскаго бискупства. Этотъ кремль и теперь называется жидовскимъ городомъ; послѣдній занимаетъ мѣстность стараго стольнаго кремля; онъ раздѣленъ въ срединѣ на двѣ половины двумя огромными валами, а вокругъ обсыпанъ также огромнымъ валомъ вышиною, какъ костель св. Станислава въ краковскомъ замкѣ; ширина и длина его, какъ Страдомъ между Краковомъ и Казиміромъ ²⁾. Необходимо подумать, чтобы эти два огромныхъ опустѣлыхъ старинныхъ кремля могли заселиться людьми безъ всякихъ расходовъ для Его Величества Короля и безъ обремененія для республики; чтобы эти люди охраняли огромные валы отъ пограничныхъ непріятелей и защищали почтенную столицу отъ различныхъ опасностей, а особенно отъ князя московскаго. Хорошо было-бы, если-бы эти огромные валы для болѣе крѣпкой обороны были-бы еще укрѣплены каменными башнями на стадію одна отъ другой, но въ кievской сторонѣ нѣтъ не только камня для выжиганія извести, но и простаго камня для кладки, а есть только глина для выработки довольно порядочнаго кирпича. Положимъ, согласно

¹⁾ Яцекъ (Іакимевъ) Одровонжъ, доминиканскій монахъ, род. 1183 г. ум. 1257 г.), по свидѣтельству его житія проповѣдывалъ католицизмъ въ Кіевѣ между 1222 г. и 1226 г. Житіе его напечатано въ IV т. Monumenta Poloniae historica (1884) стр. 818—910, съ предисловіемъ др. Цвклинскаго. Критическая статья проф. Малашевскаго въ Трудахъ Кіев. Дух. Акад. 1867 г.

²⁾ Страдомъ—предмѣстье Кракова.

новому изобрѣтенію, можно найти землю, пригодную для добычанія мергельной извести, и такимъ образомъ поскорѣе привести въ порядокъ старинныя стѣны. Но если-бы нельзя было достигнуть теперь такого совершенства, то нужно укрѣпить эти валы хоть деревянными башнями и снабдить новыя укрѣпленія пушками, гаковницами, и всѣми потребностями для обороны. Кромѣ того и теперешній кіевскій замокъ ¹⁾ безъ замедленія долженъ быть приведенъ въ лучшей порядокъ, потому что теперь онъ не только пустъ, но и наполовину сгнилъ. Поэтому необходимо будетъ на предстоящемъ сеймѣ ради самого Бога постараться Вамъ, мои милостивые господа братья, окончательно этому помочь и конституціей крѣпко утвердить, чтобы эти два старинныхъ кремля были обращены въ поселенія двухъ городовъ: одинъ городъ Его Величества Короля, а другой—бискупа, такъ какъ послѣ вышеупомянутыхъ жидовъ онъ издавна принадлежалъ бискупамъ. Къ тому-же слѣдуетъ укрѣпить и теперешній замокъ, который расположенъ на довольно высокомъ холмѣ; холмъ подъ теперешнимъ замкомъ, на половину изгнившимъ, имѣетъ самъ по себѣ высоту краковской ратуши, а по ширинѣ и длинѣ онъ соотвѣтствуетъ краковскому замку со всѣмъ его пригородомъ. Вотъ эготъ-то теперешній замокъ на вышеупомянутомъ холмѣ, по природѣ высокомъ, долженъ быть возобновленъ, но своимъ порядкомъ должно быть устроено поселеніе на мѣстѣ прежняго княжескаго двора, на томъ роскошномъ холмѣ, гдѣ князь кіевскій, названный Кіемъ, имѣлъ свои великолѣпныя палаты. Другая гора отъ природы высока, похожа на упомянутую Кіеву гору и не уступаетъ ей по ширинѣ и длинѣ. Эти двѣ горы, какъ братъ съ сестрой, стоятъ въ разстояніи другъ отъ друга, какое занимаетъ Краковскій рынокъ. Вторая упомянутая гора называется бискупской горой

---

¹⁾ Кіевскій замокъ на той горѣ, гдѣ нынѣ кладбище флоровскаго монастыря, былъ подробно описанъ въ февралѣ—мартѣ 1552 г. Описание напечатано въ Архивѣ Юго-Западной Россіи, ч. VII, т. 1, стр. 106—122. Онъ былъ срубленъ изъ сосноваго дерева около 1542 г. городничимъ Иваномъ Служкою и сгорѣлъ около 1606 г. Варшавскій сеймъ 1607 г. постановилъ отстроить его вновь. См. Сборн. матер. для истор. топогр. Кіева, 1874, III отд., стр. 56.

или Щекавицей, отъ князя Щека, роднаго брата князя Кія. На этой горѣ онъ имѣлъ свой особый дворъ, очень роскошный, отъ котораго теперь нѣтъ и признаковъ. Гора эта должна быть обращена въ бискупскій замокъ для его каеэдры, такъ какъ она не можетъ быть застроена никѣмъ инымъ, кромѣ самого Его Величества Короля или кіевскаго бискупа. Эти двѣ горы, равныя высотой, если будутъ укрѣплены стѣной и строениями, то будутъ служить одна другой опорой въ годину опасности отъ непріятели Короны Польской.

Чтобы это все могло осуществиться, необходимы—вмѣшательство Его Величества Короля вмѣстѣ съ ихъ милостями сенаторами и согласіе Васъ самихъ, милостивые господа братья. Тогда только эти два города въ столь огромныхъ валахъ будутъ заселены людьми. Кромѣ того эти два города съ вновь устроенными поселеніями необходимо снабдить особыми прерогативами и вольностями сравнительно съ другими польскими городами, потому-что они не будутъ имѣть такихъ удобныхъ полей для обработки и для добыванія пропитанія руками жителей, какія имѣютъ другіе города на всемъ пространствѣ Короны Польской и Великаго Княжества Литовскаго. Жителямъ новыхъ поселеній едва достанется по одной лановой стадіи земли на каждаго для огородовъ внѣ валовъ, такъ какъ внутри валовъ каждому изъ нихъ не прійдется занять мѣста подъ усадьбу болѣе 8 саж. въ ширину и 12 саж. въ длину ¹⁾). Къ тому же на воду у нихъ будетъ скупо, если не считать Днѣпровской, которая для питья очень нездорова. Если-бы теперешніе кіевляне не пользовались водою изъ ручьевъ и колодезь, или не пили-бы вмѣсто пива браги, напаренной изъ прося, которая мало чѣмъ разнится отъ водочныхъ помоевъ или отъ пивныхъ осадковъ, смѣшанныхъ съ дрожжами,—то всѣ они уже давно поиздыхали-бы. Мушкатель, мальвазію и другія вина, медъ, пиво и даже водку кіевлянамъ не дозволено не только гдѣ-либо продавать, но гдѣ-либо покупать, за исключеніемъ двухъ корчемъ—кіевской городской и бискупской. Бискупская

¹⁾ Польская сажень составляетъ 0,8 русской.

корчма теперь очень упала, потому-что не было въ Кіевѣ бискуповъ и католяковъ, а между тѣмъ они могли-бы извлекать изъ нея вѣрный доходъ, какъ это видно изъ счетовъ казначейства Княжества Литовскаго, такъ какъ за эту бискупскую корчму платили кіевскому бискупу и его канонику ежегодной аренды по 500 злотыхъ. Въ ожиданіи возрожденія этой упавшей бискупской корчмы кіевляне изъ своей корчмы шинкуютъ такое хорошее пиво своей варки, что если-бы налить его козѣ въ горло, то и она не дождалась бы третьяго дня, и такое прозрачное, какъ конская кровь. А въ медъ они подливаютъ тринадцать частей воды, по называютъ его тройникомъ. Этимъ медомъ люди не подкрѣпляются, а скорѣе отравляются, ибо этотъ милѣйшій тройникъ такой сладкій, какъ водка изъ изопы. Я не упоминаю о горѣлкѣ, которая можетъ угодить развѣ старому черту, но однако ее ежесчасно пьютъ вмѣсто вина и простонародье ею упивается чуть не каждый день, заливая ею свое горе. Ибо такими страшными тягостями обремененъ городъ Кіевъ, что хуже и на свѣтѣ не можетъ быть, какъ въ немъ. Если кто изъ шляхты кіевскаго воеводства, пріѣзжающей черезъ каждыя 8 недѣль въ Кіевъ на кіевскіе, а иногда и на земскіе рочки, захочетъ, пріѣхавши въ Кіевъ, сѣсть или выпить что-либо въ свое удовольствіе, то долженъ всѣ припасы привозить изъ дому съ немалымъ обремененіемъ для себя и слугъ. Кіевскіе мѣщане только и имѣютъ ту прерогативу, что пользуются даровымъ лѣсомъ для отопленія и постройки, такъ какъ бору у нихъ не мало подъ бокомъ. Если каждый изъ нихъ не купитъ себѣ сѣстныхъ припасовъ, то не будетъ сытъ, потому-что они только и добываютъ себѣ пропитаніе отъ своихъ жалкихъ торговыхъ занятій. Самыми богатыми купцами являются Армяне: они достаютъ свои товары въ разныхъ монархіяхъ у сосѣднихъ народовъ и затѣмъ ихъ перепродаютъ; отсюда, а не откуда иначе—добываютъ они свое скудное пропитаніе и удовлетворяютъ домашнимъ потребностямъ; однѣ только люблинскія ярмарки приносятъ имъ болѣе замѣтный доходъ. Обративши вниманіе на это, необходимо сразу, какъ я говорю, снабдить эти новыя поселенія вмѣстѣ съ старымъ Кіевомъ болѣе значительными преро-

гативами и свободами сравнительно съ другими городами Его Королевскаго Величества.

1) Кіевъ королевскій отовсюду стѣсненъ не только врагами, но и въ земляхъ, которыя принадлежать митрополиту, архимандритамъ, монахамъ, игуменамъ и инымъ русскимъ попамъ. Чтобы эти два новыя поселенія могли быть основаны и чтобы старый Кіевъ, равно какъ старыя и новыя подданные кіевскаго бискупа—имѣли достаточно пространства для имущественнаго благосостоянія, необходимо ихъ сразу надѣлить, по милости Его Королевскаго Величества, землей на двѣ мили во всѣ стороны отъ Кіева: на сѣверъ, югъ, востокъ и западъ. На этомъ пространствѣ земель каждый изъ жителей можетъ имѣть свой хуторъ, а по-нашему фольваркъ, какъ для скота, такъ и для склада сѣна и иныхъ припасовъ, необходимыхъ для сноснаго пропитанія. Для пастбища скота также необходимо не малое пространство, безъ котораго не можетъ обойтись поселеніе, въ которомъ будетъ около 4-хъ тысячъ домовъ. Во имя Бога необходимо дать новымъ жителямъ просторное пастбище для ихъ скота и лошадей. Вѣдь Двѣпръ заноситъ свои луга пломъ и дѣлаетъ ихъ негодными для пастбища, потому-что если скотъ или лошади наѣдятся травы съ иломъ, то пропадаютъ тысячами и это вызываетъ потери, тягости и жалобныя стоны у жителей.

2) Необходимо эти два новыхъ поселенія, по примѣру тепершняго стараго Кіева, снабдить правомъ магдебургскимъ.

3) Эти поселенія (какъ и теперешній старый Кіевъ) должны быть освобождены на вѣчное время отъ всякихъ таможенъ и пошлинъ.

4) Далѣе необходимо, чтобы имъ (т. е. новымъ жителямъ г. Кіева) дозволено было не только имѣть свои склады всякихъ напитковъ, а также, чтобы и вообще каждый желающій могъ продавать мушкатель, мальвазію, вино, пиво, водку и другіе напитки и заниматься торговлею на всякомъ мѣстѣ по желанію своему. Также, чтобы они, какъ люди торговые, могли доставлять товары изъ разныхъ монархій, платя только *обвьстине* (объявительное) своему старостѣ; эту прерогативу имѣть и теперешній Кіевъ на основаніи своихъ правъ и вольностей.

5) Чтобы эти поселенія, насколько они будутъ щитомъ всей Украйны, были свободны на 30 лѣтъ отъ *чоловаго* и всякаго инаго налога.

6) Чтобы всѣ кіевскіе мѣщане могли свободно ловить рыбу въ Днѣпрѣ всякимъ способомъ и на всякомъ мѣстѣ и чтобы они за это обязаны были на вѣчныя времена отдавать только третью рыбу: подданные Его Величества Короля на королевскій замокъ, а подданные бискупа на бискупскій замокъ.

7) Чтобы имъ дозволено было имѣть свои пивоварни, винокурни, солодовни, воскобойни, вѣсы, сукновальни, мясныя ятки, склады сала, шкуръ, свѣчей, соли, бани и различныя цехи.

8) Желая, чтобы славны кіевскіе города болѣе обогащались, необходимо, по милости Его Величества Короля, разрѣшить двѣ ярмарки, по шесть недѣль въ году каждая, такимъ способомъ: въ нижнемъ городѣ или въ старомъ Кіевѣ Его Королевскаго Величества ярмарка остается двѣ недѣли; въ другомъ нагорномъ новомъ Кіевѣ, принадлежащемъ также Его Королевскому Величеству, — другія двѣ недѣли; въ третьемъ городѣ, также нагорномъ, въ новомъ бискупскомъ Кіевѣ, — третьи двѣ недѣли. Первая ярмарка должна быть на св. Войцѣха ¹⁾, а другая — на Успеніе Пресвятой Богородицы. Для того-же, чтобы всѣ три вышеупомянутыя города каждую недѣлю могли производить свою торговлю, то нужно разрѣшить имъ каждую недѣлю собирать однодневныя торги, т. е. чтобы старый Кіево-Подоль Его Величества Короля имѣлъ свой свободный торгъ каждый вторникъ, нагорный Кіевъ — въ четвергъ, а новый третій бискупскій Кіевъ — въ субботу.

9) Чтобы обонимъ поселеніямъ дозволено было для рѣшенія городскихъ дѣлъ имѣть свой особый городской (мѣйскій) урядъ по праву магдебургскому; апелляція на этотъ урядъ должна идти отъ городовъ Его Величества Короля непосредственно къ Его Величеству Королю, а отъ города бискупскаго къ своему кіевскому бискупу, какъ къ судьямъ послѣдней инстанціи.

¹⁾ Память св. Войцѣха (Адалберта) праздновалась 10 — 20 іюня.

10) Чтобы двумъ новымъ нагорнымъ городамъ дозволено было, по примѣру стараго Кіево-Подола, выбирать себѣ войтовъ изъ мѣстныхъ жителей.

11) Чтобы каждый кіевскій староста, назначенный отъ Его Величества Короля, подчинялся публичному праву и установленію своего старостинскаго уряда и не позволялъ себѣ никакого произвола надъ жителями; и чтобы на всякій случай произвола каждому дозволено было жаловаться непосредственно Его Величеству Королю.

12) Чтобы всѣ три Кіевскіе города: нижній, королевскій и бискупскій—сознавали вѣчную ласку къ нимъ Его Величества Короля, необходимо, чтобы каждый изъ нихъ отдѣльно имѣлъ свой особый, утвержденный Высочайшею привилегіею гербъ: въ гербѣ стараго Кіево-Подола за труды и бѣдствія его жителей и за вѣрность, съ которою они служили до сихъ поръ своимъ государямъ, королямъ польскимъ, слѣдуетъ помѣстить вытянутую изъ облака голую руку, держащую королевскій скипетръ, вмѣсто теперешняго варварскаго лука съ двумя стрѣлами. Это будетъ знакомъ, что за ихъ вѣрность надъ ними будетъ постоянно простертъ золотой королевскій скипетръ, какъ символъ милости и ласки.

Другой новый нагорный городъ въ огромныхъ валахъ, которые будутъ заселены для Его Величества Короля, долженъ имѣть въ гербѣ вытянутую изъ облака голую руку, держащую королевскій вѣнецъ, чтобы жители его своею вѣрностью и твердостью заслужили вѣнецъ справедливости.

Третій новый городъ, поселенный также въ огромныхъ валахъ для кіевскаго бискупа, долженъ имѣть въ гербѣ отъ щедрой ласки Его Величества Короля бискупскую инфулу, также вытянутую голою рукою изъ облака. Это для того, чтобы жители его помнили золотую корону, возлагаемую на главы святыхъ, славу чести и силу храбрости,—и покладали все упованіе свое на Господа Иисуса Христа; для этого подъ инфулою должно быть три поля или три зарубки дома Верещинскихъ съ надписаніемъ трехъ спасительныхъ словъ: въ верхнемъ полѣ *Христосъ*, въ среднемъ *наша*, въ нижнемъ *надежда*.

13) Двумъ городамъ, поселеннымъ въ двухъ стародавнихъ кремляхъ, должна быть дана льгота отъ всякихъ чиншовъ на 13 лѣтъ. Въ теченіе этихъ тринадцати лѣтъ, а потомъ и на вѣчное время, эти два города, Его Величества Короля и бискупскій, должны будутъ исправлять свои строенія прусскимъ способомъ, на одну пропорцію. Слѣдуетъ укрѣпить эти огромные валы массивными башнями, а также снабдить пушками, различными орудіями, и достаточнымъ запасомъ пороху и пуль. Слѣдуетъ смотрѣть, чтобы башня отъ башни была выстроена (каменная или деревянная, безразлично) на разстояніи по крайней мѣрѣ одной польской стадіи ¹⁾. А старый Кіево-Подоль не слѣдуетъ укрѣплять парканами и огромными башнями, не слѣдуетъ насыпать съ большими затратами и новые валы согласно повинности, которую выполняютъ всѣ города Его Величества Короля ²⁾; это будетъ все равно, что мѣрять воду, потому-что Кіево-Подоль расположенъ въ мѣстѣ, не защищенномъ природою, и кромѣ того страшно растянуть ради садовъ и огородовъ, которые жители имѣютъ между своими домами; для защиты его было-бы необходимо имѣть 10.000 стрѣлковъ. Въмѣсто этого Кіево-Подоль для лучшей своей безопасности долженъ на вѣчное время исправлять нынѣшній стольный замокъ Его Величества Короля, укрывать стѣны его, чтобы не гнили, и даже въ случаѣ надобности вновь отстраивать его на свой счетъ. Однако на перестройку стольнаго замка Его Величества Короля всѣ города и села кіевскаго воеводства должны будутъ доставлять старому кіевскому замку всѣ строительные матеріалы. Получивши матеріалы, жители стараго Кіево-Подола должны будутъ затѣмъ на евой счетъ производить каменщицкія и плотничныя работы въ замкѣ, постоянно досматривать, чтобы онъ не гнилъ, и гдѣ нужно, поправлять. Къ тому-же они должны снабдить замокъ пушками, гаковницами, порохомъ, пулями и пушкарями, и все это въ замѣнъ чоноваго и всякаго другаго налога, который они должны были-бы платить, согласно сеймовому поста-

¹⁾ Польская стадія равняется 84, 3 русскимъ саженимъ.

²⁾ Деревянные укрѣпленія Подола нанесены на планъ Кіева 1695 г., изданный Кіевской Археографической Комиссіей къ юбилею ея 19 ноября 1893 г.

повленію, наравнѣ съ другими на потребности Рѣчи-Посполитой. Такимъ образомъ они получаютъ все, что нужно для того, чтобы не быть отсталыми въ оборонѣ замка Его Величества Короля.

Новые два Кіевскіе города должны вѣчно заботиться о своихъ замкахъ, пушкахъ, гаковницахъ, порохѣ и пуляхъ. Жители Кіево-Подола въ минуту опасности должны перебираться въ стольный замокъ вмѣстѣ съ старостой и съ геродничимъ, назначенными Его Величествомъ Королемъ, должны охранять въ немъ порядокъ по долгу службы и своею грудью защищать его отъ всякой опасности, которая грозила-бы замку. Также точно и новые вышеупомянутые города должны будутъ выполнять священную обязанность защиты своихъ осѣдлостей и энергично выступать противъ каждаго врага. Чтобы могъ устроиться лучший порядокъ и чтобы оборона Кіевской столицы могла быть болѣе упорной, то я желалъ-бы отъ чистаго сердца, чтобы Его Величество Король на будущее время назначалъ въ Кіевскій замокъ отдѣльнаго присяжнаго старосту, а не соединялъ-бы этой должности съ должностью Кіевского воеводы, и это главнымъ образомъ для того, чтобы староста, подъ угрозой лишенія староства, постоянно жилъ въ замкѣ и заботился о порядкѣ управленія, объ устройствѣ обороны и объ оказаніи каждому немедленнаго правосудія, чтобы онъ прилежно наблюдалъ за приведеніемъ замка въ лучший видъ и не допуская его до развалинъ, чтобы онъ храбро отражалъ нападенія на замокъ по долгу своей старостинской службы. Онъ долженъ присягать на вѣчную вѣрность своему государю.

Также точно и бискупъ кіевскій долженъ имѣть свой кафедральный замокъ нигдѣ иначе, какъ только на своей бискупской горѣ, называемой Щекавицей, а Вы, милостивые государи, должны строго смотрѣть, чтобы онъ (бискупъ) имѣлъ на своей горѣ каменный или деревянный замокъ, чтобы замокъ этотъ не пустовалъ и чтобы свой кафедральный костель онъ имѣлъ не въ иномъ какомъ мѣстѣ, а на этой-же горѣ. Какъ законный сынъ и истинный ревнитель Рѣчи-Посполитой, а также сенаторъ коронный, я не отказываюсь отъ этого ради блага Рѣчи-

Посполитой и не замедлю взвалить это бремя не только на себя, но и на своихъ преемниковъ. Но чтобы каждый бискупъ могъ исполнить это, то нужно записать въ конституціи нынѣшняго сейма, что какъ кіевскій королевскій замокъ всѣ имѣнія, города и села Кіевскаго воеводства обязаны снабжать лѣсными и вообще строительными матеріалами, такъ точно каѳедральный бискупскій замокъ должны снабжать матеріалами и деньгами всѣ имѣнія, расположенныя въ кіевскомъ воеводствѣ, а въ особенности духовныя, а именно: бискупскія, митрополитскія, архимандритскія, игуменскія и монастырскія, а также города и села, которыя однако, по свойственному Украинѣ своеволю, по пословицѣ, не показываютъ дороги не только своимъ господамъ, но и ихъ собакѣ. На эти средства долженъ ремонтироваться бискупскій замокъ на упомянутой Щекавицѣ и долженъ снабжаться пушками, всякимъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, порохомъ и пулями, равно какъ на средства бискупа и его подданныхъ. Когда дѣло идетъ о безопасности ихъ, то было-бы неблаго-разумно, если кто-либо въ этомъ случаѣ былъ нерадивымъ! Поэтому, если ударить тревогу изъ пушки, а болѣе отдаленнымъ жителямъ дадутъ знать бискупскимъ письмомъ, то всѣ жители указанныхъ мѣстностей подъ страхомъ смертной казни обязаны будутъ явиться самолично въ бискупскій замокъ, а не куда-либо въ другое мѣсто, и вѣчно охранять грудью своею этотъ замокъ отъ всякой опасности. А чтобы они не оставляли однако пустыми собственныхъ своихъ городовъ, то изъ указанныхъ выше городовъ каждый принадлежащій духовенству городъ изъ каждаго десятка мѣщанъ долженъ отправлять трехъ и давать каждому по ружью, саблѣ, по 10 фунтовъ пороху и по 4 копы оловянныхъ пуль; изъ всѣхъ же принадлежащихъ духовенству сель жителей всѣ поголовно тѣмъ-же способомъ должны явиться въ бискупскій замокъ, имѣя каждый ружье, 10 фунтовъ пороху, 4 копы оловянныхъ пуль и къ тому-же саблю при боку. Ясное дѣло, что если-бы, сохрани Боже, эту бискупскую, по прозванію Щекавицкую, гору обогрѣлъ непріятель, то уже ни стольный замокъ Его Величества Короля, ни стародавній Кіево-Подоль никимъ образомъ не могли-бы удержаться, несмотря на

свои огромные валы, ибо ихъ отовсюду душиль-бы непріятель, не давалъ-бы имъ и на свѣтъ глянуть, отовсюду могъ-бы спокойно разстрѣливать ихъ изъ пушекъ, гаковницъ и ружей. Если-бы непріятель овладѣлъ бискупской горой, то могъ-бы не только превосходно истребить изъ разрушительныхъ пушекъ стольный замокъ, но и сравнять его съ землею. Все сказанное относится равнымъ образомъ и къ бискупской горѣ, называемой Щекавицей. Если-бы непріятель овладѣлъ, чего Боже сохрани, стольнымъ замкомъ Его Величества Короля, то не нужно было-бы ходить и въ аптеку за лѣкарствомъ: никто не выдержалъ-бы въ бискупскомъ замкѣ непріятельскаго натиска, если-бы непріятель изъ огромныхъ разрушительныхъ пушекъ началъ метать каменные ядра въ бискупскій замокъ; участь его была-бы хуже участи св. Стефана, побитаго камнями отъ безбожныхъ жидовъ. Но чтобы отдѣлаться отъ этой опасности, необходимо Его Величеству Королю озаботиться заселеніемъ этихъ двухъ новыхъ городовъ въ огромныхъ старыхъ валахъ и постройкой укрѣпленій для обороны вышеупомянутыхъ новыхъ замковъ. Это мое здравое мнѣніе.

А затѣмъ я уже даю Вамъ, милостивые государи, свое сенаторское слово, что, съ помощью Бога и такихъ укрѣпленій,—какъ теперешній кіевскій замокъ, такъ и вновь устроенные города, безъ всякихъ расходовъ со стороны Его Величества Короля и безъ обремененія Рѣчи Посполитой, на вѣчное время будутъ безопасны отъ пограничныхъ непріятелей. Въ этой оборонѣ всегда будетъ содѣйствовать и каедральный замокъ бискупа кіевскаго. Вѣдь при такомъ устройствѣ замокъ Его Величества Короля будетъ имѣть во всякое время для своей защиты отъ одного стараго Кіево-Подола (не считая сель Его Величества Короля, приписанныхъ къ замку) 1,000 душъ вооруженныхъ стрѣлковъ, кромѣ пушекъ, да гаковницъ съ пушкарями, которыя онъ и теперь имѣеть. Также и тѣ два города, которые будутъ вновь выстроены, будутъ свободно имѣть около 3,000 стрѣлковъ для охраны своихъ огромныхъ валовъ. Также точно и бискупская гора, называемая Щекавицей, можетъ свободно имѣть для своей защиты изъ окрестныхъ бискупскихъ, митро-

политскихъ, архимандритскихъ, игуменскихъ и монастырскихъ имѣній—свыше 1,000 человекъ обученныхъ стрѣлковъ. Этимъ способомъ, милостивые государи, каждый поставленъ былъ-бы въ изумленіе, кто отважился бы наступить на главный кievскій замокъ Его Королевскаго Величества, который былъ-бы зеницей въ глазу, занимая средину между стародавнимъ Кіево-Подоломъ и двумя новыми городами, поселенными въ упомянутыхъ огромныхъ валахъ; ему могло-бы быть оказано необходимое подкрѣпленіе въ случаѣ надобности со всѣхъ трехъ сторонъ. А если-бы къ тому, по милости Его Величества нашего милостиваго Государя и по ходатайству Вашему, милостивые государи, бискупскій замокъ во вниманіе къ бѣдности Кіевскаго бискупства былъ-бы подкрѣпленъ еще уступкою ему разорванныхъ и испорченныхъ по небрежности прежнихъ ротмистровъ и городничихъ пушекъ, которыхъ не мало въ кievскомъ замкѣ, то этотъ самый бискупскій замокъ, переливши эти обломки отъ пушекъ въ новыя меньшія полевыя пушки, оказывалъ-бы не малую помощь не только стольному замку Его Величества Короля, но и всему городу Кіеву, а вмѣстѣ съ городомъ и Коронѣ Польской.

Если-бы, устроивши такую оборону и давши Кіеву щедрыя льготы, сдѣлать затѣмъ перепись населенію какъ въ старомъ Кіево-Подолѣ, такъ и въ двухъ нагорныхъ вновь поселенныхъ городахъ, то тогда новые города по простествіи 13 лѣтъ, а старый Подоль немедленно можно было-бы обложить налогами, предоставивъ сборъ ихъ старостѣ Кіевскому, но сохранивъ право за теперешнимъ воеводою кievскимъ получать аренды, пока онъ живъ. Они должны будутъ платить по полкопы литовскаго счета отъ каждаго дома на св. Мартина,¹⁾ по два гроша литовскихъ *коляды* на Рождество Христово и по два гроша литовскихъ *влочернаго* на Пасху. Если городская дѣвушка изъ стараго или изъ новаго королевскаго города выходить замужъ, то каждый новоженъ обязанъ уплатить городничему кievскаго замка поль-злота *куницы*; если-же онъ беретъ вдову, то долженъ уплатить злотъ польскій. Изъ этихъ кунницъ каж-

¹⁾ Память св. Мартина епископа праздновалась 1—11 ноября.

дый городничій долженъ получать свое жалованье (юргельдъ), собирая ихъ не только отъ стараго Кіево-Подола, но и отъ королевскаго нагорнаго Кіева, а также отъ сель, принадлежащихъ кіевскому староству. Кіевскій староста не смѣетъ обижать въ этомъ отношеніи городничаго подь угрозой кары отъ Его Величества Короля, равно какъ не смѣетъ отнимать у него третьяго гроша отъ всякихъ винъ, который также долженъ поступить городничему въ жалованье. Жители вновь заселеннаго бискупскаго города по истеченіи 13 лѣтъ, а кіевскіе бискупскіе мѣщане, давно уже проживающіе подь горой Щекавицей, немедленно—должны уплачивать эти налоги своему бискупу или на руки бискупскаго старосты.

Когда изъ этихъ двухъ поселеній, т. е. изъ стараго Кіево-Подола и изъ другаго нагорнаго Кіева Его Величества Короля, разовьется вслѣдствіе моего проекта дѣйствительно порядочный городъ и когда онъ достигнетъ 3,000 жилыхъ домовъ, то будетъ поступать отъ каждаго дома налоговъ: *подымнаго*—полконы литовской, *коляды* на Рождество Христово—2 гроша литовскихъ и *влочебнаго* на Пасху—2 гроша литовскихъ; а всего эти два поселенія, кромѣ еще сель, принадлежащихъ кіевскому замку, дадутъ каждый годъ дохода 4240 злотыхъ польскихъ. Изъ этой суммы 3187¹/₂ злотыхъ поступятъ кіевскому старостѣ, а 1052¹/₂ злотыхъ можетъ пойти въ видѣ кварты въ Раву, которая теперь не получаетъ изъ Кіева ни одного гроша. Чтобы ничто не мѣшало развитію новаго нагорнаго королевскаго Кіева и чтобы ничто не препятствовало выгодамъ Его Величества Короля и Рѣчи-Посполитой при устройствѣ обороны отъ возможныхъ опасностей, необходимо немедленно выселить тѣхъ *загородниковъ*, которые съ разрѣшенія кіевскаго митрополита и архимандрита выстроили нѣсколько десятковъ хатъ въ нагорныхъ валахъ. Имъ можно отмежевать въ другихъ мѣстахъ такой же величины усадьбы и огороды, какими они владѣютъ теперь, и переселить ихъ туда, не нарушая правъ на нихъ митрополита и архимандрита, если права эти дѣйствительно существуютъ. То-же самое слѣдовало бы сдѣлать Его Величеству Королю и съ прилегающими шляхетскими землями, если-бы таковыя оказались, обмѣ-

павши ихъ на земли въ пустыняхъ, которыхъ не мало. Тогда ничто не препятствовало-бы развитію порядочнаго города.

Чтобы вышеупомянутыя поселенія, милостивые государи братья, могли поскорѣе осуществиться и служить къ охранѣ теперешняго кіевскаго королевскаго замка, а затѣмъ всего королевства польскаго и славнаго нѣкогда княжества литовскаго отъ непріятелей, а также къ большому распространенію въ томъ дикомъ краю славословія Божія, необходимо, чтобы Вы, милостивые государи, Его Величество Король и духовныя особы могли въ заселеніи тѣхъ двухъ огромныхъ и дорогихъ пустѣющихъ валовъ—Его Величества Короля и бискупа кіевскаго. Для этого необходимо сдѣлать слѣдующее: каждый польскій городъ долженъ выслать для поселенія въ новомъ Кіевѣ трехъ купцевъ, а если купцевъ не окажется, трехъ ремесленниковъ какого-бы то ни было ремесла, а если и ремесленниковъ не окажется, то трехъ простыхъ, но только состоятельныхъ мѣщанъ, чтобы каждый изъ нихъ имѣлъ съ чѣмъ и на чемъ пріѣхать въ Кіевъ, имѣлъ въ чемъ ходить и на что *по-прусски* строиться. Такимъ образомъ по моему проекту посредствомъ польскаго народа въ томъ пустынномъ краю не только процвѣтутъ поклоненіе и славословіе истинному Богу, которыя къ прискорбію тамъ почти замолкли, но также городъ Кіевъ своими прекрасными и изящными постройками будетъ служить образцомъ для другихъ городовъ, защита границъ сдѣлается болѣе надежною, столица бывшаго княжества кіевскаго на вѣчныя времена будетъ защищена огромными валами, и кромѣ того, вещь ясная, какъ Богъ на небѣ, что за этими галами, какъ за самою лучшею стѣною, будутъ навсегда обезопаснены отъ Москвы не только вся земля русская, но и вся корона польская.

Милостивые государи братья! Не новая это вещь на свѣтѣ, какъ между язычниками, такъ и въ народахъ христіанскихъ,— что императоры, короли и республики заселяютъ пустыя или пограничныя мѣста людьми воинственными, а особенно своими подданными. Такъ старыя города Тиръ и Сидонъ закладывали по-

вья поселенія, умножая свою славу и силу обороны. Такъ извѣстная Дидона, горожанка или жена нѣкогo жреца Сихея, приплывши съ немалыми сокровищами послѣ убійства мужа своего въ Африку, основала на берегу городъ Картегенъ! Такимъ-же образомъ городъ Аѳины заселялъ своими гражданами много новыхъ городовъ. Точно такъ-же и король Филиппъ Македонскій, отецъ Александра Великаго, подданными изъ своихъ городовъ заселилъ огромный городъ во Фракіи — Петрополисъ. Я не вспоминаю о Римлянахъ, которые, когда процвѣтали, не упускали случая жителями своихъ городовъ заселять города въ новыхъ колоніяхъ. Такъ поступили Римляне за императора Траяна: когда Даки или Готы не были имъ послушны, они послали подъ начальствомъ Флакка (какъ свидѣтельствуютъ историкъ Сильвій и польскія хроники) 30,000 простаго народа изъ Италіи на заселеніе того края, гдѣ теперь обитаютъ Валахи, чтобы эти колонисты, выгнавши Готовъ и Даковъ, тамъ поселились, орали, сѣяли, пасли скотъ и доставляли продовольствіе войску, которое постоянно тамъ квартировало противъ Сарматовъ и Татаръ. Такимъ-же образомъ раньше и Маркъ Агриппа вывелъ новую колонію, которая теперь называется Колонія-Агриппина, а польски *Колоно* 1); она была поселена надъ р. Рейномъ и пожалована пышными римскими вольностями. То-же слѣдовало-бы сдѣлать и съ кievской колоніей, пожаловавъ ей обильныя права и вольности отъ Его Величества Короля. Затѣмъ слѣдуетъ прислать въ этотъ новый Кіевъ по три мѣщанина изъ всѣхъ городовъ Его Величества Короля, ихъ милостей особъ духовныхъ и пусть его огромные валы послужатъ препоной, чтобы ни москвитянинъ, ни невѣрный татаринъ не торговали болѣе христіанской кровью. Ихъ милости особы духовныя не должны тревожиться тѣмъ, что онѣ будутъ выполнять повинность по отношенію къ заселенію Кіева, такъ какъ имѣнія Его Величества Короля и имѣнія духовныхъ особъ находятся въ однихъ условіяхъ. Къ тому-же вѣдь это обязанность всѣхъ старшихъ сносить по примѣру Иисуса Христа недостатки младшихъ, какъ объ этомъ пре-

1) Кельнъ.

красно учить каждаго поставленнаго выше апостоль Павель, пиша къ Римлянамъ слѣдующими словами: „Мы сильные должны сносить немощи безсильныхъ, и не себѣ угождать. Каждый изъ насъ долженъ угождать ближнему, во благо, къ назиданію. Ибо и Христось не себѣ угождалъ, но какъ написано: злословія злословящихъ Тебя пали на Меня“. (Посл. къ Римл. XV, 1—3). Тотъ-же апостоль Павель въ другомъ мѣстѣ, пиша къ Галатамъ, предостерегаетъ объ этомъ каждаго въ слѣдующихъ словахъ: „Носите бремена другъ друга и такимъ образомъ исполните законъ Христовъ“ (Посл. къ Галат. VI, 2). Подходятъ сюда и слова св. Амвросія: „Украшеніе таинствъ есть выкупъ плѣнныхъ“. А *выкупъ плѣнныхъ* (*redemptio captivorum*) заключается не только въ томъ, чтобы въ прямомъ смыслѣ выкупать плѣнниковъ, захваченныхъ и загнанныхъ въ неволю, но еще болѣе въ томъ, чтобы заботиться объ охранѣ границъ и о прекращеніи возможности людямъ попадать въ плѣнъ. Больше мудрости и благодѣвія въ томъ, чтобы заранѣе предупреждать зло, нежели лѣчить его тогда, когда уже поздно. Отъ этого предостерегаетъ каждаго и языческій поэтъ Овидій слѣдующими словами: „заботься каждый о предупрежденіи начала болѣзни, а не полагайся на позднее лѣкарство“. Тоже самое свидѣтельствуетъ и св. Амвросій въ словахъ: „Лучше искать лѣкарства заблаговременно, нежели послѣ полученія раны“. Сами апостолы, какъ мы читаемъ въ Дѣянїяхъ апостоловъ, старались заранѣе предупредить зло. А именно, когда одинъ пророкъ, по имени Агавъ, предвозвѣстилъ Духомъ, что по всей вселенной будетъ великій голодъ, тогда апостолы положили каждый по достатку своему послать пособіе братьямъ, живущимъ въ Іудеѣ; что и сдѣлали, пославъ собранное черезъ Варнаву и Савла (Дѣян. Апост. гл. XI, 28—30). А если убогіе апостолы дѣлали это, то тѣмъ болѣе духовныя особы, болѣе апостоловъ обезпеченныя и паствами, и костельными имуществами, должны, по примѣру ихъ, хоть черезъ меня выполнять эти обязанности. Онѣ должны спасать и подерѣплять своихъ братьевъ, живущихъ не въ Іудеѣ, а на Руси въ Кіевѣ,—добрыхъ католиковъ, въ которыхъ нуждается костель во всей кіевской епархіи. Имъ не нужно ни де-

негъ, ни съѣстныхъ припасовъ, которыми Украина изобилуетъ, какъ лукомъ, но собратьевъ по вѣрѣ, милыхъ собратьевъ, которые подкрѣпили-бы ихъ душевный голодъ и увеличили бы собою католическую паству на Украинѣ; въ случаѣ опасности, мѣстные жители при помощи новыхъ переселенцевъ окажутъ уже болѣе могущественное сопротивленіе каждому неприятелю Короны Польской. При такомъ образѣ дѣйствій Его Величества Короля и ихъ милостей особъ духовныхъ можно сказать навѣрное, что всѣ подданные, переселенные въ Кіевъ изъ городовъ Его Величества и ихъ милостей понесутъ на себѣ благословеніе Божіе, какъ Данъ понесъ благословеніе отца своего патриарха Іакова, сопровождаемое его словами. Новые переселенцы будутъ змѣемъ на дорогѣ, будутъ защищать насъ всѣхъ отъ язычниковъ, будутъ Церастесомъ (змѣемъ о двухъ головахъ), пронзающимъ копыта языческихъ коней, чтобы ѣздоки сваливались съ нихъ навзничь. Ясное дѣло, что каждый неприятель, который дышалъ-бы ненавистью противъ Короны Польской и рвался-бы обрушиться на нее, въ виду кіевскихъ укрѣпленій долженъ былъ-бы пріудержаться отъ своего злобнаго намѣренія; онъ негодовалъ-бы и бранился, а христіанство ликовало-бы.

Если-бы при заселеніи Кіева оказались лишніе люди, то въ такомъ случаѣ подданные Его Величества Короля должны быть направлены на заселеніе другихъ запустѣлыхъ королевскихъ городовъ, которыхъ къ прискорбію не мало на Украинѣ. Особенно важно было-бы заселить расположенный въ томъ-же кіевскомъ воеводствѣ нѣкогда славный, а нынѣ разрушенный замокъ *Вышгородъ*. Драгоцѣнное городище этого Вышгорода находится только въ 3-хъ польскихъ миляхъ отъ Кіева и занимаетъ выгодное положеніе надъ Днѣпромъ. Если-бы въ этомъ городищѣ выстроить замокъ и населить его горожанами, то Днѣпръ былъ-бы почти запертъ для Москвы въ случаѣ враждебнаго столкновенія съ нею. Вѣдь Днѣпръ течетъ изъ Москвы мимо самого городища Вышгородскаго замка и московскій государь съ войскомъ никоимъ образомъ не могъ-бы подойти къ

Кіеву безъ того, чтобы не спорить или не драться съ Вышгородомъ за пропускъ. Поэтому Вамъ, милостивые Государи, необходимо представить Его Величеству Королю, чтобы сей часъ же на этомъ-же сеймѣ назначенъ былъ староста въ Вышгородъ для заселенія города Вышгорода и для отстройки разрушеннаго вышгородскаго замка. Такимъ способомъ безъ затрудненія Вышгородъ заселится и эти-же поселенцы, собранные изъ всѣхъ городовъ Его Величества Короля и оставшіеся въ излишкѣ за наполненіемъ Кіева, въ короткое время отстроятъ вышгородскій замокъ. А затѣмъ и отъ староства вышгородскаго не малая сумма кварты можетъ попасть въ Раву. Такъ-же точно и подданные изъ имѣній ихъ милостей духовныхъ особъ, если ихъ окажется излишекъ для заселенія Кіева, могутъ быть назначены для устройства какого-либо иного города въ пустыняхъ кіевского бискупства.

По-скольку дѣло идетъ о распространеніи славословія Божія и о защитѣ милой отчизны и столицы нѣкогда славнаго княжества кіевского отъ непріятельскихъ нашествій, Вамъ, милостивые государи, не слѣдуетъ сомнѣваться въ ласкѣ Его Величества Короля и ихъ милостей особъ духовнаго сословія и предполагать, что они могутъ не согласиться на эти мѣры. Вѣдь если Его Величество Король вмѣстѣ съ духовнымъ сословіемъ не упустятъ обсчитать выгоды этого образа дѣйствій, то они прійдутъ къ заключенію, что вслѣдствіе этого ни на одинъ грошъ не уменьшатся доходы ихъ. Въ тѣ три дома и три усадьбы, которые опустѣютъ въ каждомъ польскомъ городѣ отъ переселенія ихъ хозяевъ на Украину, немедленно вступятъ иные владѣльцы и будутъ платить тѣже налоги, что платили и прежніе. Будутъ и такіе изъ предназначенныхъ къ переселенію, которые пожелають снять съ себя эту христіанскую обязанность и наймутъ вмѣсто себя другихъ, хорошо заплативъ имъ за имущество и принявъ на себя ихъ повинности.

Новые переселенцы въ Кіевъ изъ Королевства Польскаго, изъ Великаго Княжества Литовскаго и изъ другихъ княжествъ, волящихъ въ составъ польскаго государства, принесутъ туда

болѣе утонченныя обычаи и, благодаря доброму вліянію Поляковъ, кіевскіе Русскіе процвѣтутъ, достигнуть сообца съ Поляками вѣчной славы (чего я имъ съ помощію Божіею желаю) и будутъ на вѣчное время доставлять угѣшеніе и похвалу Его Величеству Королю и всей Рѣчи Посполитой.

Въ заключеніе по милосердію Божію прошу Васъ, милостивые государи братья, если Вы истинно любите Рѣчь-Посполитую, то не отнеситесь легко къ моему предостереженію и къ моимъ мнѣніямъ, но, какъ представители всей Рѣчи-Посполитой, походатайствуйте передъ Его Величествомъ Королемъ и передъ духовнымъ сословіемъ, чтобы мое предположеніе осуществилось. Я не желаю, чтобы по нашей общей нерадивости столица славнаго княжества кіевскаго дожидла до грозной опасности. Вы должны явиться истинными братьями и благодѣтелями кіевскихъ обывателей, и за то они не только будутъ за Васъ вѣчно молить Бога, но и самъ Господь Богъ благословитъ Васъ на вѣчныя времена. А затѣмъ остаюсь искренне доброжелательнымъ слугою Вашимъ, милостивые государи и братья. Написано въ Сѣцѣховѣ въ день новаго 1595 года. Вашъ, моихъ милостивыхъ государей, братъ, богомолецъ и навсегда преданный слуга Юзефъ Верещинскій, Божіею милостью бискупъ кіевскій, аббатъ сѣцѣховскій.

Записка о послѣднихъ годахъ жизни гр. Ал. К. Разумовскаго въ Малороссіи, его кончинѣ и похоронахъ.

(1818—1822 г. г.).

Вигель, въ своихъ мемуарахъ, говоритъ о сыновьяхъ гетмана Разумовскаго, что „всѣ они воспитаны были за границею, начинены французскою литературою, облечены въ иностранныя формы и почитали себя русскими Монморанси, они были любезные при дворѣ и несносные внѣ его аристократы“. Къ этому отзыву Васильчиковъ добавляетъ („Семейство Разумовскихъ“, II, 44), что старшій изъ сыновей гетмана—Алексѣй Кириловичъ „былъ гордыни непомянутой... Гордый въ отношеніи къ постороннимъ, Разумовскій былъ суровъ въ кругу своего семейства. Правда, что подроставшіе сыновья часто выводили его изъ терпѣнія своимъ самодурствомъ, а главное долгами. Деньги—это было самое больное его мѣсто. Дѣла по хозяйству шли крайне плохо, на расходы по постройкамъ и роскошныя затѣи часто не хватало средствъ... Графъ хандрилъ, подозрительно относился къ самимъ близкимъ людямъ, вѣчно жаловался, вѣчно былъ недоволенъ“....

Какъ извѣстно, Ал. К. Р—ій, долго уклонявшійся отъ службы, въ 1807 г. былъ назначенъ попечителемъ московскаго университета и округа, а въ 1810 г.—министромъ просвѣщенія. Послѣ шестилѣтней неохотной службы на министерскомъ посту, Р—ій въ 1816 г. вышелъ въ отставку, оскорбленный принятыми правительствомъ мѣрами противъ іезуитовъ, которымъ

министръ просвѣщенія покровительствовалъ въ ихъ школьной дѣятельности.—Первые два года послѣ отставки Р—ій провель въ Москвѣ и въ своемъ подмосковскомъ имѣніи Горенкахъ, извѣстныхъ чудесными оранжереями, стоившими сотни тысячъ.... Затѣмъ, лѣтомъ 1818 г. Р—ій со всею своею семьею („Сем. Разум.“, II, 110) переѣхалъ въ Малороссію и поселился въ м. Почепѣ, мглинскаго уѣзда. Здѣсь у Р—аго былъ дворецъ, представлявшій собою, по отзыву его доктора, нѣмца Гуна, „великолѣпное каменное зданіе необъятнаго простора“... Въ этомъ дворцѣ Р—ій прожилъ до своей смерти, въ апрѣлѣ 1822 г.

Въ печатаемой здѣсь „Запискѣ“ разсказано—какъ жила эти четыре года въ Малороссіи Ал. К. Р—ій, какъ онъ умеръ и какъ былъ дважды похороненъ, сначала въ Почепѣ, а потомъ—въ Новгородѣверскѣ. „Записка“ составлена въ 1869 г. и заключаетъ въ себѣ воспоминанія одного изъ дворовыхъ крестьянъ Р—аго, Н. Ш., состоявшаго „главнымъ письмоводителемъ дѣлъ“ почепской администраціи. Записку эту, въ копіи, получили мы отъ одного нашего знакомаго изъ мглинскаго уѣзда, печатаемъ здѣсь съ нѣкоторыми необходимыми пропусками, обозначенными точками. Воспоминанія изложены по просьбѣ сына ихъ автора, который при этомъ написалъ отцу вопросы; изъ отвѣтовъ на послѣдніе, *по пунктамъ*, и составилаъ „Записка“. Интересъ послѣдней заключается, какъ въ нѣкоторыхъ дополнительныхъ чертахъ къ біографіи Ал. К. Р—аго, такъ и въ любопытныхъ, хотя и коротенькихъ, свѣдѣніяхъ о его наслѣдникахъ.

А. Л.

1. Графъ Алексѣй Кирилловичъ Разумовскій родился въ 1748 году. Былъ, сколько мнѣ извѣстно, попечителемъ московскаго учебнаго округа и, наконецъ, министромъ народнаго просвѣщенія и членомъ государственнаго совѣта. Умеръ въ м. Почепѣ, апрѣля 5 дня, 1822 года.

Графъ пріѣхалъ изъ Москвы въ м. Почепъ іюня 2 дня 1818 года. Въ это время былъ въ Почепѣ управляющимъ надворный совѣтникъ Башинскій, а я письмоводителемъ. Жители

м. Почепа встрѣтили графа при въѣздѣ въ Почепъ, поздравили съ пріѣздомъ и поднесли хлѣбъ-соль.—Его сіятельство, поблагодаривъ за это, сказалъ: „я давно съ вами не видался“ и изъявилъ желаніе видѣть ихъ въ домѣ. Поэтому человекъ до 40 изъ нихъ отправились въ домъ. Графъ принялъ ихъ въ залѣ, разговаривалъ съ ними часа два о дѣлахъ коммерческихъ и, наконецъ, пожелавъ добраго въ нихъ успѣха, отпустилъ ихъ.

О пріѣздѣ графа въ Почепъ дано знать почепскому волостному правленію въ концѣ декабря 1817-го года, и съ января 1818 года начали отправлять изъ московскаго дома въ почепскій—людей служащихъ въ домѣ и разныя вещи въ такомъ значительномъ количествѣ, что платежъ наемнымъ извозчикамъ составлялъ въ каждый мѣсяцъ до 7—т. руб. и болѣе, ассигнаціями, сумму по тогдашнему времени довольно значительную.

2. Для пріѣзда графа парочитыхъ приготовленій въ почепскомъ домѣ не было.

3. Почепскій домъ, куда графъ пріѣхалъ, во всякое время былъ содержимъ, какъ снаружи, такъ и внутри, въ наилучшей исправности и въ порядкѣ, и былъ снабженъ всякою приличною мебелью въ достаточномъ количествѣ, такъ что не было надобности дѣлать въ немъ какія либо вновь украшенія.

4. Графъ на другой годъ пріѣзда своего въ м. Почепъ, 1819 года весною, выѣхалъ въ полтавское имѣніе свое м. Яготинъ и, пробывъ тамъ все лѣто, возвратился въ Почепъ въ половинѣ ноября мѣсяца.

Въ Яготинѣ гостили у графа родные изъ Полтавы—военный губернаторъ князь Николай Григорьевичъ Решнинъ и супруга его Варвара Алексѣевна съ дѣтьми, и, изъ С.-Петербурга, Сергій Семеновичъ Уваровъ и супруга его Екатерина Алексѣевна, и многіе другіе господа. Изъ Яготина графъ и всѣ эти гости ѣздили въ Ромны на Ильинскую ярмарку. Возвратясь изъ Ромень въ Яготинъ, всѣ гости разъѣхались въ свои мѣста. Объ этомъ писали въ газетахъ.

Того-же 1819 года, въ декабрѣ мѣсяцѣ, графъ учредилъ въ м. Почепѣ вмѣсто волостнаго правленія—главное правленіе,

куда доставляемы были и денежныя суммы отъ всѣхъ имѣній малороссійскихъ: почепскаго, шептаковскаго, яготинскаго и андреевскаго, и великорусскихъ: ершовскаго и аркадавскаго, составившихъ ⁵³/т. душъ мужескаго пола. Денежныя суммы эти, исключая суммы, которая поступала отъ почепскаго имѣнія и которою распоряжалось правленіе, хранимы были въ особомъ желѣзномъ сундукѣ, подъ названіемъ кабинетныя. Изъ нихъ ни одна копейка не могла поступить въ расходъ иначе, какъ по письменному повелѣнію графа. Объ этихъ кабинетныхъ суммахъ, о приходѣ и расходѣ, представляемы были графу ежепедѣльныя и мѣсячныя вѣдомости, и въ этомъ главномъ правленіи графу угодно было тогда-же, при учрежденіи онаго, опредѣлить меня главнымъ письмоводителемъ дѣлъ. Служеніе мое въ этой должности кончилось вмѣстѣ съ кончиною графа, послѣдовавшею, какъ выше объяснено, апрѣля 5 дня 1822 года.

5. Графъ пріѣхалъ въ Почепъ тогда, когда прибыли изъ Москвы въ Почепъ обозы съ людьми и вещами, выше, въ 1-мъ пунктѣ упомянутые. Съ нимъ пріѣхали докторъ, французъ Бонгарде, секретарь старикъ Сорока....

6. Для графа въ Почепѣ приготовленъ былъ въ домѣ весь главный большой корпусъ.... Убранство вновь въ этомъ домѣ заключалось въ томъ только, что поставлена была по личному указанію графа—мебель, привезенная изъ Москвы.

Графъ, какъ выше объяснено, пріѣхалъ въ м. Почепъ іюня 2 дня 1818 года. Послѣ этого, съ 1819 года и до кончины своей, онъ былъ всегда, можно сказать, въ тяжкихъ заботахъ; неурожай сряду три года, 1819, 1820 и 1821, поставилъ жителей здѣшняго края въ горестное положеніе. Запасы хлѣбныя и другіе повсюду истощились. Цѣны на хлѣбъ дошли до 5 р. за пудъ ассигнаціями. Поселяне питались древесною корою, соломою, взятою съ крышъ и истертою въ порошокъ, и тому подобнымъ; словомъ и поселяне, и помѣщики находились въ самомъ горестномъ, плачевномъ состояніи. Касательно крестьянъ графу принадлежащихъ: изъ нихъ въ почепской и шептаковской волостяхъ было такихъ, которые требовали пособія въ пропитаніи до 40 т. душъ обоого пола, всякаго возраста. Про-

довольствіе ихъ личною заботою о семь графа было обезпечено. По личному распоряженію его—хлѣбъ озимый и яровой покупали въ Курскѣ и Орлѣ, съ поставкою продавцовъ. Сверхъ сего, доставляли изъ имѣній графа, какъ то: яготинской, въ полтавской губерніи состоящей волости, и доставляли въ огромномъ количествѣ изъ саратовской и пензенской—ершовской волостей до г. Орла; тутъ въ нанимаемыхъ графомъ, при содѣйствіи тамошняго губернскаго начальства, магазинахъ ссыпали; и изъ Орла на наемныхъ подводахъ доставляли въ почепскую и шептаковскую волости, и раздавали крестьянамъ для продовольствія и на осѣменение полей. Удовлетвореніе такихъ необходимыхъ нуждъ человѣческихъ графу стоило до милліона рублей. Другіе дѣлать этого не могли. Изъ сего краткаго извлеченія видно, что графъ въ лѣтахъ преклонныхъ, пріѣхавшій въ малороссійскія имѣнія свои для покоя,—тутъ не покоился, а былъ тяжело обремененъ заботами.....

7. Графъ во всякое время года, въ хорошую погоду выѣзжалъ для прогулки въ большой, такъ называемый верхній, садъ и въ Рѣчицкій, вблизи Почепа состоящій, хуторъ, тутъ бывалъ на свѣтломъ дворѣ, гдѣ находилси отличный, голландской породы, рогатый скоть.....

8. Графъ тогда, когда пріѣхалъ въ Почепъ былъ лѣтъ 70-ти, но еще стройный, роста высокаго, съ выразительнымъ, серьезнымъ и, вмѣстѣ съ чѣмъ спокойнымъ и пріятнымъ лицомъ. У меня имѣется его портретъ, нарисованный такимъ, какимъ онъ былъ въ Почепѣ. Жизнь графа была всегда строгая, трезвая, аккуратная. Графъ обѣдалъ въ три часа пополуночи..... и не ужиналъ.

9. Графъ послѣ обѣда не спалъ; ложился въ 12 часовъ вечера и вставалъ поутру рано.

10. У графа бывали вечера домашніе, въ залѣ нижняго этажа; на хорахъ играла духовая музыка, принадлежавшая генераль-маіору Денисьеву, и пѣла графская пѣвчая,—отличная.. Собственной музыки у графа не было.

11. У графа бывали въ Почепѣ: малороссійскій военный губернаторъ князь Рещинъ, полтавскій и черниговскій граж-

данскіе губернаторы и полтавскій губернский предводитель дворянства, извѣстный поэтъ Василій Васильевичъ Капнисть, который гостилъ у графа мѣсяца по два и болѣе, и съ этимъ графъ любилъ бесѣдовать и прогуливаться, въ экипажѣ и пѣшкомъ....

12. Графа почаще навѣщаль и болѣе другихъ гостилъ у него г. Капнисть.

13. Свита графа состояла изъ лицъ выше, въ 5-мъ пунктѣ прописанныхъ.

14. . . . .

15. Графъ любилъ заниматься и занимался управленіемъ имѣніями по всѣмъ ихъ частямъ.....

16. Имѣнія, входившія во владѣнія графа: черниговской и полтавской губ.—волости: почепская, шептаковская, яготинская и андреевская—33.333 душъ м. п.; россійскія:—саратовской губ.—ардакская, и пензенской губ.—ершовская, и часть въ московской губ., до 20 000 душъ м. п. Сверхъ сего, домъ въ Москвѣ—на Гороховомъ-Полѣ, въ Горенкахъ, здѣсь и извѣстный Европѣ ботаническій садъ, домъ въ Петербургѣ, съ огромной библіотекою.

17. Имѣнія графа по кончинѣ его поступили, по духовному завѣщанію, двумъ сыновьямъ: Петру Алексѣевичу и Кириллѣ Алексѣевичу и по дарственнымъ актамъ, за годъ до кончины графа сдѣланнымъ, двумъ дочерямъ, княгинѣ Репниной и Уваровой, и г.г. Перовскимъ.

18. Графъ ходилъ въ церковь каждое воскресенье и праздничные дни, исключая изъ нихъ такіе дни, въ которые чувствовалъ себя несовсѣмъ здоровымъ. Пѣвчіе у него были отлично хорошіе. Хоромъ пѣвчихъ дирижироваль вольнонаемный изъ Москвы какой-то Абросимовъ. Графъ молился такъ, какъ молился всякій добрый христіанинъ. Всякій великій постъ говѣлъ, исповѣдывался и приобщался Святыхъ Таинъ, и отъ другихъ, у него служившихъ, того требоваль. Духовникомъ у графа былъ въ Почепѣ протоіерей Крыловскій, которому, по завѣщанію графа, выдано пять тысячъ руб. ассигнаціями.

19. Мнѣ неизвѣстно чѣмъ болѣзнь графа обнаружилась въ первый разъ.

20. Графъ почувствовалъ себя нездоровымъ въ мартѣ 1822 года, о чемъ отправлена была эстафета съ извѣстіемъ въ Полтаву княгинѣ Варварѣ Алексѣевнѣ Репниной, и она вскорѣ прибылъ въ Почепъ. Графъ будучи нездоровымъ, еще ходилъ и занимался..... составленіемъ духовнаго завѣщанія. Въ этомъ завѣщаніи, подписанномъ графомъ въ мартѣ 1822 года, сдѣлано назначеніе двумъ сыновьямъ: Петру Алексѣевичу и Кириллѣ Алексѣевичу такихъ имѣній, которыя оставались никому не отписанными, и сдѣлано распоряженіе о платежѣ долговъ. О погребеніи графъ завѣщаль такъ: „похоронить меня просто, по христіанскому обряду; сумму, которая потребовалась-бы на пышное меня погребеніе, исчисливъ,—роздать нищимъ“. Въ этомъ же завѣщаніи сказано, что воля его, графа, кого отпустить на свободу,—извѣстна одному изъ его наслѣдниковъ. Назначенные на волю люди слѣдующіе: а) почепскаго главнаго правленія—главный письмоводитель Никифоръ Ш., конторщики: б) шептаковский—Григорій Аршуковъ, в) ершовскій—Матвѣй Гусевъ, г) аркадакскій—Данило Варапаевъ и д) московскій—Василій Охотниковъ, ж) кабинетный писарь—Андрей Тарасенокъ; з) архитекторъ—Никифоръ Григоровичъ, и) камердинеръ—Дмитрій Кубаревъ, і) офиціантъ—Дмитрій Минтюковъ, к) лакей—Погараздовъ, л) поварь—Давидъ Асадчій, съ ихъ семействами. Графъ въ силахъ слабѣлъ; при немъ было три доктора: домашній—французъ Бонгарде, изъ Полтавы привезенный княгиней Репниной, и трегій, занимавшійся по имѣніямъ, Чайковскій. 26-го марта графъ легъ въ постель и уже не вставалъ и, будучи еще въ полномъ разсудкѣ, исповѣдывался и пріобщался Святыхъ Таинъ, и потомъ приказалъ читать псалтырь. Два чтеца попеременно читали, днемъ и ночью, такъ, какъ было ему угодно. Графъ лежа слушалъ чтеніе псалтыря и это продолжалось шесть дней. Перваго числа апрѣля чтеніе остановили. Графъ слабѣлъ. 5 числа въ 1-мъ часу пополуночи я вышелъ изъ правленія, зашелъ въ домъ, чтобы узнать о здоровьи графа.—мнѣ сказали, что ему дѣлается легче, и я отправился въ

квартиру; послѣ этого, прошло часа два, ко мнѣ пріѣхаль на бѣговыхъ дрожкахъ козакъ и сказала: „графъ умеръ, пожалуйста въ верхъ, васъ спрашиваютъ“. Вѣсть эта сильно поразила меня, я въ ту-же минуту отправился въ домъ, взошелъ въ верхъ и въ гостинную графа. Здѣсь встрѣтилъ меня князь Баратовъ, находившійся при князѣ Репнинѣ чиновникомъ по особымъ порученіямъ, и сказала:—„графъ умеръ, мы лишились своего благодѣтеля,—въ главномъ правленіи хранятся кабинетныя суммы,—распорядитесь, чтобы онѣ были цѣлы“. Въ эту минуту дверь изъ гостинной въ спальню была отворена и мнѣ представилась ужасная картина. Умершій графъ лежалъ на кровати, на которой онъ всегда почивалъ, вокругъ него стояли на колѣняхъ, рыдая, его родные..... Изъ гостинной я оправился въ правленіе, призвавъ кого слѣдовало, отдалъ надлежащія приказанія и опять отправился въ домъ. Тѣло графа вынесено было изъ спальни и положено на скамейкѣ, прилично убранной, въ гостинной, гдѣ находилось пока сдѣланы были гробъ и, въ залѣ нижняго этажа, катафалкъ..... Гробъ былъ сдѣланъ красноедеревцемъ Бардаковымъ изъ ольховыхъ досокъ и обитъ матеріею темно-вишневаго цвѣта. Тѣло графа положено было въ этотъ гробъ, перенесено въ залу и поставлено на приготовленномъ катафалкѣ, гдѣ и находилось оно три дня; на четвертый день, 8 числа апрѣля, въ 11 часу по утру, при цѣннѣхъ пѣвчихъ, въ присутствіи духовенства: духовника протоіерея Крыловскаго, до 30 священниковъ и родныхъ: княгини Варвары Алексѣевны Репниной и друг... тѣло покойнаго графа спято было съ катафалка и перенесено въ церковь; началась обѣдня, послѣ обѣдни—большая панихида, затѣмъ прощаніе и погребеніе въ церквѣ, въ приготовленномъ заблаговременно склепѣ. Я удостоился нести къ погребенію и погребать великаго благодѣтеля своего, знаменитаго вельможу. Съ той минуты, когда тѣло графа поставлено было въ залѣ, на катафалкѣ, и до погребенія, трудно было проходить между людей, приходившихъ со слезами поклониться тѣлу покойнаго благодѣтельнаго вельможи. Съ того дня, въ который совершенно погребеніе графа, началось чтеніе, на могилѣ его, псалтыря и продолжалось оное въ

теченіи всего года днемъ и ночью, нанятыми для сего людьми. О болѣзни, предсмертной жизни и кончинѣ графа писано было въ газетахъ... Изъ дому разныя вещи, лошади, экипажи и пѣвчая были отпращены въ Яготинъ. Люди, служившіе въ домѣ, отправлены въ имѣнія, къ коимъ они приписаны; остались въ немъ—дворецкій и нѣсколько человекъ, и въ домѣ на мѣстѣ блеска водворилась скучная тишина. Я оставался въ Почепѣ и занимался въ правленіи.

Послѣ кончины графа, спустя семнадцать слишкомъ лѣтъ, когда Почепъ находился уже во владѣніи графа Клейн-михеля, дочь графа, княгиня Варвара Алексѣевна Репнина, просила правительство о разрѣшеніи прахъ родителя ея перевести изъ Почепца въ Новгородсѣверскій монастырь, на что и послѣдовало разрѣшеніе. Вслѣдствіе сего г. Уваровъ, извѣщая меня о томъ, предписалъ, въ іюлѣ 1839 года, сдѣлать надлежащія къ тому приготовленія и ожидать присылки отъ княгини Репниной чиновника. Посему сдѣланы были мною слѣдующія приготовленія:

а) Такъ какъ тѣло графа положено и погребено въ гробѣ деревянномъ, находящемся въ склепѣ семнадцать слишкомъ лѣтъ, то сдѣланъ изъ прочныхъ, толстыхъ, дубовыхъ досокъ ковчегъ,—гробъ такой мѣры, чтобы тотъ гробъ, въ которомъ положено тѣло графа, удобно было уложить въ немъ. Ковчегъ облить нарочито сваренною смолою, обить внутри приличною матеріею, а снаружи чернымъ бархатомъ, и на немъ, въ приличныхъ мѣстахъ, вышиты изъ серебряннаго бѣлаго позумента кресты. б) Для людей, которые были при перевозкѣ графа—траурныя одѣянія. в) Дороги, на которыхъ везеть былъ гробъ, и лошади. г) Факелы, еслибы случилось быть въ дорогѣ поздно вечеромъ. д) Разная провизія для дороги. е) Приглашенъ духовникъ покойнаго графа протоіерей Крыловскій, съ причтомъ, въ дорогу. ж) Приготовленъ въ Новгородсѣверскѣ, въ монастырѣ, въ большой церквѣ, склепъ. з) Въ Новгородсѣверскомъ монастырѣ разная провизія, напитки, приличное столовое бѣлье и посуда, для приѣма духовенства и другихъ лицъ, послѣ погребенія праха графа. и) Приглашенъ архимандритъ и духовен-

ство монастыря, для встрѣчи и служенія. і) Сдѣлано въ Новгородсѣверскомъ совѣщаніе съ городничимъ и директоромъ гимназіи на счетъ встрѣчи праха графа. к) Приглашена въ Новгородсѣверскомъ гимназическая пѣвчая, которою и дирижировала старшій учитель гимназіи Самчевскій.

Все было приготовлено и чиновникъ отъ княгини, г. Василевскій, пріѣхалъ. 27 ч. іюля 1839 года вошли въ подвалъ церкви къ склепу, въ которомъ покоился прахъ графа и который въ подвалѣ представляетъ видъ кирпичной печи, какія дѣлаются въ комнатахъ, прорубили съ боку двери. Собралось со всего Почепа духовенство и народъ, отслужили панихиду и, затѣмъ, я первый вошелъ въ склепъ и, съ помощью привезеннаго мною изъ Баклани Дмитрія Сем. Іонова, подняли гробъ, внесли въ церковь и поставили на приготовленномъ мѣстѣ, отслужили вечерню и панихиду,—разошлись по домамъ. Гробъ и матерія, которой онъ былъ обитъ, оказались нисколько не поврежденными; на матеріи только замѣтны пятна отъ извести, падавшей сверху при задѣлкѣ склепа. Гробъ легокъ такъ, какъ бы въ немъ ничего не было. На другой день отслужили заутреню и панихиду, послѣ сего внесли въ церковь сказанный ковчегъ, отслужили обѣдню и большую панихиду, вложили гробъ въ ковчегъ, покрыли чернымъ сукномъ, вынесли изъ церкви, поставили и укрѣпили на рессорныхъ дрогахъ, запряженныхъ въ шесть лошадей, и тронулись въ путь, въ сопровожденіи духовника графа протоіерея Крыловскаго, дьякона, дьячка и другихъ многихъ лицъ изъ служившихъ покойному графу. Стеченіе людей, не только изъ Почепа, но и съ окрестныхъ селеній, было чрезвычайно большое.—Всѣ они провожали прахъ графа за Почепъ, не ближе трехъ верстъ, и весьма многіе изъ нихъ плакали, выговаривая: „ты нашъ былъ отецъ“. Того-же дня прибыли въ Баклань, при закатѣ солнца, тутъ остановились возлѣ церкви и, отслуживъ панихиду,—ночевали. На другой день, отслуживъ панихиду, отправились въ путь чрезъ Погаръ, гдѣ останавливались три раза вблизи церквей для служенія панихидъ. Обѣдъ и отдыхъ людямъ и лошадямъ былъ на Ворѣ, въ 10-ти верстахъ отъ По-

гара Отсюда, проѣхавъ чрезъ м. Гремячъ, отслужа возлѣ церкви панихиду, почевали въ Слободѣ Каменской, куда, какъ было вечеромъ и темпо, вошли съ факелами и служили панихиды. На другой день, выѣхавъ изъ слободы, остановились, на обѣдѣ и отдыхѣ людей и лошадей, въ селѣ Мамекинѣ; изъ этого села отправили въ Новгородсѣверскъ нарочнаго съ извѣстіемъ г. директора гимназіи, городничаго, архимандрита и протоіерея, по предварительномъ о томъ мною съ ними совѣщаніи. Когда выѣхали изъ Мамекина, не доѣзжая до Новгородсѣверска версты полторы, встрѣтило духовенство: протоіерей законоучитель гимназіи Ленчевскій и до 20 священниковъ съ причетниками и городничимъ, при многочисленномъ стеченіи народа, отслужили панихиду. Не доходя гимназіи за $\frac{1}{2}$ версты, встрѣтили: директоръ, всѣ учителя и ученики гимназіи, и съ ними гимназическая пѣвчая. Когда прошли гимназію, не доходя до монастыря саж. за сто,—встрѣтилъ архимандритъ со своимъ духовенствомъ и, наконецъ, когда остановились у монастырскихъ воротъ, люди, приготовленные г. городничимъ, сняли въ дрогъ гробъ, внесли въ церковь и поставили на приготовленномъ за благовременно мѣстѣ. Отслужили вечерню и разошлись по домамъ, на ночлегъ. На другой день, 31-го іюля, рано по утру, служилъ заутреню архимандритъ; затѣмъ, спустя часа 3, онъ же совершалъ лютургію въ присутствіи вышеупомянутыхъ, принимавшихъ участіе во встрѣчѣ, лицъ и пѣвчей, при многочисленномъ стеченіи господъ и народа. Послѣ лютургіи служили большую панихиду и потомъ произнесены были рѣчи: протоіеремъ Ленчевскимъ и учителемъ гимназіи; наконецъ, совершенно погребеніе въ церкви, въ склепѣ. Затѣмъ—обѣдъ въ залѣ архимандрита. На обѣдѣ были: архимандритъ, духовенство, директоръ, учителя гимназіи, городничій и разные значительные господа до 50 душъ. Вскорѣ послѣ сего и памятникъ, перевезенный изъ Почепа въ Новгородсѣверскъ, поставленъ на могилѣ графа.

И такъ, я два раза погребалъ своего великаго благодѣтеля. Миръ праху твоему, благодѣтельный мужъ!

Милости и благодѣнія, которыя оказывалъ мнѣ графъ Алексѣй Кирилловичъ Разумовскій, во всю жизнь мою, не могутъ изгладиться изъ благодарной моей памяти.—

Относительно служенія моего графу Алексѣю Кирилловичу и, по кончинѣ его, дочерѣ его, Екатеринѣ Алексѣевнѣ Уваровой и супругу ея Сергію Семеновичу Уварову.

Служеніе мое графу я проходилъ такимъ образомъ.—1810 г. въ апрѣлѣ, я, бывшимъ въ то время управляющимъ почепскою волостью, майоромъ Тимоновымъ, опредѣленъ въ почепское волостное правленіе къ письменнымъ дѣламъ, и утверженъ повелѣніемъ графа января 20-го, 1811 г. за № 28-мъ, (въ подлинникѣ у меня хранящимся). Тутъ служилъ я по 15-е іюня 1813 г. Этого 15 ч. іюня прибылъ въ м. Почепъ, принятый графомъ главноуправляющимъ надъ всѣми малороссійскими имѣніями, составлявшими почепскую, шептаковскую, яготинскую и андреевскую волости, заключавшими въ себѣ 33 333 д. м. п., орловской губ. помѣщикъ Тимоновъ, и графу угодно было назначить меня къ нему письмоводителемъ, и тутъ служилъ я 4½ года. Въ концѣ 1817 г. Тимоновъ уволенъ и я занималъ въ почепскомъ волостномъ правленіи должность письмоводителя, до учрежденія въ м. Почепѣ, въ 1819 году, главнаго правленія, гдѣ служилъ я, къ выше объяснено, главнымъ письмоводителемъ или правителемъ дѣлъ, до кончины графа, всего 12 лѣтъ.

Служеніе мое г.г. Уваровымъ началось, продолжалось и кончилось такъ: послѣ сѣзда въ Москву наслѣдниковъ графа для раздѣла, пріѣхавъ изъ Москвы въ Почепъ, въ іюні 1822 г., г. Уваровъ и, зная обо мнѣ изъ переписки, обратился ко мнѣ и распрашивалъ у меня о дѣлахъ до бакланской и машевской экономій относящихся, и поручилъ мнѣ, на основаніи акта, даннаго отъ покойнаго графа супругѣ его Екатеринѣ Алексѣевнѣ, просить о введѣ во владѣніе сихъ экономій, и я исполнилъ это такъ, что онъ былъ доволенъ и изъявилъ мнѣ свою благодарность. Между тѣмъ, писалъ онъ княгинѣ Репниной, чтобы я допущенъ былъ въ кабинетъ покойнаго графа—отобрать и принять въ немъ бумаги, до тѣхъ экономій относящіяся, на

что послѣдовало отъ княгини Репниной согласіе, и я таковыя бумаги въ кабинетѣ принялъ и доставилъ г. Уварову. Въ то же время онъ изъявилъ желаніе свое, чтобы я, оставя служеніе свое въ Почепѣ, переѣхалъ въ Машевъ и тутъ принялъ должности писмоводителя и казначея, и устроилъ-бы канцелярскій порядокъ. Я и это исполнилъ такъ, что Уваровъ, будучи вполне мною доволенъ, пріхавъ въ Баклань въ 1826 г., поручилъ моему управленію бакланскую, а въ 1827 г. и машевскую экономіи, заключавшія въ себѣ до 6 т. д. м. п., и суконныя фабрики, съ казною обязанныя; и я распоряжался ими 20 лѣтъ.

И такъ, служеніе мое продолжалось графу Алексѣю Кирилловичу Разумовскому до кончины его, 12 лѣтъ, дочери его Екатеринѣ Алексѣевнѣ Уваровой и супругу ея—20 лѣтъ, всего 32 года.

Наконецъ, несмотря на то, что назначенные на волю выше, въ 20 пунктовъ поименованные люди, всё, исключая меня, по кончинѣ графа, получили отпускныя отъ лицъ, получившихъ имѣнія, въ 1822 и 1823 годахъ,—я, доставшійся въ числѣ крестьянъ, составлявшихъ бакланскую и машевскую экономіи до 6 т. д. м. п., на часть дочери графа—г-жи Уваровой, отпускной не получилъ. По волѣ ея и супруга ея, оставленъ служить имъ и служилъ вѣрою и правдою, управляя означенными имѣніями 20 лѣтъ, получая отъ г. Уварова во все продолженіе этого времени весьма часто благодарности, отпускныя дѣтямъ моимъ, вскорѣ послѣ ихъ рожденія, и увѣреніе въ томъ, что и мнѣ, въ непродолжительномъ времени будетъ отпускная и особенная за усердіе мое къ нимъ награда, могущая достаточно обезпечить существованіе мое и семейства моего на будущее время. Но г. Уваровъ сего не исполнилъ, вопреки послѣдней воли благодѣтели своего графа Алексѣя Кирилловича, давшего супругѣ его огромныя имѣнія, вопреки своихъ общаній и увѣреній и вопреки справедливости!—

Въ 1842 году я отъ управленія имѣніями уволенъ. На мѣсто мое поступилъ полякъ Рудницкій и пять человекъ по-
 —————
 Варшавы. Начетовъ на

мнѣ, при всемъ ихъ стараніи запутать меня, никакихъ не оказалось. Послѣ сего, спустя 4 года, въ 1846 году, г.г. Уваровы бакланскую и машевскую экономіи отдали дочери своей А. С., а вмѣстѣ съ ними и меня, назначеннаго графомъ на волю, которую слѣдовало мнѣ получить, какъ и другіе получили, въ 1822 году или 1823 году. Супругъ А. С., которому и ни одного дня не служилъ, принявъ во владѣніе свое означенныя имѣнія, тотчасъ занялся, употребляя во зло помѣщичью власть, притѣснять людей, служившихъ графу и г.г. Уваровымъ, требовать отъ нихъ выходовъ на волю и платить ему за это по назначенію его деньги въ такой суммѣ, которой они не имѣли и имѣть не могли, угрожая въ противномъ сему случаѣ—ссылкою въ Сибирь! Такимъ образомъ разорялъ ихъ до крайности, и тѣмъ способомъ отнялъ и у меня все благопріобрѣтенное предками моими и мною достояніе, разорилъ меня до послѣдка и потомъ выдалъ мнѣ съ женою и двумя малолѣтними дочерьми отпускную въ январѣ 1851 года. Такая, выдуманная мужемъ А. С. для умноженія доходовъ своихъ, неслыханная въ здѣшнихъ мѣстахъ, система — оскорбительна не только для честнаго, благороднаго дворянства, но для всякаго честнаго, здравомыслящаго лица.

Да судить ихъ Господь Богъ!

ПѢСНИ И СКАЗКИ О ЖИВОМЪ МЕРТВЕЦѢ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Пѣсни: Варианты малорусскій и угрорусскій.—Общія и частныя черги.—Варианты: болгарскій, сербскіе, венгерскій, италянскій, старинныя датскіе, новыя шведскіе и англійскіе. Выводы.

Сказки малорусскія. Мотивы объ обманѣ мужа женой посредствомъ рыбъ и объ ѣздѣ женщины на мужчинѣ. Сложная и краткая форма сказки о живомъ мертвецѣ. Фабль и новеллы о живомъ мертвецѣ. Сужденіе о нихъ Белье. Литература предмета. Связь малорусскихъ сказокъ о живомъ мертвецѣ съ фаблю.

Пѣсни и сказки о живомъ мертвецѣ, записанныя въ небольшомъ количествѣ въ разныхъ мѣстахъ Россіи и Австро-Венгріи, въ этнографическихъ предѣлахъ преимущественно малорусскаго племени, до сихъ поръ, сколько мнѣ извѣстно, не привлекали къ себѣ вниманія изслѣдователей. Обширная монографія проф. *Созоновича* о женихѣ-мертвецѣ относится къ другому циклу пѣсенъ, сказаній и повѣрій, ничего общаго не имѣющему съ цикломъ пѣсенъ, сказокъ и новеллъ о живомъ мертвецѣ. Послѣдній распадается на два отдѣла: въ одинъ входятъ почти исключительно народныя пѣсни, во второй—преимущественно сказки и новеллы. Ближайшее изученіе пѣсенъ и сказокъ о живомъ мертвецѣ представляетъ высокій историко-литературный и историко-культурный интересъ, открывая характерныя нити живаго общенія малорусскаго народа съ западнымъ

1.

ПѢСНИ О ЖИВОМЪ МЕРТВЕЦѢ.

Въ V т. „Трудовъ“ *Чубинскаго* (113 — 114) напечатана слѣдующая пѣсня, взятая изъ рукоп. г. Кулиша, безъ обозначенія мѣста и времени записи.

„Ой умру, маты, умру
 Да за часъ, за годину,
 За часъ, за годину,
 А за дочку вдовыну.“
 —Ой, не вирай, мій снночку,
 Сострой соби цервовочку,
 А вси дивки прійдуть
 До церковци мольться
 И вдовина дочка.
 А вси дочки приходять
 До церви мольться,
 А нема дочки вдовиной.
 „Ой умру маты“...
 —Ой не вирай, мій снночку,
 Зроби соби корчемочку,
 А вси дивки прійдуть
 До корчменн гулаты
 И вдовина дочка прійде,
 А вси дочки приходять
 До корчменн гулаты,
 А нема дочки вдовиной.
 „Ой умру, маты“....
 —Ой не вирай, мій снночку,
 Зроби соби хочъ трунчочку,
 А вси дивки прійдуть
 На тило дывытсья
 И вдовина дочка прійде.
 А вси дивки приходять
 Та на тило дывытсья;
 Прійшла и едина дочка
 Та дочка вдовина.
 А вси дивки приходять
 Та у ниженькахъ стали,
 Прійшла дочка вдовина,
 Та й въ головахъ стала.
 Козакъ искватывся,

Давай, мати, пива, меду
 Бо вдовину дочку веду!

Эта пѣсня записана, по всей вѣроятности, въ юго-западномъ краѣ, гдѣ дѣвушки собираются въ корчму на танцы, чего не бываетъ въ лѣвобережной Малороссіи. "Корчма—это народный—клубъ, говоритъ *Чубинскій* въ VII т. Трудовъ 450; сюда сходятся въ часы досуга мужчины и женщины и заводятъ дружескую бесѣду съ знакомыми и пріятелями, которые приходятъ въ корчму не съ тою цѣлью, чтобы напиться, но больше являются съ намѣреніемъ людей посмотреть и себя показать... Собирается извѣстная компанія, садится за столъ, а лѣтомъ на дворѣ въ тѣни гдѣ либо вблизи корчмы. Посрединѣ постилагается платокъ, на который кладется разломанная на куски паляница и рыба, „чехоня або оселедци“, тутъ же въ корчмѣ пріобрѣтенная. Кто угощаетъ водкою, тотъ обязанъ подносить каждому по очереди; но первая рюмка всегда принадлежитъ угощающему. Когда разопьютъ взятую водку, другой членъ кружка покупаетъ и подноситъ такимъ же образомъ; затѣмъ третій и т. д. Во время этой попойки идетъ общая дружеская бесѣда о житѣ—бытѣ вообще.... Въ корчму приходятъ музыканты, собираются парни и дѣвушки и пляшутъ подъ звуки музыки“....

Въ пѣснѣ малорусской взято три мотива: постройка церкви, корчмы и труны; мать даетъ совѣты; предполагается, что сынъ исполняетъ ихъ; въ пѣснѣ не пояснено, почему вдовина дочка не приходила.

Къ малорусской пѣснѣ близко подходитъ и объясняетъ ея основные мотивы слѣдующая болгарская пѣсня о Стоянѣ и Боянѣ:

„Учи ме, майко, карай ме,
 Какъ да Бояна пограбамъ?“—
 „Учамъ те, синко, научамъ,
 Какъ да Бояна пограбамъ.
 Напра' и цѣрка стретъ село
 Си те девойки ке до'ятъ
 И калешести невѣсти,
 И цѣрнооки вдо'ни,
 И бѣла Боя ке до'ятъ
 Си стана Стоянъ сиромашъ,

Напра'и цѣрка стретъ село
 Си те девойки дейдо'е,
 И калешести невѣсти,
 И цѣрнооки вдо'ици,
 Бѣла Бояна не дойде.
 Си стана Стояиъ сиромафъ
 Отиде чур'при майка си:
 „Учи мо, майко, карай ме,
 Какъ да Бояна пограбамъ?“ —
 „Стояне, синко рогене,
 Напра'и чешма стретъ село,
 Си те девойки.....
 Си стана Стояиъ сиромафъ,
 Напра'и чешма стретъ село;
 Си те девойки. етс.....
 Бѣла Бояна не дойде.“
 Си стана Стояиъ сиромафъ
 Отиде дур'при майка си.....
 . . . . .
 Учамъ те, синко, научамъ,
 Напра'и бафча стретъ село
 . . . . .
 Учамъ те, синко, научамъ,
 Ты да си умришъ отъ нафолъ
 Си те девойки етс.....
 Умрелъ си Стояиъ отъ нафолъ,
 Дочуле си—те девойки,
 И калешести невѣсти,
 И цѣрнооки вдо'ици,
 Си—те Стояна виделе,
 Си—те ему пещенъ отнесле;
 Уще Бояна немагъ.
 Бояна майкѣ ѣ велить:
 Майко ле, мила майко ле!
 Отъ тебе взанъ си сава
 Ясъ да го видамъ Стояна,
 Вече ми Стояиъ умрело,
 Ке пойдамъ да го целивамъ,
 Отъ него ца съ отпростамаъ;
 Си—те дручачки пойдо'е,
 И мѣ, майчице, да одамъ.“
 Майке ѣ взанъ ѣ даде
 „Ай одай бѣла Бояно!
 Да не сѣ тамо забавишъ“
 Ми стана бѣла Бояна,

Влезе си въ мала градина,
 Си набра киска босильокъ,
 Секакво цвѣе 'убо'о,
 Колку во дворне ми влезе,
 Отъ майки изашъ накъ земать:
 Майко ле, мила майко ле!
 Я сего тамо ке одамъ
 Да си го вида Стояна.
 Колку Бояна отиде
 Во Стояно'и дворо'и,
 Писна Бояна да плачить;
 „Офъ леле, юнакъ, Стояне!
 Душа да нематъ майка ми,
 Защо теведе на душа,
 Защо ми младо зачина,
 Оба не си съ простиѣме!“
 Отиде дур' при Стояна,
 Му кладе киска босильокъ,
 Прибра съ да го целивать,
 Стояниѣжъ фати за рѣка:
 „Добре ми дойдо, Бояно!
 Какъ съ излѣжи мвѣка ти,
 Како те тебе пушила?
 Како ти тебѣ нарѣча?
 Арно те господъ донесе,
 Со тебе ке съ кердоса.“
 Пойдо'е полей да кавѣтъ,
 Стояна да го закопвѣтъ,
 Не го Стояна закопвѣтъ,
 Тук' го Стояна венча'е,
 Коча ми дочу майка ѣ,
 Отъ ум—отъ ке съ расипнѣ.
 Тие съ два—та венча'е

(Миладинови № 185 стр. 294—296).

Въ переводѣ: „Научи меня, матушка, какъ мнѣ увести Бояну.“—„Научу тебя сынокъ, научу: Построй церковь посреди села; всѣ дѣвушки въ нее прійдутъ, и красавицы молодицы, и черноокія вдовицы, и красавица Бояна прійдетъ. Подхватился бѣдняга (сиромаха) Стояниѣ. Выстроилъ церковь посреди села; всѣ дѣвушки туда пришли, и молодицы, и вдовицы; но Бояна не пришла....“ Далѣе, Стояниѣ, по совѣту матери, посадилъ садъ, отородъ, но Бояна все-таки не пришла... Наконецъ, мать совѣтуетъ Стояну притвориться мертвецомъ (умришь отъ

нафоль“). Дѣвицы, молодицы и вдовы принесли ему похоронные дары („пещешь“), и Бояна отпросилась у матери пойти поцѣловать Стояна и проститься съ нимъ. Она нарвала въ своемъ саду букетъ васильковъ, подошла къ Стояну, стала горько плакать и проклинать свою мать разлучницу („душа да немать майка ми“). Когда она собралась поцѣловать Стояна, послѣдній схватилъ ее за руку. Стоянь спрашиваетъ, какъ Боянѣ удалось обмануть мать и благодарить Бога, что овладѣлъ Бояной. Поповъ звали хоронить Стояна, а попы обвѣнчали Стояна съ Бояной.

Варианты у *Миладинова* подъ №№ 186, 187 и 117 сходны. Въ вар. № 186 юнакъ напрасно посылаетъ своихъ, напрасно строить церковь. Тогда юнакъ притворяется мертвецомъ (жив мѣртовецъ). Дѣвушка является съ букетомъ цвѣтовъ. Пѣсня кончается словами:

Ка ѿ виде войникъ юнакъ,
Рѣка пуци, ѿ бакачи
Сѣ залюбиха, сѣ венчаха.

Въ вар. № 117 Стоянь строить церковь, украшаетъ ее золотомъ и серебромъ; Димана приходитъ посмотреть и вѣнчается со Стояномъ. Къ вар. № 187 примыкають два другихъ, у *Верховича* и *Дозана*.

Въ сербской пѣснѣ „Женидба ерцеги Стевана“ красавица Мара, просватанная отцомъ за Стефана, но желая выйти за него, по совѣту матери притворяется мертвой. Стефанъ кладетъ ей на грудь огонь, потомъ змѣю; но Мара выдерживаетъ пытку, и Стефанъ со сватами удаляется. Пѣсня извѣстна въ нѣсколькихъ вариантахъ (*Николић*, Срп. нар. песме №№ 43—45). Эти пѣсни, очевидно, отличаются отъ всѣхъ вариантовъ о живомъ мертвецѣ. Повидимому, онѣ составляютъ своеобразную сербскую группу пѣсенъ о живомъ мертвецѣ.

Гораздо ближе къ малорусскимъ и болгарскимъ пѣснямъ стоитъ словинская у Вразы „*Cudna bolezen*“. Здѣсь мать строить сначала церковь, потомъ выкапываетъ колодець; но дѣвица не приходитъ; тогда юноша притворяется мертвымъ. Дѣвушка приходитъ; мнимый мертвецъ ее обнимаетъ, а молодежь, глядя

въ окно, удивляется, что мертвецъ протягиваетъ руки для объятій и губы для поцѣлуевъ (*Child I 250*).

М. Е. Халанскій любезно указалъ мнѣ на одинъ вариантъ въ „Разне српске народне пјесме“, собранныхъ Миланомъ *Осветничемъ* въ Бокѣ Которской и изд. въ 1888 г. Здѣсь на стр. 136—140 помѣщена своеобразная версія подъ заголовкомъ „Царевиѣ Муѿо и Мермера дјевојка“. Начало: „Гони коня царевиѣа Муѿо испред двора Мермере девојке“. Мермера заплетаетъ свои прекрасныя косы (жуте-желтыя, золотыя). Муѿо влюбляется и приглашаетъ Мермеру. Она отказывается: „жена твоя породила ребенка и другаго носить подъ поясомъ“. Приѣзжаетъ Муѿо домой. У него разболѣлась голова. Мать, узнавъ, что причиной болѣзни является неудачная любовь, совѣтуетъ ему лечь на постель, и начинаетъ плакать о немъ (визнуть), какъ по умирающемъ и созывать къ нему дѣвицъ и молодыхъ женщинъ. Всѣ пришли,—не пришла только Мермера. Дѣвушки и затѣмъ ея собственная мать упрекаютъ ее и посылаютъ къ Муѿѣ. „Свачиѣм је мајка заклинала“, и тогда Мермера перодѣлась въ мужское платье побратима Муѿа, приѣхала къ нему и спросила его, чтобы онъ сдѣлалъ, если бы Мермера попала въ руки (да ти Мермер запане у руке). Муѿа говоритъ, что онъ бы изнасиловалъ ее, но не взялъ (облѣбно, ма је узо не би). Мермера переночевала съ Муѿомъ ночь на мягкой постели, а утромъ въ насмѣшку надъ нимъ призналась, что она Мермера. Когда Муѿо услышалъ, умеръ съ досады (ад муке се мртав праметнуо). Мермера уѣхала домой.

Съ славянскими вариантами въ самомъ близкомъ родствѣ стоитъ венгерскій: Красавецъ Тони говоритъ своей матери, что онъ умретъ отъ любви къ Еленѣ. Мать совѣтуетъ жить. Она строитъ сначала драгоцѣнную мельницу; но Елена не пришла; мать не пустила ее. Мать Тони строитъ мѣдный мостъ; всѣ пошли смотрѣть мостъ; но Елену мать не пустила. Мать Тони совѣтуетъ ему представиться мертвецомъ. Мать Елены опасается, что она не вернется. Елена пошла, стала у ногъ мнимаго мертвеца и сказала: „Никогда я не видѣла такого красиваго мертвеца, съ глазами смѣющимися, съ губами располо-

женными къ поцѣлюю, съ ногами, готовыми прыгать“ (eyes smiling, mouth tempting kisses and his feet all ready for a spring). Тони подскочилъ и обнялъ ее (*Child* I 250).

Отмѣтимъ мимоходомъ, что въ болгарскихъ, словинскомъ и венгерскомъ вариантахъ повторяется одна черта, указывающая на близкое родство ихъ, черта, мѣтко выраженная въ болгарскихъ пѣсняхъ у Верковича, Миладинова и Дозона:

Не ти ѣ Стоянь умрено:
 Подяе—те му се на потскокъ,
 Рѣце—те му се на преграць,
 Очи—те му се на погледъ.

Въ италіанскомъ вариантѣ молодой человекъ хочетъ жениться на дочери богатаго купца; онъ разводитъ садъ; всѣ дѣвушки пришли за цвѣтами; но его милая не пришла, потому онъ даетъ балъ съ 32 музыкантами, строитъ богатую церковь, наконецъ притворяется мертвецомъ. Дѣвушка получаетъ отъ отца позволеніе пойти въ церковь. Мертвецъ ожилъ, остановилъ похоронное пѣніе, и попы ихъ тутъ же обвинчали (изъ Сб. Ферраро, цит. у *Child* I 250).

Среди славянскихъ вариантовъ замѣчательна карпато-русская пѣсня въ сб. *Головацкаго* т. II 710—711.

1. Ей доловъ, ми доловъ, тамъ доловъ далеко,
2. Ей жили, тамъ жили двѣ близки сусѣды.
3. Една мала дѣвку бѣлую Ганицьку,
4. Друга мала сына бѣлаго Яничьса,
5. Таты двое люди тамъ ся любовали,
6. Же и въ святой церкви покоя не мали,
7. Они въ святой церкви покоя не мали
8. Со златымъ яблочкомъ до себе метали:
9. Ганусина маты на томъ застоляла,
10. Отъ вышей сусѣды муръ тягаты дала.
11. „Мураре, мураро, такъ же муръ тягайте,
12. До вышей сусѣды облачокъ нягайте,
13. Жебы я видѣла бѣлаго Яничьса,
14. Коли онъ поведе до воды коничька!“—
15. „Умру, матусь, умру, про бѣлу Ганицьку,
16. Про ей бѣле тѣло мое сердце млѣло“.
17. „Не умри, Яничьку, про бѣлу Ганицьку,
18. Дамъ я мурувати округлу корчьничку:
19. Пойдутъ до ней, пойдутъ пани и пансве,
20. А чей магъ пустить до ней и Ганицьку“.

21. „Пустте мя, мамичько, до округлой корчмы!“
22. „Не пушу, не пушу, ты хижечна курво!“
23. „Умру, матерь, умру про бѣлу Ганичьку,
24. Про ей бѣле тѣло мое сердце мѣло“.
25. „Не умирай, сыну, про бѣлу Ганичьку,
26. Ей дамъ я справиги ременяный мостокъ:
27. Панове и паньи пойдуть по мостичьку,
28. А чей пустить мати и бѣлу Ганичьку“.—
29. „Умру, матусь, умру про бѣлу Ганичьку,
30. Про ей бѣле тѣло мое сердце мѣло“.
31. „Не умирай, сыну, про бѣлу Ганичьку,
32. Дамъ вымурувати округлу церковцу,
33. Панове и паньи пойдуть до церковци,
34. Може и Ганичьку мати до ней поше“.
35. „Пусти мя, мамичько, до округлой церкви!“
36. „Не пойдешъ, не пойдешъ, ты, хижечна курво!“
37. „Умру я, мамичько, про бѣлу Ганичьку,
38. А ужъ конецъ былъ, серденько не било“.
39. Ганчи ся дознала кановцу порвала,
40. Кановцу порвала, на воду бѣжала,
41. Труны ся зватила, жита утратила.
42. А такъ едно тѣло легло съ другимъ тѣломъ,
43. Души спочивають съ милымъ паномъ Богомъ.
44. Съ одной страны церкви Яничька сховали,
45. Съ другой про Ганичьку смутный гробъ выбрали,
46. На Яичовомъ гробѣ росла розмарія,
47. На Ганчиномъ бѣла прекрасна лелія.
48. Тоты двое зеля такъ повѣростали,
49. Ажъ ся ихъ вершочьки верхъ церкви складжали,
50. Ганусниа мати на томъ застоля,
51. Драбини ставляла, вершия сожнила.
52. Яничьково тѣло съ гробу прогварило:
53. „Ей мати, ты мати, пренедобра мати,
54. Не дала'сь намъ жити, дай намъ ночивати!
55. Хоць тѣло въ гробѣ гніе, порохніе,
56. Але ваша любовь и за гробомъ жие“.

Эта превосходная пѣсня представляетъ любопытный образецъ мѣстной обработки заимствованнаго литературнаго сюжета.

Стихи 1—14 мѣстнаго угорско-русскаго творчества; въ нихъ отразилась гористая природа. Оригинальныя черты—выраженіе любви въ видѣ перебрасыванія въ церкви яблока и постройка стѣны. Яблоко вошло въ пѣсню, вѣроятно, изъ свадебныхъ и колядокъ, гдѣ оно является часто въ значеніи сим-

вола любви, о чемъ подроб. см. въ „Объясненіяхъ“ *А. А. Потебни* II 482—484. Въ галицкой пѣснѣ отецъ говоритъ „Ой донько жѣ моя, верзь же ми яблоко“. Дочь отвѣчаетъ: „Бигъ-ме, невержу, милому держу“—образъ, очевидно, тождественный.

Стихи 15—43 составляютъ основную тему пѣсни, причемъ первые 4 стиха почти дословно совпадаютъ съ началомъ пѣсни въ рук. сб. Кулиша. Основные мотивы угорско-русскаго варианта: мать строительница, постройка корчмы, моста, церкви. Своеобразное окончаніе — молодой человѣкъ умираетъ и его возлюбленная вмѣстѣ съ нимъ. Любопытны мелочи: понятіе округлости въ значеніи красоты зданіи и ременной мостовъ.

Къ угорскому варианту близко подходит нѣмецкій, вѣроятно, и послужившій для перваго оригиналомъ. Мать строить мельницу, потомъ церковь, и затѣмъ сынъ притворяется мертвецомъ. Когда милая подошла проститься съ нимъ, онъ вскочилъ и поцѣловалъ ее. Она отъ испуга умерла, и мнимый мертвецъ умираетъ дѣйствительно съ горя. Похоронили ихъ у церкви съ разныхъ сторонъ ея. Двѣ лиліи выросли на могилахъ, высоко поднялись и переплелись, какъ супруги (*Child, The engl. and scottish pop. ballads* II 506). Послѣдняя подробность совпадаетъ съ окончаніемъ (ст. 44—56) угорскаго варианта, ясно указывая на его нѣмецкое происхожденіе. Жалоба Яничька на мать Ганичьки, подчеркивающая злобу старухи, находитъ соотвѣтствіе въ болгарскомъ вар. (у *Миладинова* № 186), гдѣ дочь проклинаетъ свою мать. Вообще, во многихъ пѣсняхъ этого цикла замѣчается противоположеніе доброжелательной матери молодого человѣка злой матери его возлюбленной.

Мотивъ о выростаніи деревьевъ на могилахъ двухъ любовниковъ чрезвычайно популяренъ, встрѣчается въ пѣсняхъ многихъ народовъ, о чемъ подробныя бібліографическія указанія см. у *Сумцова* въ Этнографич. замѣткахъ стр. 10, *Melusine* 1888 №№ 3, 4 и 6 и *Child, The engl. ballads* III № 75.

Въ англійскихъ и шотландскихъ пѣсняхъ о живомъ мертвецѣ (*Child* I 251—252, доп. въ VI и VIII томахъ) подробности о постройкѣ церкви и т. п. утеряны. Пѣсни начинаются прямо съ совѣта матери сыну притвориться мертвымъ. Сынъ

притворяется; дѣвушка проситъ отца отпустить ее въ церковь, получаетъ разрѣшеніе и возвращается изъ церкви замужней. Пѣсни эти сходни съ славянскими, особенно по первой строфѣ:

Willie, Willie, i' l learn you a vile',
 And the sun shines over the valleys and a',
 How this pretty fair maid ye may beguile'
 Among the blue flows and the yellow and a'
 Ye maun lie down just as ye were dead....

Мать даетъ совѣтъ сыну, какъ обмануть (beguile) дѣвушку—притвориться мертвымъ.

Извѣстно много датскихъ пѣсень о живомъ мертвецѣ и, что замѣчательно, по рукописямъ XVI в. Въ одной пѣснѣ, по рукоп. XVI в., молодой человѣкъ Карль спрашиваетъ у своей матери, какъ пріобрѣсти ему любовь красавицы Кирстинъ. Мать совѣтуетъ притвориться мертвымъ. Кирстинъ проситъ у матери разрѣшенія пойти въ его домъ. Мать, опасаясь обмана, не пускаетъ; но Кирстинъ уходитъ самовольно. Она сильно плачетъ, проситъ окружающихъ молиться за душу Карла. Послѣдній оживаетъ; Кирстинъ упрекаетъ его въ обманѣ. Карль спѣшитъ къ ея отцу и испрашиваетъ разрѣшеніе на бракосочетаніе. Въ вар. по рукоп. 1610 г. Карль, идя въ церковь, спрашиваетъ Инегирлу, выйдетъ ли она за него замужъ; Инегирла отсылаетъ его къ своимъ родителямъ. Огорченный, блѣдный Карль возвращается домой. Мать совѣтуетъ ему притвориться мертвымъ. По окончанію пѣсни сходна съ предыдущей. Въ вар. по рукоп. XVI в. притворнаго мертвеца несутъ хоронить въ монастырь; дѣвушка плачетъ; мертвецъ тихонько говоритъ ей: не плачь, но слѣдуй за мной; у воротъ монастыря приготовлены черные кони. Затѣмъ онъ выскочилъ изъ гроба, схватилъ дѣвушку и бѣжалъ съ ней. Монахини, пѣвшія на хорахъ, подумали, что это ангель явился съ неба и увелъ мертвеца. Мотивъ о монастырѣ повторяется во многихъ датскихъ, шведскихъ и во французской пѣсняхъ, записанныхъ изъ народныхъ устъ. Чайльдъ считаетъ мотивъ объ отпѣваніи героя въ монастырѣ позднѣйшей амплификаціей—предположеніе весьма вѣроятное, если принять во вниманіе, что пѣсни съ добавочнымъ мотивомъ о монастырскомъ отпѣваніи заключаютъ въ себѣ фривольныя шут-

ки, напр. въ одномъ шведскомъ вар. монахини танцуютъ отъ радости, что ангель взялъ мертвеца и въ предположеніи, что и за ихъ душами Богъ пришлетъ такого ангела (*Child I 249, II 506*).

Сравнительный обзоръ вариантовъ приводитъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Пѣсня о живомъ мертвецѣ въ основной своей формѣ была уже извѣстна въ XVI вѣкѣ.

2) Въ географическомъ распространеніи пѣсня эта извѣстна въ сѣверной и южной Европѣ.

3) Малорусскіе варианты воспроизводятъ западно-европейскіе, причемъ вариантъ украинскій состоитъ въ ближайшей связи съ болгарскимъ, а угорско-русскій, повидимому, примыкаетъ съ нѣмецкимъ.

Мѣсто, время возникновенія и пути распространенія пѣсни вполне загадочны. Нѣкоторый свѣтъ по этимъ пунктамъ прольется при опредѣленіи большаго количества ея вариантовъ, при умноженіи ихъ неизданными, обращающимися въ народѣ, наконецъ, при справкахъ съ анекдотической европейской литературой, новеллами и фацеціями, литературой громадной, и еще слишкомъ мало систематизированной. Пѣсня имѣетъ анекдотическій характеръ и а—ргіогі можно принять, что она не чужда старинной новеллистикѣ. Бойкое, игривое содержаніе говоритъ за южно-европейское ея происхожденіе, а существованіе датскихъ записей XVI вѣка говоритъ въ пользу ея давней популярности у сѣверныхъ германскихъ народовъ.

Что въ основѣ пѣсемъ о живомъ мертвецѣ лежитъ какая-нибудь новела или забытое фавль, можно предположить на томъ основаніи, что въ основѣ современныхъ народныхъ сказокъ о живомъ мертвецѣ лежитъ средневѣковое фавль, какъ это видно изъ слѣдующихъ совпаденій.

2.

Сказки и фавль о живомъ мертвецѣ.

Малорусскія сказки о живомъ мертвецѣ состоятъ или изъ трехъ сказочныхъ мотивовъ, или изъ одного, причемъ въ исто-

рико-литературномъ отношеніи, въ особенности, любопытнымъ представляется сложный типъ сказки. Образчикомъ сказокъ перваго типа можетъ служить слѣдующая сказка о трехъ женахъ, записанная въ уманскомъ уѣздѣ кіевской губ. Было три жены, большія подруги. Пошли онѣ въ монастырь говѣть и на дорогѣ нашли золотое кольцо. Онѣ не знали, какъ подѣлать его. Одна говорила: „нехай мени буде, бо я побачыла“, другая—„нехай мени, бо я взяла“. Третья предлагаетъ оставить перстень той, которая удачнѣе другихъ обманетъ своего мужа. Остальныя приняли это предложеніе. 1) Первая жена посылаетъ мужа въ поле орать и, когда онъ работалъ въ полѣ, положила въ борозны живыхъ рыбокъ линовъ. Мужъ набрелъ на нихъ съ плугомъ, подумалъ, что выоралъ изъ земли, собралъ рыбу, принесъ домой и велѣлъ женѣ сварить рыбу на ужинъ. Жена не исполнила приказанія и была потомъ избита мужемъ. Сотскій связалъ его. Попъ пришелъ его исповѣдывать. Мужъ и ему сталъ говорить, что выоралъ рыбу, и былъ за то прибитъ. 2) Другая жена притворяется больной и заставляетъ мужа везти ее съ поля на возу, причемъ мужъ запрегся вмѣсто коня; затѣмъ жена садится на него верхомъ и заставляетъ внести ее въ хату, и, наконецъ, 3) третья жена поступила такъ, что обманъ вышелъ въ спасеніи. Мужъ ея долженъ былъ пойти на панцину, но, по совѣту жены, отправился на водяную мельницу, такъ какъ хлѣбъ былъ на исходѣ. Десятникъ и потомъ эконономъ похваляются избить мужика за неявку на панцину. Когда вечеромъ мужъ возвратился, жена посоветовала ему притвориться мертвымъ. Жена убрала его и стала плакать надъ нимъ. Десятникъ заглянулъ и со двора долой. Положили его въ гробъ. „А що, люде добри, сказаль попъ, куды понесемъ его, чи черезъ горѣдь, чи навкруги? мабуть несимъ черезъ горѣдь“. Мнимый мертвецъ выскочилъ изъ гроба и погнался за попомъ со словами: „ось я тобі покажу, якъ черезъ горѣдь нести мене“. Жены идутъ къ пану съ просьбой рѣшить, кто изъ нихъ удачнѣе обманулъ мужа. Панъ нашель, что первыя двѣ жены поступили неостроумно и приказаль высѣчь ихъ, а

послѣднюю одобрилъ и вручилъ ей перстень (*Рудченко*, Народ. южнор. сказки. I 165—168).

Эта любопытная сказка недавно подверглась научному анализу въ обширномъ изслѣдованіи *Бедье* „*Les fabliaux*“ (1893 г.) Правда, *Бедье* лишь упоминаетъ о нашей сказкѣ при разборѣ нѣкоторыхъ фабльо (въ VI гл. „*Tresses*“); но отмѣченныя имъ мимоходомъ литературныя параллели весьма цѣнны. Оказывается, что мотивъ о рыбахъ встрѣчается въ трехъ фабльо и особенно сходный въ Повѣсти о 7 мудрецахъ, (2 рассказъ мудреца); мотивъ о томъ, какъ женщина ѣздила на мужчинѣ входилъ въ фабльо, новеллы, драмы, отразился на многихъ памятникахъ искусства, восходитъ къ Панчатантрѣ. Обширная литература указана у *Hagen Gesamtabenteuer* I N 2 и въ особенности у *Bedier Les fabliaux* 403—404.

Въ средневѣковыхъ разсказахъ обыкновенно выступаетъ классическій мудрецъ Аристотель, напр. въ старо-французскомъ фабльо „*Lay d' Aristote*“, въ нѣмецкомъ „*Aristoteles und Phyllis*“. Знаменитый философъ выведенъ въ смѣшномъ видѣ стараго дурака, влюбившагося въ молодую дѣвушку, которая смѣется надъ нимъ, и, между прочимъ, требуетъ въ счетъ будущихъ любовныхъ благъ покатать ее. Аристотель надѣлъ сѣдло, взявъ въ ротъ уздечку и на четверенькахъ каталъ по саду коварную Филлиду, которая подгоняла его колючей розовой вѣтвью и пѣла веселыя любовныя пѣсни, (*Hagen*, I, 20—35). Не входя въ подробности, отмѣтимъ здѣсь лишь одинъ изъ наиболѣе старинныхъ варіантовъ этого анекдота: въ Панчатантрѣ министръ Фаратушти брѣжетъ голову въ угоду женѣ, а его повелитель король Нанда въ угоду своей женѣ позволяетъ себя зануздать и ржетъ по лошадиному (ib. I введение LXXVII).

Большей частью встрѣчаются сказки на одинъ мотивъ изъ трехъ предъидущихъ, чаще всего на мотивъ о живомъ мертвецѣ. Такъ въ малорусскомъ варіантѣ, записанномъ въ курской губ., говорится, что у одной женщины былъ мужъ Максимъ, глухой, неразговорчивый и некрасивый. Она слюбилась съ кумомъ и, чтобы сжить со свѣта своего мужа, стала увѣрять его, что онъ боленъ, причемъ кумъ ей поддакивалъ. Однажды

мужъ возвратился съ поля очень усталымъ, жена сказала, что онъ умираетъ, и дурень повѣрилъ ей, легъ и сложилъ руки. Жена начинаетъ голосить надъ нимъ, кумъ вслухъ высказываетъ свои сожалѣнія о его смерти, и все это глупаго мужа окончательно убѣждаетъ, что онъ умеръ. Кумъ сдѣлалъ поскорѣе гробъ, позвали попа, и понесли мнимаго мертвеца на кладбище. Глупый мужъ замѣтилъ, что люди понесли его неподходящей дорогой, и крикнулъ: „Не несуть напрамедъ, бо я позавчера втопывъ въ рудци шкапу, насылу вытягъ“. Люди отъ страха разбѣжались. Первымъ пришелъ въ себя попъ, спросилъ мнимаго мертвеца и сказалъ, что онъ ожилъ. Максимъ пошелъ домой—„ни на радость ни кумови, ни жинци“ (*Чубин.* II 540—542). Этотъ вариантъ, очевидно, стоитъ въ самомъ близкомъ родствѣ съ вар. Рудченка.

Подобнаго рода сказки встрѣчаются въ Великороссіи и въ Бѣлоруссіи. Бѣлорусскіе варианты кратки и безцвѣтны, повидимому, представляютъ искаженіе малорусскихъ. Таковы въ „Смолен. этнограф. сборникѣ“ *Добровольскаго* на стр. 354 („якъ мужикъ абмирау, а потѣмъ жонку свою падучилъ, што ина дуже любопытна“) и 355 („мужикъ мертвымъ притворился, чтобы узнать, любить ли его жена“), грубыя сказки, построенныя на мотивѣ о побояхъ жены въ смыслѣ поученія.

Малорусскія сказки о живомъ мертвецѣ въ сложномъ видѣ стоятъ въ прямомъ родствѣ съ древнимъ французскимъ фавльо „Les trois dames qui trouverent l'anel“, а въ сокращенномъ видѣ прямо отвѣчаютъ другому французскому фавльо „Le vilain de Baillleul“. Изданы эти фавльо у Монтельона и Реньо (I 15, IV 109 и VI 138). На этихъ фавльо останавливались выдающіеся ученые, Либрехтъ, Руа и въ послѣднее время Бедье. Такъ какъ въ „Les fabliaux“ Бедье сведены мнѣнія и указанія предыдущихъ ученыхъ, то мы ограничимся здѣсь лишь этимъ пособіемъ, съ небольшими добавками изъ „Gesamtabenteuer“ фонъ-деръ-Гагена; мы извлечемъ лишь то, что нужно для ближайшей нашей цѣли—объясненія сказокъ о живомъ мертвецѣ.

Фабльо о трехъ дамахъ, нашедшихъ кольцо, состоитъ въ слѣдующемъ: Три дамы заспорили, кому должно принадлежать драгоценное кольцо, найденное ими въ одно время; онѣ призываютъ въ посредники постороннее лицо, и послѣднее присуждаетъ кольцо той, которая остроумнѣе другихъ обманеть своего мужа. Таковъ основной остовъ сказки; затѣмъ идутъ подробности, которыя измѣняются въ вариантахъ. Одна жена напаиваетъ мужа, стрижетъ у него макушку (дѣлаетъ монашескую тонзуру), надѣваетъ на него клобукъ, отводитъ въ монастырь, и потомъ глупый мужъ начинаетъ думать, что поступилъ въ монахи. Другая убѣждаетъ мужа, что онъ боленъ, потомъ убѣждаетъ, что онъ умеръ. Третья—что мужъ одѣтъ въ чудесное, невидимое ему платье, и повѣрившій этому мужъ идетъ голый по улицѣ. Эти мотивы—самые распространенные; такъ—второй (о мертвецѣ) отмѣченъ въ 12 различныхъ литературныхъ памятникахъ, первый (о монахѣ) въ 11 (въ малорусскихъ нѣтъ), третій (о голомъ) въ 6. Другіе мотивы встрѣчаются рѣже. Въ трехъ фавльо встрѣчается мотивъ о рыбахъ, но въ такой отличной отъ малорусской сказки формѣ: жена оставляетъ въ четвергъ мужа въ обѣденное время подъ предлогомъ, что она пойдетъ жарить рыбу къ сосѣдкѣ; она гуляетъ съ любовникомъ недѣлю, на слѣдующій четвергъ къ обѣду приноситъ горячую жареную рыбу и увѣряетъ, что пробыла у сосѣдки нѣсколько минутъ; мужъ готовъ повѣрить. Другіе варианты малочисленны, и въ Малороссіи до сихъ поръ не были еще записаны. Жена убѣждаетъ мужа вырвать зубъ (4 разказа), обращаетъ домъ въ таверну и мужъ не можетъ его найти (въ 6 разказахъ), мужъ по ошибкѣ уступаетъ жену другому и нѣкот. др., (о чемъ см. *Bedier* 228—231, 415).

Сказка о живомъ мертвецѣ издавна существуетъ подъ разными наименованіями. Въ западной литературѣ она находится въ слѣдующихъ произведеніяхъ:

1) *Фавльо* „Trois dames“ XIII вѣка (изд. у *Mont et Reynaud*, I, 15).

2) *Keller*, *Erzählungen aus altd. Hss.* p. 210 (изд. въ *Bibliothek des lit. Vereins zu Stuttgart*, 1855) XIV вѣка.

3) *Hans Folz* (von dreyen Weyben etc) въ Zts. de Haupt. VIII, 524; повторена въ *Facetiae Bebelinae* XVI в.

4) *Tirso de Molina*, въ Tresoro de novelistas, XVII в. въ парижскомъ изд. 1847, I стр. 234.

5) *Les comptes du monde aventureux* XVII в. въ парижскомъ изданіи 1878, NXLII.

6) *Verboquet le genereux*, изд. въ 1630, II, 31.

7) *Le Sieur d' Ouville*, ed. Ristelhuber, p. 146 XVII в.

8—11) Современные народныя сказки норвежская, исландская, италянская, датская.

12) Древній нѣмецкій разсказъ, изд. *фонз-дерз-Гагеномъ* въ Gesemmtabenteuer, II, глава 45.

13) *Despériers*, Contes et joyeux devis, новелла LXX (въ изд. библиофила Якоба); повторена въ „Thésor des recreations“ 1816 г. стр. 27.

14) *Боккаччо* въ Декамеронѣ (III, 8) въ новеллѣ „Ферондо; подражалъ *Лафонтенъ* въ le Purgatoire“.

15) Въ *Nast-Eddin Hodja* Plaisanteries въ франц. перев. съ турецкаго 1876 №№ XLIX и LXVI; сходные анекдоты, индійскій, талмудическій и саксонскій указаны *Р. Келеромъ* въ Orient et Occident I, 431, 765); нѣсколько дополненій у Бедье па 431 стр.

У *Фонз-дерз-Гагена* (II введ. L—LII) сдѣлано еще нѣсколько библиографическихъ указаній (одна факція у Поджіо и новелла у Дони).

Эти библиографическія указанія, извлеченныя мной изъ Бедье и Гагена, достаточно опредѣляютъ многочисленную литературную родню малорусскихъ сказокъ о живомъ мертвецѣ.

Бедье при изученіи фавль о трехъ дамахъ, нашедшихъ кольцо, воспользовался почти всѣми источниками и пришелъ къ тому печальному заключенію, что изученіе ихъ не даетъ никакихъ крупныхъ общихъ заключеній по вопросу о происхожденіи мотива о живомъ мертвецѣ. Возможны и дѣйствительно сдѣланы лишь частныя выводы, напр., о томъ, что сицилійская сказка вышла изъ новеллы, что Фербоке взялъ разсказъ изъ *Comptes du Monde aventureux*. По словамъ Бедье, изъ

22 вариантовъ только три поддаются историческому объясненію, а на основаніи остальныхъ 19, притомъ наиболѣе древнихъ, нельзя сказать, какова была первоначальная форма фавль о трехъ дамахъ и въ частности мотива о живомъ мертвецѣ. Нельзя сказать, когда возникли основные мотивы и какими путями они переходили отъ народа къ народу (*Bedier* 232). Въ виду такого категорическаго сужденія Бедье я не беру на себя непосильной задачи входить въ подробный обзоръ всѣхъ извѣстныхъ вариантовъ, тѣмъ болѣе, что не имѣю подъ руками многихъ изъ указанныхъ выше пособій. Считаю достаточнымъ замѣтить, что малорусскія сказки о живомъ мертвецѣ имѣютъ западно-европейскихъ родственниковъ XIII и XIV вѣковъ и въ существенныхъ чертахъ очень походятъ на нихъ. Чтобы настоящее утвержденіе наше не было голословнымъ, мы приведемъ въ короткихъ словахъ содержаніе нѣсколькихъ старинныхъ западно-европейскихъ разсказовъ этого рода.

Въ старинной нѣмецкой стихотворной повѣсти „*Der begabene ê man*“ (въ 256 стиховъ) въ началѣ говорится о предварительныхъ испытаніяхъ мужа; жена требуетъ, чтобы онъ полдень счелъ за вечеръ, холодную ванну за теплую. Это, такъ сказать, вступленіе. Въ главной части говорится, что жена слюбилась съ попомъ и, затѣмъ, слѣдуетъ разсказъ, чрезвычайно сходный съ малорусскою сказкою у Чубинскаго; когда мужъ однажды возвратился домой съ полевой работы усталый, жена сказала, что онъ поблѣднѣлъ, уложила его въ постель, дала ему въ руки свѣчу, закрыла ему глаза и объявила, что онъ умеръ. Сошлись сосѣди и отнесли его въ церковь. Жена плакала и рвала на себѣ волосы. Мужа похоронили, и когда онъ въ могилѣ сталъ кричать, то попъ сказалъ, что это кричитъ демонъ въ трупѣ покойника, сталъ говорить молитвы, а жена и всѣ присутствовавшіе приговаривали „аминь“. Мужъ такъ и погибъ. Мѣстами нѣмецкое стихотвореніе почти тождественно съ малорусскими сказками; выписываю для примѣра лишь нѣсколько строкъ:

Si begonden in út die bære lügen.

Die bráhte si vil schiere dar.

dô kômen ir geburen gar,
 Die naht man im wachte,
 unz sich der tak úf machte,
 Zuo der Kirchen man in truok
 dô roufte si sich unde s'uok,
 Si gienk im weinunde mite... .

Въ фавльо „Le villain de Bailleul“ нѣтъ предварительныхъ испытаній мужа. Жена также входитъ въ связь съ попомъ. Она убѣждаетъ мужа, что онъ боленъ, что онъ умеръ, выносить въ другой домъ и здѣсь оплакиваетъ. Приходитъ попъ, поеть „Oremus“ и затѣмъ уходитъ съ вдовой въ домъ для пріятной съ ней бесѣды. Мнимый мертвецъ, услышавъ разговоръ ихъ, заявилъ, что онъ живъ и былъ за то сильно избитъ.

Въ Декамеронѣ *Боккачіо* (XIV в.), у новеллистовъ *Грацини* и *Дони* (XVI в.) и въ подражаніе Боккачіо у *Лафонтена* сильно развита насмѣшка надъ католическимъ духовенствомъ, и соотвѣтственно тому обработанъ основной сюжетъ съ эротическимъ пересоломъ.

Малорусскія сказки о живомъ мертвецѣ стоятъ гораздо ближе къ французскимъ и нѣмецкимъ фавльо XIII—XIV вѣковъ, чѣмъ къ болѣе позднимъ италіанскимъ новелламъ и, по видимому, ближайшимъ источникомъ имѣютъ нѣмецкіе рассказы, въ родѣ того, что изданъ Фонъ-дерь-Гагеномъ. Въ малорусскихъ сказкахъ попъ является какъ-то случайно, очевидно, какъ отзвукъ чужаго литературнаго источника, и весь юморъ сосредоточивается на женѣ, на ея хитрости, причемъ обнаруживается попытка обманъ жены объяснить ея доброжелательствомъ и разумностью.

Н. Ө. Сумцовъ.

Отрывки изъ записокъ Автонома Акимовича Солтановскаго.

(ОКОНЧАНИЕ). ¹⁾

Зданіе для женской гимназіи было готово. Явился высочайшій указъ о женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ въ царствѣ польскомъ. Надзирательница гимназіи, по указу, назначалась главнымъ директоромъ, а класныя дамы—начальниками учебныхъ дирекцій. На самомъ же дѣлѣ, класныя дамы назначались начальниками дирекцій изъ тѣхъ лицъ, которыя рекомендовались собственноручными письмами главнаго директора. Я тоже сталъ получать такія письма. Въ одномъ О. О. Витте писалъ, что королева прусская Августа просила намѣстника графа Берга письмомъ оказать свое вліяніе, чтобы представить мѣсто класной дамы въ Сувальской гимназіи ея протеже. Витте писалъ мнѣ, что это безспорно нужно исполнить. Ко мнѣ поступило болѣе 60 прошеній съ документами о представленіи мѣстъ класныхъ дамъ, а мѣстъ этихъ было всего 6. Я забралъ о всѣхъ просительницахъ надлежація справки и, боясь разойтись съ рекомендаціями главнаго директора, послалъ ему всѣ прошенія, съ тѣмъ, чтобы онъ самъ сдѣлалъ выборъ. Онъ понялъ меня и, возвращая прошенія, просилъ только о двухъ лицахъ, а на остальные четыре мѣста предоставилъ назначить класныхъ дамъ, по своему усмотрѣнію, согласно высочайшему

¹⁾ См. „Кіев. Стар.“ 1894 г. № 1.

указу. По мѣрѣ того какъ приближалось время открытія женской гимназіи, епископъ графъ Лубенскій зачастилъ въ Сувалки. Я узналъ, что инспекторъ мужской гимназіи, который въ тоже время долженъ былъ управлять и женской гимназіей, посѣщаетъ епископа на пробоствѣ поздней ночью, и тамъ вмѣстѣ съ ксендзомъ капеланомъ а другимъ ксендзомъ іезуитомъ о чемъ то совѣщаются. Епископъ въ свои пріѣзды сталъ обѣдать у губернатора Жерве; у него же проводилъ и вечера. Мнѣ передали, что епископъ сталъ ухаживать за М-ше Жерве и втолковывать ей, что она, какъ начальница губерніи, должна открываемую женскую гимназію принять подъ свое покровительство; что только тогда родители съ довѣріемъ отнесутся къ этому заведенію и будутъ посылать своихъ дочерей. Сообщалъ онъ ей, что по вѣрнымъ свѣдѣніямъ, надзирательницей будетъ назначена его старая знакомая М-ше Д—ъ высоко-образованная дама; что епископъ рассчитываетъ на покровительство ей М-ше Жерве. Хотя, по Высочайшему указу, гимназія подчиняется начальнику дирекціи, но, во первыхъ, онъ—мужчина, и въ обращеніи съ женщинами не знаетъ толку; во вторыхъ, ему некогда заниматься женской гимназіей. Епископъ вполнѣ увѣренъ, что если М-ше Жерве сразу заявить свои права на управленіе женской гимназіей,—то не встрѣтитъ никакихъ препятствій со стороны начальника дирекціи; при томъ-же онъ едва ли посмѣетъ противорѣчить М-ше Жерве. Тутъ же установленъ былъ церемоніаль открытія женской гимназіи. Ученицы и приглашенные родители и гости соберутся въ залъ мужской гимназіи. Для епископа тамъ будетъ поставлена кафедра, и онъ самъ въ сопровожденіи многочисленнаго духовенства и клириковъ отслужитъ мшу, окропитъ всѣхъ святой водою и произнесетъ рѣчь къ родителямъ, ученицамъ и гостямъ. Затѣмъ въ сопровожденіи губернатора и губернаторши процессіей пройдетъ въ зданіе женской гимназіи, освятитъ его и объявитъ гимназію открытою. Наконецъ, я получилъ официальное извѣщеніе отъ главнаго директора Витте о назначеніи надзирательницей женской сувалкской гимназіи супруги профессора духовной варшавской академіи, бельгійскаго подданнаго, М-ше. Д—ъ. За три дня до ея

пріѣзда прибылъ на пробовство въ Сувалки епископъ графъ Дубенскій и отправилъ на стапцію желѣзной дороги въ Гродно свою карету и шестерку лошадей за М-ше Д—ъ. Между тѣмъ я назначилъ день открытія женской гимназіи, и, въ случаѣ неприбытія М-ше Д—ъ къ этому дню, поручилъ классной дамѣ С., содержавшей прежде въ Ковно пансіонъ и удостоившейся высочайшихъ подарковъ, исполнять должность надзирательницы. Я желалъ, чтобы мшу ученицы слушали въ городскомъ костелѣ, а затѣмъ собрались въ залъ мужской гимназіи вмѣстѣ съ приглашенными гостями выслушать высочайшій указъ о женскихъ гимназіяхъ. Въ женской гимназіи зала не имѣлось. Инспекторъ и ксендзъ просили, чтобы мшу служить, ради зимняго времени, въ мужской гимназической каплицѣ. Я согласился. Утромъ наканунѣ открытія гимназіи, я узналъ, что М-ше Д—ъ еще вечеромъ пріѣхала и остановилась не въ своей квартирѣ, а на пробовствѣ, гдѣ тоже остановился епископъ въ сопровожденіи духовенства и клериковъ; что сейчасъ по ея пріѣздѣ инспекторъ съ классными дамами представлялся ей на пробовствѣ. Я немедленно распорядился о приводѣ классныхъ дамъ и прибывшей надзирательницы къ присягѣ въ зданіи женской гимназіи. Вслѣдъ за тѣмъ, идя къ генералу Ганецкому, встрѣтилъ епископскую карету, которая подъѣхала и остановилась у квартиры губернатора. Я генералу и передалъ, что сомнѣваюсь въ назначенной надзирательницѣ, которая живетъ у епископа на пробовствѣ и якшается съ ксендзами, и которая не сочла своею обязанностью представиться мнѣ. Вотъ загудѣла мостовая, и у подъѣзда остановилась епископская карета. Вошелъ ординарецъ и доложилъ: „епископъ съ женою! прикажете просить!“—Врещъ братецъ! Развѣ епископы женаты?—„Не могу знать“,—отвѣчалъ ординарецъ. „Ну такъ поиди и разпроси, кто такой? Ординарецъ зналъ и карету и лошадей епископа, и, увидѣвши въ каретѣ мужчину и даму, рѣшилъ, что это епископъ, да только съ женою. Ординарецъ опять вошелъ и подалъ карточки „M-seur Д. и М-ше Д—ъ“. Не принимаю!—сказалъ Ганецкій.

Между тѣмъ я отправился въ женскую гимназію. Присяга не была еще принесена. Я послалъ за инспекторомъ, капелла-

номъ, классными дамами и приказалъ сейчасъ розыскать надзирательницу и потребовать ее въ женскую гимназію присягнуть въ моемъ присутствіи. Явившемуся инспектору я сдѣлалъ строгій выговоръ за медленность исполненія моего приказанія. Онъ понесъ чепуху, что не смѣлъ беспокоить М-ше Д-ъ которая съ мужемъ собиралась визитировать въ городѣ. Я отвѣтилъ, что онъ не хочетъ понимать своихъ обязанностей; мои приказанія, а не желанія Д—овъ должны быть исполняемы въ гимназіи. Сейчасъ ее розыскать и доставить къ присягѣ—я жду! Пробство и костель тутъ же по сосѣдству на площади. Изъ пробства вылетѣлъ верховой и понесся въ городъ. Д—ы спустя десять минутъ подѣхали, и расфранченая М-ше въ сопровожденіи мужа развязно влетѣла въ комнату. Она стремительно направилась ко мнѣ съ французскою фразою: кажется, имѣю удовольствіе видѣть г. начальника дирекціи. Я остановилъ ее по русски. Сударыня! Вы на первыхъ же порахъ позволили себѣ забыть свои прямыя обязанности. Вы до сихъ поръ не явились ко мнѣ, не вступили въ должность, не принесли присяги; вы занялись прежде всего визитами, а между тѣмъ завтра открывается гимназія, а послѣ завтра уроки, и надзирательница обязана вполнѣ узнать до того времени свои обязанности и мои требованія. Приказываю вамъ въ четыре часа явиться ко мнѣ на квартиру, а теперь не угодно-ли присягнуть! Она совсѣмъ переконфузилась, мужъ ея тоже. Послѣ присяги, сдѣлавши общій поклонъ, я оставилъ гимназію. Ровно въ четыре часа, я принялъ ее и мужа ея въ своемъ кабинетѣ. На чистомъ петербургскомъ нарѣчій она представляла тысячи извиненій, объясняясь своею неопытностью. Я указалъ ей все неприличіе ея жительства на пробствѣ. Она объявила, что епископъ ея старинный другъ, а также другъ ея мужа, что она не знала, что это покажется неблаговиднымъ. Она сейчасъ переходитъ и постарается въ точности исполнить мои требованія. Въ этотъ день Д—ы, епископъ и ксендзъ обѣдали у губернатора Жерве. Тутъ честили меня на всѣ стороны, и рѣшено было завтра на актѣ вырвать изъ моихъ мужицкихъ рукъ женскую гимназію и ея надзирательницу и вручить ихъ въ ру-

ки М-ше Жерве. Старика инспектора прижали со всѣхъ сторонъ, чтобы онъ самостоятельно распорядился актомъ открытія; но онъ, получивъ уже строгій выговоръ, не рѣшился самъ дѣйствовать. На слѣдующій день часовъ въ 7 утра, онъ съ капелланомъ явились ко мнѣ, первый—испрашивая распоряженій, а второй заявилъ довольно дерзко, что, по требованію епископа, который самъ намѣренъ служить въ гимназіи мшу, должна быть въ торжественномъ актѣ приготовлена каеэдра. Я отвѣтилъ ему, что этого не будетъ. Я очень радъ епископскому служенію и тому участию, которое онъ принимаетъ въ дѣлѣ открытія женской гимназіи; но заль останется заломъ. Каеэдру можете устроить въ каплицѣ. Но тамъ нѣтъ мѣста! Какъ знаете! Епископу все это передали. Отправляясь лично пригласить Ганецкаго и губернатора Жерве, я заѣхалъ и къ епископу. Онъ выбѣжалъ на встрѣчу, думая, что я измѣнилъ свое намѣреніе. Но я, будто ничего не зная о его желаніи служить, сталъ приглашать его почтить своимъ присутствіемъ свѣтскій актъ открытія гимназіи. Инспектору приказано было, чтобы мша окончилась въ каплицѣ за $\frac{1}{2}$ часа до начала акта, и чтобы дверь въ каплицу была заперта и закрыта, а въ томъ мѣстѣ, гдѣ дверь, поставленъ былъ на свое мѣсто портретъ Государя Императора. Послѣ моего приглашенія епископъ отказался служить мшу и на актъ не явился; не явилась и М-ше Жерве. Ученики пропѣли „Боже царя храни“; я прочелъ Высочайшій указъ о женскихъ гимназіяхъ, программу и составъ управленія и преподавателей. Въ заключеніе я сказалъ слово, которое заключилъ словами: гимназія ни на іоту не отступитъ отъ направленія, указаннаго въ Высочайшемъ указѣ; въ этомъ я даю здѣсь торжественно обѣщаніе. Пока я въ сувальскомъ округѣ, я для достиженія этой цѣли употреблю всѣ мои способности, опытность и стараніе. Жерве иронически улыбнулся. Слова мои произвели на публику и моихъ подчиненныхъ впечатлѣніе. Ганецкій и лица, сочувствующія русскому дѣлу, послѣ акта выразили мнѣ сочувствіе. Когда мы подходили къ зданію женской гимназіи, къ нему подѣхала карета епископа, а вслѣдъ за нею карета Жерве. Въ епископскомъ облаченіи, съ клири-

ками и ксендзами графъ Лубенскій освящаль зданіе гимназіи. Послѣ освященія онъ сказалъ краткое слово ученицамъ, требуя отъ нихъ прилежанія и повиновенія власти. Распрощавшись съ М-ше Д—ъ, М-ше Жерве и епископъ оставили гимназію. Тогоже дня епископъ, пообѣдавши у губернатора, укатилъ въ Сейны. О М-ше Д—ъ я узналъ, будто она родилась въ Петербургѣ въ православіи, но потомъ съ лютеранской семьею уѣхала за границу и сдѣлалась послѣдовательницею лютеранизма; росла въ Германіи, потомъ въ Англіи. Перешла гувернанткой въ католическое польское семейство. Жила съ нимъ долго въ Римѣ, а затѣмъ въ Брюсселѣ и Парижѣ. Здѣсь въ отелѣ Ламбертъ князя Чарторыйскаго присоединена къ католицизму іезуитами, и затѣмъ выдана замужъ за ученаго свѣтскаго іезуита, профессора и доктора. Маркизь Велипольскій, во время своего управленія въ царствѣ, пригласилъ семью Д—ъ въ Варшаву. Мужу предложилъ мѣсто профессора въ духовной академіи, а женѣ мѣсто учительницы чистописанія въ женскомъ институтѣ. Когда въ институтѣ начались безпорядки, начальница и класныя дамы отказались отъ своихъ мѣстъ; Д—ъ заявила властямъ, что если ей поручать институтъ, то она въ сутки приведетъ его въ порядокъ. Обо всѣхъ эпизодахъ открытія женской гимназіи, а также о слухахъ о Д—ъ, я немедленно полуоффиціальнымъ письмомъ донесъ главному директору Витте. Около этого времени Жерве поѣхалъ въ Варшаву. Витте показалъ ему письмо, и они вмѣстѣ окрестили меня жандармскою душою. Жерве объ всемъ этомъ передалъ женѣ и Д—ъ; наконецъ объ этомъ дошло и до меня. Мнѣ же Витте прислалъ успокоительное письмо. Въ немъ говорилось, что высокообразованная М-ше Д—ъ благонадежная изъ благонадежныхъ. Во время безпорядковъ въ институтѣ ей правительство довѣрило это заведеніе и она такъ исполнила возложенную на нее обязанность, что ей по смерти *ad personam* назначено ежегодно по 300 рублей содержанія. Если она не оставлена начальницей института, то только потому, что она иностранка и что эти должности предоставляются обыкновенно вдовамъ заслуженныхъ высокопоставленныхъ лицъ. Намѣстникъ лично знаетъ ее

и ея мужа. Самъ Д—ъ фундаментально ученый человѣкъ. Онъ преподаетъ древніе и новыя языки въ домахъ высокопоставленныхъ русскихъ лицъ въ Варшавѣ, въ томъ числѣ въ домѣ князя Владиміра Черкаскаго. За благонадежность М-те Д—ъ Витте самъ ручается, а что касается ея опытности, знанія русскаго и всѣхъ европейскихъ языковъ, то подобной высокообразованной начальницы гимназіи въ Россіи нѣтъ другой. Назначеніемъ ея въ Сувалки Витте именно хотѣлъ мнѣ выразить свое расположеніе, и ей я смѣло могу ввѣрить безконтрольно сувалкскую гимназію. М-те Д—ъ сдѣлалась заискивающей, любезной, и, узнавъ, что въ числѣ ученицъ 2 класса находилась моя покойная дочь, она стала ее ласкать и зазывать къ себѣ на завтраки. Однажды испросила у меня разрѣшеніе сдѣлать визитъ моея женѣ. Д—ъ очаровала мою жену своимъ умомъ и обращеніемъ. Она вдругъ стала на дружескую ногу и предложила, что возьметъ къ себѣ на квартиру мою дочь; ей будетъ не такъ скучно съ малюткой; столъ не потребуетъ лишнихъ расходовъ. Она не приметъ никакого вознагражденія; лучшимъ вознагражденіемъ для нея будетъ довѣріе къ ней родителей. А ужъ она дастъ дочери познанія, манеры; такъ образуетъ ее, что она поспоритъ съ любой принцессой. Предложеніе было крайне заманчивое и соблазнительное. Д—ъ, дѣйствительно, могла дать хорошее образованіе. Но, во-первыхъ, изъ дочери они могли создать іезуитку или польскую патріотку; во-вторыхъ, ей заплатить нужно было измѣною видамъ высшаго правительства. Я не имѣлъ совѣсти Жерве, и потому приказалъ женѣ поблагодарить Д—ъ и отклонить ея предложеніе. Д—ъ все-таки не отставала отъ жены. Она нашептывала женѣ, что дочь наша пріятный и преспособный ребенокъ и жалъ ограничить ее гимназическимъ ученіемъ. Ее нужно развить, отшлифовать, ввести въ кругъ новыхъ языковъ и искусства. У Д—ъ есть въ Петербургѣ задушевная пріятельница, знакомая и М-те Жерве. Она провела всю свою жизнь въ самыхъ аристократическихъ домахъ Петербурга. Теперь она живетъ, не занимаясь дѣтьми. У ней огромныя въ Петербургѣ связи. Она по просьбѣ Д—ъ за сталь и квартиру приметъ на себя обра-

зованіе моеї дочки. Въ деньгахъ она не нуждается. Въ случаѣ чего своими связями можетъ быть полезною и мнѣ. Я отклонилъ и это предложеніе. Вотъ Д—ъ родила. Приѣхалъ изъ Варшавы ея мужъ. Въ мое отсутствіе они пригласили жену мою въ воспріемницы. За женою приѣхала епископская карета. Жена застала у Д—ъ епископа и мѣстнаго пробоща. Послѣдній облачился и приступилъ къ совершенію таинства, а епископъ графъ Любенскій сталъ около моеї жены за кума. Такимъ образомъ, не безъ умысла, жена была втянута въ духовное родство съ Д—ми и графомъ Лубенскимъ. Жерве сдѣлалась необыкновенно привѣтлива съ моею женою и даже со мною. Она иногда заѣзжала въ женскую гимназію; но ни во что не вмѣшивалась. Довольно продолжительное время въ женской гимназіи господствовалъ миръ. Ученицы не только всѣ предметы слушали на русскомъ языкѣ; но обязаны были въ зданіи гимназіи говорить между собою, съ классными дамами и учителями, а также съ прислугой по русски. Хотя многіе комиссары по крестьянскимъ дѣламъ изъ за взятку тянули за панами; но было довольно и такихъ, которые дѣйствительно добросовѣстно старались устроить судьбу освобожденныхъ крестьянъ, согласно Высочайшей волѣ. Противъ послѣднихъ неумолкаемо гудѣлъ ропотъ панства. Ихъ называли красными, социалистами и даже нигилистами, имъ приписывали всевозможныя дурныя качества, сочиняли на нихъ пасквили и извѣстный акафистъ. Эти комиссары находили поддержку въ Яковѣ Соловьевѣ, завѣдывавшемъ дѣлами учредительнаго комитета и Владимірѣ Черкасскомъ. Эти комиссары, если ничего и не дѣлали прямо въ пользу заведенія и обезпеченія народныхъ училищъ, то содѣйствовали этому косвенно, внушая народу уваженіе къ Россіи и выставляя Государя благодѣтелемъ народа. Не смотря на всѣ напештыванья во время исповѣди ксендзовъ, народъ это чувствовалъ довольно живо. Въ базарные дни, которые въ Царствѣ бывають только въ будни, во время говѣнія я пришелъ въ церковь еще до благовѣсти. Священника еще не было. Собралось только нѣсколько православныхъ учениковъ и ученицъ. Вотъ входитъ въ церковь какой-то крестьянинъ. Останав-

ливается по срединѣ церкви и крестится по католическому обряду. Онъ озирается во всѣ стороны, а затѣмъ подбѣгаетъ къ царскимъ вратамъ, останавливается передъ иконою Спасителя, Матери Божіей, и качаетъ головою, разводитъ руками и что-то шепчетъ. Полагая, что это съ базара забрелъ подгулявшій, я послалъ ученика спросить, что ему нужно въ церкви. Крестьянинъ отвѣчалъ, что ему необходимо видѣть русскаго ксендза. Я самъ подошелъ къ нему. Оказалось, что онъ изъ селенія, гдѣ была гминная школа. Онъ первый разъ въ церкви. Его ужасно удивило, что въ церкви тѣже образа, что и въ костелѣ: Спасителя, Матери Божіей. А пробощь на исповѣди, запрещая имъ входить въ церковь, утверждалъ, что въ церкви вмѣсто образовъ, написаны на стѣнахъ какіе-то звѣри, птицы и рогатые черти. Общество собрало деньги и поручило крестьянину, какъ зажиточному хозяину, передать ихъ въ Сувалкахъ русскому ксендзу, чтобы-бы онъ отъ имени всего ихъ общества помолился Богу за долгоденствіе ихъ освободителя и благодѣтеля русскаго Цесаржа! Я сказалъ, что обществу удобнѣе было съ этою просьбою обратиться къ своему мѣстному ксендзу пробощу. Крестьянинъ только свистнулъ. „Даль-бы намъ пробощь молебствіе за цесаржа! Три года онъ не допустилъ бы насъ за это до комуніи (причастія)“ Вошедшій священникъ обласкалъ крестьянина, привялъ отъ него деньги и обѣщалъ завтра же помолиться. Крестьянинъ поцѣловалъ священника въ руку, перекрестился, и на цыпочкахъ сталъ уходить изъ церкви, говоря, какъ бы кто изъ ксендзовской прислуги не замѣтилъ, что я былъ въ церкви, а то ксендзь пробощь просто сгонитъ со свѣта. Этимъ настроеніемъ народа, гдѣ только можно было, я пользовался при образованіи новыхъ училищъ и при водвореніи во всѣхъ преподаванія на русскомъ языкѣ. Будь единомысліе между русскими властями—много можно было бы сдѣлать для объединенія польскаго народа съ Россіей. Народу трудно было, при его малообразованности, устоять. Его постоянно смущали и ксендзы, и паны, и чиновники. Это весьма замѣтно отражалось на ходѣ училищнаго дѣла. Тамъ, гдѣ вчера родители дружелюбно относились къ обученію ихъ дѣтей государственному

языку, и гдѣ дѣти охотно принимали въ видѣ награды и пособій книги на русскомъ языкѣ, украшенныя картинками, тамъ сегодня это измѣнялось. Родители утверждали, что для ихъ дѣтей достаточно знать прочесть по молитвеннику маціежи (молитва); а дѣти какъ то робко и неохотно принимали русскія книги.

Дѣла Сувалкской по крестьянскимъ дѣламъ комиссіи подъ управленіемъ князя Урусова на столько захромали,—что завѣдующій дѣлами учредительнаго комитета Яковъ Соловьевъ счелъ необходимымъ лично произвести ревизію. Онъ посѣтилъ въ Сувалкахъ обѣ гимназіи и начальныя училища и остался весьма доволенъ ихъ русскимъ направленіемъ. Знанія по всѣмъ предметамъ на столько поднялись въ Сувалкской гимназіи, что всѣ ученики, окончившіе въ ней курсъ, безпрепятственно были приняты въ Варшавскій университетъ. Въ послѣдующіе годы, когда въ университетъ пріемъ сдѣлался весьма строгъ, особенно при ректорѣ Лавровскомъ, а также, когда возрасли требованія по русскому языку, и когда изъ всѣхъ гимназій много забраковывали воспитанниковъ, изъ Сувалкской и Маріампольской гимназій всѣ были принимаемы, и эти гимназіи во все время управленія моего Сувалкскою дирекціею не получили ни одного замѣчанія

---

2 октября происходилъ актъ открытія педагогическаго курсовъ въ Вейверахъ. На актъ приглашены мною многія почетныя лица. Всѣхъ гостей помѣстилъ у себя Вейверскій помѣщикъ Пуславскій въ фольваркѣ Петкелипки. Пуславскій, зять богача Годлевскаго, служилъ въ гвардіи и считался въ числѣ болѣе благонадежныхъ помѣщиковъ. Онъ былъ весьма радъ угостить у себя сувалкскихъ тузовъ, былъ очень веселъ и разговорчивъ за ужиномъ. Онъ утверждалъ, что помѣщиковъ слишкомъ строго наказываютъ за преступленіе, въ которомъ только немногіе изъ ихъ участвовали. Что во время терроризма опасно и неблагоприятно было выступать впередъ съ заявленіями преданности. Отъазываться въ пособіи мятежникамъ было невоз-

можно и донести о прибытіи банды равнялось безумію. Въ примѣръ разсказаль слѣдующій случай: къ нему въ Ковенской губерніи въ имѣніе нѣсколько разъ приходили банды. Онъ ихъ угощаль, и они уходили съ миромъ. Въ его отсутствіе опять навѣдалась въ имѣніе банда. Управляющій нѣмецъ угостилъ ее, а между тѣмъ далъ знать русскому отряду. Банда ушла. Пришелъ вслѣдъ затѣмъ русскій отрядъ, за то, что банда была угощена въ фольваркѣ, хотѣлъ его сжечь, и кончилъ взысканіемъ огромной контрибуціи. Между тѣмъ поляки свѣдали о доносѣ управляющаго и распорядились его повѣшеніемъ. Уже петля было на шеѣ, когда выстрѣлъ казаковъ вспугнулъ мятежниковъ. Начальникъ русскаго отряда приказаль заготовить для него угощеніе черезъ нѣсколько часовъ. Приказаніе исполнено: столы накрыты на дворѣ и наполнены яствами. Но о ужасъ! Въ отсутствіи русскаго отряда, продолжавшаго преслѣдовать банду, на дворъ вскакиваетъ другая банда и истребляетъ заготовленное угощеніе. Управляющій, конечно спрятался. Банда угостилась и удрала въ лѣсъ. Спустя полчаса возвратился русскій отрядъ и не нашель уже угощенія. За это управляющій получилъ 70 ударовъ нагайками и отведенъ въ острогъ въ Ковно, откуда по стараніямъ Пуславскаго освобожденъ былъ только спустя нѣсколько мѣсяцевъ, но потерялъ на всегда здоровье отъ безчеловѣчнаго наказанія. Теперь контрибуція дорѣзываетъ помѣщиковъ. Она непомерно велика и несоразмерно обчислана на имѣнія. Великій князь въ проѣздѣ черезъ Вильпо благосклонно принималъ депутаціи, принялъ даже евреевъ; но помѣщиковъ не принялъ, не принялъ и предводителя, который въ мятежѣ рисковаль своею жизнью за Россію. Ковенскій губернаторъ, сынъ Михаила Николаевича Муравьева, пострадалъ за то, что возсталъ противъ неправаго дѣла. Именно, чиновникъ особыхъ порученій при генералѣ губернаторѣ Кауфманѣ прибылъ въ одинъ изъ уѣздныхъ городовъ Ковенской губерніи и приказаль повязать пошарно монаховъ съ непотребными женщинами и водить ихъ по городу. Муравьевъ протестоваль противъ этого, и за то лишился мѣста. Вотъ какова пѣсня благонадежнаго польскаго пана. Въ его словахъ едва-ли есть хоть капля правды.

Гости, преподаватели курсовъ и поступавшіе уже воспитанники, числомъ 28, съ утра присутствовали на богослуженіи въ приходскомъ костелѣ. Пробоощъ сказалъ на литовскомъ языкѣ рѣчь народу и ученикамъ; въ ней указывалось на благодѣянія Государя для сельскаго народа. Тотъ же пробоощъ проказилъ во время революціи; онъ и теперъ исподтишка возстаетъ противъ народныхъ училищъ, но хочетъ показать себя благонадежнымъ, питая надежду попасть въ преподаватели 3. Божія въ курсы. Изъ костела всѣ перешли въ зданіе курсовъ. Актъ начался пѣніемъ гимна на русскомъ языкѣ „Боже Царя храни!“ Этимъ же гимномъ онъ и заключился. Я, какъ начальникъ дирекціи, прочелъ высочайше утвержд. 5—19 января 1866 уставъ курсовъ, а инспекторъ курсовъ Прокопій Тимофеевъ Тарновскій прочелъ отчетъ и сказалъ краткую рѣчь, примѣненную къ обстоятельствамъ открытія. Между прочимъ онъ указалъ на нелѣпные слухи, распускаемые духовенствомъ и шляхтой, будто изъ курсовъ будутъ прямо брать въ солдаты. Въ заключеніе я въ произнесенномъ словѣ, указалъ на историческое право русскаго языка въ литовской мѣстности; на заботы правительства о благосостояніи и просвѣщеніи сельскаго населенія и на освобожденіе крестьянъ государемъ изъ крѣпостной зависимости. Поляки начинаютъ возлагать свои надежды на Австрію и намѣстника Галиціи Графа Голуховскаго. Въ Краковѣ разрѣшено сформировать легіонъ кракусовъ. Во всей Галиціи разрѣшены старопольскіе костюмы: кунтуши, пасы, конфедератки. Въ Сувалкахъ на площади между публичнымъ садомъ и костеломъ стоитъ статуя Матери Божіей. Она воздвигнута во время революціи. Говорятъ, что это статуя Польши, распростертою впередъ рукою посылающая сыновъ своихъ на борьбу съ москалями. Уже нѣсколько ночей статуя это неизвѣстными лицами украшается сухими вѣнками и зеленью. Холера въ Сувалкахъ весьма сильна. Много смѣртныхъ случаевъ. Говорятъ Кауфманъ уволенъ и генераль губернаторомъ въ Вильно назначенъ графъ Барановъ. Поляки радуются этой перемѣнѣ. Говорятъ еще, что въ Вильнѣ у Острой Браны среди бѣлаго дня, стянули съ дрежекъ священника Стрѣлецкаго и избили его до по-

лусмерти. Жену русскаго чиновника, отыскивавшую квартиру, облили нечистотами. Другому чиновнику, гулявшему съ сестрами въ публичномъ саду, заступили дорогу, спѣли: *jeszcze Polska nie zginieła*, и посовѣтовали носкорѣе убираться восвояси. Въ царство намѣстникомъ поляки прочатъ князя Суворова. 30 октября служили молебствіе по случаю обрученія наслѣдника престола Александра Александровича съ Датскою принцесою. Догмарой, въ миропомазаніи нареченной Маріей Θεодоровной. При выходѣ изъ церкви жанд. штаб. оф. Бѣлановскій крупно переговорилъ съ начальникомъ штаба Тарасенко по случаю корма рекрутъ гнилой капустой и дурнымъ хлѣбомъ.

1 ноября вечеромъ въ клубѣ балъ по случаю бракосочетанія Наслѣдника престола и пожалованья графа Берга въ фельдмаршалы. Городъ иллюминованъ. Изъ клуба послана поздравительная телеграмма графу Бергу. Пшли здоровье государя, высокопареченныхъ и графа Берга. Губернаторъ Жерве хлопоталъ, чтобы всѣ его чиновники явились на балъ съ женами и дочерьми. Чиновники явились въ мундирахъ; но безъ женъ и дочерей. Одна только старуха Скибинская, мать губернаторскаго чиновника, явилась въ какомъ-то полутраурѣ. Изъ полекъ только были надзирательница гимназій и всѣ классныя дамы. Русскія дамы были всѣ на лицо. Губернаторша весь вечеръ сидѣли вдвоемъ съ Д—ъ и о чемъ-то бесѣдовали. Въ день пріѣзда изъ за границы M-sieur Д—ъ, прибылъ на пробство епископъ съ какимъ-то господиномъ и ксендзомъ Мезоніевъ. Д—ъ еле сошелъ съ повозки и поздоровался съ выскочившею ему навстрѣчу женой, какъ сейчасъ съ нею отправился къ епископу на пробство. Тамъ они провели почти всю ночь, и воротились въ гимназію передъ разсвѣтомъ. Въ это же время съ своими ассистентами епископъ укатилъ въ Сейлы. Военно-участковый начальникъ изъ Бѣлой—Пыльцовъ привезъ въ Сувалки временно на поселеніе пять дочерей сосланнаго греко-увіатскаго епископа Калининскаго. Старшей лѣтъ 50, а самой младшей 22. Онѣ мало образованы, отчаянныя польки-патріотки. Пыльцова всѣ дорожку ругали и дразнили, показывая языкъ. Имъ отпускается порядочное содержаніе. По ходатайству Д—ъ, губернаторъ хотѣлъ

помѣстить ихъ между женскою и мужескою гимназіей. Но я просилъ вмѣшаться въ это дѣло жандармъ штабъ-офицера Бѣляновскаго. Бѣляновскій прямо заявилъ Жерве, что считаетъ его распоряженіе вреднымъ для обѣихъ гимназій, протестуетъ и доноситъ шефу жандармовъ. Жерве испугался и приказалъ помѣстить Калинскихъ на большой Петербургской улицѣ въ домѣ купца еврея Аронсона. 6-го ноября я былъ въ гимназіи на урокъ французскаго языка М-ше Д—ъ и открылъ, что она всѣ учебники для дѣвицъ, какъ-то грамматику, хрестоматію, упражненія и пр. выписала изъ Франціи. Они не годятся для здѣшнихъ воспитанницъ, потому что составлены іезуитами для французскихъ религіозныхъ школъ. Примѣры въ грамматикѣ, статьи въ хрестоматіи всѣ направлены къ тому чтобы образовать фанатичку католичку и патріотку французженку. Встрѣчались статьи, въ которыхъ говорилось о притѣсненіи католицизма въ Россіи, о гоненіяхъ доблестныхъ польскихъ патріотовъ, о жестокихъ казняхъ Муравьевымъ ксендзовъ и пр. Я запретилъ ей употреблять эти учебники и донесъ Вятге. Въ бытность въ Сувалкахъ, я сталъ ежедневно посѣщать уроки Д-ъ. Она видя, что яея стремленія разгадалъ, и слѣжу за нею, отказалась отъ уроковъ французскаго языка, которые оставила за собою съ явно предвзятою цѣлью. Но этотъ случай окончательно вооружилъ противъ меня всѣхъ іезуитовъ. Кавой-то мелкій русскій чиновникъ гдѣ-то въ Люблинѣ или Радомѣ при приемѣ рекрутъ надѣлалъ массу подлоговъ, укралъ часть денегъ отъ продажи выкупныхъ билетовъ и неизвестно куда скрылся. Его стали разыскивать; разослали его фотографическія карточки. Однажды Жерве зашелъ чего-то въ губернское правленіе. Его поразила знакомая фізіономія писца. Сталъ припоминать, гдѣ онъ его видѣлъ, и вспомнилъ фотографическую карточку разыскиваемаго. Жерве подошелъ къ нему и спросилъ его фамилію. Тотъ назвалъ фамилію, съ которой, по подложнымъ документамъ, опредѣлился въ губернское правленіе. Жерве сразу назвалъ его настоящую фамилію. Писецъ повинился, писца арестовали. Пошла переписка. Въ декабрѣ приказано его препроводить по этапу на мѣсто престу-

пленія. Я объѣзжалъ мазурскую мѣстность. Въ прошломъ году дѣти охотно учились русскому языку и съ жадностью принимали награды, состоящія изъ дѣтскихъ русскихъ книгъ и прописей съ картинками. Теперь незамѣтно прежней охоты, а награды принимаютъ неохотно. Родители же утверждаютъ, что ихъ дѣды и прадѣды жили счастливо, не учась ничему кромѣ пащежей (молитвъ) и для ихъ дѣтей русская наука совсѣмъ не нужна. Теперь и безъ училищъ приходится нести столько тягостей! Выборные войты гминь хуже прежнихъ войтовъ пановъ. Просто у мазуровъ въ непродолжительное время перевернули мозги. Благонадежные учителя сознаются, что это все дѣла ксендзовъ и разныхъ причетниковъ и продавцовъ на отпустахъ иконокъ, крестиковъ, четокъ, фигурокъ святыхъ. Ксендзы особенно энергично стали дѣйствовать послѣ епископской реколекціи. Мужикамъ стараются внушить, что русское правительство освободило и дало имъ съ выкупомъ малость земли только потому, что, навѣрное, знало, что польскій жондъ, хотѣлъ освободить крестьянъ безъ всякаго выкупа и дать имъ вдвое болѣе земли. Русское правительство желало поссорить крестьянъ съ ихъ жондомъ и только. А кому скорѣе вѣрить? схизматицкому правительству, или своимъ капланамъ и шляхтѣ? Словомъ теперь, когда крестьяне свободны и независимы отъ пановъ, дѣло идетъ о томъ, чтобы внушить имъ недовѣріе къ благодѣяніямъ и мѣропріятіямъ русскаго правительства и современемъ главную силу возстанія основать на крестьянствѣ, фабричныхъ и ремесленникахъ.

1-го декабря были у меня поселяне мазуры—увидѣли на стѣнѣ карту Царства и стали вздыхать и говорить, что нѣкогда оно было больше Россіи; а теперь такое маленькое. Я на это замѣтилъ: „мало-ли чего прежде не было. Прежде панъ хлопа могъ бить сколько душѣ угодно, могъ его даже убить безнаказанно, а теперь совсѣмъ другое. Прежде у хлопа своего ничего не было, а теперь онъ—хозяинъ и самъ себѣ панъ; имѣетъ свою собственную усадьбу и свою собственную землю. Двѣнадцатаго января 1867 года хоронили богатаго помѣщика Годлевскаго,

103-хъ лѣтъ, адъютанта Наполеона перваго въ войнѣ съ Россіей. На погребеніи присутствовали: епископъ графъ Лубенскій и семьдесятъ ксендзовъ, множество помѣщиковъ, простаго народа и евреевъ. Похороны происходили поздно вечеромъ. Горѣли смоляныя бочки и костры. Было нѣсколько сотъ факельщиковъ. По обѣимъ сторонамъ дороги съ длинными свѣчами въ рукахъ стояли шпалерами евреи. Со стороны полиціи никого не было. Жапдармскій маріампольскій начальникъ былъ однимъ изъ распорядителей на похоронахъ; онъ донесъ, что все обошлось благополучно, а между тѣмъ Годлевскаго не хоронили около двухъ недѣль, поджидая помѣщиковъ изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстностей. Графъ Лубенскій, подъ предлогомъ похоронъ, жилъ десять сутокъ подлѣ Ковно. По ночамъ онъ ѣздилъ къ разнымъ помѣщикамъ, гдѣ были какія-то собранія. На похоронахъ онъ произнесъ двусмысленную рѣчь на тему „скорбь укрѣпляетъ душу“.

Въ этой рѣчи восхвалялъ подвиги покойнаго въ походѣ Наполеона перваго на Россію и заслуги отечеству, приглашалъ за правду пролить кровь, подобно покойному, и восхвалялъ мужественное скорбное терпѣніе, которое всегда вѣнчается такъ успѣхомъ. Другой ораторъ, каноникъ, говорилъ о покойномъ въ своемъ нагробномъ словѣ, что онъ былъ добрый царь, отецъ своимъ крѣпостнымъ; да иначе и быть не могло, потому что паны и ихъ крѣпостные были земляки, по происхожденію и религіи. Въ такомъ духѣ сказано было разными ксендзами еще нѣсколько рѣчей. Епископъ графъ Лубенскій обеспокоенъ успѣхами русскаго языка въ маріампольской гимназій и въ училищахъ литовской мѣстности. Чтобы ближе ознакомиться съ положеніемъ этого дѣла и литвинами, и чтобы повліять на литовское духовенство, происходящее изъ литовскаго простонародія, епископъ намѣренъ лѣтніе мѣсяца провести въ имѣніи графини Кучинской въ Лукшахъ или Сынтовтахъ. Въ глухихъ мѣстахъ ксендзы наказали простому народу два раза въ недѣлю посылать дѣтей на пробовства для обученія молитвамъ. Кромѣ обученія дѣтей будутъ дѣлаемы внушенія ненавидѣть схизматиковъ москалей и ихъ русскій языкъ. Жерве отдѣлался циркуляромъ

начальникамъ уѣздовъ. Въ этомъ циркулярѣ, составленномъ въ прошломъ году совѣтникомъ Янишевскимъ, сказано: Начальникъ дирекціи сообщилъ мнѣ, будто-бы католическое духовенство и шляхта интригуютъ противъ умноженія законныхъ училищъ и успѣховъ въ нихъ русскаго языка. Не знаю, что сообщили губернатору другіе уѣздные начальники, но самый честный и дѣятельный изъ нихъ маіоръ Смѣльскій подтвердивъ, что шляхта, духовенство и польскіе чиновники въ послѣднее время сильно интригуютъ не только противъ училищнаго дѣла, но и противъ всѣхъ мѣръ правительства; стараются ссорить русскихъ между собою и восстанавливаютъ русскихъ начальниковъ противъ ихъ русскихъ подчиненныхъ. Распоряженія власти или не исполняются, или исполняются такъ, что возбуждаютъ въ народѣ одно неудовольствіе, и все это продѣлывается такъ ловко и умѣло, что къ ослушникамъ нельзя придратъся.

Капеланъ Сувалкской гимназіи каноникъ Двороковскій имѣвшій родныхъ и приходъ гдѣ-то около Ломжи, ѣздилъ туда каждыя вакаціи и, наконецъ, заподозрѣвъ мѣстною властью, что во время отпуста собиралъ деньги для эмиграціи и говорилъ въ костелѣ двусмысленныя слова. Учебное вѣдомство сейчасъ устранило его отъ законоучительской должности. Губернаторъ, подъ давленіемъ епископа, не только обѣлилъ Двороковскаго, но вошелъ къ намѣстнику съ сильнымъ представленіемъ о возвращеніи Двороковскаго къ должности законоучителя и вознагражденіи его за тѣ мѣсяцы, въ которые онъ не преподавалъ и оставался безъ содержанія. Онъ выставилъ Двороковскаго лицомъ весьма благонадежнымъ, образцовымъ и никѣмъ незамѣнимымъ законоучителемъ. Двороковскаго возвратили къ должности и уплатили ему за все время его удаленія отъ должности жалованіе. Губернаторъ долженъ былъ снестись со мною, дѣлая свое представленіе; но онъ не только не исполнилъ этого, но, выставляя его незамѣнимымъ преподавателемъ, ссылался на мою словесную рекомендацію. Мнѣ удалось прочесть его представленіе въ учебномъ округѣ, куда оно было препровождено намѣстникомъ.

Послѣ Пасхи я получилъ донесеніе инспектора маріампольской гимназіи Терновскаго, что ученикъ третьяго класса Я—ъ, сынъ крестьянина литвина, бѣжалъ въ Краковъ, и что инспекторъ телеграфировалъ жандармамъ желѣзнодорожнымъ.

Я—ъ—здоровый парень, лѣтъ восемнадцати, глуповатый до крайности, остававшійся въ классѣ уже третій годъ. По жалобѣ квартирной хозяйки, что онъ не платилъ ей денегъ, при отпускѣ на Пасху инспекторъ предупредилъ Я—а, что, если онъ не привезетъ хозяйкѣ денегъ, то не будетъ принятъ въ гимназію.

Во время Пасхи инспекторъ узналъ, что отецъ Я—а, весьма богатый крестьянинъ, всегда аккуратно при отпускѣ его въ гимназію вручаетъ ему слѣдующія за его содержаніе, деньги; что эти деньги онъ, якшаясь съ какими то темными личностями, всѣ спустил и потому не удовлетворилъ хозяйку. Послѣ пасхи Я—ъ въ срокъ пріѣхалъ на квартиру, оставилъ свои вещи и объявилъ хозяйкѣ, что отправитъ своего извозчика, слѣдуетъ для отца въ лавкахъ нѣкоторыя покупки и сейчасъ съ нею расплатится. Между тѣмъ онъ вовсе не явился изъ города и не ночевалъ на квартирѣ. Хозяйка уведомила объ этомъ инспектора.

Товарищи односельчане показали, что во время Пасхи около костела Я—ъ все гулялъ съ какимъ-то краковякомъ и хвасталъ, что черезъ двѣ недѣли онъ будетъ въ Краковѣ. Другіе его товарищи видѣли наканунѣ, какъ онъ выѣзжалъ изъ Маріамполя въ еврейской повозкѣ по дорогѣ къ желѣзнодорожной станціи Волковышки. Я—ъ былъ арестованъ въ Ченстоховѣ и препровожденъ къ сувалкскому губернатору Жерве. Принимая во вниманіе, что въ учебныхъ заведеніяхъ нельзя будетъ поддерживать порядокъ, если неблагонадежнымъ постороннимъ лицамъ полиція не воспрепятствуетъ свободно пропагандировать между воспитанниками, я просилъ Жерве теперь при удобномъ случаѣ, имѣя въ рукахъ Я—а, рѣзслѣдовать всѣ пружины этой агитаціи. Я обратилъ вниманіе Жерве на то, что Я—ъ почти идиотъ и странно, почему именно на него палъ выборъ эмиссара; что въ послѣднее время замѣчается какая-то

особенно напряженная дѣятельность католическаго духовенства; что епископъ нѣсколько мѣсяцевъ разъѣзжалъ по познанской границѣ. Жерве, улыбаясь, отвѣчалъ, что мои предположенія неосновательны. Онъ, какъ губернаторъ, посвященъ въ положеніе дѣлъ, а что касается поѣздки епископа, то жандармскій уѣздный начальникъ сдѣлалъ объ ней очень хорошій отзывъ, и онъ Жерве, на основаніи донесеній уѣздныхъ и участковыхъ начальниковъ, представилъ объ этой поѣздкѣ намѣстнику одобрительный отзывъ. Слѣдствіе надъ Я—омъ будетъ назначено. Чиновникъ губернатора В. отправился въ Маріамполь производить это слѣдствіе. Онъ не сумѣлъ ничего открыть, а началъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла гимназіи. Такъ, онъ сталъ ежедневно являться на испытанія учениковъ и, предлагая дѣтямъ смѣхотворные вопросы, мѣшалъ ходу испытаній и тѣшилъ только воспитанниковъ. Наконецъ, на какомъ-то лоскуткѣ прислалъ мнѣ запросъ, на какихъ основаніяхъ я счелъ неблагонадежными нѣкоторыхъ содержательницъ ученическихъ квартиръ и запретилъ имъ содержать учениковъ?

За отсутствіемъ Жерве, я показалъ этотъ запросъ вице-губернатору и указалъ ему на вредныя и бесполезныя дѣйствія В. Вице-губернаторъ отозвалъ его, и дѣло окончилось ничѣмъ. Я—ъ—отданъ подъ надзоръ полиціи и водворенъ у родителей.

Губернаторша во что-бы то ни стало хочетъ присвоить себѣ званіе попечительницы женской гимназіи и посѣщаетъ ее непрерывно, къ полякамъ учителямъ благоволяетъ, русскихъ на сторонѣ преслѣдуетъ насмѣшками.

Бургомистры въ подрывъ училищамъ уклоняются отъ собиранія училищной сродки, а кассиры требуютъ, вопреки высочайшему указу, за храненіе и выдачу училищныхъ денегъ вознагражденія.

Я объ этомъ сообщилъ Жерве, но, вѣроятно, отношеніе мое останется безъ послѣдствій, такъ какъ бургомистры и кассиры никогда не рѣшились бы отказываться отъ исполненія

своихъ обязанностей, если-бы это не было внушено имъ совѣтниками губернскаго правленія.

26 Мая. Сейчасъ получена губернаторомъ отъ главнаго директора комиссіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ телеграмма: вчера въ Парижѣ въ пять часовъ по полудни, при возвращеніи съ большаго смотра въ Государя Императора Александра Николаевича стрѣляли. Провидѣніе спасло Помазанника Божія.

Въ экипажѣ съ его величествомъ находились: Императоръ французовъ и Великіе Князья: всѣ невредимы. Завтра совершенно будетъ благодарственное молебствіе.

Какую возмутительную рѣчь сказалъ епископъ въ присутствіи губернатора Жерве и жандармскаго полковника Ваккера. Въ костелѣ на молебствіи присутствовали обѣ гимназіи и начальное католическое училище. Графъ Лубенскій прочелъ изъ первой главы второй книги царствъ, какъ нѣкій отрокъ Саулова полка, принесъ вѣнецъ и нараменникъ этого царя Давиду, извѣщаетъ его о смерти Саула и сознается, что онъ доколотъ его раненнаго своимъ мечемъ.

Сауль былъ одержимъ духомъ злобы, сказалъ епископъ: угнеталъ милліоны народа, посягалъ на существованіе самого Давида.... и что же Давидъ? Онъ не только опечалился этимъ извѣстіемъ, но зарыдалъ, разорвалъ ризы свои, молился и казнилъ невиннаго вѣстника этой вѣсти. И мы, дѣти, получили такое же извѣстіе. Въ Парижѣ было покушеніе на жизнь Naj-jasnejszego Pana i Króla, но вмѣстѣ съ тѣмъ пришло извѣстіе, что Богъ спасъ его жизнь. Будемъ же, подобно Давиду, плакать и молиться! Здѣсь очевидно сопоставленъ Сауль съ Государемъ; Давидъ—это католическая Польша. Такъ поняли рѣчь и русскіе, и поляки, исключая Жерве и Ваккера, которые, говорятъ, заѣзжали къ епископу, завтракали у него и благодарили за рѣчь. Они думаютъ, что такаія ихъ выходки ведутъ къ примиренію съ поляками. Русскіе растолковали, наконецъ, губернатору злое сопоставленіе епископской рѣчи, и онъ прихвастнулъ, что этого не проститъ епископу.

На этомъ обрываются записки А. А. Солтановскаго, по крайней мѣрѣ, та часть ихъ, которая находится въ нашемъ распоряженіи. Оканчивая печатаніе ихъ, мы еще разъ напомнимъ читателямъ, что *далеко не все, высказываемое авторомъ записокъ, признается нами, какъ наше убѣжденіе, и что очень многое изъ сообщеннаго имъ требуетъ строгой проверки и серьезной критики.* Время, затронутое въ запискахъ, очень живое и интересное время; но еще не наступила пора вполне безпристрастнаго отношенія къ этой эпохѣ; почему мы принуждены были выбирать для печати только болѣе или менѣе возможное въ данный моментъ, пропуская чуть не поль-на-поль, съ надеждою, что изъ него въ послѣдствіи кто-нибудь извлечетъ еще не мало всякихъ фактовъ. Нельзя не сознаться, впрочемъ, что записки А. А. Солтановскаго носятъ отпечатокъ очень мелочныхъ воспоминаній, часто слишкомъ личнаго свойства, переходя иногда просто въ характерную политическую или личную сплетню и тѣмъ вызывая у читателя отвращеніе къ автору записокъ—человѣку, очевидно, не высокаго нравственнаго уровня. Конечно, мы очень часто избѣгали печатать это послѣднее, думая, что и впереди ему не увидѣть печатнаго станка, а старались избирать факты болѣе общаго характера, проверяя ихъ предварительно, гдѣ была для этого у насъ возможность, и *разсчитывая, что всѣ поправки будутъ сдѣланы лицами, знавшими близко описываемое время и событія.* Окончивъ теперь печатаніе записокъ, мы и обращаемся съ просьбою ко всѣмъ могущимъ дать полезныя и необходимыя разъясненія и поправки, подѣлиться съ нами своими свѣдѣніями, для чего охотно откроемъ страницы нашего журнала.

Ред.

„ПОПОКЪ“

Повѣсть изъ быта донскихъ малороссовъ¹⁾.

XI.

Захвативъ кусокъ хлѣба и пучекъ зеленаго луку, Хведько, все-таки не желавшій ни съ кѣмъ встрѣчаться на своей улицѣ, знакомымъ ходомъ по садамъ перебрался на гору и горою потянулъ на Пучину.

Миновавъ слободу, онъ спустился съ горы и черезъ по-сѣвы пошелъ прямо на свѣтящійся въ темнотѣ горнѣ.

Было уже поздно. Изъ двухъ рабочихъ при горнѣ одинъ уже спалъ, а другой, наблюдающій за огнемъ, посовѣтовалъ Хведьку остаться ночевать тутъ же, такъ какъ хозяинъ еще до разсвѣта придетъ понавѣдаться къ горну.

Осталось послушаться совѣта и завалиться спать, ибо захваченный изъ дому *окрасецъ* хлѣба и лукъ были съѣдены имъ еще въ пути.

Разбудили его уже тогда, когда солнце стало всходить и когда дѣйствительно пришедшій до разсвѣта на горнѣ хозяинъ Тищенко собирался уходить домой и давалъ нужныя приказанія работникамъ. Хведько былъ привяты на работу, и хозяинъ повелъ его къ себѣ въ хуторъ, откуда онъ долженъ былъ возить быками солому къ горну.

¹⁾ См. „Кіев. Стар.“ 1894 г. № 2.

Не привыкать стать было къ работѣ ему; онъ умѣлъ обходиться со скотиной, а его сила и расторопность были вполне оцѣнены какъ хозяиномъ, такъ и товарищами въ работѣ.

Такъ и прошла вся недѣля,—то въ возкѣ соломы, то во взрываніи мѣловыхъ глыбъ въ горнѣ, а то и въ спокойномъ наблюденіи за огнемъ. Хведьку было здѣсь покойно: никто не спрашивалъ его о случившемся съ бурячными сѣменами, никто здѣсь даже не зналъ того, что онъ служилъ въ экономіи. Только была-бы возможность хоть изрѣдка повидаться съ Мелашкой и забыть объ угрожающемъ судѣ, и все было-бы сносно—и харчи, и товарищи, и плата, и самъ Тищенко.

Но счастье человѣка, даже и въ этой миниатюрной долѣ его достижимости, преходяще. Зашедшій по пути изъ слободы на горнъ хозяинъ, отозвавъ Хведьку, рассказалъ ему, что изъ церкви онъ заходилъ въ расправу, и тамъ писарь велѣлъ прислать къ нему его пораньше, такъ какъ на вторникъ требуютъ его въ камеру мирового судьи, а потому онъ вечеромъ его рассчитаетъ, но отпустить его только утромъ послѣ смѣны около горна.

Опять душевная тоска, тревога, ожиданіе этого неизвѣстнаго, но страшнаго призрака—суда.

Хотѣлось Хведьку еще ночью добраться до слободы, избѣжать лишняго прохода по улицѣ на глазахъ всѣхъ, и, наконецъ, въ садочку опять повидаться съ Мелашкой, но Тищенко съ вечера не пришелъ на горнъ, а явился только передъ свѣтомъ и только уже утромъ отдалъ заработанныя деньги.

Весь выбѣленный известкою и мѣломъ, начиная съ плюшевой шапки и до сапогъ, мало кѣмъ узнаваемый, прошелъ Хведько слободою до волости, гдѣ уже около крыльца стояла запряженной пара лошадей, на которой писарь собирался ѣхать на базаръ въ Бемовку. Дидъ Смалько сейчасъ доложилъ о прибытіи Хведьки, и писарь не замедлил *„вручить ему 2-й экземпляръ повѣстки“*, рассказавъ, что во вторникъ къ 9 часамъ онъ долженъ явиться въ камеру мирового судьи.

Не понялъ Хведько, зачѣмъ ему дали листокъ исписанной бумаги, которую онъ держалъ въ рукахъ и не пряталъ, но сущность обязательной явки къ мировому судѣ онъ уразумѣлъ.

Писарь сейчас же поѣхалъ, а дидь Смалько взялъ изъ рукъ Хведька повѣстку, далъ ее прочитатъ одному изъ десятиковъ-стойчиковъ, бывшему школяромъ, т. е. грамотному, который озабоченно сдвинувъ брови, началъ запинаясь читатъ.

Смалько и Хведько, первый съ любопытствомъ, а второй въ какомъ-то огупѣннѣ вѣщали этому невнятному чтенію, которое не скоро-бы окончилось, если бы не подошелъ сельскій писарь, при входѣ коего на крыльцо, десятникъ пересталъ читатъ и, сконфузившись, держалъ въ рукахъ повѣстку. Со словами: „что это?“ писарь взялъ изъ рукъ десятника повѣстку и, бойко прочитавъ, объяснилъ, что Федоръ Андреевъ Самченко вызывается къ „*Мировому*“, какъ обвиняемый въ кражѣ бурячныхъ сѣмянъ въ Бемовской экономіи къ 9-ти часамъ утра на завтра“, и отдалъ повѣстку Хведьку.

„Ты, смотри, непремѣнно явись, а то будетъ хуже“.... подтвердилъ писарь и пошелъ въ расправу, а за нимъ пошли дидь Смалько и десятникъ.

Постоялъ Хведько на крыльцѣ съ повѣсткой въ рукахъ и пошелъ, понуривъ голову, домой, но уже не окольнымъ путемъ черезъ гору, а прямо дорогой. Такъ онъ прошелъ мимо винокурни, минуя большой мостъ, паровую мельницу, мостикъ на сточной канавѣ и очутился на своей улицѣ. Въ задумчивости онъ незамѣтно дошелъ до Мелашкинаго двора и тогда только опомнился и осмотрѣлся. Но во дворѣ Коткова было пусто, даже оконницы съ улицы были закрыты. Дома тоже онъ никого не засталъ, такъ что пришлось въ знакомой ему спрягѣ, подъ половицей крыльца, искать ключъ отъ дверей. Только Рябко вертѣлся около крыльца, да пѣтухъ съ нѣсколькими курами копошился около „повитки“.

Не нашедши ключа, онъ пошелъ въ садокъ и тамъ, повалившись на траву, долго лежалъ въ какомъ-то забытѣ. Писарь съ его угрозой чего-то худшаго, повѣстка, мировой судья, камера и ненавистная постать старшины... все это мѣшалось у него въ мысляхъ, и въ совокупности, производило какое-то удрученное сосгоянiе. Какъ будто какаѧ-то бездна разверзлась подъ нимъ, и онъ стоялъ надъ нею, готовясь быть стол-

кнутымъ въ нее. Порой въ его мысляхъ проносился образъ Мелашки, но сейчасъ же затемнялся представленіями камеры, писаря или того же старшины и чего то ужаснаго невѣдомаго и невиданнаго. Бессонная ночь послѣдняго дежурства при горнѣ сказалась тѣмъ, что онъ крѣпко заснулъ съ этой путаницей представленій въ мозгу, превратившихся въ тяжелый кошмаръ.

— Хведю, Хведю! вставай, пробуркайся!—разбудилъ его голосъ матери.

— Я оце прійшла зъ базарю, ажъ дывлюсь на балясыни чыясь черкеска, уся убилена крейдою; роздывылась, ажъ це твоя—Ну я й догадалась... поклыкала, ажъ не чуть—я йшла шукать... Вставай, та хоть юшечки пойссы...—Ласково гуторила старуха Самчиха надъ заспаннымъ, не пришедшимъ еще въ себя сыномъ, сидящимъ на травѣ.

Наконецъ, онъ поднялся и пошелъ въ слѣдъ за матерью въ хату, умылся и сѣлъ за столъ. За юшкой мать рассказала, что сегодня они только и варили юшку съ картошками, такъ какъ дивчата ушли на всю недѣлю со всеми уличанами, съ Мелашкой и Сохвой на полку буряковъ, а сама она пошла продавать яйца, да заходила къ ткачихѣ, думая забрать отданныя въ тканье рушники. Затѣмъ спросила его, почему онъ отошелъ отъ Тыщенка, развѣ ужъ работа тамъ окончилась? Пришлось рассказать матери про повѣстку и вызовъ къ мировому судѣ на завтра.

Съ миской рукахъ остановилась старуха среди хаты, слушающая рѣчь о вызовѣ. Это было для нея неожиданностію. Она почему то вѣрила, что Карло простилъ Хведьку, и все дѣло ограничилось удаленіемъ его со службы и арестомъ въ волости. И вдругъ эта неожиданность. Чуть не выпала изъ рукъ у нея миска. Она поставила ее на припечекъ и залилась слезами.

Хведько ничего не могъ сказать въ утѣшеніе и только достала изъ кармана два рубля, полученныя отъ Тыщенка, положилъ ихъ передъ матерью на столъ и, сказавши—„приберить“, вышелъ изъ хаты...

Что дѣлать, куда идти?

XII.

Постоявъ посреди двора и не придумавъ ничего, Хведько пошелъ въ садокъ и легъ ничкомъ подъ деревомъ въ полнѣйшемъ отупѣніи. Ровно ничего онъ не могъ придумать. Такъ онъ лежалъ, смотрѣлъ на траву, на копошащихся въ ней травяныхъ блохъ и кузнечиковъ, на пестрящіяся отъ дрожанія листьевъ просвѣты солнечныхъ лучей, на мелкую крапиву, разросшуюся около самого ствола вишневаго дерева, наконецъ на самый стволъ вишни... и все это для него теперь было бессмысленно, непонятно, вовсе не интересно; глаза переходили отъ предмета къ предмету, безъ всякаго участія его воли, вполнѣ бездѣйствующей, вслѣдствіе общей апатіи, овладѣвшей имъ. Радъ бы онъ заснуть, но сонъ бѣжалъ отъ него.

Такъ и лежалъ онъ, поворачиваясь только съ боку на бокъ, пока не пришла къ нему мать сказать, что идетъ „де зъ кымъ порадытьсѣ“.

— Ключъ тамъ надъ дверыма—добавила она и пошла.

Чась спустя послѣ ухода матери Хведько услышалъ лай Рябца и, вышедши во дворъ изъ садка, увидалъ у калитки Петра Цюпу, который звалъ его къ себѣ. Хведько подошелъ къ воротамъ.

— Есть у васъ хто чужый?—спросилъ Цюпа попотомъ.

— Ни, нема никого, и матери нема...

— Ну такъ веды мене у хату—щось скажу.

Цюпа былъ въ новомъ картузѣ, въ новой казинетовой черкескѣ и съ шерстянымъ краснымъ шарфомъ на шеѣ, не смотря на полуденный жаръ. Очевидно, что не отъ плуговъ прямо онъ пошелъ сюда, и потому Хведько, отворяя дверь хаты, спросилъ его.

— Виткиль ты идешъ?

Петро втокнулъ Хведьку въ сѣни, а послѣ и въ хату и, усѣвшись на лавкѣ, началъ рѣчь съ разказа, какъ онъ *порузался* со старымъ Чумакомъ, какъ тотъ все пугалъ его тѣмъ, что разкажетъ про бурячныя сѣмена, и какъ, наконецъ, онъ пожаловался Оныстратовичу, а тотъ ударилъ его плетью, вслѣдствіе чего онъ еще позавчера вечеромъ бросилъ работу.

— Ну, та це усьо пустякы!—заклучилъ онъ свой разсказъ—а ты отъ що: Я оде ходывъ шукать тебе ажъ на Пучыну; проходывъ до обида—Жердьовъ казавъ, щобъ ты прыйшовъ до нього, щобъ потолкуваться, якъ и що говорыть Мировому. Такъ вбирайся, пйдемъ. Теперь тамъ никого нема, а то къ вечеру, гляды хто навернется у кабакъ.

Петро говориль вполголоса, чего то торопился и, разъ взглянувъ на высокую, суровую фигуру Хведька, все время избѣгалъ смотрѣть ему въ глаза. Послѣ слова „вбирайся“ онъ откинулъ полу черкески, полѣзъ рукою въ карманъ казинетовыхъ штановъ, добылъ бумажку и сталъ вертѣть сигарку, когоруку сейчасъ же и закурилъ.

Хведько молча стоялъ передъ гостемъ, мрачно исподлобья смотря на него. Торопливость рѣчи, бѣганье глазами и притворно равнодушный видъ, съ какимъ Петро закурилъ „*цыгарку*“,— все это почему то ему не нравилось и казалось почему-то подозрительнымъ. Ему вспомнилось, что этотъ самый Петро былъ главнымъ виновникомъ стряшейся надъ нимъ бѣды, вспомнились ему совѣты Мелашки и матери рассказать начисто все дѣло, какъ оно было, и тѣмъ свалить съ себя вину... Все это моментально промелькнуло въ мысляхъ его, и еще мрачнѣе сдвинулись его брови, еще грознѣе стала вся его фигура передъ Петромъ, повидимому, безпечно потягивавшимъ *цыгарку* и слевавшимъ отъ времени до времени. Не вытерпѣлъ онъ, однако, этого упорнаго взгляда грозныхъ карихъ очей Хведька и опять заюлилъ, стараясь придать себѣ болѣе увѣренности и безпечности.

— Ну! Що жъ ты настобурчився, наче той на блохи! Убирайся! Усьо пустякы! Жердевъ казавъ, що во штобъ не стало, а выручить. Винъ уси ходы знае. Винъ й облаката нанявъ—Я каже, и сотни рубльевъ не пожалію, а на своемъ поставлю... Пайдьомъ! убирайся!

Эти слова подѣйствовали на Хведька. Безпомощный, онъ въ этихъ словахъ услыхалъ обѣщанную помощь отъ могучаго чловѣка, заинтересованнаго исходомъ дѣла, кабатчика Жердева. Безнадежность положенія послѣднихъ сутокъ этими по-

сулами Петра освѣщалась надеждой на возможно благополучный исходъ, при этомъ нежалѣнія и ста рублей и при участіи еще какой-то невѣдомой ему, но тѣмъ не менѣе спасительной силы *облаката*. Онъ встряхнулъ головой, какъ-бы отгоняя какія-то мрачныя думы, и со словами „*що жъ колы пійдемъ, той пійдемъ*“ — сталъ искать черкески.

Петро тоже отряхнулся отъ неприятнаго впечатлѣнія мрачности товарища и, затоптавъ докуренную цыгарку, поднялся съ лавки.

— Такъ бы и давно. А то, братъ, журбою дила не поправышь. Треба хлопотать, а журба это усьо пустякы.

Хведько заперъ домъ, спряталъ ключъ подъ половицу крыльця и, ободренный падеждой на Жердева, пошелъ изъ дому съ Петромъ, оббивая на ходу испачканую мѣломъ шапку.

На улицѣ людей не видно было, только около одного двора возилась въ пыли кучка дѣтей, да въ концѣ улицы виднѣлся чей то возъ съ лошадыю около колодца. Но тѣмъ не менѣе Хведько предложилъ идти огородами черезъ гору по-за-завадомъ. Скоро они поднялись на гору, прошли откосомъ ея и спустились прямо по мѣловому твердому спуску на ярмарочную, теперь совершенно пустую, площадь и, перешедши мостикъ, подошли къ угльному дому, гдѣ помѣщался кабакъ Жердева, отмѣченный вывѣской и краснымъ флагомъ на высокомъ шестѣ.

Жердевъ, очевидно выглядывалъ ихъ, потому что встрѣтилъ въ сѣняхъ и повелъ не въ кабакъ, а направо, въ помѣщеніе, гдѣ жила его семья, состоявшая только изъ жены, такъ какъ сына онъ отдалъ въ лавку въ городъ, чтобы приучался къ торговлѣ.

Петро, вошедши въ комнату, сейчасъ же сѣлъ, какъ свой человѣкъ, а Хведько остановился около порога.

„Пайди туда Анисья—сказалъ женѣ Жердевъ, и когда та вышла, онъ прямо обратился къ Хведьку.

— Ты, что же себѣ думаешь молодець? Настроилъ дѣла, да и очей не кажешь. А? Вѣдь этакъ черезъ васъ подлецовъ недолго и до острога дожитися! Говори; какъ ты мнѣ тогда

мѣшокъ отдавалъ? Что ты сказалъ мнѣ, что тамъ въ немъ экономическія сѣмена, краденныя? А? Что жъ ты молчишь? Теперь нечего молчать, а нужно думать, какъ выпутываться изъ бѣды. Ты не стой, а сядь. Будемъ толковать, совѣтоваться. Садись, садись вотъ здѣсь, какъ говорится, рядкомъ потолкуемъ ладкомъ. Вы тамъ, чортъ васъ знаетъ, гдѣ берете, а я выручай васъ же, да и отвѣчай послѣ. Говори, какое у тебя намѣреніе?

Хведько какъ ошпаренный слушалъ эти всѣ укоры Жердева. Опять онъ насупился, сдвинулъ брови и мрачно глянулъ на кабатчика и Петра. Даже и тогда, когда по настоянію Жердева онъ сѣлъ на какую то табуретку, и тогда вся его фигура показалась на столько грозною, что кабатчикъ вдругъ перемѣнилъ тонъ, не давая разгорѣться озлобленію Хведька.

— Ты, вотъ что молодець! Такъ не смотри грозно. Я, братъ, такой человѣкъ, что и побраню, и пожалѣю. Такъ и быть, похлопочу за тебя, авось когда и помянешь добрымъ словомъ. Я вѣдь такой, хоть кого спрости. Вотъ хоть его—вѣдь, правда Петро?!

— Ты, слушай, говори мировому одно, что ты сѣмена свои мнѣ завозилъ, а только что въ экономическомъ мѣшкѣ, такъ скажи, что мѣшокъ ты не успѣлъ взять еще у меня. Такъ на одномъ и стой. А коли чтó такое, такъ я, братъ, такой человѣкъ, что хоть какъ, а выручу. Я всегда радъ помочь добродушному человѣку. У меня тамъ будетъ адвокатъ, онъ хоть за меня будетъ стоять, а коли что, такъ и апелляцію напишетъ. Мы не то что! И въ Сѣздѣ и въ Окружный судъ, а то и въ Сенатъ. Потому онъ это все произошелъ, всѣ выверты знаетъ. А то какъ раскиснешь, такъ и пропадешь. Тутъ нужно шевельнуть мозгами. На меня надѣйся! Я, братъ, выручу!

Легче стало Хведьку отъ этого обѣщанія. Онъ вѣрилъ кабатчику, вѣрилъ въ его искренность и готовность помочь людямъ, вѣрилъ, наконецъ, въ силу адвоката, который всѣ „выверты“ знаетъ. Озлобленіе, вызванное рѣзкостью кабатчика, опять улеглось, и, какъ реакція вспышки, явилась покладистость и дружелюбное отношеніе къ этому „добродушному“ человѣку, гото-

вому помочь ему. Какъ бы сознавая себя виновнымъ за озлобленіе, Хведько отозвался.

— Я—щожь! Я й самъ бачу, що треба щось думать...

— То то „Самъ бачу“—передразнилъ его кабатчикъ. Кабы намъ такъ вотъ при нашемъ торговомъ дѣлѣ быть такой мокрой курицей, такъ давно бы, что называется, хвостъ оттоптали. Плошать нельзя! Тутъ ужъ такъ: онъ свое, а ты свое; небось, не проглотятъ. Кто видѣлъ, какъ ты сѣмена воровалъ, пусть присягу примутъ! Это все надо по формѣ. Адвокатъ мой все это знаетъ. Ты ужъ довѣрься. Одно говори—своего моля посѣва сѣмена, я моля такъ и Жердеву говорилъ. На томъ и стой. На нихъ, моля, мѣты пѣтъ. А мѣшокъ? Чтожъ?! Скажи не успѣлъ взять назадъ. Вотъ и все! Понялъ? А?!

— Та я то понявъ, та хто його знае, чы выкажу усе такъ...

— А ты приободришь; робѣть нечего. Это ужъ такое дѣло.— Вотъ я сейчасъ.—И съ этими словами Жердевъ побѣжалъ въ другую половину въ кабакъ, откуда возвратился, держа въ рукахъ бутылку водки и зеленого стекла большую рюмку.

— Вотъ этого попробуй для смѣлости. „На, выпей—она всю робость смоетъ“—кончилъ онъ, подавая налитую рюмку Хведьку. Но Хведько сконфузился; ему не приходилось еще быть такъ запросто подчиваемымъ, да и вообще водка ему мало была знакома. Онъ то и пилъ ее всего только три раза: разъ, когда изъ экономіи отвозилъ овесъ становому, ему и другому товарищу его поднесла ключница станового; другой разъ поднесли ему рюмку водки за то, что пособилъ сваливать бочки въ подвалъ, гдѣ онъ очутился, ожидая выпуска барды, и, наконецъ, третій разъ, когда на кошу пили эту злосчастную бутылку, вымѣненную у Жердева за бурачныя сѣмена. А тутъ вдругъ такой дока, дѣлецъ, защитникъ его въ этой бѣдѣ, самъ запросто подноситъ ему водку. Хведько счелъ нужнымъ при этомъ соблюсти вполне вѣжливость и отвелъ стаканъ, сказавъ—слышанную имъ этикетную фразу:

— У вашимъ здоровьи!

— Да ты чтожъ? Пей, бери! Я, братъ, коли захочу самъ выпью—а ты на, пей!...

Хведько, однакожь, не унялся въ своей вѣжливости: онъ предложилъ поднести сперва Петру. Его желаніе было уважено, и Петро взявъ рюмку, что то пробормоталъ, выпилъ, скривился и сплюнулъ.

Тогда ужъ пришлось Хведьку выпить, что онъ и исполнилъ. Теплой струей прошла водка по всѣмъ жиламъ его; особенно тепло стало въ полости груди и живота. Но сейчасъ же онъ почувялъ, какъ теплота отлила къ головѣ и какъ покраснѣло у него лицо. Закусилъ онъ поданнымъ ему кусочкомъ черстваго хлѣба. Между тѣмъ Жердевъ усѣлся на лавкѣ рядомъ съ Петромъ, крутившимъ цыгарку, и, упершись руками въ колѣни, опять началъ.

— Такъ то друтъ ты мой любезный! Какъ говорится, водочку пей, а дѣльце помни! Ты самъ малый не дуракъ—разсуди: во мнѣ, вѣдь, всякій изъ васъ нуждается—тому нужно, другому—а я всегда готовъ пособить. Мало ли чтó: у иного копѣйки за душой нѣтъ, а выпить хочется, такъ себѣ душу отвести или, бываетъ, съ похмѣлья. Ну, и пожалѣешь чело-вѣка, потому сами крещенные. Пожалѣешь, а послѣ самъ же въ отвѣтъ. Вотъ и теперь этотъ случай. Не я вѣдь ходилъ за тобою, самъ ты пришелъ ко мнѣ. Водка понадобилась, а купить не за что—я вѣдь тебя пожалѣлъ, такъ сказать, выручилъ, а ты меня теперь, когда что къ чему пришлось засло-ни, а я тебя выручу, да и напредки пригожусь... Такъ, вѣдь и говорю?! А?

— Та воно звисно, що такъ.

— То то—Жердевъ взялъ бутылку и налилъ опять рюмку. Петра въ комнатѣ не было—онъ вышелъ курить въ сѣнды. Не особенно церемонился Хведько и со словами „будьте здоровы!“ залпомъ выпилъ всю рюмку. Этимъ послѣднимъ подчиваніемъ уже безъ Петра установилась непосредственная интимность между Хведькомъ и кабатчикомъ, но въ тоже время эта вторая рюмка сильно подѣйствовала на Хведька, такъ что онъ почувствовалъ какое то небывалое настроеніе. Жердевъ казался ему особенно милымъ и симпатичнымъ; онъ понималъ, что на самомъ дѣлѣ этотъ кабатчикъ напрасно изъ-за своей доброты

долженъ пострадать, и ему сильно захотѣлось всячески избавить его отъ напраслины.

— Що правда—то правда!—Началъ уже самъ онъ. Васъ, дядьку, занапрасно оце тягають. Я такъ прямо и скажу. Мени не страшно! Мени не то що у Синодъ, а хоть и до старого—мени не страшно! васъ я захыщу.

— Вотъ это слово твое правое, потому ты самъ видишь и понимаешь! Такъ и скажи: свои, мольт, сѣмсна продалъ Жердеву, да не забудь сказать слово „продаль“. Скажи—за 30 копѣекъ, что-ли; поняль? А?!

— Та понявъ. Такъ и скажу—продавъ за 30 кошійокъ.

— Ну, вотъ такъ. Вотъ это хорошо! Пускай они тамъ свое толкують, а ты свос, а я ужъ, братъ, на томъ стою, чтобы тебя не выдать, одно слово...

Но тутъ прервалъ его рѣчь шибко вошедшій въ комнату Петро и сказавшій.

— Идутъ старыкы—старшина съ писаремъ, староста.

Жердевъ сразу какъ то заметался.

— Вы, ребята тутъ посидите, а я тогда васъ выпущу.— И пошелъ изъ комнаты.

Хведько сидѣлъ задумавшись; возбужденная водкой энергія опять смѣнилась мягкостью. Ему стало жалко самого себя, мать, Мелашку... Онъ не разслышалъ даже словъ Петра о прибытіи „старыкивъ“. Петро, между тѣмъ, безцеремонно налилъ себѣ рюмку, выпилъ, сплюнулъ и, наливъ опять, подаль Хведьку, который приподнялъ опущенную голову, мотнулъ головою и взялъ рюмку. Въ это время вошла въ комнату Жердиха. Она не знала, какую это водку пьютъ хлопцы—свою ли или оставленную ея мужемъ. Хведько уставился на нее пьяными глазами и сказалъ.

„Будь здорова титко!—выпилъ залпомъ и, замотавъ головою, сплюнулъ, подражая Петру. ~“

— На здоровье—отвѣтила Жердиха и, полагая, что хлопцы пьютъ водку купленную, добавила: допивайте да и идите, а то сюда старшина со стариками пойдетъ.

— Кто? Старшина?—Вдругъ воскликнулъ Хведько, выправившись во весь ростъ.—Де старшина? Це йому не у росправи!—Я йому!... и тутъ отпустилъ крупное словцо.

Петро засуетился—поскорѣ налилъ рюмку и подавая Хведьку шепталъ.

— Пый швыдче, тай ходимъ, пый—бо! Ходимъ витсиля.

Взявшаяся было уже за самоваръ Жердиха, такъ и оставилась около лежанки, держась за ручки самовара. Хведько почти вырвалъ изъ рукъ Петра рюмку и, не соблюдая обычнаго при допиваніи остатковъ водки этикета, по которому, обыкновенно, подчужаемый выпивалъ только часть рюмки, не поздоровавшись, сразу опрокинулъ въ ротъ всю до капли водку и отдалъ рюмку. Петру досталось не много—онъ допилъ остатокъ и сталъ унимать освирипѣвшаго вдругъ Хведька.

— Та ну, та ну, угомонись! угovarивалъ онъ, но Хведько не унимался, а все громче и громче ругался, угрожая старшинѣ. Жердевъ сразу сообразилъ привычнымъ ухомъ, что это бушуетъ кто нибудь изъ оставленныхъ имъ въ комнатѣ парней и что это не Петро, котораго онъ видѣлъ не разъ пьянымъ, а новый знакомецъ Хведько. Во всякомъ другомъ случаѣ онъ обратился бы за содѣйствіемъ къ сельскому начальству, но теперь ему не хотѣлось, что бы это начальство знало о пребываніи у него въ комнатѣ Хведька и потому онъ со словами: „сейчасъ, на минутку“—пошелъ изъ кабака, плотно затворивъ двери за собою. Въ комнатѣ слышна была ругань Хведька. Отворивъ двѣри Жердевъ увидѣлъ мизернаго Петра, старающагося удержать разсвирипѣвшаго Хведька, который рвался въ сѣицы. Жердевъ, которому Хведько представлялся при собесѣдованіи такимъ податливымъ и вахлаковатымъ, сразу порѣшили огоршить его строгостию и затѣмъ выпроводить на улицу.

— Ты что же это!—почти прошипѣлъ онъ и, надѣясь на свою силу, схватилъ его за всклокоченный давно нечесанный чубъ. Но тутъ то и не оправдались соображенія кабатчика. Моментально отлетѣлъ въ сторону къ лавкѣ обнявшій было Хведька поперекъ Петро. Хведько рванулся изъ рукъ Жердева, оставивъ въ его пальцахъ клокъ волосъ и со всего маху

хватилъ его въ ухо съ такою силою, что кабатчикъ ударился въ дверь, съ трескомъ отперъ ее тяжестью своего тѣла и вылетѣлъ кувыркомъ за порогъ.

— Старшину подводить! Назначоно нацувать мене, щобъ після завдати у тюрму! Яжъ тоби покажу! глухимъ отъ бѣшенства голосомъ говорилъ Хведько, но слова его покрылись воплемъ вопедшей Жердихи.

Изъ противоположныхъ дверей высунулись на крикъ „начальство—старыкы“.

Увидавъ ихъ и между ними старшину, Хведько, что называется, совершенно осаталѣлъ: черезъ подымающагося съ земли Жердева онъ кинулся въ двери, ругая старшину, но споткнулся на кабатчика и упалъ пластомъ, вытянувшись во весь ростъ. Въ это время Жердевъ успѣлъ подняться, насѣлъ на него и, нанося ему удары кулакомъ, закричалъ: „ввяжите его подлеца! чтожъ вы стоите! Вѣдь это разбой!“

Всѣ присутствовавшіе, кромѣ писаря, навалились на Хведька, такъ что онъ очутился подъ кучею тѣлъ. Но онъ разметалъ всю эту кучу кулаками, раскровянилъ нѣсколько физиономій, въ томъ числѣ и Жердеву, и вырвалъ у старшины палку. Озлобившіеся въ свою очередь „старыкы“ накинулись опять на него, чѣмъ и заслонили оробѣвшаго старшину. Около дверей кабака откуда то вдругъ собралась кучка дѣтей, женщинъ и навернувшихся мужиковъ. Цѣлою кучею не могли съ нимъ сладить: каждый палетавшій на него въ ту же минуту отлеталъ отъ толчка или удара въ сторону. По сю пору никто не зналъ о такой сверхъестественной силѣ его. Каждый отлетѣвшій отъ него, подвернувшійся подъ его увѣсистый кулакъ, не отваживался соваться къ нему другой разъ; нѣкоторые искали какого нибудь орудія, чѣмъ бы можно оглушить неодолимаго бойца; одинъ схватилъ толстый дрюкъ, которымъ засовывались двери кабака. Уже этотъ дрюкъ былъ направленъ на буйную голову Хведька, но въ это время подвернулся кто то другой ему подъ руки.

Вдругъ собравшіеся около дверей разступились, и изъ кучи ихъ съ воплемъ кинулась къ Хведьку его мать, старая Самчиха.

— Сыну жъ мій! дытыно мой! Бога побійтєсь! щожъ оце вы зъ нымъ робытє?!—завопила съ визгомъ она и кинулась къ сыну.

Нападавшіе разступились. Остановился и свирѣпый Хведько. Свирѣпость сразу улеглась въ немъ при видѣ матери; при ея воплѣ, озлобленія какъ ни бывало, и онъ, весь осунувшійся, припалъ къ обнявшей его матери и зарыдалъ пьянымъ плачемъ, всхлипывая, какъ маленькій ребенокъ.

Первымъ пришелъ въ себя староста.

— Це треба його въ рєштаньску одвести.—Но никто не тронулся исполнить это „весты“.

Жердевъ зачерпнувъ въ кружку воды, выгнулся за порогъ дверей, выходящихъ во дворъ, и сталъ споласкивать кровь съ лица. Два три человекъ изъ „стариковъ“ руками ощупывали свои фізіономіи и, увидѣвъ на пальцахъ кровь, тоже вышли за дверь обмываться. Старшина выглянулъ изъ-за спины писаря, стоявшаго на дверяхъ кабака и почти шепотомъ, нахмурившись повторилъ распоряженіе старосты. Въ собравшейся толпѣ слышно было: „Цей не безъ сылы! Цьего Богъ сылою не обидывъ!“ Вишь теперъ и самъ пійде. А хлѣстко отбивавсь! Дывы, сколько крови напускавъ!

Старуха Самчиха въ свою очередь обтирала кровь на лицѣ Хведька и не переставала вопить, что ея „дытыну“ хотѣли убить, что она пойдетъ жаловаться *уьсому начальству*.

Не нашлось никого, кто бы пожелалъ „отвести“ въ арестантскую Хведька, какъ равно никто не возражалъ на жалобы Самчихи. Писарь, между тѣмъ, отозвавъ въ кабакъ старшину, что то переговорилъ съ нимъ шепотомъ. Старшина, очевидно согласился съ мнѣніемъ писаря и не возобновлялъ приказанія объ арестѣ Хведька, котораго мать безпрепятственно повела домой.

Она не переставала всю дорогу тужить, а онъ безъ шапки, которую несла мать, весь опустившійся, шелъ спотыкаясь рядомъ съ нею, отъ времени до времени что то только бурчалъ и кому то грозилъ.

Собравшіеся поглазѣли имъ во слѣдъ и разошлись, а „старыкы“, упрошенные Жердсымыъ остались у него пить чай на семейной половинѣ и выслушивать его жалобы на то, что онъ вотъ пожалѣть хотѣлъ парня, а онъ же его еще и побилъ.

XIII.

Рано еще до зори поднялась старуха Самчима и все никакъ не рѣшалась будить спавшаго въ сѣняхъ сына, который ночью отъ побоевъ, какъ думала она, захворалъ.

„Печинки поодбывалы: бачъ якъ усе рве зъ нього—разсуждала старуха, когда Хведько, никогда въ жизни не напивавшійся, вдругъ ночью на самомъ дѣлѣ разболѣлся отъ этого кабацкаго зелья—водки.

Старуха, наконецъ, рѣшилась разбудить его.

Хведько поднялся съ сильною головою болью, блѣдный. Умывшись, онъ напился воды и, по обычаю, сталъ молиться, но ему опять стало дурно, и онъ сѣлъ на лавкѣ. Старуха между тѣмъ вышла изъ чулана, принаряженная въ очипокъ, и предложила ему идти съ нею сейчасъ же на Бемовку „до Кулиша“, съ которымъ она видѣлась вчера въ Андреевкѣ и который обѣщаль ей написать такую бумагу, по которой Хведька Судья не только оправдаетъ, но еще отдастъ подъ судъ и старшину, арестовавшаго, на первыхъ порахъ, ея сына.

Еще только кой гдѣ по дворамъ хозяйки принимались дойти коровъ и роса еще синѣла по луку, какъ уже они дошли до Бемовки, перешли базаръ и подошли къ квартирѣ Кулиша.

Съ вопросомъ „кто це такъ зпозаранку“? отсунула засовъ калитки хозяйка квартиры. Иванъ Ивановичъ Кулишъ еще спалъ, но хозяйка, безъ церемоніи, разбудила его, и онъ, всполснувъ заспанную фізіономію, пригласилъ Самчиху съ сыномъ въ избу.

Перекрестившись на образа, приглашенные усѣлись на лавку, при чемъ Самчиха, предварительно, положила на столъ завернутыя въ платочекъ нѣсколько яицъ.

Кулишъ взялъ съ *покутя* листъ бумаги, уложилъ его на подкладку, переставилъ съ окна пузырекъ—чернильницу съ воткнутымъ въ нее гусинымъ перомъ, вздрогнулъ плечами и обратился къ просителямъ.

— Ну-ка, посылай за полбутылкой, а то какъ то погано послѣ вчерашняго.

Хведько понялъ, что это „погано“ относилось къ нему и потупился, а старуха вопросительно посмотрѣла на Кулиша и на вернувшуюся за чѣмъ то въ хату хозяйку.

„Доставай двугривенный, сказалъ Кулишъ, а ты Мытревна раздобудь, а не то ты сбѣгай,—обратился онъ къ Хведьку

— Я не пойду—я тутъ не знаю—отвѣтилъ онъ.

Привыкшая, очевидно, къ такимъ посылкамъ Мытревна, взявъ у Самчихи деньги, отправилась за водкой.

— Такъ за буряки засудылись—началь Кулишъ.

— Не за буряки, а за симмя бурякове.

— Та это усьо равно! Разказуй ты, молодець.

Хведько замаялся и потому старуха сама перехватила и начала рассказывать длинную повѣсть о томъ, какъ Цюпа даль ему передать Жердеву мѣшокъ сѣменами и взять за это бутылку водки, какъ послѣ эти Цюпа и Жердевъ остались въ сторонѣ, а его, ея сына, старшина билъ и держалъ въ арестантской, какъ послѣ „Карло“ общалъ все дѣло прекратить и какъ послѣ получена повѣстка...

Но въ это время вернулась хозяйка съ водкой, которую и поставила на столъ въ бутылкѣ съ рюмкой, кускомъ хлѣба съ солью и съ зеленымъ лукомъ.

— Подожды! Нужно поправытьца носли вчерашняго; а тоди ужъ я усьо это пропишу.

Кулишъ налилъ рюмку водки и, поздоровавшись, выпилъ, скривился и плюнулъ, какъ это дѣлаютъ всѣ пьяницы. Затѣмъ онъ налилъ другую рюмку и поднесъ старухѣ Самчихѣ, но та какъ она на отрѣзъ отказалась, то рюмка была предложена Хведьку. При видѣ поднеенной водки, сей послѣдній вздрогнулъ и отвернулся,—такъ она ему была противна, но Кулишъ настаивалъ, увѣряя, что водка придастъ ему смѣлости, а смѣ-

лость необходима въ судѣ; иначе онъ не будетъ знать, что говорить.

— Выпый, моя дытыно, посоеѣтовала старуха; вона, какъ жуть, усе поправыть.—Хведько не сталъ церемониться и залпомъ выпилъ полную рюмку и закусилъ кусочкомъ хлѣба съ солью. Послѣ этого поднесена была еще рюмка квартирной хозяйкѣ, которая выпила ее со всякими приговорами.

— Дай же Богъ вамъ на суди оправытьця! щобъ вышли зъ суду чисты, якъ оця горилка! щобъ Господь вамъ пособивъ побидыты вашихъ ворогивъ, та супротивныквивъ! будьте здорови!—проговорила она, наторѣвшая уже въ этомъ дѣлѣ подчивавья кліентами ея квартиранта „Ивана Ивановича“.

— Ну, я еще одну выпью, щобъ на оби ноги було, какъ говорится и тогда пріймьомся за дѣло!—сказалъ Кулишъ и долилъ недопитую его хозяйкою рюмку, опрокинулъ ее цѣбликомъ въ ротъ, опять скривившись, сплюнулъ и крякнулъ.

— Ну, теперъ сейчасъ напишу усьо. Я вѣдь это могу и мени не впервой. Мы и пе такє писали.

Онъ уложилъ передъ собою листъ бумаги и, обмакнувъ перо, котораго раскепъ прежде осмотрѣлъ, пачалъ тцательно выводить—Его Высокородію Господину Миrowому Судьѣ 2-го участка П—скаго уѣзда крестьянина собственника. Здѣсь онъ остановился положилъ перо на край стола, и спросивъ имя, отчество и фамилію, выпилъ еще рюмку водки и писалъ далѣе—*Федора Андреева Самченко* оправданіе и жалоба.

За тѣмъ слѣдовало изложеніе этого оправданія и жалобы, написанное самымъ изысканнымъ, по мнѣнію самого сочинителя слогомъ, прі чемъ онъ, отъ времени до времени, пріостанавливался, спрашивалъ имя, отчество Цюпы, Жердева, а также о времени совершившагося. Каждый разъ, при остановкахъ, онъ клалъ перо, наливалъ водки и выпивалъ, какъ бы для приданія себѣ силы и ума въ сочиненіи сей бумаги. Самчиха и Хведько, молча, сидѣли, боясь даже движеніемъ прервать вдохновеніе пишущаго и даже ночь, струившійся съ нихъ, обтирали съ особенной осторожностію.

Наконецъ, какъ бы по строгому разсчету съ количествомъ водки въ бутылкѣ, Кулишъ кончилъ писаніе, долилъ послѣднихъ пол-рюмки, выпилъ и сталъ просматривать написанное, кое гдѣ исправляя что то въ бумагѣ. Оправданіе и жалоба эта была такова—послѣ вышезаписаннаго заголовка. „Бывши я въ услуженіи въ экономіи господина Лутнева, при волахъ, на посѣвѣ сахарной свекловицы, когда вѣкій именующійся крестьянинъ собственникъ слободы Андреевки Петръ Ивановъ Цюпинъ передалъ въ питейное заведеніе кабачика Рязанской губерніи села Бѣлоомута Василя Степанова Жердева мѣшокъ неизвѣстно чѣмъ наполненный. Получа бутылку водки, которую совмѣстно роспили и я о томъ ихъ лихоимствѣ и злодѣйственности не свѣдущій совершенно какъ 27 числа маія мѣсяца вечеромъ прибывши на кошъ пошта и узали меня въ волостное Андреевское правленіе, гдѣ старшина билъ меня жестоко за волосы и вынуждалъ въ признаніи въ томъ что я ничего не свѣдущій а послѣ заперъ меня въ продолженіи ночнаго времени въ арестантскую и потому что онъ господинъ волостной старшина есть злобитель на моего отца крестьянина собственника Андрея Степановича Самченкова и уличалъ злокозненно мою мать и всячески жестоко билъ безчеловѣчнымъ боемъ и старался меня уличить въ сознаніи. А потому прошу Ваше Высокородіе за эти его незаконные проступки и мою невинность, какъ я въ этомъ дѣлѣ ничего не извѣстный отдать подъ Окружный Судъ и мени взыскать безчестія за мою не извѣстность пятьдесятъ рублей серебромъ въ этомъ дѣлѣ по закону. Къ сему прошенію за неграмотнаго крестьянина собственника слободы Андреевки Федора Андреева Самченкова по его рукодайной просьбѣ и довѣрительству подписался отставной¹ капитанармусъ Иванъ Ивановъ сынъ Кулишовъ“.

Когда „Кулишовъ“ прочиталъ эту бумагу просителямъ, мать и сынъ пришли въ умиленіе и старуха даже всхлинула, благодарными очами взирая на составителя этой спасительной бумаги. Но тѣмъ не менѣе она стала просить еще приписать что вчера Жердевъ со стариками умышленно напоили ея сына и били смертельнымъ боемъ, но требованіе за эту приписку

особой платы и кромѣ того нежеланіе ея самымъ Хведькомъ, который смутно припоминалъ, что не его начали бить, а онъ самъ устроилъ буйство, заставили ее отказаться отъ этой приписки.

Она уплатила Кулишу одинъ рубль и выслушавъ даваемыя Хведьку наставленія, сказать судьѣ, что въ бумагѣ все написано, бережно завернула въ платокъ бумагу и пошла съ сыномъ въ камеру судьи, такъ какъ солнце уже поднялось порядочно,—и они боялись опоздать.

XIV.

Въ камеру мирового судьи явились они еще рано—не было еще и восьми часовъ—но уже застали пріѣхавшихъ тоже судиться по дѣламъ какихъ то москалей. Мало по малу начали собираться люди. Прибывающіе справлялись о времени разбора у раньше прибывшихъ и группами размѣщались въ тѣни построекъ и плетней, а нѣкоторые подъ возами, около которыхъ привязаны были и лошади. Всѣ прибывшіе—а ихъ было много, такъ какъ мировой судья не каждый день разбиралъ дѣла, а назначалъ въ мѣсяць два три раза только засѣданія, почему и накоплялось на разъ дѣлъ по 20—30—были заинтересованы въ той или другой степени дѣлами. Свидѣтели, вызываемые повѣстками, были болѣе апатичны; приведенные же сторонами—собственно говоря, сторонники того или другого изъ тяжущихся—были оживленнѣе, вмѣшивались въ пререканія между собою тяжущихся, высказывали свои мнѣнія, а часто выслушивали и упреки въ пристрастности и несправедливости ихъ, ожидаемыхъ еще, показаній на судѣ. Нѣкоторые изъ свидѣтелей, не желая озлоблять противъ себя сторонъ, какъ бы оправдываясь въ своемъ вмѣшательствѣ въ дѣло, высказывали что они ничего не знаютъ и даже не знаютъ, зачѣмъ ихъ выставили свидѣтелями. Изъ двухъ сосѣднихъ по мѣсту жительства націй—великороссовъ—москалей и малороссовъ—хохловъ, послѣдніе, особенно если они были изъ ближайшей торговой слободы, вели себя сдер-

жаниѣ; москали же, болѣе дикіе мужики, не сдерживались и наивно высказывались о томъ, что они будутъ показывать или даже, что они будутъ говорить „усьо такъ, какъ говорили и въ кабацѣ“, когда ихъ поиль ссылающійся на нихъ тяжущійся. Хохлы выглядѣли вообще шельмоватѣе и злостнѣе; видно было, что у нихъ уже разъ рѣшенное крѣпко запало въ голову и они боялись, такъ сказать, открывать задуманные ходы противнику или сторонамъ его.

Старуха Самчиха съ сыномъ сиротливо пріютились подъ стѣнной камеры. Хведько былъ мраченъ, онъ не могъ упорядочить въ своихъ мысляхъ никакого представленія о ходѣ дѣла: то казалось ему, что судья поступить съ нимъ такъ же грозно, какъ и старшина; то ему представлялось, что написанная Кулишомъ бумага все дѣло обратить въ его пользу; то ему приходили на память внушенія Жердева; то имъ овладѣвала тоска и апатія.. Старуха жалостливо посматривала на прибывшихъ и прибывающихъ, по внѣшности ихъ старалась разгадать ихъ отношенія къ суду, намѣревалась нѣсколько разъ подойти и рассказать свое горе тѣмъ, кто ей по виду показывался бойчѣе и наторѣлѣе въ дѣлѣ судебномъ. При этомъ со вздохомъ припоминала она мужа, который, по ея убѣжденію, никогда бы не допустилъ самого дѣла до суда, задобривъ мого-рычемъ и старшину, и экономическихъ служащихъ, а то чуть и не самого Судью. Эти послѣднія мысли еще болѣе вызывали на глазахъ слезы, которыя она уже не разъ утирала подоломъ юбки, боясь замочить платокъ, въ которомъ была завернута спасительная бумага.

Пришелъ въ камеру письмоводитель, пріѣхалъ на тройкѣ волостной старшина съ писаремъ, старостою и двумя судьями и сотскимъ, наконецъ, явился и Жердевъ, а вслѣдъ за нимъ и экономическій писарь Василь Фирсовичъ Штура пріѣхалъ на бѣговыхъ дрожкахъ съ главнымъ экономическимъ конюхомъ и наѣздникомъ Никитичемъ. Штура сидѣлъ сзади на дрожкахъ, въ которыхъ былъ запряженъ крѣпкій рослый жеребецъ еще стараго Бемовскаго завода, выѣзжаемый Никитичемъ. Они проѣхали прямо во дворъ къ Мировому Судьѣ.

Еще больше нахмурился Хведько, когда мимо его на крыльцо взошли волостной старшина и все волостное начальство. Съ ихъ прибытіемъ приближалась роковая минута, а онъ все-таки никакъ не могъ собраться съ мыслями, надуматься, что и какъ говорить въ камерѣ. Вдругъ къ нему подбѣжалъ хлопчикъ и сказалъ что его *„хтось кличе тамъ у Солошьному городу“*. Посмотрѣвъ въ сторону указаннаго города, Хведько въ чащѣ вишняка за плетнемъ разглядѣлъ фигуру Цюпы въ картузѣ и красномъ шарфѣ на шеѣ. Онъ даже обрадовался случаю прервать путаный токъ мыслей и пошелъ къ плетню. Петро пригнувъ вѣтку дерева, закрылся нею и, кивнувъ головою, сразу началъ.

— Ну, братецъ ты мой, наброивъ ты!

Хведько ничего не отвѣчалъ, сознавая, что, дѣйствительно, онъ *„наброилъ“*.

— Та усьо пустяки! продолжалъ Цюпа—Жердевъ каже усе тобі прощае, абы тилько ты його не путавъ у це дило. Наказувавъ, щобъ ты усе таки стоявъ на свойому, що ты семена продававъ йому свои. А я каже вже выручу його. У нього й облакаты буде. Онъ дывысь пріихавъ.

Дѣйствительно въ эту пору на парѣ почтовыхъ лошадей подбѣхалъ къ крыльцу камеры какой то господинъ одѣтый по пански. Многіе изъ собравшихся снимали было шапки, но оглянувшись опять накрыли головы. Адвокатъ что то далъ ящику и, взявъ съ собою какія то бумаги и книжку, пошелъ въ камеру. Хведько не успѣлъ и разглядѣть его.

— Тоби що? Ты такъ и кажи: я продавъ Жердеву свои семена, а мишокъ зъ экономіи, не вспивъ забрать его, ты й правъ будешъ. Хйба вони помичени, семена, та не кажи, що за водку отдавъ, а що продавъ за 30 копійокъ. А винъ уже тамъ усе якъ слидъ выведе, усе зъ аблакатомъ. Тамъ такій, похваляетця! така голова, що якъ зхоче такъ и зробить...

Въ это время недалеко отъ нихъ задрезбужали дрожки, на которыхъ Мировой судья проѣхалъ во дворъ. Всѣ повскакивали, снимали шапки и сразу посунулись къ крыльцу камеры. Хведько тоже бросилъ Петра и пошелъ къ камерѣ, услы-

шавъ однако же напутственное отъ Цюпы наставленіе.— „Ты жъ смотри братецъ! а то щобъ чого худшого не було!

Столпившіеся около крыльца камери всё повернулись въ сторону двора Мироваго Судьи, гдѣ онъ осматривалъ жеребца, на которомъ прѣѣхали Никитичъ со Штурою. Никитичъ въ картузѣ и плисовой поддевкѣ, что то довольно фамиллярно разсказывалъ Судьѣ, жестикулируя руками, видно, про ѣзду. Судья одобрительно посмѣивался и, наконецъ, кивнулъ въ сторону, что то сказавшему ему Штурѣ.

— Хорошо, я скоро... пошелъ въ домъ.

Письмоводитель вышелъ на крыльцо и по выпискѣ началъ провѣрять тяжущихся и свидѣтелей. О послѣднихъ онъ справлялся у ссылавшихся на нихъ сторонъ, при чемъ на заявленіе о приведенныхъ свидѣтеляхъ говорилъ, что приведеніе могутъ о нихъ заявить Судьѣ. Перекликая такимъ образомъ, онъ отмѣчалъ карандашемъ въ запискѣ. Почти всё съѣхавшіеся столпились около крыльца, кромѣ тѣхъ, которые ранѣе еще вошли въ камеру и комнату письмоводителя.

Не много погодя явился Судья. Онъ прошелъ въ комнату, гдѣ происходило засѣданіе; сѣлъ за столъ и, вздѣвъ на носъ пенсне, началъ просматривать пакеты. Между тѣмъ письмоводитель, спѣшно справляясь съ выпискою, укладывалъ дѣла, обернутыя въ синія и палевыя окладки. Цвѣта обложекъ означали уголовное ли или гражданское дѣло въ ней заключалось. Какъ только, сложившій дѣла письмоводитель забравъ, помѣченныя Судьею изъ распечатанныхъ конвертовъ бумаги, отошелъ отъ стола. Судья надѣлъ цѣпь, зѣвнулъ и провозгласилъ:

— Засѣданіе открыто. Э! Э! къ слушанію назначается дѣло по иску мѣщанкою Авдотьею Курносовой съ оставнаго фельдфебеля Ивана Ступайкина 135 рублей по векселю. Э!—Э! стороны на лицо?

— Курносова не явилась—отвѣтилъ письмоводитель.

Судья взялъ перо и чрезвычайно скоро написавъ провозгласилъ:

— На основаніи 145 ст. Устава Гражданскаго Судопроизводства за неявкою истицы Курносовой прекращается...

Письмоводитель успѣлъ отнестъ бумаги въ свою комнату, она же была и канцелярія, и съ выпискою въ рукахъ опять стала у двери камеры.

— Э!—Э! къ слушанію назначается дѣло по иску крестьянина Андрея Петрова Кривошеина о восстановленіи владѣнія, нарушеннаго купцомъ Ильяшовымъ. Э!—Э! стороны на лицо?

— Стороны не явились—отвѣтилъ письмоводитель.

Судья опять шибко написалъ резолюцію и опять провозгласилъ ее въ томъ же стереотипномъ видѣ—за неявкою истца по такой то статьѣ дѣло прекращается.

Разсмотрѣнныя, такимъ образомъ, дѣла онъ откладывалъ въ сторону.

— Назначается къ слушанію—началъ опять Судья взявши новое дѣло въ синей обложкѣ, э, э, по иску крестьянки Агафьи Фирсовой съ діакона Рождественскаго 26 рублей 60 коп. жалованья. Э—э стороны на лицо?

— Фирсовой нѣтъ—отвѣтилъ письмоводитель. Опять Судья сталъ писать. Написалъ, но въ ту минуту, когда онъ хотѣлъ провозгласить резолюцію, въ дверяхъ камеры показалась, очевидно, кѣмъ то непускаемая женщина—московка въ красномъ кумачевомъ платкѣ на головѣ въ бѣлой свиткѣ клѣтчатою паневѣ и лаптяхъ.

Судья поднялъ голову и сквозь пенсне грозно посмотрѣлъ на нее.

— Э—э—знаете! Что тебѣ?—спросилъ ее. Но московка не отвѣтила сразу, а прежде перекрестилась на маленькую фольговую иконку, мызнула рукою подъ платокъ, оправилась и подошла къ столу. Она, очевидно, не поняла вопроса и уже собиралась подпереть одною рукою щеку, а другою подъ локоть руку, какъ Судья опять еще грознѣе спросилъ ее.

— Э—э ты чего?

— Да, я, родименькій, на свояму судьбишу, що енъ менѣ денегъ не отдаетъ...

— Вы Агафья Фирсова? Э—э?!

— Хвирсовыхъ, Хвирсовыхъ, родименькій по письменному, а такъ зовутъ Кондрашовы...

— Ну, это, знаете, до меня не касается, какъ зовутъ... Дѣло ваше за неявкой истицы прекращено...

Московка не двигалась и, съ недоумѣніемъ, поглядывала то на Судью, то оглядывалась ва письмоводителя!

— Э—э—ступайте—дѣло прекращено!

— Я, то есь, родименькій, не разберу, какъ это перекрещено, мы письменному Хвирсовы; а такъ, значить, ещо по дѣду Кандрашомъ дразнили—Кандрашовы.

Судья уже взялъ со стола другое дѣло, а письмоводитель, взявъ за рукавъ московку, шепотомъ сказалъ ей—иди, дѣло твое покончено.

Она, по шепоту письмоводителя, поняла, что въ камерѣ первостепенную роль играетъ не онъ, а сидяцій за столомъ Судья, да еще и въ цѣпи, и потому грубо оттолкнула письмоводителя и обратилась къ судѣ съ вопросомъ:

— Ты менѣ скажи, родименькій, на чемъ же дѣло моя покончена?—кады минѣ съ няго деньги получать, аль може, хвитокъ выдашь минѣ?..

— Э—э! знаете, прикажите удалить ее—сказалъ Судья и письмоводитель уже настойчивѣ вывелъ ничего не понимающую московку въ другую комнату, гдѣ уже ей объяснили о прекращеніи ея дѣла. Тѣмъ не менѣ она осталась въ камерѣ до окончанія засѣданія, увидѣвъ пріѣхавшаго діакона и надѣясь всетаки добиться своего.

Еще три дѣла прекратилъ судья по неявкѣ истцовъ и обвинителя и тогда только провозгласилъ о назначеніи къ слушанію дѣла по обвиненію крестьянина Федора Андреева Самченкова въ кражѣ свекловичныхъ сѣмянъ въ экономіи поручика Африкана Михайловича Лутнева и крестьянина Жердева въ покупке завѣдомо краденаго.

По выклику письмоводителя, въ камеру натолпились—Хведько съ матерью, Жердевъ съ своимъ адвокатомъ, Штура, Никитичъ, старшина, староста и три понятыхъ, изъ коихъ у одного синѣлъ подѣ лѣвымъ глазомъ кровоподтекъ отъ вчерашняго Хведькинаго кулака, не въ мѣру размахавшагося.

Судья кивнулъ головою на поклонъ адвоката и сталъ спрашивать вошедшихъ.

— Федоръ Самченко? Э—э—кто?

Хведько выдвинулся изъ за другихъ и, ничего не отвѣчая, сталъ передъ столомъ. Вслѣдъ за нимъ просунулась его мать, развернула платокъ и подала Судьѣ бумагу, писанную Кулишомъ.

Судья, думая, что это какая-нибудь просительница по другому дѣлу, бумаги не взялъ, а только сказалъ.

— Э—э—подожди, послѣ...

Старуха Самчиха отступила опять назадъ. Судья продолжалъ

— Э—э Иванъ Никифоровъ Жердевъ?

— Здѣсь, отозвался Жердевъ, вотъ за меня „*довѣритель*“

— Э э, знаете, то есть, вы довѣряете защиту г-ну Кадушкину? Э—э—Вы принимаете защиту? сказалъ судья.

Кадушкинъ и Жердевъ одновременно отвѣтили—Да! Жердевъ прибавилъ еще „точно такъ—съ!“

Затѣмъ судья сталъ опрашивать свидѣтелей и, спросивъ, предложилъ имъ выйти въ другую комнату, но старшина передъ тѣмъ, какъ послѣдовать за другими, подалъ Судьѣ какую-то бумагу, сказавъ:

— Ще вотъ бумага про його—кивнувъ въ сторону Хведька.

Судья взялъ бумагу и сталъ просматривать, при чемъ раза два отрывалъ глаза отъ читаемаго и взглянулъ на насупившагося Хведька.

— Э—э, знаете, какъ васъ зовутъ?—спросилъ онъ Хведька.

— Знаю—отвѣтилъ сей послѣдній.

— Э—э—то есть. Вы Самченко?

— Самченко?

— Федоръ Андреевъ.

— Хведоръ?

— Отецъ вашъ, э—э, Андрей?

— Андрей.

— Сколько вамъ лѣтъ?

Хведько молчалъ.

— Э э, знаете, отвѣчайте, сколько вамъ лѣтъ.

— Ни, я не знаю.

Въ это время старуха Самчиха, держащая въ рукахъ все еще тотъ же листъ бумаги, сказала:

— Йому оце одъ заговынъ пйде двадцятый, паночку.

— Э, э, васъ не спрашиваютъ!—крикнулъ судья, но послѣ, что-то сообразивъ, сказалъ:

— Вы мать подсудимаго?

— Я жъ саме його маты... винъ у мене одинъ, и старого дома нема, на низахъ и расплакась... Оце й бамага спысана, тутъ усе спысано, якъ и що—всхлипывая, добавила она и подала бумагу.

Судьѣ стало неловко при видѣ слезъ и онъ, взявъ изъ рукъ ея поданную бумагу, сказалъ:

— Э, э—хорошо!—и затѣмъ продолжалъ опросъ, посмотрѣвъ въ лежащій передъ нимъ протоколъ

Э, э, подъ судомъ былъ?

Хведько молчалъ, потому что не понималъ ничегъ.

— Отвѣчайте, э, э, судились вы прежде?

— Ни, николи ни зъ кымъ не судилися.

— Э—э вы? обратился судья къ Жердеву. Ваше имя, отчество и фамилія? Но тутъ всталъ адвокатъ Жердева и попросилъ слова.

— Мой кліентъ обвиняется въ покупкѣ завѣдомо краденаго, но такъ какъ еще не доказанъ самый фактъ кражи, то я прошу признать привлеченіе къ суду Жердева преждевременнымъ и это мое заявленіе записать въ протоколъ засѣданія.

Судья все сказанное записалъ въ протоколъ и сталъ разсматривать раскрашенную по обрѣзу небольшую книжечку въ тисненомъ каленкоровомъ переплетѣ. Въ камерѣ водворилась тишина и только слышенъ былъ шелестъ перебираемыхъ листовъ книжки. Лобъ судьи наморщился, брови сдвинулись. Перелиставъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ книжку, Судья какъ-будто бы что-то въ ней вычиталъ и, отложивъ ее, написалъ постановленіе, которое сейчасъ же и прочиталъ:

— „Признавая справедливость заявленія защитника крестьянина Жердева, такъ какъ фактъ похищенія свежловичныхъ сѣмянъ Самчепковымъ еще не установленъ судебнымъ приго-

воромъ, постановилъ: привлеченіе къ суду крестьянина Жердева, по обвиненію его въ покупокъ завѣдомо краденнаго, признать преждевременнымъ“.

— Э э, вы свободны!—сказалъ онъ Жердеву и, кивнувъ головою на поклонъ адвоката Кадушкина, которые сейчасъ же и вышли, послѣ чего послышался за дверьми голосъ Жердева, очевидно, кому то объясняющаго.

— Мы сами съ усами! насъ такъ брать нельзя въ кашѣ съѣсть.

Хведько и его мать поняли, что адвокатъ защитилъ Жердева, что судья его совсѣмъ оправдалъ. Хведько сообразилъ, что, съ удаленіемъ изъ камеры адвоката, онъ лишился обѣщанной ему помощи, но такъ какъ судья взялъ въ руки и просматривалъ поданную старухой бумагу, то онъ и возложилъ все упованіе на это произведеніе Кулиша.

Судья сразу улыбнулся, но тѣмъ не менѣе дочиталъ бумагу до конца и положилъ ее въ сторонѣ отъ дѣла.

— Э, э, зовите свидѣтелей—обратился онъ къ стоящему за дверьми сторожу.

Затѣмъ начался опросъ явившихся свидѣтелей, о томъ не состоятъ ли они въ родствѣ, тяжбѣ или иныхъ какихъ-либо отношеніяхъ съ подсудимымъ. Послѣ этого опроса уже судья вспомнилъ, что слѣдовало бы допросить и Жердева, но его уже небыло и потому онъ прочиталъ подписку о присягѣ и далъ ее подписать грамотнымъ, а за неграмотныхъ удостовѣрилъ подпись.

Первымъ былъ спрошенъ Штура, который показалъ, что Никитичъ сказалъ ему, что одинъ изъ воловиковъ что то заносилъ въ кабакъ къ Жердеву въ мѣшкѣ, какъ будто бы какое зерно. Штура обратился къ Андреевскому волостному старшинѣ и съ нимъ и повятыми нашелъ въ кабакѣ Жердева экономическій мѣшокъ съ клеймомъ А. Л. наполненный почти до половины свекловичными сѣменами, непремѣнно изъ экономіи, ибо больше ни у кого таковыхъ во всей окрестности нѣтъ....

На предложеніе дать объясненіе на это показаніе Хведько сказалъ, что ничего не знаетъ, а мать его опять выдвинулась изъ за скамей и всхлипывая начала было что то говорить о

Цюпѣ и Жердеву, но Судья приказалъ ей молчать, такъ какъ ее не спрашиваютъ.

Никитичъ показалъ, что самъ видѣлъ, какъ онъ самый (указывая на Хведька) несъ въ мѣшкѣ что-то въ кабакъ Жердева и объ этомъ онъ сказалъ Штурѣ, но при обыскѣ въ кабакѣ не было, такъ какъ онъ, „какъ извѣстно Вашей милости, состоитъ въ наѣздикахъ и ему не досугъ за всякимъ надзирать“.

Когда вошелъ вызванный старшина, то Судья вспомнилъ о поданной симъ послѣднимъ бумагѣ и сказалъ:

— Э, э, знаете, вы, подсудимый, еще обвиняетесь въ буйствѣ въ кабакѣ Жердева, признаете себя виновнымъ?

— Я носывъ свои семена...—а мишокъ не вспивъ узять у Жердева...

— Э! э! я васъ спрашиваю, признаете ли себя виновнымъ въ буйствѣ въ питейномъ заведеніи Жердева?

— Винъ мене ставъ бить, щобъ я признавався, въ рещтанську посадивъ на ничъ. Мени у чому признаваться, колы я ихъ не кравъ.

— Э, э, то есть, знаете,

— Я й знать не знаю, хотъ мени й присягу принять...

— Э, э, хорошо! значить, вы не признаете себя виновнымъ—рѣшилъ судья и сталъ что то писать. Старшина стоялъ передъ столомъ въ цѣпи на коричневой, чосанаго сукна черкескѣ, подпоясанный камлотовымъ синимъ поясомъ. Видно было, что онъ привыкъ къ виду пишущаго—глазами слѣдилъ за быстрыми движеніями пера Судьи по бумагѣ и только изрѣдка легонько вздыхалъ и переступалъ съ ноги на ногу.

Судья кончилъ писать, прочиталъ постановленіе, коимъ опредѣлено спросить приведенныхъ старшиною свидѣтелей, а затѣмъ прочиталъ и самый актъ, представленный старшиною, въ коемъ сказано было, что тотъ же „Федоръ Самченко, будучи въ пьяномъ видѣ, обругалъ и побилъ сельскаго старосту и такъихъ то посланныхъ старшиною для удаленія его изъ питейнаго заведенія“.

Такимъ образомъ старшина явился передъ судьей свидѣтелемъ какъ по дѣлу кражи сѣмянъ, такъ и по дѣлу о буйствѣ.

Хведько понялъ, что дѣло идетъ о его поведеніи у Жердева и, не давъ судьѣ окончить чтеніе, возразилъ:

— Винъ же самъ мене позвавъ и пидпоювавъ.

Но судья строго взглянувъ на него свозь пенсне закричалъ:

— Э! э! молчать! когда васъ не спрашиваютъ!

Старшина показаль, путая дѣло о кражѣ съ указаніями на буйственность обвиняемаго, все, что зналъ и добавилъ:

— Своя воля, зупыну ниякого нема... Послуху... Имъ якъ оце спускаты, такъ хотъ изъ слободы бижы...

Судья, редактируя по своему, записаль показаніе старшины и прочиталь.

Остальные свидѣтели о кражѣ сѣмянъ мало знали, повторяя только опредѣленно „це вже видно—кому жъ украсты, якъ не имъ—(они подразумѣвали всѣхъ воловиковъ)—на пропой вкралы—звисно челядь и т. п., но по дѣлу о буйствѣ дали точно опредѣлившія вину Хведька показанія, рассказавъ подробно, какъ они увидѣвъ драку, кинулись разнимать, какъ Хведько ихъ перебилъ, какъ ругался и т. д. Старуха было высунулась опять впередъ и начала: „сами мордувалы хлонця, побылы...

Но судья грозно остановилъ ее и продолжалъ записывать показанія послѣдняго свидѣтеля.

Покончивъ допросъ, онъ обратился къ Хведьку.

— Э, э, что вы скажете въ свое оправданіе?

— А що мы скажемъ? Вони сами мене напали, были... заминался Хведько.

— Кто його знае, що казаты бильше.

— Э, э, признаю обстоятельства достаточно выясненными...

Садитесь... Приступаю, знаете, къ постановленію приговора.

Всѣ усѣлись. Водворилась полнѣйшая тишина. Слышно было какъ скрипѣло перо у судьи. Кой кто изъ присутствующихъ иногда вздыхаль, да пригорювившись Самчиха чмынула носомъ. Иногда изъ передней, отдѣленной отъ камеры тонкою перегородкою, доносился шепотомъ разговоръ или топотъ ногъ на крыльцѣ.

Хведько отупѣлый мрачно смотрѣлъ на быстро двигавшееся въ пальцахъ судьи перо и былъ не въ состояніи установить въ своихъ мысляхъ какой либо опредѣленный токъ. То приходило ему на память показаніе кого либо изъ свидѣтелей, то вспоминалъ Жердева и его адвоката; то всплывала злоба на старшину... но главное это было черченіе перомъ судьи. Онъ не отрывалъ отъ него глазъ и водилъ ими вслѣдъ за перомъ однообразно, мелко, быстро черкающимъ и такъ-же быстро переводимымъ съ одного края бумаги на другой. Его ростъ позволялъ ему видѣть увеличивающееся число строкъ, мало по малу, занимающаго почти весь листъ бумаги. Но вдругъ это однообразное черканіе прервалось какимъ то росчеркомъ. Судья положилъ перо, выпрямился и, поднеси ближе къ лицу бумагу сталъ ее просматривать наморщивъ брови.

— Э, э, встаньте! рѣзко раздался голосъ Судьи, всѣ повскакивали, кто то закопошился около притворенныхъ дверей и Судья, откашлянувъ, началъ читать:

По указу Его Императорскаго Величества. Мировой судья 2-го участка Осередскаго округа рассмотрѣлъ уголовное дѣло...

Долго читалъ судья что-то совсѣмъ непонятное ни Хведьку, ни его матери. Они только и поняли, что говорилось про бурачныя сѣмена, экономію Лутнева, Федора Андреева Самченко, старосту и затѣмъ что то о тюрьмѣ.

Болѣе наторѣлые изъ присутствующихъ въ пріемной и въ томъ числѣ писмоводитель уразумѣли, что судья *„признавая Федора Самченка виновнымъ въ кражѣ свекловичныхъ стмянъ въ экономіи поручика Лутнева, итъ онъ служилъ работникомъ, а также въ буйствѣ и нанесеніи оскорбленія сельскому старостѣ словами и дѣйствіемъ, приговорилъ, крестьянина Федора Андреева Самченкова, 19 лѣтъ, заключить въ тюрьму на одинъ годъ, при чемъ для воспрепятствованія ему способовъ уклоненія отъ суда, на основаніи 125 ст. Уст. Уг. Судопр. сейчасъ же заключить его подъ арестъ въ мѣсто заключенія.*

— Э—э! Недовольные этимъ приговоромъ могутъ обжаловать оный въ Мировой Слѣздъ въ теченіе двухнедѣльнаго срока—закончилъ судья. Э—э! Самченко, вы довольны приговоромъ?

Хведько молчалъ.

— Э! э! Въ теченіе сутокъ вы можете заявить удовольствіе или неудовольствіе. Э, э, объявляю засѣданіе по этому дѣлу оконченнымъ. Э, э, вы, старшина, получите сейчасъ же предписаніе о препровожденіи Самченкова въ городъ въ мѣсто заключенія. Подождите тамъ... окончательно сказалъ судья.

Всѣ присутствовавшіе и въ томъ числѣ Хведько съ матерью вышли изъ камеры, гдѣ въ слѣдъ за тѣмъ послышалось съ обычными „э, э“ провозглашеніе о назначеніи къ слушанію слѣдующаго какого то дѣла.

Письмоводитель, проходя въ свою комнату, велѣлъ сотскому „не отпускать“ Хведька и вскорѣ, сходявъ еще въ камеру, гдѣ Мировой судья подписалъ какую то бумагу, подаль писарю разносную книжку съ пакетомъ.

Старуха Самчиха и Хведько стояли въ передней отупѣлые съ опущенными головами. Хведько чувствовалъ, что что то страшное совершилось, но что такое именно онъ не могъ твердо уразумѣть. Наконецъ, подошелъ къ нему сотскій и сказалъ ему:—ходимъ!

Тогда только онъ понялъ, что его арестуютъ, что сотскій намѣренъ его куда то вестъ. Ему почему то пришла въ голову обѣщанная черезъ Цюпу помощь Жердева и его адвоката, но, оглянувшись, онъ увидѣлъ кругомъ незнакомыя лица. Около тройки волостной почты старшина и прочіе начальники что то толковали ямщику, двое изъ нихъ взяли съ тарантаса свои халаты и за тѣмъ всѣ пошли вдоль по улицѣ. Ямщикъ собравъ недоѣдки сѣна, подтянувъ коренника и, взлѣзши на передокъ, повернулъ тройку къ крыльцу камеры.

Сотскій подошелъ съ Хведькомъ къ тарантасу и предложилъ послѣднему садиться. Еще разъ оглянувшись, Хведько что то хотѣлъ сказать матери, но только вздохнулъ и полѣзъ въ тарантасъ. Туда же помѣстился и сотскій. Не успѣла остолбенѣвшая отъ ужаса Самчиха подойти къ тарантасу, какъ тройка тронулась, зазвенѣли колокольчики, и облако пыли скрыло все отъ расширившихся отъ изумленія и ужаса глазъ старухи.

Она хотѣла что то сказать, но только всплеснула руками и съ воплемъ упала на землю навзничь.

Подбѣжали къ ней люди, какая то молодица оправила свалившійся съ головы очипокъ, кто то принесъ воды, взбрызнуло лицо, влили воды въ ротъ сквозь стиснутые зубы, и накрыли ее ея же платкомъ, въ которомъ было завернуто поданное судѣ объясненіе, и порѣшили, что это у нея „младенческое“, молча стояли надъ ней, пока она пришла въ чувство и могла подняться съ земли.

Долго она сидѣла на землѣ, бессмысленно обводя кругомъ глазами, пока одна изъ сбѣжавшихся женщинъ не увела ее къ себѣ во дворъ...

.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Женщины при Чигиринскомъ дворѣ во второй половинѣ XVII вѣка. Д-ра Антонія І.

(ОКОНЧАНИЕ). ¹⁾

V.

Иванъ Выговскій и Елена Стеткевичъ, его жена.—Перемѣны на Чигиринскомъ дворѣ.

Съ переходомъ гетманской булавы въ руки Выговскаго, при чигиринскомъ дворѣ явились новыя теченія. Преобладающее вліяніе постепенно получилъ привилегированный классъ, выдѣлявшійся изъ козацкой массы. Конечно, тонъ этому обществу давалъ самъ гетманъ и многочисленная его родня. Въ сравненіи съ своимъ предмѣстникомъ, Выговскій представляется человѣкомъ совершенно иного тона. Происходилъ онъ изъ стариннаго, но мелкаго шляхетскаго рода, который встрѣчаемъ уже въ началѣ XVI в. въ Скочковской округѣ подъ Выговымъ. Въ 1611 г. дѣдъ гетмана пользуется гербомъ Габданковъ, а отецъ, владѣвшій Голеевымъ, поселился въ Кіевѣ незадолго до хмельничины и пользовался тамъ большимъ вліяніемъ. Старшій сынъ его Иванъ выступаетъ на сцену уже въ 1631 г., а черезъ два года встрѣчаемъ его намѣстникомъ луцкаго подстароства; по словамъ малорусской лѣтописи, онъ былъ затѣмъ кіевскимъ городскимъ писаремъ. По слухамъ, онъ долженъ былъ оставить урядъ вслѣдствіе какихъ то правонарушеній и по-

¹⁾ См. „Кіев. Стар.“, 1894, Февраль.

ступилъ въ войско; въ 1648 г. встрѣчаемъ его плѣнникомъ въ татарскомъ обозѣ, послѣ битвы у Желтыхъ Водъ. Хмельницкій, будто-бы, выкупилъ его за старую кобылу¹⁾. Какъ-бы то ни было, съ этой поры начинается возвышеніе Выговскаго. Богданъ сдѣлалъ его своимъ придворнымъ писаремъ, а годъ спустя писаремъ войска запорожскаго. Вѣроятно, это назначеніе было результатомъ прежняго знакомства. Выговскій служилъ гетману вѣрою и правдою въ теченіе десяти лѣтъ и пользовался большимъ на него вліяніемъ, отличался сдержанностью, хладнокровіемъ и дипломатическимъ тактомъ, сглаживалъ рѣзкость и грубость Богдана. Пить онъ не любилъ, но подчинялся средѣ, долженъ былъ нерѣдко притворяться пьянымъ²⁾. Онъ неизмѣнно сопровождалъ гетмана, часто бывалъ въ военныхъ передѣлкахъ, но особой склонности къ военному ремеслу не проявлялъ,—онъ трудился, главнымъ образомъ, на дипломатическомъ поприщѣ. Занимая выдающееся положеніе при дворѣ, Выговскій тѣмъ не менѣе велъ самый скромный образъ жизни въ небольшомъ домикѣ, отведенномъ ему въ Чигиринѣ по должности писаря, и даже не владѣлъ землями въ предѣлахъ гетманщины. А между тѣмъ у него были немалые доходы: жалованье, раздѣлъ военной добычи, подарки отъ иностранныхъ государей... Будучи бережливымъ, онъ однако не жалѣлъ расходовъ на дѣла благочестія; такъ напр., устройство монастыря и церкви въ окрестностяхъ Чигирина стоило немало и представляло одно изъ лучшихъ украшеній гетманской столицы³⁾. Повидимому, Выговскій женился уже немолодымъ⁴⁾. По словамъ Емеліовскаго, онъ похитилъ дѣвушку, такъ какъ родня не желала выдать ее за писаря⁵⁾. Несомнѣнно, что, по шляхетскимъ понятіямъ, панна Стеткевичъ сдѣлала „мезальянсъ“: она происходила изъ сенаторскаго рода, находившагося въ род-

¹⁾ Арх. Ю. З. Р., II, I, 179; III, I, 315—325; IV, 106—166.—Костомаровъ, Богд. Хм., I, 284.—Woysicki, Pamiętniki, II, 29.—Самовидецъ, 220.

²⁾ Костомаровъ, Ист. Мол. II, 62.

³⁾ Арх. Ю. З. Р., III, 3, 37.

⁴⁾ Костомаровъ, Богд. Хм., III, 264.

⁵⁾ Bartoszewicz. Encykl. powsz., XXVIII, 23.

ственныхъ связяхъ съ князьями Четвертинскими, Друцкими-Горскими, Соколинскими, Соломирецькими, Любецькими, Сангушками, Огинскими, а даже съ Тышкевичами, Суходольскими, Фронцкевичами. Почти до конца XVI в. родъ Стеткевичей придерживался православнаго обряда. Дѣдъ Выговской, Вильгельмъ, склоненъ былъ къ новаторству, жена его Анна Огинская была православною, изъ сыновей одинъ наслѣдовалъ вѣру матери, Янъ и Христофоръ придерживались кальвинизма, а потомки ихъ приняли католицизмъ; католикомъ былъ и Богданъ Стеткевичъ, отецъ Выговской, новгородскій каштелянъ, умершій въ 1651 г. Дѣти его отъ первой жены, кн. Соломирецькой, Михаилъ и Елена придерживались греческой вѣры, а двѣ дочери отъ второй жены, Фронцкевичъ, воспитаны были въ католичествѣ. Это было обычнымъ въ ту пору явленіемъ. Такъ, родной братъ Елены поступилъ въ монахи Кіево-Печерской лавры, одинъ двоюродный братъ былъ назначенъ виленскимъ каноникомъ, а другой служилъ съ 1655 г. въ кіевскомъ козацкомъ полку. Надо думать, что Выговскій познакомился съ будущей своей женой въ Кіевѣ, гдѣ жилъ его отецъ и братъ Елены, монахъ. Ей было подъ тридцать, ему давно перевалило за сорокъ. Родня (Суходольская и кн. Любецкая) были недовольны этимъ бракомъ, какъ видно изъ жалобы въ завѣщаніи Елены, но писарь не обращалъ на это вниманія. Свадьба состоялась въ Кіевѣ, но молодая почти не показывалась въ Чигиринѣ при жизни Хмельницкаго: должно думать, что весь строй придворной жизни у гетмана приходился не по вкусу Еленѣ Выговской, воспитанной въ иныхъ понятіяхъ.

По смерти Богдана въ гетманы былъ избранъ сынъ его Юрій, посланный въ Кіевъ въ науку; до его совершеннолѣтія, дѣлами вѣдалъ Выговскій¹⁾, распорядившійся вполне самостоятельно на Украинѣ и не допускавшій посторонняго вмѣшательства. Конечно, и при дворѣ въ Чигиринѣ наступили другія времена, получили перевѣсъ новые элементы, не игравшіе раньше видной роли. Къ новому направленію примкнуло немало

¹⁾ Грабянка, Лѣтопись, 157.

лицъ, приближенныхъ къ покойному гетману и стоявшихъ съ нимъ въ родствѣ. Елена Выговская, женщина простая и скромная, тѣмъ не менѣе имѣла большое вліяніе въ Чигиринѣ, уже благодаря своему положенію. Она явилась въ столицу въ сопровожденіи значительной придворной свиты, прислуги и родственниковъ. Въ авангардѣ кортежа ѣхала музыка и нѣсколько сотенъ лейбъ-гвардіи; далѣе, французская карета везла гетманшу и ея невѣстку, жену Юрія Стеткевича; затѣмъ придворныя дамы и дѣвицы въ богато убранныхъ коляскахъ, разряженные въ пухъ и прахъ, въ томъ числѣ Павловская, Подарицкая, Рудницкая, Лговская и далекая родственница мужа, Выговская; замыкали шествіе многочисленные придворные слуги, между ними кондитеръ, пивничій и даже портной Васильковскій,—вѣроятно, гетманша заботилась о своемъ туалетѣ¹⁾. Все это великолѣпіе произвело сильное впечатлѣніе на горожанъ; ясно было, что доступъ въ „свѣтлицы“ гетманши будетъ не такъ легокъ, какъ прежде, а когда убѣдились, что подъ гетманской крышей завелся необычный этикетъ, возникли нареканія и жалобы; впоследствии оппозиція упрекала Выговскаго, между прочимъ, за то, что женился на шляхтянкѣ, „которая не желаетъ добра Украинѣ“²⁾. Но въ началѣ все шло благополучно. Въ Чигиринѣ потянулось множество сторонниковъ Выговскаго; естественно, что главныя мѣста заняли его родичи; Даниилъ и Константинъ получили полки; послѣднему досталась, по гадячскому договору, Лысянка, а Федору Выговскому отданъ былъ въ собственность Стеблевъ³⁾. Но и болѣе далекіе родственники не были забыты, всѣ они находили въ Чигиринѣ ласковый пріемъ, получали должности и средства къ жизни. Таковы: Василій Грегоровичъ, бывший полковникъ овруцкій, владѣвшій Мотовиловкой подъ Кіевомъ, Юрій, двоюродный братъ гетмана, получившій полкъ, племянники Илья, Самуилъ и другіе, поступившіе въ придворную хоругвь. Казалось, весь Выговъ опустѣлъ и ушелъ въ степи Украины; даже старый Евстафій,

¹⁾ „Завѣщаніе Елены Выговской, воеводины кіевской“, рукопись. Изъ собранія Владислава Гурскаго (въ Катюжаныхъ под. губ.).

²⁾ Костомаровъ, Истор. Мос., II, 68.

³⁾ Vol leg, IV, 303.

во время ссоры сына съ московскимъ воеводою Шереметьевымъ, уѣхалъ для безопасности въ Чигиринь.¹⁾ Такимъ образомъ, Выговскіе составили тѣсный кружокъ при дворѣ, но не мало оставалось и прежней старшины, какъ напр., Тетеря, полковникъ переяславскій, Тимошъ Носачъ, обозный войска запорожскаго, нѣжинскій полковникъ Гуляницкій, кіевскій подкоморій и овруцкій староста Юрій Немиричъ. Особеннымъ вліяніемъ пользовался Тетеря, хотя между нимъ и Выговскимъ и возникали разногласія и неудовольствія по частнымъ дѣламъ. Быть можетъ, играло въ этомъ случаѣ роль и соперничество: Тетеря былъ въ числѣ кандидатовъ на гетманскую булаву. Кромѣ того, онъ былъ женатъ на сестрѣ гетмана, которая умерла бездѣтною въ 1657 г., и притязанія полковника на наслѣдство не были удовлетворены. Отсюда холодность, перешедшая въ ненависть и окончившаяся такъ трагически впоследствии. Выговскій уже въ началѣ своей дѣятельности возстановилъ противъ себя людей сильныхъ и вліятельныхъ. Нарушенные частные интересы дали себя знать. Вотъ примѣръ. Хмельницкій оставилъ значительные капиталы, запрятанные въ разныхъ мѣстахъ. Только Выговскій зналъ секретъ, и тотчасъ же по вступленіи во власть употребилъ на нужды края миліонъ таллеровъ, спрятавшихся въ подземельи Гадячскаго замка, чѣмъ возстановилъ противъ себя наслѣдниковъ Богдана, особенно Юрка, который считалъ эти деньги частною собственностью своего семейства. Точно также и Суботовъ принадлежалъ булавѣ, а дѣти покойнаго гетмана воображали себя владѣльцами, и Юрко жаловался, что „ему не хотѣли оставить даже несчастный Суботовъ“²⁾; а между тѣмъ Выговскій поступилъ совершенно правильно, взявъ это село для надобностей гетмана³⁾. Разомъ съ гетманомъ явился въ Чигиринь Ѳедосій, грекъ изъ Львова, великій фаворитъ Выговскаго, принятый при дворѣ, какъ близкій другъ и пріятель; гетманша отличала его предъ заслуженной козацкой старшиной, гетманъ держалъ съ нимъ долгія почныя

¹⁾ Костомаровъ, Ист. Моногр. II, 142.

²⁾ Пам. вѣд. К. К. III, 3, 424.

³⁾ Vol. leg., IV, 303.

бесѣды, хранившіяся въ тайнѣ; явилось неудовольствіе, и пошли слухи, что грекъ этотъ дипломатическій агентъ и что онъ вліяетъ на судьбу Украины¹⁾. Неудовольствіе сообщилось даже испытаннымъ въ вѣрности чигиринскимъ сотнямъ, составлявшимъ гвардію Хмельницкаго. Выговскій сообразилъ въ чемъ дѣло, началъ реорганизовать ее, сократилъ, а для безопасности вошелъ въ соглашеніе съ татарскимъ мурзой Карамбеемъ: послѣдній за приличное вознагражденіе обязался держать наготовѣ подъ Чернымъ лѣсомъ соотвѣтственное татарское войско и расположился съ избранными отрядами въ Цибульникѣ, чтобы быть поближе къ Чигирину²⁾. Но этого было мало для гетмана: онъ завелъ собственную артиллерію, учредилъ собственную хоругвь, въ которой назначилъ поручникомъ козака Степана Радлинскаго и хорунжимъ Алексѣя Вербовскаго, но большинство служащихъ были изъ шляхтичей, судя по именному списку, главнымъ образомъ, выходцы изъ Волини, но встрѣчались и уроженцы собственно Рѣчи Посполитой.³⁾

Постепенно гетманская столица измѣнилась до неузнаваемости, сутолова уменьшилась, гарнизонъ былъ сокращенъ, козацкой старшины осталось здѣсь мало, сношенія съ сосѣдними государствами прекратились. Въ началѣ еще гостилъ здѣсь бояринъ Богданъ Матвѣевичъ Хитрово, присланный для присяги на вѣрность изрѣдка появлялся каштелянъ Беневскій, старавшійся возстановить дружественныя отношенія съ Польшей, заглядывалъ иногда посланецъ Карамбей, но затѣмъ и они исчезли. Гетманша почти безвыѣздно проживала въ Суботовѣ, гдѣ могла пользоваться деревенской свободой и тишиной и отдохнуть отъ придворной толкотни и сутолоки, заведенной при Хмельницкомъ, который искалъ поддержки въ посольствѣ. Суботовъ не только не потерялъ, но выигралъ при Выговской, сюда перебралось нѣсколько семействъ изъ козацкой старшины чтобы быть поближе къ гетманшѣ. Конечно, дочери Хмельниц-

¹⁾ Памят. изд. К. К., III, 3, 329.

²⁾ Тамъ-же, III, 3, 325.

³⁾ Архивъ Влад. Гурскаго: матеріалы для исторіи барскаго старства.

каго играли выдающуюся роль въ этомъ обществѣ, особенно Екатерина Выговская: женщина рѣшительная, но не во вкусѣ пьяныхъ козацкихъ свахъ, она иногда заступала мѣсто гетманши, молчаливой и застѣнчивой; отъ отца Екатерина унаслѣдовала находчивость, умѣнье поговорить, она лучше гетманши была знакома съ людьми и отношеніями. Что касается Елены Нечай, то она чувствовала себя чужой въ этомъ кругу, притязавшемъ на свѣтскій лоскъ, да и мужъ ея, отодвинутый на задній планъ, не игралъ политической роли и выполнялъ лишь приказанія гетмана. Кромѣ того, постоянными гостями въ Суботовѣ были: жена Константина Выговскаго, Раина, рожденная Мещеринова, жена обознаго Носача и жена войсковаго писаря Груши,—последняя искренно привязалась къ гетманшѣ въ благодарность за сочувствіе и помощь въ несчастіи. Но Выговская имѣла при себѣ и близкихъ родныхъ, именно, семью Юрія Стеткевича, которая не оставляла ее до смерти. Юрій умеръ въ званіи сотника, и жена его осталась при гетманшѣ. Дочью Юрія Христина сдѣлалась фавориткой тетקי и настоящимъ тираномъ въ домѣ, а сыну его Христофору гетманша записала уже при рожденіи имущество въ двѣ тысячи золотыхъ ¹⁾. Елена также была матерью: единственный сынъ ея Евстафій родился въ началѣ 1657 г. и воспитывался у дѣдушки въ Кіевѣ; почему отецъ удалилъ ребенка отъ матеріи, трудно сказать, тѣмъ болѣе, что гетманъ жилъ съ женою въ мирѣ и согласіи. Но возвратимся въ Суботовъ. Здѣсь царилъ тишина, хозяйка не принимала участія въ общественныхъ дѣлахъ, довольствуясь своимъ женскимъ кружкомъ. Выпивка и угощенія вышли изъ моды, гетманъ почти вовсе не употреблялъ спиртнаго и уклонялся отъ вечеринокъ; если изъ Кіева пріѣзжалъ для отдыха Юрій, то проводилъ большую часть дня въ церкви, предаваясь молитвѣ и благочестивымъ размышленіямъ, и вообще обнаруживалъ склонность къ аскетизму; нервный, эпилептикъ, онъ избѣгалъ общества. Установившіеся въ домѣ гетмана порядки не остались безъ вліянія и на столицу гетманщины: прежняя рас-

¹⁾ Рукописное „Завѣщаніе Елены Выговской“.

пущенность и безстыдство если не исчезли вовсе, то, по крайней мѣрѣ, не проявлялись такъ публично; пьянство посократилось; женщины хотя и не отреклись отъ рюмки, но уже не показывались въ кабакахъ, по крайней мѣрѣ, тѣ, что принадлежали къ высшему слою. Всѣ эти перемѣны не пользовались популярностью, хотя и не липены были хорошихъ сторонъ: простой народъ чувствовалъ и понималъ, что зарождается и пускаетъ корни новый строй, съ тѣмъ же ненавистнымъ паномъ во главѣ.

Не подлежить сомнѣнiю, что Выговскiй не годился для роли повелителя украинскаго посольства, и сравненiе съ Богданомъ было для него невыгоднымъ. Онъ болѣе склоненъ былъ къ мирнымъ домашнимъ занятiямъ и не могъ импонировать ни отвагою, ни беспощадною суровостiю. Нетрудно было предвидѣть трагическую развязку его карьеры. Въ защиту Выговскаго слѣдуетъ сказать, что и задача была неизмѣримой трудности: все брело врозь на Украинѣ, и зданiе, возведенное Хмельницкимъ, грозило конечнымъ разрушенiемъ. Вырисовывались двѣ враждебныя партiи, тянувшiя одна къ востоку, другая—къ западу. Взаимной пощады не было: каждый норовилъ истребить противника, и въ результатѣ знаменитая „Руина“, такъ краснорѣчиво описанная Костомаровымъ ¹⁾. Но мы коснемся историческихъ событiй эпохи лишь настолько это необходимо для нашей цѣли—обрисовать роль украинскихъ женщинъ въ это смутное время.

VI.

Женщины, осажденныя Юрiемъ Хмельницкимъ въ Чигиринѣ, плѣнъ ихъ въ Суботовѣ. Судьба родственниковъ Выговскаго и дочерей его предмѣстника.

Собранная въ Переяславѣ козацкая старшина, преимущественно, лѣвобережная, уже въ январѣ 1659 г. объявила Юрiя Хмельницкаго гетманомъ. Это было естественно, потому что

¹⁾ Истор. Мош., XV. Москва, 1882.

Выговскій первоначально былъ назначенъ замѣстителемъ несовершеннолѣтняго сына Богдана Хмельницкаго. Юрію теперь минуло 18 лѣтъ. Переяславская рада рѣшила не только лишить Выговскаго булавы, но и отослать „измѣнника Ивашку Выговскаго, съ женою и дѣтьми, къ царскому величеству, а также брата его Даніила и другихъ родственниковъ, находившихся на службѣ въ войскѣ запорожскомъ“. На будущее время Выговскимъ воспрещено было не только оставаться при гетманѣ и на урядѣ, но и вообще служить въ казацкомъ войскѣ¹⁾. Такимъ образомъ Выговскіе были осуждены на изгнаніе и поставлены внѣ закона, т. е. лишены всякихъ гражданскихъ правъ на Украинѣ. Однако гетманъ не покорился. Лѣтомъ двинулся онъ за Днѣпръ, въ надеждѣ подчинить лѣвобережную Украину, но не имѣлъ успѣха. Сторонниковъ не нашелъ, а число враговъ возрастало съ каждымъ днемъ. Поэтому Выговскій возвратился въ Чигиринъ, поручивъ брату своему Даніилу справляться съ враждебнымъ движеніемъ. Неудача слѣдовала за неудачей, и Даніиль съ трудомъ спасъ жизнь. Слѣдовало ожидать нападенія. Гетманъ занялся укрѣпленіемъ Чигирина, тѣмъ болѣе, что кошевой атаманъ Брюховецкій объявилъ о своемъ намѣреніи явиться въ столицѣ. Какая-то фальшивая тревога испугала Выговскаго, который тайно ушелъ изъ города „въ одномъ сукманѣ и на одномъ конѣ“, оставивъ жепщинъ на произволь судьбы²⁾. Онъ искалъ защиты у короннаго обознаго Андрея Потоцкаго въ Бѣлой Церкви. Трудно сказать, почему гетманша не ушла съ мужемъ изъ Чигирина, а жена Даніила Выговскаго осталась беззащитною въ Смѣлѣ, тогда какъ мужъ ея очутился тоже у Андрея Потоцкаго. Какъ бы то ни было, женщинамъ приходилось теперь думать о самозащитѣ и готовиться къ осадѣ въ слабо укрѣпленныхъ замкахъ, при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ. Положеніе Чигирина было, впрочемъ, болѣе выгоднымъ: по словамъ Ерлича, тамъ находилось до 600 пушекъ разнаго рода, 400 бочекъ пороху и четыре сотни гарнизона изъ поля-

¹⁾ Лѣт. Величка, I, 415 и 416.

²⁾ Пам. изд. К. К., III, 3, 395 и 400.

вовъ и вѣмцевъ ¹⁾). Кромѣ придворнаго женскаго штата, при гетманшѣ оставались Грушова, искренняя пріятельница, и братъ Юрій. Далекое въ худшемъ положеніи была старшая дочь Хмельницкаго, его любимица: ея дѣмъ въ Смѣлѣ защищался землянымъ валомъ, частоколомъ и нѣсколькими старыми пушками, годными развѣ для украшенія; въ качествѣ врага выступалъ родной братъ во главѣ отрядовъ, которые нѣкогда отецъ ея водилъ въ бой,—трагическая иронія судьбы! Опасность была тѣмъ грознѣе, что повсюду толковали о Богдановыхъ сокровищахъ, спрятанныхъ въ замкахъ,—слѣдовало ожидать грабежа. Невольно является вопросъ, что же дѣлали мужья, чтобы освободить своихъ женъ. Гетманъ видимо палъ духомъ, переяславская рада испугала его, и онъ ограничивался разсылкою слезливыхъ посланій. Данилъ дѣйствовалъ по рыцарски: онъ требовалъ военной помощи у союзниковъ, рвался на помощь Чигирину и Смѣлѣ ²⁾, которые были окружены враждебнымъ населеніемъ. Выговскій, послѣ всѣхъ неудачъ, рѣшилъ отречься отъ гетманства. Отъ его имени Данилъ въ октябрѣ 1659 г. вручилъ посламъ Юрія Хмельницкаго булаву и прочіе знаки власти. Актъ отреченія состоялся въ Рудкахъ подъ Бѣлою Церковью. Въ числѣ условій было освобожденіе гетманши и всѣхъ вообще лицъ, оставленныхъ гетманомъ въ чигиринскомъ замкѣ. Юрій обѣщалъ доставить въ Котельню Елену Выговскую со всѣмъ дворомъ, и поручилъ это Самуилу Зародному, Грыцьку Миргородскому и Джамечку, младшему обозному. Но раньше ихъ появился подъ Чигириномъ Брюховецкій съ сичевиками, въ качествѣ авангарда Сирка. Онъ пробовалъ взять замокъ, но штурмъ не удался, и черезъ нѣсколько дней пришлось оставить затѣю. Выговскій думалъ воспользоваться этимъ промежуткомъ, чтобы послѣшить на помощь женщинамъ, писалъ къ королю, прося его защиты и покровительства женѣ и сыну Евстафію, если онъ самъ погибнетъ ³⁾. Но планъ не осуществился, войска не хватало, а идти подъ Чигиринъ съ малыми силами было

¹⁾ Лѣтопись, II, 37.

²⁾ Нам. изд. К. К., III, 3 338.

³⁾ Тамъ же, II, 3, 380, 382, 389.

слишкомъ опасно. Печальная участь, постигшая Данила Выговскаго, доказываетъ всю основательность опасеній бывшаго гетмана, возведеннаго теперь уже въ санъ воеводы кіевскаго, слѣд. сенатора Рѣчи Посполитой. Съ горестью смѣльчаковъ Даниль двинулся къ Смѣлѣ, которая была осаждена казаками, въ то время какъ Юрій Хмельницкій шелъ къ Чигирину съ Сиркомъ. Несчастный попалъ въ руки враговъ. Но однимъ извѣстіямъ, захватилъ его Юрій недалеко отъ Чигирипа, но другимъ—корсунскій полковникъ Петренко подъ Лысянкой. Отправленный въ Москву, Даниль умеръ 30 ноября, не доѣзжая Калуги, какъ кажется, вслѣдствіе жестокихъ пытокъ ¹⁾. Тѣло было возвращено семейству. Царь Алексѣй Михайловичъ въ письмѣ къ новому гетману отъ 10 декабря выразилъ соболѣзнованіе по поводу смерти гетманскаго родственника. Въ то время, какъ Даниль попался въ плѣнъ, нѣжинскій полковникъ Василій Золотаренко взялъ штурмомъ замокъ, въ которомъ находилась его жена. Странное совпаденіе: побѣдитель былъ младшимъ братомъ ея мачихи, третьей жены Богдана Хмельницкаго. Однако, Золотаренко не издѣвался надъ беззащитной женщиной, ограничившись лишь грабежемъ замка. Жена Данила была отправлена съ конвоемъ въ Суботовъ. Вдовѣ отдали тѣло мужа, которое она похоронила въ мѣстной церкви, подлѣ праха отца и брата.

Теперь очередь была за Чигириномъ. Юрій съ сичевиками и лѣвобережной вольницей козацкой осадилъ резиденцію своего отца, предлагалъ сдаться безъ всякихъ условій и, получивъ отказъ, штурмовалъ замокъ. Неизвѣстно, кто былъ начальникомъ осажденнаго гарнизона; артиллеріей и нѣмецкой пѣхотой завѣдывалъ Даниль Оливемберкъ, но главныя распоряженія давала сама гетманша, которая все надѣялась на скорую помощь отъ мужа и внушала эту надежду осажденнымъ. Спротивленіе было отчаянное, въ теченіе недѣли приступы не имѣли успѣха, но наконецъ энергія ослабѣла, и гетманша рѣшила сдаться. Гарнизонъ былъ присоединенъ къ войску союзниковъ и отправленъ

¹⁾ Лѣтопись Ерлича, II, 37, 38. Соловьева, Ист. Росс., XI, пр. 21.

на востокъ, не смотря на протесты, артиллерія досталась запорожскому войску, частное имущество было разграблено,—Юрій равнодушно смотрѣлъ на похищеніе собранныхъ его отцомъ драгоценностей,—а бывшая гетманша со всѣмъ дворомъ отправлена въ Суботовъ, впредь до рѣшенія ея участи ¹⁾. За Выговскую хлопотали обозный коронный Андрей Потоцкій и волынской каптелянь Беневскій. Послѣдній упрекалъ Юрія за то, что онъ воюетъ съ бабами и ведетъ свое храброе войско запорожское противъ ни въ чемъ неповинныхъ женщинъ. Юрій оскорбился и отвѣчалъ энергическимъ протестомъ: „не Выговскую добывали, а чигиринскій замокъ и иноземныхъ солдатъ, и не все войско добывало, а только охотники“ ²⁾. Плънвидамъ пришлось пробыть въ Суботовѣ почти годъ; лишь въ октябрѣ 1660 г. Выговской разрѣшено было уѣхать со всѣми другими находившимися при ней женщинами и добромъ. Въ Суботовѣ же оставалась и Катерина Выговская, дочь Богдана, которая была отпущена братомъ на волю еще раньше, но не имѣла другого пристанища, такъ какъ домъ въ Смѣлѣ сдѣлался жертвой пламени. Случаю угодно было, чтобы овдовѣвшій два года тому назадъ Тетеря прибылъ въ Чигиринъ съ Беневскимъ для занятія должности войсковаго писаря. Въ Суботовѣ онъ встрѣтился со вдовой, которая собиралась въ трудную дорогу. Поѣздка откладывалась со дня на день по разнымъ причинамъ. Тѣмъ временемъ наступило сближеніе между Тетерей и Катериной, и въ концѣ 1660 г. они обвѣчались съ согласія гетмана въ Суботовѣ при самой скромной обстановкѣ. Юрій назначилъ имъ Суботовъ временной резиденціей.

Другая участь ожидала младшую ея сестру, жену полковника Ивана Нечая, сторонника Выговскаго. Онъ погибъ при осадѣ Быхова 4 декабря 1659 г.; по мнѣнію Беневскаго, Нечай попалъ въ плѣнъ и умеръ отъ штыockъ. Соловьевъ прибавляетъ, что когда тѣло мужа доставили жепѣ, она умерла внезапно отъ горя ³⁾. Другіе источники говорятъ, что Иванъ былъ

¹⁾ Лѣт. Ерлича, II, 33.—Лѣт. Самовидца 256.

²⁾ Тамъ, изд. К. К., III, 3, 430.

³⁾ Ист. Рос., XI, 21.

взять въ плѣнъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Юріемъ и что обоихъ плѣнниковъ отправили въ Тобольскъ, куда прибыли въ концѣ февраля 1660 г. и гдѣ ихъ держали вдали „отъ польскихъ, литовскихъ и нѣмецкихъ людей“ ¹⁾. Какъ бы то ни было, съ той поры нѣтъ никакихъ извѣстій о Еленѣ. Она исчезла со сцены незамѣтно, какъ незамѣтно протекла и ея жизнь. Повидимому, она не стремилась играть видную роль, по примѣру старшей сестры.

Такъ же печально окончили и другіе члены рода Выговскихъ. Овруцкій полковникъ Василій, дядя гетмана, попалъ въ плѣнъ при стычкѣ подъ Васильковомъ и отправленъ въ ссылку; такая же участь постигла Юрія, двоюроднаго брата гетмана, и Илью, племянника. Товарищами ихъ въ этомъ вынужденномъ путешествіи были маіоръ Жумиръ, Стефанъ Гавратынский, Янъ Душинскій и Василій Ластко ²⁾.

Съ той поры чигиринская резиденція, благодаря безпре-
станнымъ военнымъ замѣшательствамъ, утратила прежній блескъ и обращена была въ оборонительный пунктъ, почти недоступный для женщинъ. Послѣ устраниенія Юрія, а затѣмъ Тетери, правильный переходъ власти въ правобережной Украинѣ прерывается, фактически оставаясь въ рукахъ того или другаго начальника войска. Съ уходомъ войска изъ города, онъ остается беззащитнымъ, впредь до появленія новаго полковника, который, разграбивъ поселеніе и забравъ ясырь, уходилъ дальше для такихъ же подвиговъ. Измученное вѣчными тревогами и грабежами населеніе безъ сожалѣнія покидаетъ насиженныя гнѣзда, чтобы искать гдѣ-нибудь подальше болѣе удобныхъ условий для существованія. Неудивительно, если при такихъ обстоятельствахъ украинскія женщины грубѣли, дичали и усваивали разныя непривлекательныя свойства, о которыхъ находимъ недвусмысленныя извѣстія въ современныхъ источникахъ.

¹⁾ Кіев. Стар., 1890. I, стр. 35 и сл.

²⁾ Тамъ же, стр. 37—46.

VII.

Изъ казака—сенаторъ, трагическая участь его; послѣдняя воля Елены Выговской.—Судьба семейства Хмельницкаго.

Лишившись гетманской булавы, Иванъ Выговскій былъ назначенъ сенаторомъ Рѣчи Посполитой и получилъ два староства—Любомль въ Холмской землѣ и Баръ въ Подольскомъ воеводствѣ¹⁾. Въ первомъ числилось 25 поселеній и до 200 тысячъ морговъ земли, во второмъ—до 80 поселеній и 35,5 квадратныхъ миль земли²⁾. Баръ представлялъ собою довольно порядочную крѣпость, куда тянулъ разноплеменный торговый людъ. Все это приносило кievскому воеводѣ немалые доходы, несмотря на то, что значительная часть земель лежала впустѣ, а поселенцы жили на слободахъ, т. е. пользовались на извѣстный срокъ разными льготами отъ платежей. По нѣкоторымъ даннымъ, Выговскому принадлежалъ пожизненно и Брацловъ въ воеводствѣ брацлавскомъ³⁾. Мало того: жена принесла Выговскому приданое въ 12.000 золотыхъ и сто волокъ земли въ Восколовѣ подь Оршей; впоследствии супруги выкупили у сонаслѣдниковъ еще сто волокъ. Но наиболѣе обеспеченнымъ отъ разныхъ тревогъ и нападений было имѣнiе въ львовской землѣ близъ Жидачева: Руда на Стрыѣ, Волица и Кохавина. Выговскіе устроились въ Рудѣ, отдѣлавъ заново и приспособивъ старый домъ⁴⁾. Теперь, казалось бы, можно было отдохнуть отъ всѣхъ передрагъ, но Выговскому трудно было отказаться отъ участія въ украинскихъ дѣлахъ и его тянуло въ Баръ, чтобы быть поближе къ аренѣ борьбы. На Украинѣ произошли большія перемѣны: въ январѣ 1663 г. Юрій Хмельницкій постригся въ монахи и его мѣсто вскорѣ занялъ Тетеря. Усилія его замирить край не имѣли успѣха, да едва имѣлъ бы успѣхъ и человекъ болѣе сильный и вліятельный. Власть приходилось

¹⁾ Vol. leg. IV, 302.

²⁾ Jabłonowski, Źródła dziejowe, XIX, 91.

³⁾ Арх. Ю. З. Р., VI, I, приб. томъ, 6, 68.

⁴⁾ Завѣщаніе Елены Выговской, рукопись

отставать саблей, и гетманъ даже не имѣлъ постоянной резиденціи, такъ что жена его находилась постоянно въ обозѣ, а имущество было отправлено подъ надежную охрану въ Брацлавъ. Неудачи свои Тетеря приписывалъ врагамъ, въ числѣ которыхъ первое мѣсто было отведено Выговскому. Блѣжайшимъ поводомъ къ враждѣ было несогласіе относительно наслѣдованія въ имуществѣ бездѣтной Катерины Хмельницкой, по первому мужу певѣстки Ивана Выговскаго, который считалъ, что часть имѣнія Данила Выговскаго должна отойти роду Выговскихъ; второй мужъ Катерины Тетеря держался другого мнѣнія и все наслѣдство Данила захватилъ въ свои руки нераздѣльно. Кромѣ того, съ поступленіемъ Юрія Хмельницкаго въ монахи, всѣ его наслѣдственныя права переходили къ Ефатеринѣ. Выговскій заявилъ притязанія на часть наслѣдства, но получилъ отказъ и грозилъ обратиться къ суду¹⁾. Гетманъ всячески старался погубить противника и распускалъ про него разные слухи о честолюбивыхъ замыслахъ, воспользовавшись тѣмъ, что Выговскій переселился въ Баръ, который былъ укрѣпленъ и снабженъ гарнизономъ. Замокъ былъ тѣсень, и семья воеводы съ трудомъ помѣщалась тамъ, пришлось сократить женскій персоналъ; изъ болѣе близкихъ лицъ оставались лишь жена Константина Выговскаго Раина, рожденная Мещерипова, добивавшаяся получить обратно Лысянку, дочь Михаила Стеткевича, кіево-печерскаго монаха, взятая теткой на воспитаніе, и Юрій Стеткевичъ съ женой, исполнявшій обязанности коменданта Бара. Въ замокъ потянулись владѣльцы старостинскихъ земель и мелкіе собственники, такъ или иначе связанные съ Выговскимъ. Все это просило о подтвержденіи правъ и выдачѣ актовъ на владѣніе, по положеніе бывшаго гетмана, повидимому, оказывалось затруднительнымъ и непрочнымъ, такъ какъ утверждено было лишь одинъ актъ этого рода. Нерѣшительный образъ дѣйствій кіевского воеводы толковали въ дурную для него сторону. Уже въ февралѣ 1662 г. вел. гетманъ коронный Станиславъ Потоцкій писалъ королю, что Выговскій старается возвратить

¹⁾ Костомаровъ, Руина, 44.—*Raportowanie Jana Kazimierza*, II, 275.

себѣ гетманство, отъ котораго добровольно отказался ранѣе ¹⁾. Тетеря не переставалъ волновать умы разными страхами и все зло приписывалъ вліянію Выговскаго: „Баръ всему виною“, объявлялъ онъ ²⁾). Между тѣмъ, волненія среди правобережныхъ козаковъ возникли вновь какъ разъ ко времени похода короля за Днѣпръ, и имя Выговскаго служило знаменемъ для недобровольныхъ. Вотъ что писалъ современникъ: „Въ томъ же 1664 г. Иванъ Сирко, кошевой, двинулся изъ Запорожья и съ нимъ козаковъ немало, какъ кажется, по проскамъ Ивана Выговскаго, бывшаго гетмана, и нѣкоего Сулимки (полковника), который собравъ много голоты въ Уманщинѣ, оставилъ Сирка и самъ взялъ Лысянку, Ставице и двинулся къ Бѣлой Церкви, чтобы соединиться съ Выговскимъ; но Чарнецкій съ Маховскимъ не допустили этого, разгромили Сулимку подъ Бѣлой Церковью, гдѣ и самъ Сулимка погибъ“ ³⁾). Движеніе это застало Тетерю въ располохъ, онъ не въ состояніи былъ удержаться въ Чигиринѣ и искалъ съ женой убѣжища въ польскомъ обозѣ, а тѣмъ временемъ низовцы разорили брацлавское староство и самый замокъ ограбили; добыча была распредѣлена Сиркомъ въ Умани. Тогда то пущено было присловье, приписанное Выговскому: „продамъ Баръ и Руду, та заграю ляхамъ въ дуду“ ⁴⁾). На несчастіе вѣводы, товарищемъ Тетери былъ полковникъ Себастьянъ Маховскій, которому было дано королемъ порученіе безпощадно усмирять волненія въ краѣ. Одичалый Маховскій не стѣсняясь въ средствахъ и отличался крайнею жестокостію. Для него не составляло большого труда согласиться на предложеніе Тетери — покончить съ бунтовщикомъ. Между тѣмъ, мнимый бунтовщикъ испугался послѣдствій движенія Сулимы и универсаломъ изъ Фастова отъ 1 марта протестовалъ противъ подозрѣній ⁵⁾). Велѣдъ затѣмъ Выговскій поспѣшилъ въ Бѣлую Церковь для соглашенія съ Маховскимъ, но не засталъ послѣд-

¹⁾ Пам. изд. К. К., IV, 3, 115.

²⁾ Тамъ же, 317.

³⁾ Лѣтопись Самовидца, 84.

⁴⁾ Darowski, Przysławia polskie, Poznań, 1874, стр. 116.

⁵⁾ Пам. изд. К. К., IV, 3, 395, 405.

няго; въ Рокитной тоже не оказалось полковника, который просилъ Выговскаго прїѣхать для переговоровъ въ Корсунь. Выговскій согласился, не подозрѣвая измѣны. Въ Корсунѣ оказался и Тетеря. Бывшаго гетмана немедленно судили и приговорили его къ разстрѣлянію. Приговоръ былъ исполненъ раннимъ утромъ 9 марта, безъ дальнѣйшихъ проволочекъ. Осужденному не дали даже времени исповѣдаться и прїобщиться св. таинъ ¹⁾.

По словамъ нѣкоторыхъ современниковъ, жена воеводы, узнавъ о трагической смерти мужа, умерла съ отчаянія. Но это не такъ. Извѣстіе о гибели мужа она получила въ слабо вооруженномъ пограничномъ замкѣ. Среди приближенныхъ лицъ началась паника,—всѣхъ страшно поразила казнь воеводы,—событіе безпримѣрное въ современной Польшѣ. Темная шляхта сидѣвшая на старостинскихъ земляхъ, не прочь была воспользоваться удобнымъ моментомъ для грабежа. Только братъ Елены Выговской Юрій не потерялъ головы; онъ отправилъ женщинъ и дѣтей въ безопасное мѣсто, остался въ замкѣ съ больной сестрой и лишь черезъ нѣсколько дней они скрылись оттуда. Первое время пришлось укрываться къ барскихъ лѣсахъ, весна была холодная и дождливая, дороги трудныя. Вдова съ благодарностью вспоминала впоследствии объ услугахъ брата во время этого бѣгства изъ Бара въ Руду. Здоровье Елены было подорвано въ конецъ, однако ей удалось послѣ долгихъ усилій получить тѣло мужа, которое и было похоронено въ скитѣ около Руды Гниздычевской, въ склепѣ Крестовоздвиженской церкви. Затѣмъ оставалось распорядиться имуществомъ. Завѣщаніе Елены представляетъ документъ въ своемъ родѣ замѣчательный: не былъ забытъ самый незначительный слуга или отдаленный родственникъ, и только объединственномъ сынѣ не упомянуто ни словомъ. Евстафій находился въ то время у Константина Выговскаго, которому былъ отданъ въ опеку отцомъ. Завѣщаніе начинается исповѣданіемъ вѣры, затѣмъ слѣдуетъ просьба похоронить ее рядомъ съ дорогимъ супругомъ⁴⁾. На поминальныя службы завѣщано игумену 1000 золотыхъ, на погребеніе 3000

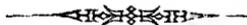
¹⁾ Hist. ran. Jana Kazimierza, II, 227. —Ерлицъ, Лѣт., II, 89. Костомаровъ, Руина, 50.

золотыхъ, на госпитали для бѣдныхъ и нищихъ 140 золотыхъ изъ доходовъ Руднянскаго имѣнія. За счетъ имѣнія подъ Оршей завѣщано монастырю 500 зол., 2800 зол. женской прислугѣ и далекимъ родственникамъ; 200 волокъ земли оставлено брату, подкоморью брацлавскому. Приданное въ 12.000 зол., драгоценности и другое домашнее имущество распределены между ближайшими родственниками. Епископу львовскому за его услуги Елена завѣщала французскую карету, выѣздъ и рындванъ „чтобы не забывалъ меня въ своихъ молитвахъ“. Умерла Елена въ маѣ или юнѣ 1664 г., потому что въ юлѣ завѣщаніе было уже внесено въ жидачевскую градскую книгу.

Въ началѣ 1665 г. Тетеря удалился въ Варшаву и переимѣнилъ имя. Жена его уже въ 1668 г. не была въ живыхъ, какъ видно изъ завѣщанія бывшаго гетмана ¹⁾ Дѣтей у нихъ не было, и накопленныя богатства перешли въ боковую линію. Тетеря къ концу жизни впалъ въ слабоуміе, отдался благочестію и думалъ о поступленіи въ одинъ изъ кievскихъ монастырей, но, наконецъ, отправился въ св. землю и умеръ въ Адрианонополѣ, какъ кажется, въ 1670 г.

Юрій Хмельницкій не остался въ Кіевѣ. Онъ устроилъ скитъ въ Смѣлѣ и пригласилъ сюда нѣсколько монаховъ. Лишь съ сестрой не прерывалъ онъ сношеній и перѣдко навѣщалъ ее въ Городищѣ; во время одной изъ поѣздокъ туда въ 1664 г. онъ былъ задержанъ по подозрѣнію въ связяхъ съ козачествомъ. Освобожденный нѣсколько лѣтъ спустя, онъ вновь выступилъ на историческую арену, сдѣлался сарматскимъ княземъ, по соизволенію падишаха, и по его же приказанію былъ задушенъ около 1680 г. Онъ былъ послѣднимъ представителемъ рода Хмельницкихъ.

Н. М.

¹⁾ Święcki, Historyczne pamiętki, II, 482 (примѣч. Бартошевича).

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ОБОЗНЫЙ ВАСИЛІЙ КАСПАРОВИЧЪ БОРКОВСКІЙ.

Р. 1640+1702 г.

(Къ портрету).

О происхожденіи Борковскихъ въ ихъ „родословіи“ говорится, что они „въ польской рѣчи посполитой знатные шляхетскіе чины имѣли и отъ многихъ прошедшихъ вѣковъ владѣли въ разныхъ воеводствахъ дѣбрами“ (имѣніями). Одинъ изъ этихъ Борковскихъ, по имени Каспаръ, (слѣд.—католикъ), переселился въ перв. полов. XVII в. въ лѣвобережную Малороссію и здѣсь, въ Черниговскомъ полку, основалъ с. Борковку; но „въ бывшес за гетмана Богдана Хмельницкаго на польское шляхетство нападеніе“ Каспаръ Борковскій былъ убитъ; убиты были также жена и дочь Каспара, бѣжавшія въ Нѣжинъ, гдѣ на мѣстѣ ихъ убіенія поставленъ былъ—де каменный столпъ, говоритъ тоже „родословіе“, причемъ столпъ этотъ былъ будто бы цѣль еще и въ к. XVIII ¹⁾). Сынъ Каспара Василій, по словамъ „родословія“, „бывшій тогда малолѣтнимъ, лишь случайно остался въ живыхъ“. Къ этому слѣдуетъ добавить, что у Каспара Борковскаго былъ и другой сынъ, Юрій, который также остался въ живыхъ. Оба эти Борковскіе остались въ лѣвобережной Малороссіи и, выросши, начали служить „войску запорожскому“, причемъ, конечно, были уже православными. Василія Б—аго въ первый разъ въ актахъ встрѣчаемъ въ 1668 г., когда онъ, будучи выбельскимъ сотникомъ,

¹⁾ Другія *преданія* о происхожденіи Борковскихъ и наименованіи ихъ Дунинами (отъ слова дучикъ—датчанинъ) см. въ брошюрѣ гр. Г. А. Милорадовича „Малороссійское дворянство“. (Черниговъ. 1890. 4 д., стр. 18—25.

получилъ въ сентябрѣ отъ Дорошенка универсалъ на село Борковку, „мастность подлежащую ему отчистымъ правомъ“ ¹⁾. Та же Борковка подтверждена въ мартѣ 1669 г. Многогрѣшнымъ „войсковому товарищу Юрію Борковскому“, ²⁾ вѣроятно, на томъ основаніи, что у Василя, какъ сотника, были мастности и кромѣ Борковки.—Выбельскимъ сотникомъ Василій Б—ій оставался до низложенія Многогрѣшнаго. Въ это время черниговскимъ полковникомъ былъ братъ послѣдняго, Василій Многогрѣшный, который лишенъ былъ полковничества за родство съ гетманомъ и, какъ и гетманъ, сосланъ въ Сибирь. Б—ій принималъ, повидимому, немалое участіе въ низложеніи Многогрѣшныхъ и за это поставленъ былъ черниговскимъ полковникомъ ³⁾. Поставленіе это сдѣлано было повымъ гетманомъ, Самойловичемъ, который, какъ бывшій тоже черниговскимъ полковникомъ, хорошо зналъ Б—аго и, какъ видно, цѣнилъ его, потому что чрезъ нѣсколько дней послѣ своего избранія Самойловичъ, даетъ (28 іюня) Б—му рядъ маестностей: села Ав-

¹⁾ Въ нач. XVII в. крестьяне с. Борковки жаловались на „приверненіе“ ихъ Василю Борковскому изъ козачества въ посольство, при чемъ одинъ изъ жалобщиковъ Фесько Смѣянъ, между прочимъ, рассказывалъ, что „предъ чигиринскимъ походомъ (1674 г.). Радько атаманомъ бувъ въ Борковцѣ надъ козаками; а когда же покойній п. Бурковский, зоставчи сотникомъ выбельскимъ, увѣдомился о томъ, же есть листы ихъ отческіе у Силка, осадчого, на с. Бурворку, того ради прибувши п. Бурковский до нихъ, тѣ писма отъ нихъ отобралъ и того часу осадчому войтомъ приказалъ бути, а Радько атаманъ, собравшись съ козаками, тихъ же время, наву Бурковскому въ подданство привернулся, и zostали посолитими, а слухъ козаковъ (жалобщиковъ) дѣды и отцы ихъ, якіе въ первомъ нупгѣ написани, не похотѣли въ подданство привернутися и о томъ челобитствовали и до гетмана на п. Бурковского, а по челобитію томъ служили бодрско п. Борковскому, а напотомъ въ посолитство приверненіе..“ Арх. Ген. Канц., № 330. Изъ этого разсказа видно, что основанная Каспаромъ Б—имъ слобода, во время войнъ Хмельницкаго, разошлась, какъ и многія другія, а потомъ, когда лѣвобережная Малороссія успокоилась,—вовъ была „осажена“, на основаніи „листовъ“ черниговскихъ полковниковъ, при чемъ новое поселеніе Борковки, какъ видно, пописалось въ козаки. Но В. Борковский, получивъ въ 1668 г. отъ Дорошенка универсалъ, прежде всего отобралъ у „осадчого“ тѣ полковничьи „листы“, которыми населеніе Борковки защищающъ отъ „паискаго начала“ а потомъ, силою старшинской власти, „привернулъ“ тамошнихъ козаковъ „въ подданство“.

²⁾ Подлинный универсалъ въ нашей б—кѣ.

³⁾ А. Ю. З. Р., IX, 850.

дѣвку, Казиловку и Холмы, въ сотнѣ понорнидкой, д. Бобровицу—подъ Черниговомъ и „отчистую маетность въ сотнѣ березинской—село Борковку“. Маестности эти даны были, какъ говорилось въ универсалѣ, за то, что Василій Б—ій „зѣ дитиннихъ лѣтъ при одвазѣ и ущербѣи здоровья своего, вѣкъ свой приводячи, яко зичливый и вѣрный цѣлости добра поснолитого и отчизны сынъ, въ очахъ всего войска запорожекого, съ разными непріятелями немало навалныхъ и прикрьхъ отправлялъ экспедицій“... Здѣсь Б—му приписаны заслуги, видимо, преувеличенныя, такъ какъ они могли быть имъ понесены лишь на сотничьемъ его урядѣ... Очевидно, что Самойловичъ паграждалъ поваго черниговскаго полковника не за бывшія его заслуги въ военныхъ „экспедиціяхъ“, а за будущія, желая имѣть въ Б—омъ вѣрнаго сторонника...

Б—ій оставался черниговскимъ полковникомъ до 1686 г., когда поставленъ былъ генеральнымъ обознымъ, на мѣсто свата своего Петра Забѣлы, который долженъ былъ оставить этотъ урядъ по глубокой старости. Когда на походѣ въ Крымъ, въ августѣ 1687 г., старшина рѣшила низложить Самойловича, то, по преданію (Бант.—Кам.) Голицынъ предлагалъ гетманство Б—му, требуя за это десять тысячъ рублей, но скупой обозный отказался. Выбранъ былъ Мазепа, подкупивъ, какъ говорить тоже преданіе, Голицына деньгами, взятыми у Борковскаго. Такъ ли это было или нѣтъ, но черезъ два мѣсяца послѣ своего избранія, Мазепа прибавилъ Б—ому къ прежнимъ маестностямъ еще три: Орловку при р. Убеди, Брусиловъ при р. Снови и Тупичевъ—около г. Городни, а въ 1691 г. далъ еще с. Шабалтасовку, около м. Понорницы. Съ такими маестностями Б—ій сталъ однимъ изъ первыхъ богачей въ Малороссіи.

Генеральнымъ обознымъ Б—ій оставался до самой смерти. Умеръ онъ въ 1702 г., оставивъ вдову и, кромѣ нѣсколькихъ выданныхъ замужъ дочерей ¹⁾, двухъ сыпоевъ—Михаила и Андрея.

1) Въ брошюрѣ гр. Милорадовича указывается, что одна изъ дочерей Б—аго, Елизавета, была-де замужемъ за графомъ Войцехомъ Коссаковскимъ, но подтвержденія этого свѣдѣнія мы въ историческихъ актахъ не встрѣчали: вѣроятно, оно записано по одному преданію...

Мазепа не любилъ Б—аго; Кочубей (генер. судья) рассказывасть, что когда Б—ій умеръ, „а осталась по немъ жена и сыновъ его двое въ малыхъ лѣтахъ, то гетманъ заразъ (сейчасъ) немалое числомъ людей у ей, Борковской, отнялъ ¹⁾, а другую маенность, мѣстечко (Орловку), якое на урядъ обозничества належало, тое немало тогожь дни, якъ умеръ небожчикъ, на гетманскій дворъ отобрано“ ²⁾. Нелюбилъ Б—аго Мазепа, вѣроятно, за его богатство и скудость, потому что былъ завистливъ и стяжательнъ. Не любилъ Б—аго и народъ—за его жестокость къ своимъ „подданнымъ“. Нелюбовь народа къ Б—ому свидѣтельствуется тѣмъ черниговскимъ преданіемъ объ этомъ богачѣ, которое записалъ историкъ Маркевичъ ³⁾. Преданіе это называетъ Б—аго „*упыремъ*“; „упырь этотъ билъ-де злой человѣкъ: ѣлъ скоромное въ страстную пятницу, насилывалъ дочерей и женъ крестьянъ своихъ, самихъ крестьянъ одѣвалъ въ медвѣжьи шкуры и травилъ медалями. Когда упырь умеръ, его похоронили въ Троицкомъ монастырѣ, а на другой день увидѣли, что онъ ѣдетъ на шестеркѣ вороныхъ по Красному мосту (въ Черниговѣ, черезъ рч. Стрижень), кучеръ, фореиторъ, лакей и три собесѣдника были—черти. Вслѣдствіе разнесшейся объ этомъ явленіи по Чернигову молвѣ, надъ умершимъ провозглашено было проклягіе, послѣ чего упырь со всѣмъ своимъ поѣздомъ провалился въ Стрижень; а когда послѣ этого открыли гробъ, то нашли въ немъ упыря красносинимъ, съ открытыми глазами; тогда его пробили осиновымъ коломъ“... Вся эта легенда, по разсказу Маркевича, изображена была масляными красками на стѣнахъ собора Троицкаго монастыря и закрасили-де эту картину только въ началѣ этого столѣтія... Несомнѣнно, что разсказъ о картинѣ измышленъ фантазіей какого-нибудь „любителя старины“, а историкъ легко

¹⁾ Кочубей говоритъ здѣсь, конечно, объ Авдѣевкѣ, которую отнявши, Мазепа отдалъ Д. Апостолу. Кромѣ Авдѣевки Мазепа отобралъ у вдовы Б—аго еще и с. Казиловку.

²⁾ Чтенія въ Моск. Общ. Истор. 1858 г., I, 109.

³⁾ Обычаи, повѣрья и проч. малороссіянъ, Н. Маркевича. Кіевъ. 1860. 8 д. Стр. 79.

повѣрилъ этому вымыслу. Начать съ того, что Б—ій погребень не въ Троицкомъ, а въ Елецкомъ монастырѣ, въ возобновеніи котораго онъ ревностно помогаль тогдашнему архимандриту Голятовскому, почему назывался и ктитормъ этого монастыря ¹⁾. Слѣдовательно, нужно думать, что Маркевичу сообщали объ уничтоженномъ изображеніи похощеній упыря на стѣнахъ не Троицкаго (Ильинскаго), а Елецкаго монастыря; но и тутъ такого изображенія, конечно, не существовало, такъ какъ обитель не дозволила бы такого поруганія падъ памятью одного изъ ревностныхъ своихъ ктиторовъ, котораго портретъ висѣлъ тутъ-же, въ Успенскомъ храмѣ, надъ его могилою, вмѣстѣ съ „надгробкомъ“, прославлявшимъ заслуга умершаго предъ обителью. „Надгробокъ“ Б—аго гласить слѣдующее:

Въ годъ Господень тысящный и семсотный вторій,
 Отъ временной сей жизни въ небесніе двори,
 Марта дия четвертого духомъ преселися,
 А здѣ въ храмѣ Успенскомъ тѣломъ положися
 Панъ Василій Борковскій, отъ Дуѣнновъ дому,
 Лѣтъ шестьдесятъ лѣтъ поживъ не себѣ самому,
 Но Богу, царемъ и всей россійской стчизни—
 Вѣрний билъ синъ и слуга, весь вѣкъ своей жизни.
 Годовъ пятнадесятъ полкъ чериѣговскій правиль,
 По семъ Богъ енералнимъ обознимъ прославиль,
 Лѣтъ шестнадесятъ славомъ пребысть на той чести,
 Всегда царемъ и вождямъ служаше безъ лести.
 Первій бѣ по гетману праведно славимий,
 Всимъ бо баше любезенъ дѣлами своими,
 Церкви и обители усердно любляше,
 Благолѣшіе оныхъ везде разширяше.
 Церковь соборна чрезъ брань баше опустѣла,
 Его тщаніемъ вскорѣ сотворися цѣла,
 Своимъ ю имѣніемъ претвори на нову,
 Въ честь преобразившуся Христу Богу Слову.
 Его тщанія дѣло и храмъ воскресейскій
 Каменный, его память храмъ благовѣщенскій,
 Ихъ-же создавъ украси иконами зѣло,
 Чая себѣ отъ Бога мзды за сіе дѣло.
 Оиъ отъ основанія дѣвичу обитель
 Воздвиже и бысть оной прещедрый кормитель.
 Оиъ святыхъ страстотерпецъ алтарь попремногу

¹⁾ Опис. Червиг. Епарх., III, 16 и 33.

Дражайшія сосуды угрasi въ честь Богу.
 Сія такожде церковь Елецка названна
 Онымъ основана и трапеза создана,
 И келіи каменіи и вниая многа
 Чрѣзь него ичатъ сія обитель убога.
 Омъ даде иконостась, фелоны, сосуды
 Сребряніе, его то укладъ, коштъ и труды.
 Много добра духовнымъ и мірскимъ твораше,
 Всѣхъ любя и самъ отъ всѣхъ любимъ баше.
 Богъ благослови его въ наслѣдія рода,
 Да не останеѣтъ древо доброе безъ плода:
 Двоухъ сыновъ въ старости даде и остави
 Да будутъ наслѣдницы родительской славы;
 Самъ отъ временной къ вѣчной жизни преложи
 И на семь святомъ мѣстѣ тѣломъ положи.
 Проводи его сѣмо Іоаннь (Максимовичъ)
 Пастирь червѣговскій и весь чинаъ освященный;
 Погребевъ въ храмѣ, въ немже пречистая Дѣва
 Славися успеніемъ и по смерти жива.
 И Василій Борковскій да живетъ во вѣки
 Съ Богородицею и со ангелскими лики,
 Молиѣ усердие мимо гробъ его ходящихъ,
 Глазъ отъ гроба возноситъ снастиа хотящихъ,
 Молятся, людіе, о миѣ Христу Богу,
 Да получу отъ него милость въ небѣ многу.

Аминь, аминь, аминь“¹⁾.

„Надгробки“, иначе—„эпитафіоны“, старой Малороссіи—представляютъ собою очень полезныя „послужныя списки“ умершихъ, такъ какъ въ нихъ приводятся обыкновенно точныя свѣдѣнія о времени рожденія и смерти, а также и о важнѣйшихъ дѣлахъ покойника. То же видимъ и въ приведенномъ „надгробкѣ“ Б—аго; если мѣра похвалъ умершему обозному здѣсь и переходитъ границы правды, то за то мы находимъ тутъ полный перечень тѣхъ храмовъ, на украшеніе которыхъ Б—ій сдѣлалъ, конечно, не малыя жертвы: большіе грѣхи нужно было замаливать и большими жертвами.

Висѣвшій надъ гробомъ въ Елецкомъ монастырѣ портретъ Борковского находится нынѣ въ собраніи В. В. Тарновскаго и

¹⁾ Черняг. Губ. Вѣд. 1886 г., № 19.

представляет собою одинъ изъ лучшихъ портретовъ этой коллекціи какъ по старательной его работѣ, такъ и по той обстановкѣ, которую портретистъ тутъ изобразилъ. Фототипія этого портрета и прилагается къ настоящей книжкѣ, вмѣстѣ съ факсимиле Борковскаго, взятымъ изъ письма, писаннаго имъ въ 1689 г., къ своему зятю Ивану Петровичу Забѣлѣ.

А. Л.

ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Картины изъ малорусскаго быта на кіевскихъ выставкахъ.

Въ напечатанной въ «Кіевской Старинѣ» за 1889 г. статьѣ г. W, посвященной одной изъ выставокъ картинъ кіевскихъ художниковъ, второй по счету, вспоминалось то недавнее время, когда мѣстное живописное искусство олицетворялось въ единственномъ лицѣ почтеннаго г. Рокачевскаго, и было указано, какъ измѣнился въ этомъ отношеніи Кіевъ въ послѣдніе годы и какъ много художниковъ стало въ немъ жить, благодаря чему сдѣлалось возможнымъ устроить двѣ первыя выставки картинъ мѣстныхъ художниковъ.

Послѣ того какъ въ нашемъ журналѣ были сообщены эти факты, художественная производительность Кіева еще болѣе усилилась, а дѣло устройства въ немъ художественныхъ выставокъ еще болѣе упрочилось. Съ 15 ноября 1890 г. организовалось и стало заботиться объ устройствѣ художественныхъ выставокъ «Кіевское Общество поощренія художествъ», состоящее нынѣ подъ почетнымъ предсѣдательствомъ великаго князя Владиміра Александровича. Затѣмъ въ прошломъ году кіевскіе художники уже раздѣлились на двѣ группы, имѣвшія свои особыя выставки. Изъ нихъ одна группа участвовала въ выставкѣ, которая въ началѣ года была устроена въ помѣщеніи биржи; а другая, отдѣлившаяся отъ этихъ художниковъ, группа въ мартѣ устроила свою самостоятельную выставку въ университетской залѣ, подъ названіемъ «первой весенней выставкѣ». Кромѣ этихъ двухъ выставокъ, упомянутое общество поощренія художествъ устроило въ своемъ помѣщеніи въ апрѣлѣ конкурсную выставку и осенью—выставку этюдовъ мѣстныхъ художниковъ. Такимъ образомъ, въ прошломъ году мы имѣли уже не одну, а четыре выставки произведеній мѣстныхъ художниковъ.

Послѣ устройства этихъ выставокъ та группа художниковъ, которая участвовала въ прошлогодней выставкѣ въ биржевой залѣ, организовалась въ «Кіевское товарищество художественныхъ выставокъ», получившее утвержденный правительствомъ уставъ. Теперь, въ послѣднихъ числахъ января, это товарищество открыло въ университетской залѣ свою первую выставку, а двумя недѣлями позже, недалеко отъ этого помѣщенія, въ домѣ Хрякова, открылась прибывшая въ Кіевъ XXI-я передвижная выставка «Товарищества передвижныхъ художественныхъ выставокъ».

Благодаря этому, кіевляне имѣютъ теперь возможность одновременно любоваться картинами на двухъ выставкахъ и сравнивать произведенія своихъ художниковъ съ произведеніями художниковъ иного родныхъ. Само собою разумѣется, что нельзя къ обѣимъ выставкамъ предъявлять одинаковыхъ требованій, ибо какъ бы ни была даровита группа художниковъ одного провинціального города, она не можетъ дать того, что могутъ дать совокупныя усилія русскихъ художниковъ, какъ столичныхъ, такъ и провинціальныхъ. При этомъ, конечно, не надо упускать изъ виду, что дѣло устройства въ Кіевѣ выставокъ мѣстныхъ художественныхъ произведеній организовалось очень недавно, что совсѣмъ юное товарищество, устранивающее свою первую выставку, только что получило свое существованіе, что вся дѣятельность его еще впередъ. И какими прекрасными произведеніями ни дарятъ насъ передвижныя выставки, мы не можемъ не относиться съ большимъ интересомъ къ выставкамъ мѣстныхъ художниковъ, какъ дающимъ возможность наблюдать ростъ и производительность мѣстныхъ художественныхъ силъ.

Мы могли бы слишкомъ отвлечься отъ задачъ нашего журнала, еслибы стали говорить о всѣхъ картинахъ на обѣихъ выставкахъ, и потому ограничимъ наше сообщеніе тѣми картинами, которыя ближе относятся къ этимъ задачамъ, воспроизводя жизнь и природу того края, изученію котораго посвященъ журналъ.

На выставкѣ мѣстныхъ художниковъ, какъ было и на выставкахъ предъидущихъ лѣтъ, между упомянутыми картинами преобладаетъ пейзажъ. Это не случайное явленіе: въ послѣднее время у нашихъ художниковъ пейзажъ получилъ передъ другими родами живописи преобладающее развитіе. Между молодыми художниками, интересующимися южнорусскимъ краемъ, есть не мало талантливыхъ пейзажистовъ, которые создали много хорошихъ картинъ и отъ которыхъ еще больше можно ждать въ будущемъ, а въ другихъ родахъ живописи яв-

ляется мало произведеній. Исторіи края наши художники почти не касались; ею больше интересовались польскіе художники (какъ напримѣръ, Іосифъ Брандтъ). Въ области жанра на смѣну покойному К. А. Трутовскому тоже явилось немного преемниковъ.

Изъ кіевскихъ художниковъ въ этомъ отношеніи (т. е. разумѣя не особенности таланта, а выборъ сюжетовъ) можно указать только на *Н. К. Пимоненка*, который и является единственнымъ представителемъ малорусскаго жанра на обѣихъ открывшихся въ Кіевѣ выставкахъ. На выставкѣ мѣстныхъ художниковъ онъ выставилъ картину «*Парубки*». Прямо передъ зрителемъ — улица села съ изображеннымъ на переднемъ планѣ колодеземъ, у котораго стоятъ три парубка, набирая воду, чтобъ напоить тутъ-же стоящую пару воловъ, запряженныхъ въ телѣгу. Отъ колодца только что отошла дивчина съ полными ведрами и на полусловѣ обернулась къ парубкамъ; что-то веселое, игривое сказалось между этою дивчиною и парубками, и впечатлѣніе сказаннаго отражается въ ихъ веселыхъ улыбкахъ. На заднемъ планѣ уходитъ въ даль улица съ хатками подъ соломенными крышами и съ нѣсколькими движущимися фигурами. Вся изображенная на картинѣ сцена залита яркимъ солнечнымъ свѣтомъ, который такъ удался художнику, что, переводя глазъ съ картины Пимоненка на нѣкоторыя другія картины выставки, сразу чувствуешь въ изображенномъ на этихъ другихъ картинахъ освѣщеніи что-то условное, болѣе или менѣе далекое отъ дѣйствительности. Въ картинахъ Пимоненка всегда видно много наблюдательности, изученія и знанія того быта, который онъ изображаетъ. Нѣкоторыя изъ нихъ трогательны, какъ бывшее на прошлогодней выставкѣ «*Прощаніе съ рекрутами на вокзалѣ*», другія веселы, какъ эта сцена. Любуясь картинами этого симпатичнаго художника, мы только сожалѣли иногда о томъ, зачѣмъ онъ изображаетъ по преимуществу некрасивыя лица (вспомните, напримѣръ, лицо невѣсты на картинѣ «*Сваты*»). Эти лица въ изображеніи Пимоненка всегда типичны, реальны, правдивы; но, кромѣ такихъ лицъ, въ жизни постоянно встрѣчаются и другія, болѣе красивыя и симпатичныя. Отчего они мало привлекаютъ вниманіе художника?

Середину между жанромъ и пейзажемъ занимаетъ большая картина талантливаго художника *С. И. Святославскаго* «*По дорогѣ*». Въ осеннюю пору на дорогѣ остановились двѣ ѣдущія одна за другою подводы; на передней подводѣ, запряженной парю лошадей, сидитъ старикъ малороссъ, съ которымъ бесѣдуетъ другой такой же малороссъ, стоящій у телѣги; на задней подводѣ, запряженной парю воловъ,

сидятъ мужчина и женщина. Старики малороссы очень типичны и хорошо написаны; превосходно также написаны лошади и волы, а окружающій эти подводы пейзажъ представляется на столько не отдѣланнымъ, что даже нельзя различить, что именно видно у дороги: зелень или какіе-то комья какой-то неопредѣленной массы. Можно думать, что художникъ допустилъ это умышленно, именно для того, чтобъ вниманіе зрителя, не развлекаясь подробностями по сторонамъ, сосредоточивалось на тѣхъ фигурахъ, которыя составляютъ центръ картины; но, если это такъ, то, преслѣдуя не чуждую многимъ новѣйшимъ художникамъ теорію—избѣгать тщательной отдѣлки несущественныхъ подробностей, онъ хватилъ уже черезъ край, вслѣдствіе чего картина его производитъ впечатлѣніе недоконченной, не оконченной. На другой принадлежащей тому же художнику картинѣ «Зима» такъ превосходно написанъ снѣгъ, что, смотря на него, словно чувствуешь, какой онъ мокрый. Видимо, художникъ обладаетъ большимъ и оригинальнымъ талантомъ, которому нельзя не пожелать дальнѣйшаго развитія.

Кромѣ картины Свѣтославскаго «По дорогѣ», еще къ картинамъ, занимающимъ среднее мѣсто между жанромъ и пейзажемъ, можно причислить картину *И. О. Ковалевскаго* «Хохоль съ волами». Она изображаетъ пару запряженныхъ въ телѣгу воловъ, которые чего-то испугались и побѣжали; сидящій въ телѣгѣ малороссъ привсталъ, стараясь ихъ удержать, но испуганные волы мчатся безъ оглядки. Ковалевскій—извѣстный мастеръ рисовать лошадей, недурно вышли у него и волы, но его «хохоль» недостаточно типиченъ, а окружающій эту сцену пейзажъ не представляетъ ничего особеннаго. Вообще эта картина далеко не изъ лучшихъ между картинами *И. О. Ковалевскаго*.

Изъ имѣющихся на выставкѣ пейзажей одинъ своимъ названіемъ напоминаетъ объ историческомъ прошломъ—«Свидѣтели гетманской славы» *И. Г. Рашевскаго*. На переднемъ планѣ картины изображенъ обрывъ, на которомъ въ разныхъ мѣстахъ торчатъ изъ земли четыре пушки, удѣлвшія отъ временъ гетьманщины; надъ ними вьются птицы, а одна изъ нихъ сѣла на самую пушку. За обрывомъ, внизу стелется лугъ, а дальше вьется рѣка, на которой вдали виднѣтся лодочка съ парусомъ. Надо полагать, это—Десна: мы слышали, что около Чернигова есть такое мѣсто съ сохранившимися отъ древнихъ временъ пушками. Кромѣ этой картины, Рашевскимъ выставлены еще двѣ: «Десна» и «Наливается розь». Картины этого художника—любителя

не чужды разныхъ техническихъ недостатковъ, но есть въ нихъ и одно достоинство: чувство, поэтическое настроеніе.

Вниманіе многихъ останавливаетъ на себѣ эффектная картина *В. М. Галимскаго* «Ночь на Днѣпрѣ». Днѣпръ изображенъ на переднемъ планѣ при яркомъ лунномъ освѣщеніи; у берега виднѣтся огонекъ на плоту, а дальше—лодочка, плывущая съ тремя сѣдоками въ той части рѣки, которая отражаетъ лунный свѣтъ; за Днѣпромъ живописно возвышаются печерскія горы съ Печерской Лаврою въ серединѣ. Одни подолгу любятъ эту картиною, а другіе ее критикуютъ. Въ упрекъ художнику, можетъ быть, слѣдуетъ поставить то, что въ его картинѣ сіяній тонъ является слишкомъ преобладающимъ надъ другими: казалось бы, что въ такую свѣтлую лунную ночь, яснѣе должны бы были обозначиться другіе цвѣта, наиримѣръ зелень деревьевъ. Но не надо упускать изъ виду, что вѣрное изображеніе луннаго освѣщенія въ картинахъ—вещь очень трудная, вслѣдствіе чего почти у всѣхъ художниковъ, изображавшихъ его въ своихъ произведеніяхъ, не исключая знаменитыхъ картинъ Куинджи, оно не чуждо нѣкоторой условности. И каковы бы ни были техническіе недостатки этой картины, она поэтична, почему и привлекаетъ къ себѣ вниманіе многихъ. Изъ другихъ картинъ Галимскаго посвящена изображенію мѣстной природы картина «У ручья». Она изображаетъ лѣсной ручей, въ который вошли воды и пьютъ воду; слѣва между деревьями виднѣтся хатка, отъ которой идетъ къ ручью малоросль съ ведромъ. Рисунокъ въ картинѣ недуренъ, но зелень деревьевъ кажется слишкомъ свѣтлою и безжизненною.

Еще больше, чѣмъ отъ «Ночи» Галимскаго, влечетъ поэзіей отъ картины *Е. К. Вжесца* «Сумерки», изображающей рѣку при освѣщеніи вечернѣющаго дня, съ плавающими на ней водяными растеніями и цвѣтами и съ лѣсомъ, который виднѣтся вдали за тростникомъ. Кромѣ того, имъ выставлено еще нѣсколько картинъ. («Весна» «Домикъ», «Уголъ сада», «Вечеръ»), написанныхъ на излюбленную художникомъ тему: онѣ изображаютъ хатки или маленькіе домики съ растущими около нихъ, ярко написанными цвѣтами. Впечатлѣвіе нѣкоторыхъ изъ нихъ портитъ лиловый оттѣнокъ, неизвѣстно для чего употребленный въ изображеніи крышъ.

Представляютъ нѣкоторую прелесть по своему меланхолическому настроенію картины *В. К. Менка*: «Лѣсная опушка», «Дорога осенью» и «Хуторокъ»; но въ то-же время онѣ страдаютъ условностью тоновъ, въ особенности—двѣ послѣднія.

Мы указали лучшія изъ тѣхъ картинъ, которыя посвящены изображенію южнорусской жизни и природы. Есть на выставкѣ работы еще и другихъ художниковъ. Кромѣ „Днѣпра“ Галимскаго, *Н. И. Мурашко*, по обыкновенію, выставилъ свой «Днѣпръ». Есть картины, изображающія другія рѣки южнорусскаго края: «Рѣка Сула» *Шпанскаго*, «Рѣчка Тускаръ» *Гоняка*; есть хатки, дворники, лѣски, хуторки и проч. Нѣкоторыя изъ нихъ очень слабы, какъ напримѣръ, картина *Юффе* «Подоль въ Кіевѣ»; но чтобъ не утомить вниманіе читателя, не будемъ объ нихъ распространяться.

На передвижной выставкѣ имѣется очень немного картинъ изъ малорусскаго быта, всего пять. Лучшая изъ нихъ принадлежитъ кіевскому художнику *И. К. Цимоненко*, о которомъ мы говорили выше, и называется «Гаданье». Художникъ уже не въ первый разъ берется изображать сцены малорусскихъ народныхъ гаданій: читатели, можетъ быть, помнятъ бывшую на передвижной выставкѣ 1888—1889 гг. его картину «Святочное гаданье» (теперь собственность академіи художествъ). На этотъ разъ художникъ изобразилъ гаданье посредствомъ пирожковъ: въ хатѣ у стола сидятъ четыре дѣвушки и съ веселыми улыбками слѣдятъ за тѣмъ, чей именно изъ четырехъ положенныхъ на скамеечку пирожковъ прежде возьметъ подошедшая къ скамеечкѣ собака,—чтобъ по этой примѣтѣ рѣшить, которая изъ нихъ раньше выйдетъ замужъ. Освѣщенные огнемъ лица дѣвушекъ очень оживленны и превосходно написаны. Эта милая картинка еще разъ подтверждаетъ то, что мы выше сказали о художникѣ.

Остальныя четыре картины выставлены *Н. К. Бодаревскимъ*. Онѣ называются: «Малороссійская дѣвочка», снимокъ съ которой (плохо передающій подлинникъ) былъ помѣщенъ въ «Нивѣ» за 1893 г.,—«Хуторокъ Полтавской губерніи», «По рѣчкѣ Удай» и «Весна». Всѣ онѣ небольшихъ размѣровъ и не прибавляютъ ничего новаго; это—скорѣе этюды, чѣмъ картины.

Не смотря на то, что на обѣихъ выставкахъ есть много интереснаго, слышатся сѣтованія художниковъ на то, что въ Кіевѣ картины почти вовсе не покупаются. Можетъ быть, отсутствіемъ надежды на возможность сбыта въ Кіевѣ цѣнныхъ картинъ объясняется и то, почему нѣкоторые живущіе здѣсь художники вовсе не выставляютъ въ Кіевѣ своихъ картинъ, а отсылаютъ ихъ въ Петербургъ. Это отсутствіе въ Кіевѣ пріобрѣтателей цѣнныхъ картинъ составляетъ очень плохое условіе для развитія мѣстныхъ художественныхъ силъ, такъ какъ предложеніе зависитъ отъ сирова, безъ котораго не для чего

становится работать, отсутствіе котораго, убивая энергію, полавляющимъ образомъ дѣйствуетъ на развитіе талантовъ. Еслибъ судьба послала Кіеву такихъ любителей и цѣнителей искусства, какимъ былъ П. М. Третьяковъ для Москвы!

Н. Ш.

О кирикѣ и жадномъ попѣ. Въ „Запискахъ о южной Руси“ П. Кулиша, между прочимъ, рассказывается, какъ художникъ, любитель Малороссіи Жемчужниковъ однажды въ мятель, зимой спѣшилъ въ Кіевъ и по дорогѣ заѣхалъ въ Яблуновку.

„Мы подъѣхали къ шинку, рассказываетъ Жемчужниковъ. Мятель гуляла кругомъ въ стени; хата была занесена снѣгомъ; съ крыши мело; дверь видна была изъ—подъ снѣгу только до половины, и къ ней вели съ дороги глубокіе слѣды ногъ. Кто-то, подобно мнѣ, только что скрылся въ этотъ пріютъ отъ мятели. Шинокъ оказался теплымъ, и слухъ мой, послѣ унылаго завыванія вьюги, приятно поразили веселые голоса людей, которые собрались здѣсь....Когда я взошелъ, всѣ помпшали со смѣху отъ какой-то шутки, или разказа одного изъ собесѣдниковъ...

— Теперь твоя черга, Остапе! говорили поселяне. Теперь тоби треба щось комповаты. Коли засміємось, пий нашу горилку; а ни такъ самъ поставишь квартиру.

— Ни, вже сѣго не буде; а ви мини поставите квартиру, такъ се вже певне. Роскажу вамъ таке, що инши засміютьца, а розумнійши, то може, й посумують. Чи ви чули про бидного Кирика?.. Тѣ-то, що не чули. Якъ бувъ я въ Києви, такъ перенивъ про ёго псню, чи казку, одъ старця зъ Димера. Есть за Дниромъ село Димеръ. Буду жъ я вамъ спиваты, да глядять, мовчить мши, не перебивать. А хто не знае чести, того взять за чуба, да на двирь вывести“. И спѣлъ (Остапъ) балладу о томъ, какъ у бѣднаго Кирика умеръ въ жнива ребенокъ, какъ онъ хоронилъ его самъ, не имѣя средствъ устроить обычныхъ похороны, какъ вырылъ на кладбищѣ котелокъ съ цѣлковыми и какъ у него отняли эти деньги.

Къ сожалѣнію, самая „баллада“ не передается въ „Запискахъ“. „Я не могъ записать этой баллады, говоритъ Жемчужниковъ, опасаясь обратить на себя вниманіе слушателей, которые тотъ часъ остановили бы иѣвца“ ¹⁾

¹⁾ Записки о Южной Руси т. II, СПб. 1857 г. 83 с.

Намъ удалось записать эту „балладу“ въ волинской губернии, ровенскомъ уѣздѣ.—Начало ея ве совсѣмъ складно въ ритмическомъ отношевіи, но далѣе стихъ выправляется и достигаетъ болѣе или менѣе удовлетворительной метрической техники. Вотъ это „баллада“ или, какъ говорилъ Остапъ въ корчмѣ, „пѣсня, чи казка“:

....бижить ричка невеличка ¹⁾),
 А на тѣй ричци стоить каплычка;
 Недалечко отъ каплычки Божа церковка,
 Святая, старая, благостывая;
 А при тѣй церкви пипъ зъ попадею,
 У попа борода велика й сыва,
 А попада молода ще та гладкая.
 Живъ бугъ Кирикъ, бидный чоловічокъ,
 Була въ его бидна жпика,
 Булы й диты невелички.
 Отъ, пришовъ часъ, жывова година,
 Померла у биднаго Кирика маленька дытына.
 Пішовъ бидный Кирикъ до попа:
 — „Добродію, добродію, чи не могли-бы мей дытыны сховаты?
 „Що вы схочете за похороны взаты?“
 Пипъ радый радесенькій;
 Трасе бородою, розмахуе рукою:
 — „Щожъ, каже, твою дытыну можно поховаты,
 „Але не богато зъ бидныхъ людей дбаты,
 „А десять карбованцивъ таки треба взаты!..
 „Що треба-то треба, не мовъ мини ни слова,
 „Бо въ мене зъ тобою короткая мова“.
 Кирикъ каже:
 — „Добродію, добродію,
 „Я не можу стільки дати,
 „Де вже мини бидному Кирику стільки взаты?“
 „Пипъ якъ тупнувъ ногою,
 Якъ потнувъ головою,
 Якъ потрнсь бородою,
 Якъ закричитьъ,
 Якъ заверещить:
 — „Ще такихъ людей не було и не буде,
 „Кольбъ выпропадали таки бидны люди!“
 Заплакавъ бидный Кирикъ, тай пішовъ до пана,
 Тай скаржиця пауу:

¹⁾ Пѣсню о Кирикѣ разсказчикъ говорилъ послѣ одной юмористической сказки и началъ пѣсню такъ: „Зъ надъ того же самого села бижить ричка не величка“. Мы не приносимъ сказки, потому что она съ пѣсней о Кирикѣ не имѣеть ничего общаго и приставлена къ ней механически.

— „Не хоче пивъ моеи дитыны ховаты.
„Хоче зъ мене, зъ биднаго Кирика, десять рубливъ взяти“.
Панъ ему и каже!

— „Я тоби въ томъ Кириче, бидный чоловіче, не поражу.

— „Я тоби ось що скажу:

„Иды ты до села, достань заступа й лопаты

„Та иды самъ на свою дытну ямы копаты“.

Послухався бидный Кирикъ пана,

Пшовъ винъ до дому,

Ставъ на колни, помолвися богу...

Ажъ пришовъ до ёго Божій старецъ:

— „Кириче, бидный чоловіче, иды ты до села,

„Достань заступа й лопаты,

Та иды самъ на свою дытну яму копаты,

„Та не копай на низу, а копай на горбу,

„Нехай богатшіи люде копають на низу“.

Взявъ Кирикъ заступа й лопаты,

Та ставъ самъ на свою дытну яму копаты“

Та некопаетъ на низу, а копаетъ на верху,

Якъ казавъ ёму Божій старецъ.

Ставъ бидный Кирикъ на горбу копаты,

Ставъ до ёго котель зъ грошима выринаты.

Набравъ бидный Кирикъ гроши до кармана,

Пшовъ назадъ до пана, а отъ пана до поля:

— „Добродію, добродію...“

И т. д. какъ равьше.

Пивъ радый радесепькій:

— „Щожъ, каже, не багато зъ бидныхъ людей дбаты,

„А десять карбованцивъ треба взяти“.

Бидный Кирикъ ловго не возмвся,

Давъ десять карбованцивъ, тай зовсимъ расплатився.

Пивъ гроши забравъ и старосту зазвавъ,

Казавъ на дзвонницы на збирь позвонцы;

Зъ радостью, зъ веселостью Кирикову дытну похоронаты.

Зазвавъ бидный Кирикъ попа до хаты,

Ставъ ёго добре частоваты,

Ставъ медъ и вино даваты.

Дывуецди пивъ: якъ се такъ сталося,

„У биднаго чоловіка стільки грошей набралося?...

А попадя навіть очн вытрищала,

Все до попа пристае, покою не дае:

— „Добродію, добродію, чи не могли-бъ вы

„Биднаго Кирика до сповниды привяты,

Та на духу его добре расплататы,

Де-бъ виць мигъ стільки грошей достаты,

Чи не могъ бы винъ объ тыи гроши признаты?“.

Пославъ пипъ старосту, щобъ Кирику наказаты,
Що пипъ ёго хоче во вѣсхъ грѣхахъ сповидаты.
Пришовъ староста до Кирика, бідного чоловіка,
Тай вѣже:

— „Эй, ты, Кириче, бідный чоловіче,
„Иды—но ты до церкви, хутенько сповидайся
Та въ тыхъ грошахъ гарненько признайся.
Чи хочешь, чи не хочешь, а мусышь ты таки сповидатись,
Мусышь въ тыхъ грошахъ признатись...“
Отъ пиповъ Кирикъ, бідный чоловікъ...
Въ церкви у попа довго таки сповидався,
А въ тыхъ грошахъ ніякъ не признався.
Попада не знае, що думаты, що й гадаты,
Не знае, якъ ты гроши отъ Кирика одиты.
Думала, думала таки чимало,
А въ рѣшті таки нагадала:

— „Добродію, добродію, есть у насъ суха шкура;

„Послухай—но—мене гарненько,
Та зроби, що тобі скажу, хутенько.
Визьмы—но ты въ ту шкуру та вберыся,
Та до біднаго Кирика по гроши повертыся.
Якъ побачить, такъ бідный Кирикъ,—злакаецъ!¹
И въ тыхъ грошахъ заевне признаецца...“

Отъ, взяла попада ту шкуру, намочила,
Пошла на село доставаты дратвы и шила.

Достала дратвы и шила,
Да въ ту шкуру его и зашила.
Зашила поу руки й ноги,
Приставила на голови дявольски роги.

Ставъ пипъ стукотиты, гракотиты,
Ставъ въ ночи до біднаго Кирика подходитьы;

— „Гей, Кириче, давай гроши, бо буду свить пальты;
„Бо якъ не одасы, то будешь на огни, въ пели гориты,
Стануть тебе чорты гаками драты,
Стануть тебе быты й катуваты...“

И стукотыть, и гракотыть,

И мотае рогамы,

И тупае ногамы,

Ще й трасе бородю.

Зобачивъ Кирикъ и зовсімъ заледвѣся:

„Отъ пришла теперъ до мене лыхая година
Що я буду теперъ робыты зъ тыми грошима...“

И чому я попу на сповиди не признався,
Теперъ бы я зъ твоею бидою-бъ незнався...“

Взявъ Кирикъ котель изъ грошима

Та якъ тарахнувъ дверима:

— „А, нехай—де тебе, каже, визьме лыхая година“

Та зъ твоими дьявольскими грошима!
 Иди ты одѣ мене въ чому пришовъ,
 Держи въ рукахъ,—якъ нашовъ,
 Не положи нигде,—якъ узавъ,
 Носи такъ.—якъ принавъ,
 И щобъ-же тебе чортъ узавъ!“
 Взявъ шипъ котель й до дому подравъ,
 Радесеиный, що Кирикъ свои гроши отдавъ
 Ставъ шипъ гроши пани отдаваты.
 Ажъ стѣлы гроши до рукъ приставаты;
 Стала попада шкуру пороты,
 Ставъ шипъ крячаты, верешаты.
 Не можна а шякъ шкуру одиаты.
 Трапылася зъ попомъ бида малая,
 Бида малая и простая:
 Пристала ему шкура до сала.

Отъ, начала письма-листы по свиту розсылаты,
 Чи не найдеця часами хто нибудь на святи,
 Щобъ тую самую шкуру зъ попѣ зпаты.
 Стѣлы письма-листы назадъ повертѣты.
 Нихто не може теи шкуру зпаты.
 А Кирикъ и каже:

—„Я могу тую шкуру зъ попѣ зпаты,
 Оно перше треба мина гроши назадъ одаты.
 Якъ зявъ Кирикъ шкуру и гроши взявъ,
 Шипъ закрывавъ, щей зубами заскрекотавъ.
 Шкода ему тыхъ грошей, але нема шо робити,
 Лучше гроши одаты, чымъ зъ рогами ходити.

(Записана въ м. Стенани, ровенс. уѣздѣ волынской губерніи).

„Баллада“, во многихъ своихъ частяхъ, потеряла правильность ритма и мѣстами приближается къ прозѣ. Это, можно полагать, произошло отъ того, что она теперь не поется народомъ, а рассказывается. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, не смотря на всё мое желаніе, такъ и не удалось слышать ея напѣва. Крестьянинъ, передававшій мнѣ „балладу“, говорилъ, что она теперь не поется, что теперь опредѣленнаго напѣва „баллады“ не существуетъ и что, если кто хочетъ её пѣть, то поетъ такъ, какъ ему нравится, какъ само собой у него сложится.

Но при бѣдности во внѣшне-техническомъ отношеніи, „баллада“ не потеряла своей соли. Ея содержаніе—интересно. Черты скареднаго пона и попадн передавы живо и характерно. Фабула—эпически выдержана и закончена.

Въ своихъ поэмахъ народъ иногда любитъ подчеркивать выводы яркостью изображаемыхъ типовъ... Это особенно нужно сказать относительно нашей „баллады“. Мораль фябулы—ясна и опредѣлена. Навивность Кирика и корыстолюбіе священника—черты слишкомъ контрастныя и яркія, чтобы не обратить на нихъ вниманія. Коллизія, построенная на этихъ чертахъ, имѣетъ въ „балладѣ“ драматическій характеръ съ трагическимъ отгѣнкомъ. Свѣжій, здоровый юморъ перемѣшивается здѣсь съ невольною грустью при мысли о попѣ въ шкурѣ и съ котелкомъ грошей...

„Останъ не ошибся, затѣчаетъ въ своемъ разсказѣ Жемчужниковъ, повѣсть его произвела на однихъ веселое, а на другихъ грустное впечатлѣніе. Миѣ самому, сквозь ея саркастическій тонъ, послышалось что-то глубоко трагическое...Слушатели единодушно потребовали горилки и начали пить за здоровье Кирика“¹⁾.

Тѣмъ же насмѣшливо-саркастическимъ тономъ звучитъ разсказъ, записанный г. Заботько въ полтавской губерніи и вошедшій въ „Малорусскія народныя преданія и разсказы“ Драгоманова. Здѣсь, впрочемъ, главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является не попъ, а попадья.

Разсказы „про поивъ та дякивъ“ распространены въ Малороссіи. Записано ихъ, впрочемъ, мало. Народъ не охотно ихъ разсказываетъ. Различаясь между собою степенью остроумія и занимательности, эти разсказы имѣютъ одну общую черту—они изображаютъ нравственно-отрицательныя черты священниковъ.

Ислѣдователямъ южно-русскаго штундизма, теряющимъ много энергіи для неблагодарной дѣли—доказать, что штундизмъ есть явленіе, выросшее на почвѣ нѣмецкаго необаптизма,²⁾ совѣтуемъ обратить вниманіе на указанную черту этнографическихъ словесныхъ произведеній съ юмористическими сюжетами о полахъ. Думается—эти разсказы не случайны. Быть можетъ, изученіе ихъ, помимо этнографическаго интереса, разъяснитъ одну изъ существенныхъ причинъ распространенія и живучести южно-русскаго сектанства

Ф. Бударинскій.

Къ изслѣдованію о литературномъ источникѣ оперы И. П. Котляревскаго „Москаль Чаривныкъ“. Въ декабрьской книжкѣ

¹⁾ „Записки о Южной Руси“ Кулиша II стр. 96.

²⁾ Статьи Дородницына въ „Чтеніяхъ общества любит. Духовн. Просвѣщ.“

«Кіевской Старины» прошлаго 1893 года проф. Н. П. Дашкевичъ помѣстилъ весьма любопытное разысканіе о возможныхъ литературныхъ источникахъ народной малорусской оперы И. П. Котляревскаго «Москаля Чаривныкъ» (стр. 451—482). Г. Дашкевичъ въ заключеніи своего разысканія, въ которомъ довольно подробно и обстоятельно указаны западно-европейскія разработки сюжета «Москаля Чаривныка», приходитъ къ выводамъ, что И. П. Котляревскій заимствовалъ схему своей пьесы у французскаго либреттиста, хотя и внесъ въ нее свѣжую мысль и обновилъ свѣжими подробностями «вѣковой сюжетъ». Не касаясь достоинствъ этого разысканія, мы остановились лишь на одной подробности, которая для насъ кажется весьма любопытной. Авторъ всецѣло стоитъ на сторонѣ заимствованія съ запада, вѣроятно, отчасти и потому, что ему извѣстенъ изъ восточныхъ разсказовъ лишь одинъ, находящійся въ «Панчатантрѣ», стоящій въ слабой относительно связи съ позднѣйшими версіями того же сюжета. Мы, въ свою очередь, не можемъ не остановиться на предположеніи иного источника пьесы Котляревскаго, непосредственно знакомаго каждому. Этимъ источникомъ мы считаемъ малорусскую народную сказку (а не наоборотъ), сложившуюся подъ вліяніемъ, и при томъ весьма продолжительнымъ, — востока съ его богатымъ запасомъ сказочнаго матеріала. Тѣмъ болѣе вѣроятнымъ кажется намъ наше предположеніе, что среди кавказскихъ народовъ подобная сказка пользуется значительной извѣстностью, а вліяніе кавказскихъ народныхъ сказаній на русскіе — послѣ изслѣдованій Вс. Миллера — отрицать, по меньшей мѣрѣ, рисковано. Для иллюстраціи нашего миѣнія приведемъ слѣдующую сказку, оставшуюся неизвѣстной проф. Дашкевичу; она, на нашъ взглядъ, стоитъ весьма близко къ разсматриваемой имъ темѣ.

Въ «Книгѣ Мудрости и Лжи»¹⁾ Леонъ, воспитатель царевича, разсказываетъ царю исторію своихъ приключеній. Между прочимъ, сообщаетъ и слѣдующій эпизодъ:

«Отправился я оттуда и прибылъ въ страну евлатскую. Никакимъ способомъ не могъ я достать хлѣба, чтобы поѣсть: тамъ живутъ скупые, безбожные и злые люди. Два дня ходилъ я голоднымъ, потомъ придумалъ такое средство: швырнулъ налку на ворона, отло-

¹⁾ Книга Мудрости и Лжи, грузійскія басни и сказки XVII—XVIII стол. Саввы-Султана Орбеліани, переведены и объяснены Ал. Цигарели. СПб. 1878 г. стр. 113—115; книга въ продажѣ не поступала, почему мы и не ограничиваемся лишь соотвѣтствующей ссылкой, а выписываемъ и самый разсказъ.

малъ крыло и посадилъ его къ себѣ за пазуху, заставляя его кричать, — такъ я началъ гадать. Подошелъ къ одному дому, (дома) была только женщина. Она не отворила мнѣ двери, не впустила въ домъ. Наступила ночь, я ослабѣлъ и прислонился къ дверямъ. Женщина вытащила изъ огня булку и положила еѣ въ ящикъ. Прошло немного времени, пришелъ старшина той деревни и принесъ вино въ кувшинѣ и одного откормленнаго гуся. Вино и гуся положилъ на окно. Сѣли и немного полюбезничали. Къ дверямъ подѣхалъ одинъ всадникъ. Услышавъ конскій топотъ, она старшину посадила подъ корзину, стоявшую тамъ; сама же женщина прилегла. Я все видѣлъ. Оказалось, что этотъ человѣкъ (всадникъ) былъ мужъ этой женщины; онъ отправился по дѣлу и не ждалъ его. Онъ подѣхалъ и спросилъ меня: «кто ты такой?» Я ему сказалъ, что я гость Божій, но никто не пустилъ меня въ домъ. Мужчина позвалъ—женщина поздно отозвалась, притворяясь спящей, и развела огонь. Онъ меня ввелъ въ домъ. «Мы оба голодны» — онъ попросилъ жену пищи. Она принесла съ собою и дала ему два кукурузные хлѣба, говоря: «гдѣ у меня лица? Вотъ ужъ полночь!» У меня за пазухой сидѣлъ воронъ, (я) прижалъ его рукой и заставилъ закричать. Тотъ человѣкъ спросилъ меня: «что это такое?» Я ему сказалъ: «это воронъ—гадальщикъ, онъ все можетъ узнать, я его языкъ хорошо понимаю». Ему понравилось это. Онъ меня спросилъ объ урожаѣ того года. Все хорошо сказалъ ему. Потомъ заставилъ я ворона закричать. Онъ меня спросилъ: «что воронъ сказалъ»? Я ему отвѣтилъ: «онъ сказалъ—зачѣмъ онъ ѣстъ кукурузный хлѣбъ? Въ ящикѣ лежатъ двѣ бѣлыя булки, кушайте тѣ». Затѣмъ сказалъ про гуся, и того заставилъ прилечь. Заставилъ еще закричать, заставилъ подать и вино. Мужъ упрекнулъ жену: «если у тебя были эти, отчего не подавала ѣсть»? Та стала оправдываться: «я собиралась къ роднымъ и хотѣла взять эти, какъ путевую провизию». Я заставилъ ворона снова закричать. Хозяинъ спросилъ меня: «что онъ сказалъ»? Я ему отвѣтилъ: «онъ сказалъ, что вы сидите и ѣдете, а голодный старшина сидитъ подъ корзиной; зачѣмъ вы поступаете такъ невѣжливо? Дайте и ему повеселиться». Старшина, услышавъ это, сбросилъ съ себя корзину и выбѣжалъ на дворъ. Хозяинъ погнался за нимъ, а я пошелъ своей дорогой».

Не трудно сопоставить этотъ восточный рассказъ, вошедшій въ сборникъ кн. С. С. Орбеліани, съ прочими, сообщаемыми проф. Дашкевичемъ, чтобы указать его дѣйствительное мѣсто въ ряду многочи-

сленныхъ разработокъ интересующаго насъ сюжета комической оперы
И. П. Котляревскаго.

Вл. Перетцъ.

Разсказы о вѣдьмахъ. Въ Черкасахъ намъ удалось записать отъ одной старухи, между прочимъ, сказку, содержаніе которой въ общемъ очень напоминаетъ содержаніе Гоголевскаго «Віл». Вотъ эта сказка.

Въ одномъ селѣ жилъ богатый мужикъ, имѣвшій единственнаго сына, который лѣтомъ спалъ во дворѣ на сѣнѣ. Однажды ночью слышитъ онъ, кто-то полощется въ бывшей вблизи криницѣ; онъ свистнулъ и вдругъ въ отвѣтъ на свистъ слышитъ слова: «Будышь жы ты, сукинъ сыну, свиститъ, пока и не вмрешъ». На слѣдующій вечеръ чувствуетъ этотъ паробокъ, что какая-то невидимая сила тянетъ его изъ хаты, и едва только вышелъ онъ во дворъ, какъ кто-то вскочилъ на него верхомъ и ноѣхалъ; гдѣ только ни выѣздили они въ эту ночь: и по болотамъ, и въ очеретахъ, и по горамъ, «де тилко саме найвыще». Къ разсвѣту, «якъ первы пивни заснивали», вѣдьма (это была она) отпустила пария. Измученный, покрытый весь потомъ и пылью, бросился онъ на сѣно и уснулъ, какъ убитый. На другой день вечеромъ снова тянетъ его что-то изъ хаты, снова усѣлась на него вѣдьма и проѣздила всю ночь, а съ первымъ крикомъ пѣтуховъ, неизвестно гдѣ дѣвалась ¹⁾. Та же исторія повторилась и на третій вечеръ. Наконецъ, мать пария обратила вниманіе, что сынъ ея за это время страшно измѣнился: ничего не ѣстъ, ходитъ весь измученный. Она спросила его о причинѣ, и тотъ подробно все ей рассказалъ.. Мать стала совѣтоваться съ разными бабами, какъ тутъ быть, но тѣ не могли дать ей никакого совѣта. Наконецъ, встрѣтила она однажды монахиню и рассказала ей свое горе. Монахиня успокоила ее, сказавъ, что она беретъ помочь бѣдѣ. Обрадованная мать пригласила ее къ себѣ въ хату. Монахиня, разспросивъ самого пария о поѣздкахъ на немъ вѣдьмы, приказала ему сдѣлать уздечку и вечеромъ спрашиваетъ, тянетъ-ли его снова изъ хаты. Парень отвѣчаетъ, что тянетъ «Ну, колы такъ, то иды, мій сыну, та ливою рукою крѣпко дыржысь за навиртку а правою, якъ умога, накыдай на «неи» уздечку, а якъ накынышь, то спдай та йидь туды, куды вона йпздыла тобою; а якъ

¹⁾ При этихъ словахъ разсказчица перекрестилась со словами: „Духъ святой въ намъ“.

закричать первы пивни, то пусты йи». Парень такъ и сдѣлалъ: накинулъ на вѣдьму уздечку, вскочилъ самъ верхомъ на нее и погналъ вѣдьму по горамъ и болотамъ. Когда раздалось пѣніе пѣтуховъ, онъ отпустилъ вѣдьму. То же случилось и въ слѣдующую ночь. Послѣ второй поѣздки монахиня сказала, что больше разу вѣдьма уже не въ силахъ будетъ выдержать. Дѣйствительно, послѣ третьей ночи парень пустилъ вѣдьму чуть живою. Когда онъ возвратился домой, монахиня сказала ему: «Теперьъ, сыну, вона вже вмре; ну, тыльки жъ вона не вмре, а засве; у раньци, якъ тыльки почувешъ, шо умерла отакая-то, заразы пойды туды и скажи: «По-сусицьки я пій баби зроблю хрестъ»; бо тоби треба непременно зробить той хрестъ». Утромъ парень узнаеть, что на разсвѣтѣ умерла отъ неизвѣстной причины сосѣдка; онъ пошелъ туда и предложилъ сдѣлать хрестъ на могилу. Монахиня снова даеть ему совѣты: «Роби, сыну, хрестъ осыковый, та щобъ бувъ такий вышины, якъ ты, и перехрестя таке, якои повинны въ тебе руки». Онъ такъ и сдѣлалъ. Какъ только похорошили эту бабу, онъ сейчасъ же пошелъ и поставилъ надъ нею крестъ. Насталъ вечеръ; монахиня совѣтуетъ парню: «Теперьъ же, сыну, иди на кладовище, та стань ззаду хреста такъ, щобъ ты самъ бувъ уривви зъ крестомъ, а руки зъ перехрестямъ; тилько стій тыхо тыхо и ны пошывыльнысь, щобъ вона тыбе ны побачыла. И це будешъ ходыть надъ рядъ три ночи».

Пошелъ парень ночью на кладбище и сталъ за крестомъ, какъ совѣтовала ему монахиня. Вдругъ въ полночь съ сильнымъ гуломъ вырывается изъ земли гробъ, слетаетъ съ него крышка, поднялась вѣдьма изъ гроба, трижды облетѣла вокругъ него и полетѣла затѣмъ искать повсюду этого парня. Искала она его до тѣхъ поръ, пока не аплѣлъ пѣтухъ; лишь только раздалось пѣніе пѣтуховъ, вѣдьма возвратилась ко гробу, бросилась въ него и съ такимъ же гуломъ, какъ и раньше, провалилась въ яму. То же повторилось и въ слѣдующую ночь. На третью ночь раздалось пѣніе первыхъ, наконецъ, вторыхъ пѣтуховъ, а вѣдьма все не возвращается со своихъ поисковъ, парень перепугался и хотѣлъ было уже бѣжать, какъ вдругъ видитъ, идетъ вѣдьма, еле-еле двигалась; съ трудомъ дотащилась она до могилы и, не въ силахъ будучи уже броситься въ нее, тутъ же унала «та якъ скотына зарывла и вмерла». Парень бросился въ село и разсказалъ всѣмъ объ этой вѣдьмѣ; мужики пришли, бросили ее въ гробъ «ще й осыковыми килками прыбыли».

На вопросъ, что же дѣлала возлѣ криницы эта вѣдьма, рассказчица объяснила, что возлѣ криницы, рѣки или болота происходитъ обученіе вѣдьмы, принятіе въ число вѣдьмъ новыхъ членовъ. Дѣлается это такимъ способомъ. Женщина, желающая стать вѣдьмой, сбрасываетъ съ себя крестъ и идетъ къ своей наставницѣ вѣдьмѣ; та выноситъ три ведра и донтъ въ нихъ молоко кошки, суки, кобылы, свиныи, коровы. Взявъ это молоко, она идетъ со своей ученицей къ криницѣ или болоту и, ставъ къ нему лицомъ, произноситъ какія-то слова; изъ болота выскакиваютъ 4 огромныхъ пса и уносятъ молоко въ воду; вслѣдъ затѣмъ слышится сильный крикъ лягушекъ, пахтающихъ масло, а черезъ нѣсколько минутъ собаки выносятъ изъ болота прекрасное масло. Вѣдьма трижды свиститъ; изъ болота или рѣки выскакиваютъ разныя рыбы, гады; ученица должна всѣхъ ихъ брать зубами. Затѣмъ она возвращается домой, выноситъ свой тѣльный крестъ на широкую улицу, бросаетъ на-земь и топчетъ его ногами. Вернувшись домой, она вылетаетъ въ трубу и летитъ на «Лысу гору». Если она не испугается и въ точности продѣлаетъ все это, то становится настоящей вѣдьмою.

Чтобы вѣдьма не ходила доить коровы, то нужно въ рогъ коровѣ «укнуть» всего свячененького и мачку, ремезового гнзда и всего; тогда къ этой коровѣ не подойдетъ никакая вѣдьма.

Есть еще средство предохранить свой дворъ отъ посѣщеній вѣдьмы; нужно держать «ярчука». Первые щенки у суки называются «ярчатами». Гдѣ только есть ярчукъ, вѣдьма никогда не появится тамъ. Но этихъ ярчатъ слѣдуетъ хорошенько беречь, потому что вѣдьмы стараются всячески ихъ уничтожить.

А. Малика.

Мѣры гетманскаго правительства Малороссіи въ 1722 и 1757 гг. въ предупрежденіе голода. Приводимые ниже документы извлечены нами изъ дѣлъ Харьковскаго Историческаго Архива (Архивъ Малорос. Коллегіи, Черниг. отд. №№ 8,946 и 187) и представляютъ собою образцы распоряженій, время отъ времени дѣлавшихся правительствомъ гетманщины для обезпеченія продовольствія населенія въ неурожайные годы. Судя по этимъ образцамъ, мѣры, привнесенныя съ такою цѣлью, носили довольно примитивный характеръ,

и сводились къ заботѣ объ удержаніи цѣны хлѣба на извѣстномъ, по возможности, низкомъ уровнѣ, что должно было достигаться, съ одной стороны, прямымъ запрещеніемъ повышенія цѣнъ, а съ другой — устраненіемъ причинъ, которыя могли бы повести къ быстрому оскудѣнію рынка. Въ этихъ видахъ наказный гетманъ Полуботокъ вмѣстѣ съ генеральной старшиной предписываетъ въ 1722 г. прекратить вывозъ хлѣба за границу, въ Великороссію и Польшу, и подвергнуть строгому регулированію внутреннюю торговлю, предупреждая искусственное поднятіе цѣнъ: накопленіе запасовъ торговцами воспрещалось, уже существовавшіе запасы подвергались „аресту“; въ тѣхъ же видахъ гетманъ Разумовскій въ 1757 г. распоряжается сократить винокуреніе. Тридцатипятилѣтній промежутокъ времени, лежащій между этими двумя распоряженіями, не повліялъ, какъ видно, очень благотворно на развитіе экономической политики: если въ теоріи задачи ея и остались тѣми же самыми, то на практикѣ возможность достиженія ихъ еще уменьшилась, благодаря суженію предназначенныхъ для нихъ средствъ и вкравшимся въ послѣдніи специфическимъ особенностямъ. Предвидя возможность голода вслѣдствіе неурожаа, гетманъ Разумовскій рѣшилъ запретить винное куреніе всѣмъ посполитого званія людямъ, какъ то мѣщанамъ, посадскимъ, раскольникамъ, а особливо попомъ и всѣмъ прочимъ такимъ разночинцамъ, от которыхъ службы не предвидятся, ибо они, не имѣя маѣностей, подданныхъ и столько мпновъ і грунтовъ, с которыхъ бы получа достатокъ хлѣба могли курить горѣлку з собственного своего оранія и сѣянія, но искупають в народѣ и еденѣ пред другимъ возниають цену для партикулярного своего прибытка, не разсуждая, сколь нуженъ хлѣбъ бидѣйшимъ о ихъ кроме ихъ прихотей і къ дневному прештапю»... Не нужно обладать особою провицательностью, чтобы видѣть, въ чью пользу должны были пойти эти оригинальныя экономическія воззрѣнія послѣдняго малорусскаго гетмана. Вытекавшій изъ нихъ результатъ вращь ли могъ быть не только устраненъ, но даже ослабленъ предположеннымъ сокращеніемъ владѣльческаго и козакаго винокуренія.

В. М.

I.

Императорскаго Пресвѣтлаго Величества войска Запорожскаго полковникъ Чернѣговскій и наказный гетманъ з старшиною енеральнойю Павелъ Полуботокъ.

Всѣмъ, кому колвекъ о томъ вѣдати надлежатиметь, а меновите пану полковниковѣ наказному Стародубовскому, всей того полку старшинѣ, пп. сотникамъ, атаманамъ, войтамъ и всякого чину градскимъ и сѣлскимъ промислами бавячимся людемъ ознаймуемъ симъ нашимъ унѣверсаломъ: ижъ донеслося намъ вѣдати, что многіе зъ заграницѣ полскіе и литовскіе люде, такожъ великороссіане и расколщики приездячи не толко въ городи малороссійскіе, но и по селахъ, а нѣкоторіе и зъ обывателей малороссійскихъ, скуповують всякіе нашиѣ барзѣй жита на подряди, подвishaючи що разъ вишше мѣри цену, зъ которихъ приезджаючіе вивозятъ оіе нашиѣ за границу, наши же обыватели наполняютъ ями и протчіе спряти, держачи тотъ хлѣбъ ради далшой вишшой цени и дорожнети; недостатніе зась и убогіе люде не могутъ и для препитанія своего за тмъ хлѣба докупитися. Прето, мы зъ общого нашего совѣту и приговору, постановили такой неслупшности и непорядку завременно заобѣгти, жебы чрезъ тую пзлшнюю хлѣба скуплю и вивожене оногъ зъ Малой Россіи за границу не учинилася дорожнета, а послѣдователно крайная на хлѣбъ скудость, зъ скудости же не пришла бы (уховай Боже) на людей голоднеча. А такъ одравивши въ ившіе полки рейменту гетманского нарочіе о томъ укази, ординуемъ и въ полкъ Стародубовскій сей нашъ унѣверсалъ, чрезъ который пилно предлагаемъ и приказуемъ, аби панъ полковникъ наказный Стародубовскій, розславши коіи зъ оногъ во всѣ сотнѣ полку тамошнего, по городкахъ и селахъ заказалъ и загрозилъ накрѣпко, чтобъ не толко приезджимъ зъ заграници людемъ и расколщикамъ, але и нашимъ великороссійскимъ и малороссійскимъ обывателямъ пзлшного хлѣба скуплѣ чинити нѣгде не допускано и такъ въ продажи, яко и въ купованю всякого збожа цени подвishaвати для приватнихъ прибитковъ ни хто бы не важилъся, лечъ мѣеть быти цена всякому збожу по слупшности и по обыкновенію, жебы чрезъ тое чернь и послоство въ препитаніи своемъ, барзѣй въ сусентациі сего часу армейскихъ войскъ нужди и скудости не имѣли. Если жъ бы хто по опублѣкаціи сего унѣверсалу, вѣдая указъ въ опомъ вираженный, дерзнулъ збоже многимъ числомъ чрезъ подвishaене цени чи то на подрядъ за границу, чили на схови и спряти приватніе для предбудущой дорожнети и зароботковъ продавати или куповати, таковыхъ позволамъ арестовати, до вазеня осажовати и хлѣбъ весь забирати и дѣжати безъ возвращенія до указу нашего. Тако жъ которіе прежде заслави сего унѣверсалу понакуповували и держать въ сирятахъ многое число збожа ради предбудущой дорожнети и зароботковъ, теди и тіе нашиѣ повелѣваемъ

старшинамъ ревѣдовати, а зревѣдовавши, сколько оныхъ есть и у кого пменно, давать намъ знати. Збоже зась тоз все до полученія одъ насъ указу держати подъ арестомъ въ цѣлости. Данъ в' Глуховѣ з Енеральной Канцеляріи при войсковой печати месяца октоврія 1722 року. Звышъ менованнѣй полковникъ и наказный гетманъ рукою.

II.

Графъ Кирилль Разумовскій гетманъ и кавалеръ. Г-пу полковнику Чернѣговскому Божичу з полковою старшиною.

По репортамъ, с полковъ присланнымъ, ізвѣстно и особливо самими нами усмотрено по некоторымъ местамъ, что весьма худой урожай въ хлѣбѣ, какъ по причинѣ бывшихъ и настоящихъ жаровъ и что дождей мало било и нынѣ нетъ, такъ найпаче, что отродившаяся во многихъ мѣстахъ сарана послѣдній хлѣбъ во многихъ же мѣстахъ с' ела и с' едаетъ; от сего уже вездѣ и цѣна въ хлѣбѣ возвисилась. Послѣдовательно ежели б в семь случаевъ не предпринять удобныхъ меръ, чемъ бы на далшее время предизберегти хлѣба къ нужному обывателскому пропитанію, такъ же и къ продоволствованію указныхъ консистентовъ и скоро вступить имѣющихъ Лантмилицкихъ и другихъ полковъ, то, наконецъ, чаять и ожидать можно-бъ худшихъ следствъ, сего ради мы за потребно разсудили запретить въ Малой Россіи винное куреніе всѣмъ посполитого званія людямъ, какъ то мѣщанамъ, посадскимъ, расколникамъ, мужикамъ, а особливо понамъ и всѣмъ прочіимъ такимъ разночинцамъ, от которыхъ службы не предвидится, ибо они, не имѣя маестностей, подданныхъ и столько млиновъ и грунтовъ, с которыхъ бы, получа достатокъ хлѣба, могли курить горѣлку з собственного своего оранія и сѣянія, но искупають в народѣ и еденѣ предъ другимъ возвишаютъ цену для партикулярного своего прибытка, не разсуждая сколь нуженъ хлѣбъ биднѣйшимъ от нихъ кроме ихъ прихотей и къ дневному пропитанію, хотя жъ с' нихъ хто имѣеть какую неболшую часточку земли, либо мелницю, однакъ приходъ хлѣбній ис того едва можетъ ставать имъ единственно для самого пропитанія зъ домашними ихъ, а на куреніе горѣлки с того собственного хлѣба нѣ на одинъ котель довлѣть не можетъ. А сверхъ того дабы и владѣлци духовного и мирского званія, старшины и козаки, имѣющще за собою маестности п доволние мелници, ввѣдъ подъ сей случай оному простому народу и разночинцамъ запрещенне, не могли къ своему прибитку приумножить котловъ и скупливать на онне по торгамъ и по прочіимъ местамъ хлѣба, то къ предъизбереженію сего

надлежить описать имѣющіеся въ нихъ котла, с которыхъ имъ дозволяется отселѣ до будущаго усмотрѣнія продолжать винное куреніе на половинное число винокурныхъ котловъ, да и то тѣмъ токмо, кои хлѣбъ за продовольствованиемъ своего дому и людей довольно запасный имѣють, не покушая отнюдь изъ стороны и чрезъ кого подлежить зъ урядовъ весма крѣпко надсматривано б, дабы отнюдь никемъ з оныхъ владѣльцовъ и другихъ войсковаго звания людей не прибавляно над тое половинное число, что нынѣ по описи будетъ под жестокимъ отиѣтомъ и взысканіемъ, буде бѣ какое и кого в излишности над дозволенное число котловъ опосля в куреніи явиться могло и ко исполнению противъ выше прописанного какъ во нѣхъ протчіе малороссийскіе полки предложено, такъ и вамъ накрѣпко притверждается действовать по выше выраженному неотмѣнно.

1757 года іюля 28.

Гетманъ графъ К. Разумовскій.

Къ исторіи Малороссійскихъ официальныхъ архивовъ.
 Въ числѣ мѣръ принятыхъ высшею администраціею въ Малороссіи, послѣ закрытія въ ней намѣстничества, по повелѣнію императора Павла I, существовала забота, какъ видно изъ печатаемаго здѣсь письма гр. И. П. Солтыкова (управлявшаго въ 1797 г. малороссійскою губерніею на правахъ генералъ губернатора) къ тогдашнему малороссійскому губернатору Ив. Л. Бакуринскому, о приведеніи въ порядокъ разбросанныхъ по всей Малороссіи архивовъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ. Какъ видно изъ письма, графъ Солтыковъ желалъ всѣ эти архивы сосредоточить въ Черниговѣ, по распоряженіе это не было исполнено, такъ какъ въ такъ называемомъ архивѣ малороссійской коллегии, находившемся сначала въ Черниговѣ, а потомъ переведенномъ въ Харьковъ, никакихъ бумагъ, кромѣ доставленныхъ изъ Глухова, повидимому, не было. Да и глуховской архивъ, помѣщавшійся въ *разваливающемся* каменномъ домѣ, перевезенъ былъ въ Черниговъ далеко не весь, такъ какъ, по свидѣтельству глуховскаго старожила А. М. Марковича (1790—1865) — множество дѣлъ, оставшихся въ Глуховѣ послѣ открытія намѣстничества, за совершеннымъ непризоромъ, погнили и растасканы табашниками и пирожницами на обертки...»¹⁾).

¹⁾ Опис. Стар. Малороссія, II, 433.

«Высокородный и превосходительный господинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ малороссійскій губернаторъ и кавалеръ, милостивый государь мой!

По составленіи нынѣ малороссійской губерніи такимъ образомъ, что она заключаетъ въ себѣ, съ нѣкоторыми не большими перемѣнами, все то, изъ чего Малороссія до открытія намѣстничества состояла и повозобновленіи въ ней правленія и судопроизводства сходственнаго прежде существовавшимъ, я пашель за приличное, чтобъ въ Черниговѣ, которой сдѣланъ губернскимъ городомъ всей Малороссіи и которой потому заступилъ мѣсто Глухова, гдѣ прежде правительство всяя тоя страны находилось, составить архивъ всѣхъ дѣлъ, до Малороссіи касающихся и въ различныхъ мѣстахъ безъ призрѣнія, каковое требовалось бы, оставленныхъ. Какъ-же оныхъ большая часть находится въ Глуховѣ въ разваливающемся каменномъ домѣ, подъ смотрѣніемъ исключеннаго изъ службы порутчика Волчапецкаго, то я и препоручаю вашему превосходительству, принявъ мѣры къ назначенію въ Черниговѣ дома прочнаго и способнаго ко вмѣщенію всѣхъ тѣхъ бумагъ, сдѣлать распоряженія къ перевозкѣ оныхъ попервому зимнему пути, сперва изъ Глухова, а потомъ и изъ другихъ мѣстъ, гдѣ находятся. На сопряженныя съ перевозкою издержки, а равно на разобраніе всѣхъ дѣлъ, приведеніе ихъ въ порядокъ и смотрѣніе, къ чему опредѣлю я чиновниковъ, способныхъ къ выполненію всего того, можно будетъ употребить покудова сумму, остающуюся отъ назначенной поросписанію экспедиціи о государственныхъ доходахъ на городскую въ Кременчугѣ полицію, и въ 1344 руб. 40 коп. состоящую. Я навсегда пребуду съ почтеніемъ моимъ къ вамъ, м. г. мой, вашего превосходительства покорный слуга Т. Салтыковъ¹⁾,

Сообщилъ Ал. Ковалевскій.

О большомъ пожарѣ въ г. Нѣжинѣ въ 1797 году. Объ этомъ пожарѣ въ „указѣ“ Малороссійскаго губернскаго правленія отъ 4 октября 1797 г. изложено слѣдующее: «Слушавъ рапортъ нѣжинскаго городничего коллежскаго совѣтника Вольховскаго опослѣдовавшемъ прошлаго сентября 14 числа въ г. Нѣжинѣ пожарѣ, отъ котораго сгорѣло домовъ каменныхъ тридцать три, деревянныхъ семьдесятъ четыре, да въ Благовѣщенскомъ монастырѣ въ большой и тра-

¹⁾ Письмо писано изъ Кіева, 27 октября 1797 г.

везной церквѣ—одни только верхи, такъ же въ келіяхъ и въ домѣ нѣжинскаго малаго народнаго училища истреблены крыши, причемъ (городничій) доноситъ, что причина послѣдовавшаго пожара, по увѣренію постороннихъ, была та, что въ домѣ Протченка перетопливаемо было для здѣлки свѣчей сало, въ чемъ, хотя Протченко и дворовые его люди при слѣдствіи потавлись, и опричинѣ показали себя не свѣдущими, однако далѣе производится слѣдствіе. *Приказали:* какъ изъ онаго репорта не значится—настоящей причины послѣдовавшаго пожара, то нѣжинскому городничему кол. сов. Вольховскому предписать, чтобы опознанномъ пожарѣ учинилъ строгое аккуратнѣйшимъ образомъ изслѣдованіе, съ какого случая точно оной воспослѣдовалъ, стараяся всемѣрно открыть виновнаго и ежели найденъ будетъ, то поступилъ бы съ нимъ позаконамъ, и поисполненіи, репортовалъ правленію, не упусти донести и о томъ, былъ ли со стороны его къ пресѣченію сего пожара употреблены должныя способы и средства, и какіе именно, о чемъ и правительствующему сенату, въ посылаемомъ за прошедшій сентябрь мѣсяцъ осостояніи губерніи репортѣ, извѣстнить. Аотносительно причиннаго пожаремъ строенію народнаго училища поврежденія сообщить въ здѣшній приказъ общественнаго призрѣнія къ надлежащему опредѣленію. Что-жъ принадлежитъ до Благовѣщенскаго монастыря, объ немъ ожидать будетъ правленіе увѣдомленія со стороны духовной власти».

Сообщилъ Ал. Ковалевскій.

Народныя пѣсни Херсонскаго края.

А) Колыбельныя.

1.

Будь, вицю, весела,
 Та пойдимъ до сыла.
 Тамъ котыкъ меле,
 Кыда насыпае,
 А горобчыкъ, добрый хлопчыкъ
 На дудочку грае,
 А вороны, стары жоны
 Цышлы танцюваты,
 А сорокы билобокы
 Весело спываты,
 А ерѣкъ—та за дрыкъ,
 Пійшовъ розгавяты:

„Ой, годи вамъ, стары суки,
По ночамъ гуляты,
А на ничь, та въ маршаричь
Дитя колыхаты!“

(М. Глодоссы. Запис. Гр. Дахно).

2.

Гойды, гойды, гойдысю,
Займи нашу тылусю,
Та пожны въ толокы,
Тамъ травны по боки,
Та пожны на пасы
И до дому прыжны,
Надоимо молочка,
Напоимо козачка.

(М. Глодоссы. Запис. Гр. Дахно).

3.

Гойды гойдыпо!
Куда йидышь? по сино!
Возьми мене съ собою,
Буду тоби слугою
И волыкы попасу,
Обидаты прывнесу,
А ты будышь сино власти,
А я буду волю пасты,
Галушычекъ наварю,
Подоушычекъ постылю.

(М. Глодоссы. Запис. Гр. Дахно).

4.

Кить воркить
Та зъ виконичей смикъ,
А зъ виконця до долу,
У зелену дуброву,
А дибровонька шумить,
Наше мале дитя спить.

(М. Глодоссы. Запис. Гр. Дахно).

5.

Ой ну люли, котен два,
Ходятъ до насъ обы—два,
До нашой хатыны,
Колыхаты дытны,
Бо въ насъ дитя маленьке,
Воно спатен раденьке,

А щобъ спало, счастья мало,
Щобъ выросло — не болгло,
На голову, на все тѣло.
(М. Гюдоссы).

6.

Ой ну люли, коточку,
Та не сиды въ куточку,
Піймай соби мышку,
Та ходы въ колыску!
Мышка буде граты,
Ботыкъ танцюваты,
А дытна спаты.

(М. Гюдоссы). Кор. вар. у Чуб. IV, 26, № 34.

7.

Ой ну люли, коточокъ,
Та укравъ клубочокъ,
Та й понись до дочокъ;
„А нате вамъ, дочкы;
Клубокъ на сорочкы,
Шобъ вы голы не ходылы,
Шобъ васъ люди не судылы“.

(М. Гюдоссы). Ср. Чуб. IV, 21, № 17, В

8.

А-а-а люлята,
Паслы дивкы тылята
На попови толоци,
Тамъ травныци побаци,
А собаки сбрежылы,
Та попови сказылы,
А пилъ назъ полу,
Та выломавъ ногу,
А попада съ пачы,
Выломала плечы,
А наймыча зъ грубы,
Та побыла губы,
Дытна съ колыскы,
Та побыла шыжкы,
А баранъ снидъ лавы,
Дытну рогамы.

(Б. Виска. Запис. В. Харченко).

9.

Щука рыба въ мори грае,
А ичка спаты загае.

Я рыбоньки да паловлю,
 Вавички да наварю,
 Ой я его да накормлю,
 Ой я его заколмшу.
 А Ваничка буде спаты
 А я буду колыхаты.
 Колыбъ спало, счастья мало,
 Колыбъ росло, но болило,
 Ни на головку, ни на тило,
 Съ р. сточки въ косточку,
 Съ ножечки хотъ трошечки.

(Запис. отъ старухи изъ с. Сентова). Ср. Чуб. IV, 26, № 35.

В) Дѣтскія.

1.

Бигла кыця топытыся,
 А вовчокъ за нею дывытыся.
 Тыя кыця въ ополовку,
 А вовчокъ іа за головку
 Смыкъ до горн!
 (Б. Виска).

Вариантъ.

Бигло, бигло козвнятео ледкомъ,
 Воно бигло до полоуекъ,
 Та й унало у полоуеку,
 А цапочокъ за головку
 Смыкъ до горы!
 (Ново-архангельскъ. Запис. И. Шевко.

2.

Бомъ, бомъ!
 Горыть кыцинь домъ.
 Пишла кыця по водыцю,
 Та упала у кырныцю,
 Пишовъ котыкъ вытягиать,
 Та ставъ кыцю мордувать.
 (Тишковка. Запис. Мурашкинъ).

3.

Два пивнычка (2)
 Горохъ молотятъ,
 Дви курочки (2)
 Солому носятъ.
 Зайчыкъ-Стыпацчыкъ
 На скрыпочку грае,

А сорока билобока
 Пишла танцювати,
 А сова изъ гнизла
 Та очамы хлупъ, хлупъ!
 Ягъ бы миии ны диточки,
 Пишлабъ и я тупъ, тупъ!
 (Тишкова. Запис. Мурашкинъ).

4.

На городи вивли пасла,
 Назбирала горщикъ масла,
 А джечку сыра,
 Хлопцямъ разносила.
 Ёйжте, хлопцы да вмочайте,
 На сметану выбачайте!
 Я казала ковалю:
 Прыды, варошычкывъ изварю!
 Прышовъ коваль, не заставъ,
 Въ макторку посвыставъ.
 (Плетевый Ташлыкъ).

5.

Чырвогузе, дядку,
 Зробы миии хатку
 И ставокъ, и млынокъ,
 И цибули грядку!
 (Тишкова. Запис. Мурашкинъ).

В) Свадебныя.

Когда пекутъ шишки и коровай.

1.

Ой на хати та голубъ гуде,
 А въ свитловки та луна йде.
 Тамъ Оксена споряжаецця,
 Свого батынька пытаецця:
 „Порадь мене, ты, мій батынько,
 Стыкы миии та дружокъ браты“?
 —Быры, дою, всю родыночку
 И близькую, и далекоую,
 И убогую, и богатую.
 Богатые все напытыся,
 А убогіе подпытыся,
 Богатые все пыть та гулять,
 А убогіе у порога стоять,
 А никому порадоньыи дать.

2.

Ой пошлю я галочку на Украиночку
 По ридиую родыночку.
 Та нема галочки зь Украиночки.
 Та ни одиои родыночки.

(Б. Виска елис. у. запис. Т. Биланенко). Далекіе варр. у Чуб. IV, 67, № 5 и 283.
 № 716; Голов. II, 675.

2.

Пятинця почынаицца,
 Суботонька коравайицца,
 А недиленька маты,
 Поможи намъ шишокъ бгаты.

(д. Агацатовка елисау. у. Запис. И. Даленко).

4.

Якъ коровай мисылы,
 Медь—горилочку пилы.
 Дай, Боже, домысыты,
 То будемъ ще питы.
 Испылы на мидочку,
 Привизлы на визочку,
 Чорнявому коровай мисылы,
 Русявы заглядали,
 Та й соби переймалы.

(Тамъ-же записано, тѣмъ же лицомъ).

Когда невѣста ходитъ по селу приглашать на веселья.

5.

Ой високо сонце вгору йде,
 А вже жь наша Оксана зь двору йде,
 Червоною калыною квичаная,
 Червони чоботкы на нози,
 Шо купывъ Павлуша въ дорозы.

(С. Григоро-Денисовка александрійск. у. Запис. А. Иллчовская).

6.

Посыляны, городяны, просымо васъ,
 Пропустите дориженьку за для насъ,
 Ныхай перейде родына,
 Шобъ дорога була счаслыва,
 Бо въ насъ лыстонынъ отъ короля,
 Шобъ наша дорога проста була.

(Записана тамъ же, тѣмъ же лицомъ).

7.

Стелься, хмѣлю, по тыну,
 А ты, золотого, по ёму,

Бо йде дивчина до дому.
 Помалу, боаре, коньки гонять,
 Нашого винограду не покомыть,
 Бо нашъ виноградъ самъ порисъ,
 Гуды нашу дивчину Богъ понисъ.

(Б. Виска елисаев. у. Запис. Т. Биланенко). Начало у Чуб. IV, 280, №, 704.

8.

По той бячокъ ставу
 Ключе павычь паву:
 „Иды, иды, моя павочко,
 Та й до мене (на) порадочку
 Въ вышневый садочоць,
 На жогтнй писочоць
 Щипать ягодоцоць.

(Тамъ-же записано тѣмъ-же). Дал. вар. въ Кіев. Ст. 1890 г. іюль, прил., 136, № 33

9.

Сяду впаду орлицю передъ горныцею,
 Стрепену я крылячками помежь дружечками.

(Д. Арнаутовка елисаев. у. Запис. А. Янковскій). Дал. вар. у Чуб., IV, 120 № 146.

10.

Болят у мене, моя ненько, крыжечя,
 Падаючи добрымъ людемъ въ нижечки,
 Старому (й) малому (й) Богови сватому.
 (д. Акацатовка елисаев. у. Запис. И. Даленко).

11.

Ой, то ны гримь гримыть,
 То Марія бжыть
 Широкими вулицками
 Зъ молодими дружичками.

12.

Широкій лыць на каляны,
 Все дружен ленты погубилы.
 Лышь Марія ны згубила,
 Бо Василя полюбила.
 (Тамъ-же, записаны тѣмъ-же).

13.

Горобчыку маленький,
 Въ тебе голосъ тоненькый,
 Дай мой меньце знаты,
 Що я вже коло хаты.
 (Тамъ-же, записано тѣмъ-же).

Возвратившись домой, передъ домою невѣсты:

14.

Скрыпавши воритичка уже не скриплять,
 Десь у мого батенька вси сплять,
 Десь у мого батенька носнулы,
 А за мене, молодую, забулы.

(с. Григоро-Денисовка александр. у. Запис. А. Илячевская).

Во время ужина у невесты:

15.

Ой поидь горы пыныця ланами,
 Та рано, рано, та рапесенько¹⁾.
 Молода Оксанко, вечерай изь мамы!
 Мои подружечкы, вечерайте сами,
 Уже жь мии не гулять изь мамы!

(с. Григоро-Денисовка алекс. у. Запис. А. Иличовская).

16.

Ой, ны сьды, Оксанко, бокомъ,
 Це жь тоби ны нарокомъ,
 Прысунься близенько,
 Це жь твое серденько.

(Тамъ же, записана тѣмъ-же лицомъ).

17.

Встань, Оксанко, подывись,
 Частуе батынько, поклонись,
 Бо такъ, Оксанко, годытця:
 Частуе батынько—к'оньця (тоже).

Поють дружки:

18.

Вы, буары, вы, чужесторонци,
 Ны бырыть по повни ложки,
 Вырыть по половинци,
 Шобъ стало всій родынци,
 Бо въ Оксаны ридь выльвѣй,
 Шобъ стало обдыты. (Тоже).

19.

Лытивъ чорный воронъ.
 Майте, буары, соромъ!
 Десь вы сорому ны бонтеся,
 Шо вы дома ны найнстися (Тоже).

Въ воскресенье, когда вводить молодого въ домъ молодой:

¹⁾ Припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха.

20.

Та ны сюды, ны туды, Иванко, иды!
 Возьми Явдошку видведы,
 Не сядай, Иванко, бокомъ,
 Це жъ тоби ненарокомъ,
 Сядь соби прамесенько,
 Коля любишь вириесенько.
 Тоби, дружко, дружкуваты,
 Молодому пауваты,
 Шо вмѣ цилуваты.

(Записано отъ женщины изъ с. Алексѣевки елисаветгр. у.).

При выкупѣ молодой поють свашки:

21.

Ой, дивны люди городяны,
 Ше й дивнѣйши послаяны:
 За чарку горилки
 Ны пускають до дивки!

(д. Арнаутовка елисаветгр. у. Запис. А. Янковскій).

Когда молодой сядетъ съ молодою.

22.

Ше жъ наша тарилочка ны циночана,
 Ше жъ наша Таричка ны цилувана.
 Мы свою тарилочку оципуемъ,
 Мы свою Таричку поцилуемъ. (Гоже).

Если свашка забудетъ одарить дружекъ шишками, тогда дружки поють:

23.

Свашка ны липашка,
 Шишокъ ны липыла,
 Дружокъ ны дарыла,
 Одну злипыла зъ сына,
 Та й ту сама зыла.

(с. Григорово-Денисовка александр. у. Запис. А. Иллчевская).

Когда бояре рѣжутъ хлѣбъ, дружки поють:

24.

Йнжте вы, бояре, йнжте,
 Та въ долони рижте,
 Шобъ ваши долони щимилы,
 Шобъ ваши перстени звинилы,
 Шобъ васъ дружечки любилы,
 Въ чужій сторици хвалилы.

(д. Арнаутовка елисаветгр. у. Запис. А. Янковскій).

Когда коровой рѣжутъ:

25.

Вы на Бога гляньте,
 Пилошвы не крайте,
 Музыци оставте! (Тамъ же).

По возвращеніи въ хату со двора, послѣ танцевъ:

26.

Думай, думай ты, Оксанко, думай та — гадай
 Брысты тоби дви ричевькы, а третій, Дунай!
 Перебреху дви риченькы, а Дунаю ти,
 За Дунаемъ черешенька зъ агидкамы,
 А вже жъ мини имъ ходыты зъ дивочкамы.
 (Григоро Девисовка; А. Иллчевская).

Когда покрываютъ молоду, дружки поютъ:

27.

Ваша кибалка поганка,
 Наша китайка коханка.
 Вашу кибалку пидъ стиль,
 Нашу китайку на стиль.
 (Арнаутовка. А. Яиковскій).

Когда ведутъ старшую дружку домой:

28.

Ой, помалу, буары, дружку ведите,
 На ней сорочкы не порвите,
 На ней сорочка шовкова,
 Вона дочка попава. (Тамъ же).

Свашка, сиди на возу, на подушкахъ, поетъ:

29.

Хо-хо, зитиньку, хо-хо,
 Наши подушки съ пуху,
 Кто буде на ихъ спаты,
 Той буде выкупляты. (Тамъ же).

• При выѣздѣ молодыхъ:

30.

Остаюцца лавы, прылавкы,
 И прыпичкы, малёваны кльнцы.
 А хто буде малюваты,
 Якъ возьмутъ Явдоху съ хаты?
 (Б. Виска. Запис. Т. Билаенко).

По приѣздѣ къ молодому:

31.

Старый оселедько
 Не стоять за рѣдку,
 Не успивъ оживицця,
 Става жанка быцця (Тамъ же)

Въ понедѣльникъ, когда молодые ходятъ съ подарками:

32.

Ны стывайтесь, берегы,
 Ны зглядайтесь, ворогы!
 Пыела Оксана пирогы,
 Хоть ны пшыннышы, то жытны,
 Своему родови сподатни.
 (Григоро-Денисовка. А. Иллчевская).

33.

Ой свать добрый, а сваха лыхал:
 Наварыла варенци, а намъ ны давала. (Тоже).

34.

Ой, ны гны(вы)ся, сватовъку, вы гны(вы)ся
 Есть у тебе на кошари ягныця,
 Вывыди на базаръ та продай,
 Намъ горилочки разгадай. (Тоже).

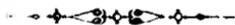
35.

А въ нашего свата
 То съ сего, то съ того хата,
 Зъ билон березы,
 Приданы тверези. (Тоже).

36.

Кучугуръ, кучугуръ на сватову хату!
 Якъ ны дасы горилочки, переворнымъ хату!
 Винъ кудрями затресе, горилочки привесе,
 Лисною блисне—горилочек тысне. (Тоже).

Сообщилъ В. Н. Ястребовъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Новѣйшія статистическія изданія Полтавскаго Губернскаго Земства.

Намъ только что получены послѣдніе два изъ изданныхъ Полтавскимъ земскимъ статистическимъ бюро «Сборникъ по хозяйственной статистикѣ полтавской губерніи»: Сборникъ по роменскому (т. XII) и иврянскому (т. XV) уѣздамъ, изданіе конхъ помѣчено (въ предисловіяхъ къ нимъ) октябремъ—декабремъ 1893 года. За годъ до этого полтавскимъ бюро изданы были въ свѣтъ тоже два тома, а именно: Сборникъ по хозяйственной статистикѣ Лохвицкаго (т. XIII) и Кобелякскаго (т. XI) уѣздовъ, о которыхъ также еще не было отзывается въ нашемъ журналѣ.

За изданіемъ названныхъ сборниковъ можно ожидать, что въ 1894 году работы полтавскаго земско-статистическаго бюро по хозяйственному описанію губерніи будутъ закончены выпускомъ въ свѣтъ Сборника по константиноградскому уѣзду, послѣ чего, надо надѣяться, губернскае земство поручитъ своему бюро сводку собранныхъ данныхъ по всей губерніи.

Изданіе этого свода итоговъ, полученныхъ при изслѣдованіи всѣхъ 15 уѣздовъ губерніи, вмѣстѣ съ общимъ обзоромъ главнѣйшихъ ея хозяйственныхъ условій въ текстовой разработкѣ по тѣмъ же отдѣламъ, по которымъ производилась эта разработка по каждому уѣзду въ отдѣльности, было бы желательно по многимъ причинамъ. Сборники по описанію нѣкоторыхъ уѣздовъ въ настоящее время стали уже до извѣстной степени библиографическою рѣдкостью, (такъ какъ въ продажѣ ихъ не имѣется); на ряду съ этимъ размѣры нѣкоторыхъ сборниковъ на столько велики, и всѣ они, въ совокупности, составляютъ настолько объемистое изданіе, что необходимую сводку матеріаловъ по цѣлой губерніи можетъ въ надлежащей подробности со-

ставить именно то самое бюро, которое составляло описаніе отдѣльных уѣздовъ, а потому въ достаточной степени знакомо, какъ со свойствами собраннаго матеріала, такъ съ полученными изъ него по каждому уѣзду выводами. Помянутый сводъ свѣдѣній по цѣлой губерніи могъ бы имѣть, между прочимъ, еще и то значеніе, что, давъ цѣльное и ясное представленіе объ экономическихъ условіяхъ жизни сельскаго населенія губерніи въ ея цѣломъ, вмѣстѣ съ тѣмъ способствовалъ бы и лучшей постановкѣ дѣла обще — губернской оцѣнки въ цѣляхъ установленія правильнаго земскаго обложенія. Нельзя только не пожалѣть, что поуѣздная разработка статистическихъ матеріаловъ затянулась по полтавской губерніи на столь значительный періодъ времени. Первый выпускъ перваго тома сборника по хозяйственной статистикѣ полтавской губерніи (зѣньковский у., т. I, ч. I) изданъ былъ, какъ извѣстно, въ декабрѣ 1882 года; послѣдній, какъ мы сказали, ожидается въ 1894 году; слѣдовательно работы по описанію губерніи затянулись почти на 12 лѣтъ. Въ дѣйствительности, собственно мѣстное изслѣдованіе, какъ видно изъ предисловія къ послѣднимъ вышедшимъ сборникамъ по названнымъ выше уѣздамъ, закончено было въ 1889—1890 гг., такъ что заняло всего около 8 лѣтъ, но и это все таки много, если смотрѣть на дѣло съ точки зрѣнія сравнимости между собой данныхъ, добытыхъ въ столь отдаленное другъ отъ друга время. Отнюдь не думая относить это къ винѣ самого бюро, ограниченаго въ своемъ составѣ размѣрами средствъ, ежегодно ассигнуемыхъ на веденіе статистики земствомъ и, несомнѣнно, не имѣвшаго возможности исполнить работу скорѣе того, чѣмъ она была исполнена, при необходимости подробной разработки данныхъ по каждому уѣзду и, наконецъ, при наличности такой крупной перемѣны въ ея рабочемъ составѣ, какъ смѣна завѣдующаго работами (вслѣдствіе кончины Н. А. Терешкевича), — мы хотимъ только сказать, что обще — губернская сводка имѣла бы еще и то въ высокой степени важное значеніе, что, при нѣкоторомъ подновленіи наиболѣе устарѣвшихъ данныхъ, увеличила бы сравнимость собранныхъ матеріаловъ.

Всѣ четыре сборника по названнымъ выше уѣздамъ обработаны и изданы подъ редакціей завѣдующаго статистическимъ бюро, г. Кулябко-Корецкаго, причемъ на завѣдующемъ лежало лишь наблюденіе, контроль и руководство ходомъ работъ, такъ какъ ни въ мѣстныхъ изслѣдованіяхъ, ни въ текстовой разработкѣ матеріала (составленіе отдѣльныхъ главъ по общему описанію каждаго уѣзда) онъ не участвовалъ. Не находя объясненія этому въ самихъ изданныхъ сборникахъ, мы

можемъ, съ значительною долею вѣроятности, объяснить это тою трудностью, которая безусловно неизбѣжна при обработкѣ статистическаго матеріала, собраннаго безъ участія завѣдующаго. Обработывать такой матеріалъ всегда должны по возможности именно тѣ лица, которые принимали личное участіе въ его собираніи и не только знаютъ въ деталяхъ всѣ его недостатки и особенности, но и самолично ознакомились уже съ экономической фізіономіей каждаго подлежащаго описанію уѣзда.

Названные Сборники составлены, въ общемъ, по образцу описаній прежде изслѣдованныхъ уѣздовъ. Данные подворной переписи разработаны въ видѣ однихъ только посленныхъ таблицъ, безъ приложенія какихъ бы то ни было групповыхъ или комбинаціонныхъ подсчетовъ; при этомъ поселенный подсчетъ данныхъ по каждому поселку проведенъ особо для каждой сословной группы мѣстнаго населенія, сводка же подворныхъ данныхъ, какъ и въ предшествующихъ изданіяхъ, произведена не только поволостная и по-сословная, но также и по-районная. Вся текстовая разработка тоже приурочена, по возможности, къ обстоятельному выясненію и характеристикѣ естественныхъ районовъ каждаго уѣзда.

Къ поселеннымъ таблицамъ приложены обстоятельно составленные «примѣчанія», въ видѣ описанія отдѣльныхъ селеній. Можно пожалѣть только, что описанію поселеній каждой отдѣльной волости не предшествуетъ общій обзоръ главнѣйшихъ, типичнѣйшихъ экономическихъ ея особенностей. При такомъ—конечно, краткомъ—обзорѣ волости, многое, что приходится повторять при послѣдовательномъ изложеніи примѣчаній къ каждому селенію, вошло бы уже въ этотъ общій очеркъ волости. Этимъ было бы достигнуто значительное сокращеніе примѣчаній, занимающихъ въ каждомъ сборникѣ довольно много мѣста, и вмѣстѣ съ тѣмъ такая сводка значительно облегчила бы ознакомленіе съ каждой волостью въ отдѣльности, а также и сравненіе ихъ другъ съ другомъ.

Изложеніе всѣхъ тѣхъ выводовъ, къ которымъ привело статистическое изслѣдованіе названныхъ выше 4-хъ уѣздовъ, и которые изложены свыше чѣмъ на 3600 страницахъ убористой печати, потребовало бы слишкомъ много мѣста, и настоящая замѣтка, неизбѣжно, разрослась бы за предѣлы бібліографическаго отзыва. Поэтому въ данномъ случаѣ мы остановимся только на болѣе интересующихъ насъ отдѣлахъ разбираемаго изданія, именно на главахъ, трактующихъ о распредѣленіи земельной собственности, о формахъ землевладѣнія въ

названныхъ уѣздахъ, высказавъ при этомъ нѣкоторыя собственныя соображенія по поводу сообщаемыхъ Сборниками фактовъ.

Роменскій уѣздъ, какъ оказывается по собраннымъ даннымъ, можетъ быть названъ, по преимуществу, дворянскимъ уѣздомъ—съ той точки зрѣнія, что въ немъ «дворянское землевладѣніе занимаетъ болѣе выдающееся мѣсто среди частнаго землевладѣнія, чѣмъ вообще въ губерніи» и «наибольшее количество земель частновладѣльческихъ принадлежитъ крупнымъ имѣніямъ дворянъ, сохранившихъ въ этомъ уѣздѣ свои помѣстья болѣе прочно, чѣмъ въ другихъ уѣздахъ полтавской губерніи». Наиболѣе крупныя имѣнія принадлежатъ въ немъ дворянамъ (17 имѣній отъ 500 до 1000 десятинъ, девять имѣній свыше 1000 десятинъ). Владѣнія купцовъ не превышаетъ 900 десятинъ, духовенства—300, а евреевъ и мѣщанъ—200 десятинъ. Въстѣ съ тѣмъ наибольшее число частныхъ владѣльцевъ (75⁰/₁₀₀) имѣтъ меньше 50 десятинъ каждый, болѣе 20⁰/₁₀₀ ихъ имѣютъ отъ 50—500 десятинъ, и только около 3⁰/₁₀₀—болѣе 500 десятинъ; эту послѣднюю группу и составляютъ только дворяне. Послѣдніе, вмѣстѣ съ чиновниками, держатъ въ своихъ рукахъ 87,8⁰/₁₀₀ общаго количества частновладѣльческихъ земель, купцы только 5,1⁰/₁₀₀, духовенство—4,4⁰/₁₀₀ и мѣщане съ евреями—2,7⁰/₁₀₀. При всемъ этомъ, однако, сравненіе количества земель частнаго владѣнія съ размѣрами землевладѣнія крестьянскаго приводитъ къ убѣжденію, что земли перваго рода составляютъ только 40⁰/₁₀₀ всѣхъ земель въ уѣздѣ, слѣдовательно, крестьянское землевладѣніе все таки преобладаетъ надъ частновладѣльческимъ. Если же сравнить другъ съ другомъ число частныхъ владѣльцевъ съ количествомъ фактически владѣющихъ землею хозяйствъ въ сельскихъ обществахъ (казацкихъ, крестьянскихъ, мѣщанскихъ), то первые составляютъ всего около 4⁰/₁₀₀ общаго числа владѣющихъ землею, а послѣдніе (т. е. представители крестьянскаго землевладѣнія)—96⁰/₁₀₀; подобно этому средній размѣръ владѣнія (на 1 владѣльца) у послѣднихъ не достигаетъ 6 десятинъ, а у частныхъ владѣльцевъ превышаетъ 80 десятинъ на одного. Подобное же отношеніе сохраняется и въ лохвицкомъ уѣздѣ, (около 6 десятинъ—на владѣльца, принадлежащаго къ сельскимъ обществамъ, и 76 десятинъ на частнаго владѣльца), при чемъ землевладѣніе частное составляетъ 41, а сельскообщественное 59⁰/₁₀₀ общаго количества земель въ этомъ уѣздѣ; дворянамъ по количеству земли принадлежитъ тоже первое мѣсто (83⁰/₁₀₀ всѣхъ земель частнаго владѣнія) въ сферѣ частнаго владѣнія, причемъ въ общемъ числѣ частныхъ владѣльцевъ дворяне составляютъ

52%. Въ ириятинскомъ уѣздѣ хотя мелкіе частныя владѣльцы (до 50 десятинъ) и составляютъ громадное большинство частныхъ владѣльцевъ этого уѣзда -- 71% (въ лохвицкомъ уѣздѣ 75%), но площадь земли, имъ принадлежащей, занимаетъ только 7% (въ лохвицкомъ уѣздѣ около 12%) всей площади частнаго землевладѣнія. Дворянское землевладѣніе по количеству земли даетъ 91% всѣхъ земель частнаго владѣнія, а во числу владѣльцевъ свыше 50%. Въ общемъ, частное землевладѣніе даетъ 56,5, а сельско-общественное 43,5% земель въ уѣздѣ, причемъ средній размѣръ частнаго владѣнія 112 десятинъ на владѣльца, а сельско-общественнаго по 5 десятинъ на хозяйство. Наоборотъ, въ кобелякскомъ уѣздѣ $\frac{3}{5}$ удобной земли уѣзда находится въ владѣніи сельскихъ сословій, вслѣдствіе чего этотъ уѣздъ можно назвать, по преимуществу, уѣздомъ съ преобладаніемъ сельско-сословнаго землевладѣнія, и въ этомъ отношеніи онъ занимаетъ, какъ оказывается, первое мѣсто среди другихъ (раньше его описанныхъ) уѣздовъ полтавской губерніи, гдѣ площадь земли, принадлежащая сельскимъ сословіямъ, колеблется между 43% (полтавскій у.) и 56% (зѣньковскій уѣздъ). При этомъ средніе размѣры землевладѣнія таковы: у сельскихъ сословій по 7 съ небольшимъ десятинъ на дворъ, у частныхъ владѣльцевъ 77 десятинъ въ среднемъ на одного. Дворяне составляютъ $\frac{3}{5}$ общаго числа частныхъ владѣльцевъ въ уѣздѣ, и имъ принадлежить болѣе $\frac{4}{5}$ частно-владѣльческой земли; они же и самыя крупныя частныя владѣльцы въ уѣздѣ.

Формы землевладѣнія всѣхъ вообще сельскихъ сословій (считая въ томъ числѣ дворянъ, духовенство, купцовъ, и мѣщанъ, владѣющихъ землями не въ городѣ, а также и лицъ, входящихъ въ административномъ отношеніи въ составъ сельскихъ обществъ и волостей) въ полтавской губерніи опредѣлены актомъ генеральнаго межеванія ея 1858—1884 годахъ, т. е. въ тотъ періодъ, когда рядомъ законовъ опредѣлены были и права земельной собственности крестьянъ разныхъ наименованій. На основаніи правъ, существовавшихъ въ губерніи прежде, и цѣлаго ряда полюбовныхъ соглашеній между владѣльцами, всѣ земли полтавской губерніи, а слѣдовательно и роменскаго уѣзда, раздѣлены были на два разряда: особняки или отрубные участки, въ которыхъ землевладѣлецъ не стѣсненъ ничѣмъ постороннимъ личнымъ или общественнымъ правомъ, и черезполосные районы, въ которыхъ право хозяйничать на своихъ полевыхъ участкахъ ограничено установленною трехпольною системою хозяйства, при чемъ $\frac{1}{3}$ часть пая каждаго владѣльца, какова бы сословія онъ ни былъ, еже-

годно поступаеть въ общее пользованіе владѣльцевъ, отмежеванныхъ вмѣстѣ съ нимъ въ одинъ общесмѣнный трехпольный районъ. Какъ отрубные особняки, такъ общесмѣнные земли, отмежеванныя одни отъ другихъ, сохраняють свои свойства при переходѣ изъ руки лицъ того или другаго сословія, привилегированныхъ или непривилегированныхъ.

Сдѣлавъ это необходимое разъясненіе и приступая затѣмъ къ выясненію формъ землевладѣнія въ сферѣ земель, принадлежащихъ сельскому—преимущественно, козацкому и крестьянскому—сословіямъ «на правѣ личнаго пользованія», составители XII тома (по роменскому уѣзду) оговариваются, что «о земляхъ личнаго пользованія членовъ сельскихъ обществъ и владѣнія ихъ отрубными участками на хуторахъ (мы) совершенно умолчимъ, *предполагая* ¹⁾, что они вѣдѣмъ не отличаются отъ формъ частнаго личнаго владѣнія и пользованія лицъ привилегированныхъ сословій». Признавая такое предположеніе, въ общемъ, весьма основательнымъ, мы не можемъ не высказать, съ своей стороны, сожалѣнія, что изслѣдователи, въ виду одной только вѣроятности подобнаго предположенія, не попробовали все таки завязаться ихъ изученіемъ. При отсутствіи послѣдняго, мы можемъ судить о формахъ владѣнія въ средѣ сельскихъ сословій землями отрубными и владѣемыми «на правахъ личнаго пользованія» только по аналогіи, на которую указываютъ сами изслѣдователи, т. е. именно только по *предположенію*. Между тѣмъ самая распространенность «участковаго»—подворно-васлѣдственнаго владѣнія въ сферѣ земель сельско-общественныхъ даетъ нѣкоторое основаніе думать, что вѣкоторыя бытовые особенности относительно права владѣнія, пользованія, васлѣдованія по мужской и женской линіи, перехода земель при семейныхъ раздѣлахъ, пользованія землями выморочными и проч., которыя такъ подробно описывается въ Полтавскихъ сборникахъ въ отношеніи земель сельскихъ обществъ, могли хотя бы въ отдѣльныхъ случаяхъ, хотя бы въ малой мѣрѣ и лишь въ вѣкоторыхъ мѣстностяхъ, перенестись и на земли отрубныя, или на земли, принадлежащія лицамъ сельскихъ сословій «на правахъ личнаго пользованія». Вопросъ этотъ о вліяніи бытовыхъ особенностей весьма интересенъ и могъ бы быть выясненъ только детальнымъ изученіемъ, которое даже и въ томъ случаѣ, если бы оправдались предположенія изслѣдователей, все таки оказалось бы въ извѣстномъ выигрышѣ, превративъ болѣе или менѣе вѣроятное *предположеніе* въ *констатированный изслѣдованіемъ фактъ*, уже не подлежащій сомнѣнію.

¹⁾ Курявскъ нашъ.

Данное изслѣдованіе констатируетъ относительно участковыхъ земель увеличивающееся ихъ дробленіе, ведущее къ обезземеленію, (роменскій уѣздъ) и вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ на увеличеніе власти «громады» по отношенію къ выморочнымъ землямъ и къ землямъ, «особенно размножающихся за послѣдніе годы», переселенцевъ. Выморочные участки, оставшіеся послѣ смерти членовъ общества, дѣлаются общимъ достояніемъ громады, которая и распоряжается ими по своему усмотрѣнію, (роменскій, лохвицкій, кобелякскій уѣзды), какъ распоряжается нерѣдко и проданными переселенцами участками, особенно, если переселенцы возвращаются домой послѣ неудачныхъ переселеній (роменскій у.). Въ лохвицкомъ уѣздѣ дѣлающая раскладку податей и недоимокъ громада, въ виду общественныхъ нуждъ, начинаетъ даже ограничивать право собственности отдѣльныхъ членовъ передачею имущества другимъ членамъ, а не прямымъ наслѣдникамъ, хотя въ подобныхъ распоряженіяхъ громады, по мнѣнію изслѣдователей, «можно видѣть проявленіе ея власти не только по отношенію къ праву собственности членовъ, сколько по соотношенію къ ихъ личному труду, который «считается основой для добыванія доходовъ». Въ пирятинскомъ уѣздѣ, гдѣ права громады на землю отдѣльныхъ членовъ проявляются только на выморочныхъ земляхъ, она иногда присваиваетъ себѣ и право рѣшенія дѣлъ по неправильному завладѣнію земли. Явленія этого порядка указываютъ на происходящія въ участковомъ владѣніи измѣненія коренныхъ устоевъ подворно-наслѣдственного владѣнія, при которомъ, — въ его чистомъ въ видѣ — владѣлецъ земли является полноправнымъ и единственнымъ ея распорядителемъ, а громада не имѣетъ никакихъ правъ на землю отдѣльныхъ членовъ. Но измѣненія эти вообще очень слабы и хотя, въ извѣстномъ смыслѣ, и представляютъ переходъ къ общинѣ, при которой именно громада пріобрѣтаетъ верховныя права на находящіяся у отдѣльныхъ членовъ земли, но далеко еще не даетъ права думать, чтобы населеніе склонилось къ общинной формѣ землевладѣнія. Не доказываютъ этого и замѣченные изслѣдованіемъ факты существованія земельныхъ передѣловъ въ отдѣльныхъ обществахъ, такъ какъ факты эти весьма малочислены и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, объясняются извѣстными мѣстными особенностями.

Въ лохвицкомъ уѣздѣ встрѣчается лишь одинъ случай общиннаго владѣнія въ средѣ крестьянъ с. Свѣтличнаго. Село это принадлежало раньше женскому монастырю и еще въ то время крестьяне практиковали земельные передѣлы; послѣдній изъ нихъ былъ въ 1887

году, причѣмъ земля была раздѣлена не только по мужскимъ, но и по женскимъ душамъ. Къ сожалѣнію, можно только предполагать, что существованіе общины въ этомъ селеніи вызвано какими либо особенностями его прежняго быта подъ властью монастыря, такъ какъ изслѣдованіе не выяснило исторіи происхожденія данной общины, ограничившись лишь констатированіемъ интереснаго факта. По роменскому уѣзду указано 6 случаевъ душеваго общиннаго владѣнія съ періодическими передѣлами полевой земли. Въ одномъ изъ нихъ (общество Чернецкаго и Загойкова хуторовъ) причиною передѣла послужилъ уходъ 11 хозяевъ, бросившихъ свои надѣлы въ пользу общества, въ другомъ (с. Гривки)—не только уходъ части хозяевъ, но и накопленіе надѣловъ выморочныхъ, никому лично не принадлежащихъ. Въ двухъ (Чернечья Слобода и х. Снѣжки) мотивомъ передѣла выставлено въ приговорахъ желаніе крестьянъ «уравнять владѣніе» и «поддержать благосостояніе», причѣмъ земля въ Снѣжкахъ, какъ и въ указанномъ случаѣ по лохвицкому уѣзду, тоже раздѣлена по душамъ обоюго пола—по всѣмъ «ѣдовамъ». Выставленный въ приговорѣ мотивъ не объясняетъ однако исторіи возникновенія общины въ этихъ двухъ селеніяхъ на почвѣ подворнаго землевладѣнія; зная всю трудность такого перехода, можно думать, что не одинъ этотъ мотивъ руководилъ крестьянами, когда они впервые рѣшились на передѣлъ подворныхъ земель, и были какія либо нынѣ, болѣе, такъ сказать, ощутительныя причины, въ родѣ, напр., тѣхъ, какія были замѣчены въ Чернецкомъ, Загойковѣ и Гривкахъ, гдѣ стремленіе членовъ общества воспользоваться оставшимися за обществомъ землями, при сознаніи одинаковости правъ каждаго на «общескую» землю, вынудило крестьянъ произвести общій земельный передѣлъ въ виду того, что въ данный моментъ всѣмъ или большинству хозяевъ онъ былъ выгоднѣе стараго порядка. Къ сожалѣнію, изслѣдованіе не даетъ исторіи происхожденія общины въ названныхъ селеніяхъ. Надо замѣтить при этомъ, что нѣкоторые изъ описанныхъ случаевъ перехода къ общинному владѣнію, повидимому, не содержатъ въ себѣ данныхъ для дальнѣйшаго существованія общины, напр.: м. Хмѣлѣво, раздѣлившее (неизвѣстно почему) казенно-надѣльныя земли въ 1866 г. на ревизскія души, ходатайствомъ своимъ о *выкупъ земель въ видѣ подворныхъ частковъ* съ несомнѣнностью доказываетъ, что произведенный передѣлъ имѣлъ цѣлью установить *прежнее подворное* владѣніе, но только при новомъ распредѣленіи земли между членами общества. Особенности причины передѣловъ въ Гришевкѣ, Снѣжкахъ, а также и

въ Малыхъ Будкахъ, гдѣ первый передѣлъ былъ слѣдствіемъ отрѣзки отъ общества части подворно-распредѣленнаго уже налѣла въ чужія руки, тоже не даютъ основанія предполагать прочность новоустановленной формы владѣнія, такъ какъ съ производствомъ передѣла въ послѣдующемъ можетъ уже и не оказаться тѣхъ особенныхъ причинъ, которыя неизбежно привели крестьянъ къ необходимости уравнительной разверстки земельного владѣнія.

Среди 232-хъ обществъ крестьянъ—собственниковъ приртинскаго уѣзда передѣлы—и то единовременные—были только въ двухъ обществахъ: въ одномъ—вслѣдствіе отрѣзки части земли послѣ отвода надѣла, въ другомъ—вслѣдствіе прирѣзки участка земли къ надѣлу. У казенныхъ же крестьянъ этого уѣзда передѣлы, введенные у нихъ при устройствѣ ихъ поземельнаго быта въ 1839 г., удержались въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до настоящаго времени, а именно: изъ 58 «въ 10 обществахъ замѣчается склонность къ передѣламъ, при чемъ въ послѣдніе годы за единицу уравнинія принимается уже не ревизская душа, а наличная душа мужскаго пола». Но самаго широкаго распространенія общинная форма землевладѣнія достигла въ южномъ, кобелякскомъ уѣздѣ. Въ прежде описанныхъ 11 уѣздахъ полтавской губерніи общинная форма владѣнія землею замѣчалась, за самыми малыми исключеніями, преимущественно только у казенныхъ крестьянъ; здѣсь же, на ряду съ послѣдними, общинное землевладѣніе имѣетъ мѣсто и у воинскихъ поселянъ, и у казаковъ и у крестьянъ-собственниковъ, при чемъ казачье общинное землевладѣніе, по крайней мѣрѣ, мѣстами, оказывается даже довольно устойчивымъ. Есть общины, производящія передѣлы земель періодически, черезъ извѣстные сроки, есть и такія, которыя произвели только по одному передѣлу; при этомъ техника передѣловъ доведена мѣстами уже и до извѣстнаго совершенства. Мѣстами, кромѣ пашенъ и покосовъ, идетъ въ передѣлъ и лѣсъ.

Въ формахъ пользованія землями, находящимися въ хозяйственномъ распоряженіи цѣлыхъ обществъ, т. е. выгонами и «общественными» землями, кобелякскій уѣздъ, хотя и представляетъ большое разнообразіе, но также выдѣляется присутствіемъ общинныхъ элементовъ. Такъ, напр., одна изъ формъ пользованія общественными землями заключается въ этомъ уѣздѣ въ томъ, что работы (рубка лѣса, косьба сѣна) производятся всѣмъ обществомъ, а продукты распределяются между членами общества по числу дворовъ, душъ или по инымъ основаніямъ. Мѣстами общественныя земли дѣлятся между чле-

нами общества на тѣхъ же началахъ, на коихъ передѣляется земля при общинномъ землевладѣніи между членами общины, т. е. при посредствѣ періодическихъ и не періодическихъ передѣловъ, производимыхъ по извѣстнымъ единицамъ и основаніямъ. Въ то время, какъ въ помянутыхъ выше уѣздахъ товарищескія покупки земель крестьянами при помощи крестьянскаго банка, обыкновенно, сопровождаются *неравномѣрнымъ* распредѣленіемъ покупаемой земли между сопокупщиками, въ кобелякскомъ уѣздѣ «раздѣлъ купленной земли при содѣйствіи крестьянскаго банка между членами товарищества производился, въ большинствѣ случаевъ, на *равныя* доли по числу покупателей и сравнительно, рѣже неравномѣрно».

Въ матеріалахъ по кобелякскому уѣзду указывается также на присутствіе въ уѣздѣ общественныхъ запашекъ. Мѣстами онѣ введены по собственной инициативѣ крестьянъ, мѣстами по приказанію свыше; работы на запашкахъ производятся, обыкновенно, сообща, всѣмъ обществомъ. Практикуются запашки всего лишь въ 15—20 селеніяхъ и, повидному, не располагаютъ особыми шансами для своего развитія и распространенія. Намъ думается, что такъ оно всегда и должно быть въ мѣстностяхъ, гдѣ преобладаетъ подворно-наслѣдственная форма владѣнія, которая сама по себѣ составляетъ—въ отношеніи выдѣла земель подъ запашки—извѣстное препятствіе устройству общественныхъ запашекъ, точно такъ же, какъ отсутствіе въ населеніи общинныхъ традицій не благоприятствуетъ примѣненію артельного труда на тѣхъ же запашкахъ. Ислѣдованіе дѣйствительно констатируетъ, что развитію запашекъ мѣшаетъ въ кобелякскомъ уѣздѣ недостатокъ свободныхъ общественныхъ земель во многихъ общинахъ, и что, по мнѣнію жителей д. Шидѣва, «общественную запашку можно только заводить при общинномъ землевладѣніи, когда по постановленію общества легко отвести 10—20 десятинъ, сообща выорать, посеять и т. д.; при личномъ же землевладѣніи, въ связи съ малоземельемъ и отсутствіемъ общественныхъ земель, запашка не осуществима».

Л. С. Л.

Изъ исторіи литературной дѣятельности въ Сербіи XV вѣка. «Книги царствъ» въ собраніи рукописей бібліотеки и Новороссійскаго университета. М. Г. Попруженко. Од. 1894 г.

Въ числѣ рукописей, нѣкогда пожертвованныхъ И. Новороссійскому университету знаменитымъ ученымъ В. И. Григоровичемъ, на-

ходится и приобретенная имъ во время путешествія, въ Рыльскомъ монастырѣ, рукопись «Книги царствъ», писанная въ Сербіи, въ началѣ XV в., когда происходила дѣятельность Константина Философа (Констенчскаго) относительно исправленія и приведенія въ порядокъ текстовъ св. Писанія, результатомъ чего и явились знаменитые ресавскіе изводы. Рукописью «Книги царствъ» занимался еще Григоровичъ, на важность ея указывалъ акад. Ягичъ; но лишь недавно она стала предметомъ обстоятельнаго спеціальнаго изслѣдованія со стороны молодого Одесскаго слависта М. Г. Попруженка, посвятившаго свой трудъ памяти Григоровича. Такъ какъ въ этомъ трудѣ сдѣлано исключительно филологическое обозрѣніе рукописи, то мы и не остановились бы на немъ, если бы авторъ (къ сожалѣнію, только мимоходомъ) не затронулъ вопроса, важнаго въ исторіи литературы юго-западной Руси въ XVI в. — о составленіи Острожской библии.

Изъ признанія, находящагося въ предисловіи къ изданію Острожской библии, видно, что для этого дѣла не доставало ни способныхъ людей, ни полныхъ списковъ библии. Полиѣйшій списокъ полученъ былъ отъ царя Ивана Грознаго и былъ сравниваемъ съ другими списками, причемъ, конечно, обнаружались большія разнорѣчія. Тогда начали просить въ разныхъ мѣстахъ о присылкѣ библейскихъ изводовъ, уже вполне исправныхъ, причемъ обращались во многіе болгарскіе и сербскіе монастыри. По возвращеніи посланныхъ туда лицъ, очевидно, съ новыми списками библии, опять приступлено было къ работѣ, путемъ сличенія разныхъ списковъ между собою, а также и съ греческими и латинскими текстами, результатомъ чего и было изданіе 1581 г. Острожской библии. М. Г. Попруженко высказываетъ мнѣніе (Приложеніе стр. 173 — 174), что въ Острогъ были доставлены именно широко распространенные тогда въ Сербіи писанные лицами школы Константина Философа, ресавскіе изводы, къ числу которыхъ онъ относитъ и рукопись «Книги царствъ» и сходный съ нею списокъ могъ быть, поэтому, въ рукахъ издателей Острожской библии. Въ доказательство авторъ дѣлаетъ сопоставленіе нѣсколькихъ отрывковъ изъ Острожской библии и Одесской рукописи (стр. 175—183). Сходство дѣйствительно открывается значительное, и мнѣніе М. Г. Попруженка о вліяніи ресавскихъ изводовъ на Острожскую библию, повидимому, не безосновательно; но отрывковъ приведено всего 6 (конечно, только и относящихся къ Книгѣ Царствъ), и вообще авторъ лишь затронулъ этотъ вопросъ, который нуждается въ болѣе детальномъ изученіи, особенно, въ виду послѣдующаго значенія Острож-

ской библии. Даже странно, что этотъ первостепенной важности памятникъ нашей письменности до сихъ поръ не сталъ предметомъ спеціального изслѣдованія со стороны нашихъ филологовъ.

А. М.

Замѣтки и матеріалы по исторіи Слободской Украйны. Д. И. Балья. Харьковъ. 1893 г. стр. 176, цѣна 1 руб.

Книга, заглавіе которой мы выписали, состоитъ изъ четырехъ отдѣловъ. Въ первомъ отдѣлѣ (стр. 1—31) сообщаются свѣдѣнія о «стихійныхъ бѣдствіяхъ и борьбѣ съ ними въ Харьковскомъ краѣ въ XVII—XIX в. в.» Отдѣлъ этотъ, въ свою очередь, распадается на три главы. Въ первой (стр. 1—17) описываются различныя эпидеміи, отъ времени до времени посѣщавшія южную Россію, а именно: чума 1688 г., моровое повѣтріе 1701 г., чума 1718—1719 г., моровая язва 1738—1739 г., холера 1830—1831 г. и 1848—1849 г.; при описаніи всѣхъ этихъ эпидемій, авторъ обращаетъ главное вниманіе на ихъ распространеніе въ харьковскомъ краѣ и на тѣ средства, какія предпринимались съ цѣлю ослабленія губительнаго дѣйствія эпидемическихъ болѣзней. Во второй главѣ (стр. 17—21) говорится о «голодныхъ годахъ»: 1699, 1787, 1821, 1833 и 1848; авторъ при этомъ обращаетъ вниманіе на тотъ любопытный фактъ, что голодные годы часто совпадали съ эпидемическими, и недородъ хлѣба въ харьковскомъ краѣ происходилъ, преимущественно, отъ различныхъ стихійныхъ бѣдствій въ родѣ засухи, нашествія саранчи и т. п., а вовсе не отъ неблагоприятныхъ условій климата или почвы Слободской Украйны. Въ слѣдующей третьей главѣ (стр. 21—31) сообщаются краткія свѣдѣнія о землетрясеніяхъ, пожарахъ и наводненіяхъ; землетрясенія въ харьковскомъ краѣ имѣли мѣсто въ 1738, 1815 и 1838 годахъ; гораздо чаще, именно: въ 1704, 1731, 1733, 1738, 1803, 1804, 1832, 1833, 1837 и 1841 годахъ страдалъ харьковскій край отъ пожаровъ, которые притомъ, въ большинствѣ случаевъ, бывали весьма опустошительны и разорительны для населенія; наконецъ, изъ наводненій самымъ сильнымъ и замѣчательнымъ было наводненіе 1853 года, захватившее значительную часть нивѣйшей харьковской губерніи и сопровождавшееся даже человѣческими жертвами.

Во второмъ отдѣлѣ «замѣтокъ и матеріаловъ» (стр. 32—62) помѣщена статья подъ заглавіемъ: «Историческія повѣсти и статьи

Г. О. Квитки»; наши читатели уже знакомы съ содержаніемъ этой интересной статьи, которая раньше печаталась на страницахъ «Кіевской Старины» (августъ 1893 г. стр. 215—244).

Третій отдѣлъ книги (стр. 63—68) посвященъ библиографической замѣткѣ о новыхъ матеріалахъ для исторіи Слободской Украйны, а самые матеріалы сообщаются въ четвертомъ отдѣлѣ изданія Д. И. Багалѣя (стр. 68—176). Здѣсь неутомимый изслѣдователь Слободской Украйны обнаруживаетъ пока 28 изъ открытыхъ имъ памятниковъ, а именно: 1) Описаніе г. Мояцка 1666 года; 2) описаніе укрѣпленій г. Суджи 1668 года; 3) Описаніе города Мирополья 1671, 1678, 1685, 1702, 1706, 1707, и 1709 годовъ; особенно замѣчательно описаніе Мирополья, относящееся къ 1671 году, какъ своею обстоятельностью, такъ равно и тѣмъ, что въ немъ, между прочимъ, упоминается о существованіи въ Миропольѣ, сравнительно незначительномъ слободско-украинскомъ городкѣ, трехъ школъ; изъ этого можно заключить, что въ то время (во второй половинѣ XVII в.) существовали школы и въ другихъ городахъ Слободской Украйны; а между тѣмъ до насъ не сохранилось никакихъ извѣстій объ этихъ школахъ, равно какъ и вообще о состояніи просвѣщенія въ Слободской Украйнѣ намъ ничего неизвѣстно до самаго начала XVIII в.; 4) Описанія города Острогожска 1672, 1677, 1683, 1687, 1690 и 1694 годовъ; 5) Выписъ сотнику Вдовиченку на имѣніе въ Сумскомъ уѣздѣ на вершинѣ рѣчки Бобривка 1676 года; 6) Дозволенный листъ Краснопольскаго Осадчаго на запку 1676 года; 7) Описаніе новопостроеннаго города Краснополя, составленное воеводой Иваномъ Кусаковымъ въ 1685 году; 8) Описаніе г. Недрыгайлова 1690—1708 годовъ; 9) Списки служивыхъ острогожскихъ людей, высланныхъ изъ Острогожска на службу 1692, 1695, 1701 г. 10) Отказная отъ сотнички вдовы Федоры Гребеннички Андрею Герасимову на Гребеншикову 1696 г. 11) Отказная на хуторъ Пѣщаной Бродъ и мельницу на рѣкѣ Сулѣ Андрею Герасимовичу Кондратьеву 1699 г. 12) Досмотръ Черкасъ слободы Терновой 1702 г. 13) Письмо графу Вейсбаху 1732 г. 14) Рапортъ сотн. Кременецкаго о земляхъ Городнянской сотни 1749 г. 15) Рапортъ въ Ахтырскую полковую канцелярію сотника Колонтаевского о земляхъ Колонтаевской сотни 1749 г. 16) Указъ Бѣлгородской канцеляріи о козакахъ, повѣнанныхъ въ подданные 1749 г. 17) Инструкція прикащику Тихону Остафьеву 1751 года. 18) Челобитная бригадиру В. П. Кашисту 1752 г. 19) Вѣдомость, коликое число Ахтырскаго полку въ ниже-

писанныхъ сотняхъ и приписныхъ селахъ по поданнымъ сентябрьскимъ вѣдомостямъ состоитъ казаковъ свойственныхъ и подпомощниковъ и въ нихъ дворовъ, избъ и бездворныхъ имѣется и со оныхъ годового оклада взымать надлежитъ, значить подъ симъ декабря 4 дня 1764 года. 20) Отзвъвъ о иинномъ откупѣ въ городахъ слоб. украинскаго намѣстничества 1784 г. 21) Вѣдомость о числѣ жителей въ харьковскомъ намѣстничествѣ и о сборахъ 1785 г. 22) О секретарѣ Басевскомъ 1786 г. 23) Письмо управляющаго Торяникова къ помѣщику П. А. Щербинину 1785 года. 24) Письмо управляющаго Торяникова къ помѣщику П. А. Щербинину 1786 года. 25) Письмо управляющаго Торяникова къ помѣщику П. А. Щербинину 1786 г. 26) Вѣдомость о числѣ состоящихъ въ Харьковскомъ Намѣстничествѣ по послѣдней ревизіи разнаго званія людей, сколько при нынѣшнемъ наборѣ рекрутъ взять положено, и въ мѣсто рекрутъ дѣвками собрать слѣдуетъ. 27) Вѣдомость о доходахъ и расходахъ въ Бабаевской и Должанской экономіяхъ 1790 г. и 28) Реестръ, что отдано Стенану Емельяновичу Лесевницкому по завѣщанію его матушки Прасковіи Петровны Спичинской.

Всѣ эти 28 документовъ, извлеченныхъ изъ Московскаго архива Министерства Юстиціи, архива Харьковскаго окружнаго суда и частныхъ фамильныхъ бумагъ П. П. Флота, гр. Толстаго и В. П. Пелища, имѣютъ безпорно важный историческій, географическій и этнографическо-бытовой интересъ. Не сомнѣваемся, что будущій историкъ Слободской Украйны скажетъ великое спасибо Д. И. Багалю за ихъ открытіе и обнародованіе.

Кіевъ. 1894 года 22 генваря.

Ф. Титовъ.

Сборникъ снимковъ съ предметовъ древности, находящихся въ г. Кіевѣ въ частныхъ рукахъ, серія вторая, вып. I, К. 1891 г., Н. Леопардова и Н. Чернева, 4^о, 29 стр. + VI табл. снимковъ и карта; вып. II, К. 1893 г., Н. Леопардова, 4^о, 33 стр. + 10 табл. снимковъ.

Первый отдѣлъ 1-го выпуска заполненъ четырьмя таблицами снимковъ съ древнѣйшихъ русскихъ крестовъ и образковъ, принадлежащихъ Церковно-археологическому музею, состоящему при вѣвской духовной академіи; кресты и образки представляютъ, дѣйствительно, рѣдкіе экземпляры и заслуживаютъ полнаго вниманія; снимки снабжены подробнымъ вполне научнымъ «описаніемъ», составленнымъ Н. Петровымъ. Отдѣлъ второй составляютъ предметы брон-

зоваго вѣка и іудейскіе каббалистическіе амулеты и монеты (2 таблицы и объясненія Н. Л.); всѣ бронзовые предметы найдены на территоріи южной Россіи, они слѣдующіе: топоръ сибирскаго типа, кельтъ, топоръ—клинь, ножъ, наконечники копья и стрѣлы; еврейскіе амулеты относятся къ XVI—XVIII в. в. Въ третьемъ отдѣлѣ помѣщены двѣ «возможныя» «непрофессиональныя» «статейки» (терминологія издателей) г. Леонардова: «О печати царева мужа» и «о благословеніи св. апостоломъ Андреемъ Первозваннымъ наддѣпровскихъ высотъ, и о предреченіи имъ основанія на нихъ великаго города Кіева», безъ которыхъ «Сборникъ», несомнѣнно, выигралъ бы въ качествѣ.

2-ой выпускъ заключаетъ обычное «предувѣдомленіе», подписанное уже однимъ г. Леонардовымъ; здѣсь, между прочимъ, говорится: «Надѣмся, что въ этомъ выпускѣ «Сборника», между прочимъ, обратятъ на себя вниманіе... (идеть перечисленіе списковъ), а въ III отдѣлѣ, въ приложеніи къ «Сборнику», статья «о значеніи археологіи въ открытіи первыхъ слѣдовъ христіанства у Славяно-Руссовъ», — статья дѣйствительно обращаетъ на себя вниманіе, но только не въ желательномъ для автора смыслѣ; на ней мы останавливаться не станемъ, отмѣтимъ лишь одну особенность: авторъ въ началѣ ея является защитникомъ реализма и отстаиваетъ научное значеніе археологіи отъ нападокъ на нее профессоровъ Линницкаго и Бѣльева, онъ говоритъ: «пусть г. г. философы изъ области умозрѣній спустятся въ міръ реальности и тогда увидятъ воочію и уразумѣютъ, что такое памятникъ древности, что такое археологія. Легко они могутъ узнать это изъ прежнихъ открытій археологическихъ, а плниѣ изъ сдѣйствія археологіи къ разрѣшенію занимающаго насъ вопроса «о начальныхъ признакахъ христіанства у Славяно-Руссовъ», между тѣмъ, вся статья цѣликомъ является плодомъ досужей фантазіи автора. Обращаемся къ снимкамъ съ предметовъ (почти всѣ изданные предметы принадлежатъ г. Леонардову). Первые двѣ таблицы и таблица VI заняты крестами и образками; между крестами есть нѣсколько древнихъ, но подобные имъ уже нѣсколько разъ помѣщались въ прежнихъ выпускахъ «Сборника», и они не прибавляютъ ничего новаго. Что касается образковъ, то большинство изъ нихъ совсѣмъ повѣйшаго происхожденія и не представляетъ ничего оригинальнаго. На таблицахъ III и IV помѣщено изображеніе интереснаго рѣзнаго кіота со вставленной въ него иконой Божіей Матери; кіютъ, по надписи, находящейся на его фронтонѣ, принадлежалъ ка-

кому-то греческому митрополиту Аѳанасію, хотя на немъ же есть и славянскія надписи (ихъ г. Леонардовъ не приводитъ). По увѣренію лица, отъ котораго г. Леонардовымъ приобрѣтена икона, она въ послѣднее время, находилась, какъ фамильная вещь, у потомковъ одного изъ малороссійскихъ гетмановъ. На таб. V помѣщенъ снимокъ съ иконы Благовѣщенія, а на VII снимокъ съ иконы Божіей Матери Неопалимой Купины; послѣдняя икона хорошаго южно-русскаго письма, повидимому, конца прошлаго вѣка, и напрасно г. Леонардовъ думаетъ, что «едва ли будетъ ошибкою, полагать, что описанная икона Палестинскаго происхожденія», такъ какъ противъ этого говорятъ и славянскія надписи, на ней находящіяся. На табл. VIII помѣщены снимки съ древнихъ бытовыхъ предметовъ; здѣсь есть два браслета, одинъ узкій спиральный, другой—широкій, покрытый орнаментомъ, типичнымъ для бронзоваго вѣка—изъ плоскихъ спиралей; оба браслета мѣдные, найдены близъ г. Канева; затѣмъ интересенъ большой желѣзный замокъ съ ключомъ, найденный на Княжей горѣ, относящійся къ великокняжеской эпохѣ, той же эпохѣ принадлежатъ и серьги, т. н. кievскаго типа, двѣ изъ нихъ золотыя найдены въ Кіевѣ, въ усадьбѣ Кривцова (бывшей кн. Трубецкаго), третья серебряная—съ Княжей горы; остальные предметы этой таблицы не представляютъ интереса.

Г. Леонардовъ обѣщаетъ продолжать изданіе. «Сборникъ снимковъ» (именно *только* «снимковъ») изданіе несомнѣнно полезное, и потому продолженіе его весьма желательно, слѣдуетъ лишь издателю обратить вниманіе на выборъ издаваемыхъ предметовъ, такъ какъ до сихъ поръ на ряду съ цѣнными матеріалами въ «Сборникѣ» поступала масса ненужнаго хлама.

Н. В.

Galicja przedstawiona słowem i ołówkiem w opracowaniu Bolesława Limanowskiego z rysunkami Włodzimierza Tetmajera. Lwów 1892.
8°. 154 и 2 нум. стран.

Книга, заглавіе которой мы выписали, представляетъ сборникъ свѣдѣній, имѣющихъ цѣлью въ краткихъ, популярно написанныхъ очеркахъ познакомить съ Галиціей въ разнообразныхъ отношеніяхъ. Въ первой главѣ авторъ описываетъ физическую природу страны, причемъ обращаетъ вниманіе читателей на то, что Галиція занимаетъ пространство болѣе обширное, чѣмъ Греція, Бельгія, Нидерланды,

Швейцарія, Сербія и Болгарія. Больше всего въ этой главѣ онъ распространяется о горахъ Карпатскихъ, потомъ говоритъ о рѣкахъ и, наконецъ, о флорѣ и фаунѣ.

Вторую главу авторъ посвящаетъ народонаселенію. Сравнивая двѣ главные галиційскія народности—русиновъ и поляковъ, онъ говоритъ: «если сравнить одну и другую народность, мы найдемъ много общихъ чертъ, а также и несомнѣнную разницу. Польскій народъ сравнительно веселѣе, подвижнѣе; онъ болѣе предприимчивъ и менѣе склоненъ къ уступчивости. Выказываетъ склонность къ бѣлому цвѣту; свою главную жизненную артерію, Вислу, онъ назвалъ бѣлою рѣкою. Краковяки и мазурки—его любимыя плясовые пѣсни. Русины болѣе грустны, медлительны, бережливы, уступчивы. Любимый цвѣтъ ихъ черный. Думы русинскія серьезны и грустны. Терпѣніе русиновъ часто граничитъ съ апатіей, а предоставленіе себя на волю судьбѣ дѣлаютъ ихъ непредусмотрительными въ жизни. Съ трудомъ покидаютъ они родные околотки, хотя бы имъ тяжело жилось. Будучи вообще кроткими и сострадательными, они становятся жестоки и мстительны, когда мѣра терпѣнія ихъ истощается. Мало промышленны, уорно держатся старыхъ обычаевъ, легко поддаются тяжелому року». Давъ такую общую характеристику русиновъ, авторъ подобно тому, какъ сдѣлалъ Р. Заклинскій въ своей книгѣ¹⁾, даетъ краткія характеристики русиновъ, живущихъ въ горахъ—бойковъ, лемковъ и гудуловъ; о русинахъ же, живущихъ на равнинахъ, каковы подгоряне, ополяне, крайняпе (или крайницы), покутяне, коломыйцы, полищуки, ничего не говорятъ. Затѣмъ удѣлено немного мѣста евреямъ, по поводу населенія которыхъ въ Галиціи Элизе Реклю когда-то говорилъ, что Галиція есть еврейскій край въ большей степени, чѣмъ Палестина, или какая бы то ни была другая страна. Наконецъ, въ нѣсколькихъ строкахъ автора говорятъ о нѣмцахъ и армянахъ.

Третья глава представляетъ краткій историческій очеркъ Галиціи, составленный поверхностно. Въ четвертой главѣ авторъ говоритъ о разныхъ населенныхъ мѣстахъ, главнымъ образомъ—о Львовѣ и Краковѣ. Содержаніе слѣдующихъ главъ составляютъ: политическое устройство края и его политическая жизнь;—поземельная собственность и земледѣліе;—промышленность и промысловое населеніе,—торговля, кредитъ и сообщенія;—просвѣщеніе;—благотворительныя учрежденія и товарищества.

¹⁾ Географія Руси. Часть перша: Русь галицка, буковиньска и уторска. Написанъ Р. Заклинскій. У Львовѣ. 1887.

Изданіе украшено 48 небольшими рисунками, изъ которыхъ довольно пзячно исполнены виды разныхъ населенныхъ мѣстъ и зданій, а менѣе удовлетворительно—рисунки, изображающіе типы населенія.

Н. Ш.

Блаженный Игорь Ольмовичъ, князь Новгородъ-Сѣверскій и великій князь Кіевскій. Историческій очеркъ М. Н. Березкова. Черниговъ 1893 г.

Къ числу работъ, вызванныхъ юбилейными торжествами послѣднаго времени, относится и настоящая. Такъ какъ въ 1892 году исполнилось 900-лѣтіе Черниговской епархіи, авторъ, желая съ своей стороны напомнить объ отдаленномъ прошедшемъ, поставилъ себѣ задачей очертить образъ мѣстнаго историческаго дѣятеля, причисленнаго къ лику святыхъ-князя Игоря Ольговича. Очеркъ свой авторъ дѣлаетъ по лѣтописямъ и житіямъ этого князя, къ сожалѣнію только устранивъ при этомъ всякую критику фактовъ; убійство князя мятежными кіевлянами является вслѣдствіе этого, днемъ необъяснимымъ поступкомъ; авторъ не обрисовалъ,* въ частности, тогдашняго положенія и настроенія кіевлянъ въ княжескихъ усобицахъ, и догадливому читателю самому предоставляется искать объясненія этого поступка въ общемъ ходѣ разсказа. Но каковы ни были обстоятельства, смягчающія вину кіевлянъ, князь Игорь все-таки остается мученикомъ и жертвой усобицъ съ одной стороны князей между собой, съ другой борьбы ихъ съ народомъ и тѣмъ болѣе вызываетъ къ себѣ сожалѣніе, что погибъ въ то время, когда уже удалился добровольно отъ тревогъ міра и заключился въ монастырѣ.

И. Баманинъ.

Mythiske bytosće lužiskich Serbow. Napisał Adolf Černy. I zwjazk. Budyšin. 1893. 8°. стр. 239.

При ежегодно увеличивающемся этнографическомъ матеріалѣ, разбросанномъ, по большей части, въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ, всякому занимающемуся сравнительной этнографіей, а въ частности, этнографіей славянскихъ племенъ, является «камнемъ преткновенія» — разыскать необходимые матеріалы. Только незначительная часть ихъ попадаетъ въ спеціальные журналы, масса же забывается и затеривается въ различныхъ провинціальныхъ изданіяхъ.

Такъ обстояло дѣло у насъ до тѣхъ поръ, пока «Этнографическое Обозрѣніе» не начало давать обзоръ провинціальной печати; также было и у лужицкихъ Сербовъ. Названная выше книга г. Адольфа Чернаго является опытомъ сведенія всѣхъ извѣстныхъ преданій лужицкихъ сербовъ въ одну цѣлую стройную картину. «Сначала, говоритъ авторъ, я предполагалъ издать одну книгу, но разросшійся матеріалъ заставилъ меня издать пока только *первый* выпускъ; второй же—выйдетъ въ скоромъ времени.

Введеніе, которое авторъ предпосылаетъ своему труду о мифическихкихъ существахъ вводитъ насъ in medias res современной мифологіи. Авторъ даетъ сжатое, но ясное изложеніе основныхъ принциповъ, лежащихъ въ основаніи мифологическихкихъ системъ выдающихся ученыхъ нашего столѣтія: Гриммовъ, Куна, Шварца, Макса, Миллера, Маннгардта и др., причемъ самъ является сторонникомъ Тэйлора и его послѣдователя—Ланга.

Вслѣдъ за этимъ авторъ даетъ библиографическій обзоръ источниковъ, которыми онъ пользовался при изложеніи избраннаго имъ предмета, указываетъ сборники и отдѣльныя статьи, затрогивающія мифологію лужицкихъ сербовъ.

Собственно содержаніе настоящаго I выпуска составляютъ преданія о кобольдахъ (домовыхъ), змѣяхъ, карликахъ, спящихъ рыцаряхъ, вѣдьмахъ, хворостяхъ, смерти, и другихъ мифическихкихъ существахъ, рисующихся воображенію народа, привысшаго обоготворить и олицетворить многія непонятныя ему явленія. Здѣсь мы находимъ много повѣрій и представленій сходныхъ съ представленіями малорусовъ; низшая мифологія славянскихъ племенъ вообще очень сходна съ мифологіей сосѣднихъ, напр. германскихъ, народовъ. Мы нигдѣ теперь не находимъ вѣры въ Волосовъ, Перуновъ, но вѣра въ водяныхъ, домовыхъ, лѣшихъ и во всякую нечисть—еще твердо держится въ среди простаго народа и много еще нужно времени и культурныхъ вліаній, чтобы народъ забылъ свое скудное наслѣдіе, доставшееся ему отъ его языческихкихъ предковъ.

В. П.

Д. И. Эварницкій. *Исторія запорожскихъ козаковъ. Т. I съ 22 рис.*
Спб. 1892-й годъ.

Г. Эварницкій издалъ пока 1-й томъ переработаннаго имъ труда—«Запорожье въ остаткахъ старины». Въ этотъ томъ вошли

26 главъ, которыя «посвящены, исключительно, изображенію внутренняго быта запорожской общины». Авторъ общаетъ еще два тома мы считаемъ болѣе удобнымъ подробный разборъ указаннаго сочиненія отложить до выхода въ свѣтъ этихъ томовъ. По поводу небольшого вступленія къ 1-му тому, гдѣ противопоставляется рецензіи г. Житецкаго рецензіи А. Н. Пыпина, мы можемъ отмѣтить, что для переработки и исправленія своего труда г. Эварницкій ничѣмъ не могъ воспользоваться изъ замѣтки г. Пыпина, несмотря на всю объективность и любезность ея, между тѣмъ какъ «недружелюбный» (!) отзывъ г. Житецкаго заставилъ г. Эварницкаго измѣнить характеръ нѣкоторыхъ доказательствъ, прежде употребляемыхъ авторомъ; также точно авторъ принялъ объясненіе происхожденія слова *Сичь*, предложенное нелюбезнымъ рецензентомъ и перенесъ его на страницы своего труда (стр. 78). Едва ли, поэтому думаемъ мы, г. Эварницкому необходимо было противопоставлять «недружелюбную» рецензію «Кіевской Старины» любезной замѣткѣ «Вѣстника Европы».

Полагаемъ возможнымъ тутъ же при случаѣ дополнить свѣдѣнія, сообщаемыя въ книгѣ г. Эварницкаго (стр. 4) о границахъ владѣній запорожскихъ въ самомъ началѣ XVIII столѣтія. Заимствуемъ эти свѣдѣнія изъ резолюцій Петра I-го на статьи, присланныя Мазеной царю о малороссійскихъ дѣлахъ (Шисьма Петра В. т. 2-й стр. 195 годъ 1703-й). «О Самарѣ доноситъ господинъ гетманъ, что Запорожцы напрасно его упоминаютца и непристойно своятъ, потому что никакого права на то не имѣютъ. Толко грамота велкаго государя была къ нимъ писана въ то время, какъ Новобогородицкой городъ строился,—указная и увѣщевательная, чтобъ они, Запорожцы, никакихъ шатостей не чинили. А привиллеванной грамоты государской они не имѣютъ, и первая грамота по отинскѣ Неплюева къ нимъ писана, злѣлапа, какъ онъ, покойной, въ воинскихъ случаяхъ сумнительны былъ человекъ. А что и у короля (польскаго) выправили себѣ бугто привилей, и то имъ далъ король, чего у себе не имѣлъ. А та рѣчка Самара взята отъ гетмана Хмелницкаго, въ разположеніи гетманскомъ обрѣталося и что бывало добычи лисица десятая, рыбная ловля и вся степная добычь на гетмановъ давана была. А они, Запорожцы, при Брюховецкомъ влѣспи, съ насекою присвоятъ себѣ, и то толко по урочищу Быкъ, а нынѣ и всю степь обнимаютъ и своятъ. На которую Самарь буде будетъ Монаршеское изволеніе и грамоту дать, то толко повелительную, а не во все владѣніе, да и для тѣхъ причинъ, что Татары еще Турковъ мало слушаютъ,

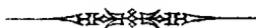
пока Турки по прежнему Татаръ примуть въ первое послушаніе, чтобъ помысливъ между собою пересылкою краю нашему не учинили какой шкоды. А особо Самарѣ, Днѣпру и инымъ рѣчкамъ чертежъ посылается». Такъ и не была послана «грамота на Самарѣ» Запорожцамъ. И.

Письма и бумаги Петра Великаго т. I и II.

Это—два объемистыхъ тома документовъ (до 1500 стр.), относящихся къ 1688—1703 гг. и изданныхъ подъ редакціей А. Θ. Быкова. Съ нетерпѣніемъ можно ожидать слѣдующихъ томовъ, особенно, тѣхъ, гдѣ будутъ письма 1707—1709 гг., когда произошли крупнѣйшія событія сѣверной войны. Вышедшіе оба тома даютъ очень мало характернаго для исторіи юга. Необходимо развѣ указать на «резолюціи на статьи, присланныя малороссійскимъ гетманомъ Ив. Ст. Мазепою Петру В. въ половинѣ 1703-го года. (т. 2-й стр. 193—201). Любопытный читатель найдетъ въ этихъ резолюціяхъ свѣдѣнія о томъ, какъ Мазепа сообщалъ Петру В. и какіе получалъ отвѣты: объ измѣнѣ стародубскаго полковника Миелашевскаго, отставкѣ извѣстнаго Ивана Искры отъ полтавскаго полковничества (въ 1703 избранъ былъ въ Полтавѣ И. П. Левенецъ), наконецъ, о «шатости Запорожцевъ» и о предполагавшейся «фортификаціи замка Остранскаго» (Остерскаго) и т. д. И.

Графъ Путятинъ. Переключка Альманаховъ и дополненіе къ нимъ (съ 1794 по 1850-й г.) из. 93 г.

Это—90 страницекъ въ 16-ю долю листа крайне разгонистой печати. Книга издана въ Новой Ушицѣ Под. губ. и странно поражаетъ излишними интимностями (о составленіи Альманаха, объ Ушицкой типографіи) и невѣроятною цѣною—2 р. 25 к. Списокъ Альманаховъ далеко не полонъ, не смотря на дополненіе. Изъ южнорусскихъ Альманаховъ упоминаются съ самыми незначительными и нецѣнными примѣчаніями: Ластовка, Снитъ (1841-й г.), Молодикъ I, II, III, IV ч. (1843—1844 гг.), Кіевлянишъ 1840, 1841 и 50-хъ гг., Ландыши Кіевской Украины и Барвинокъ Украинны (1848), наконецъ, южнорусскій Сборникъ 1848-го года. И.

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XLIV, 1894 г. Январь, Февраль и Мартъ.

	СТР.
I. ДУМА ОБЪ АЛЕКСѢѢ ПОПОВИЧѢ (Посвящается памяти Феофана Гавриловича Лебединцева). Н. Ф. Сумцова. . .	1—20
II. ВОСПОМИНАНІЯ ЮСИФА САМЧЕВСКАГО 1800—1886 г. (Продолженіе) 21—51	267—281
III. «ПОПОКЪ». Повѣсть изъ быта донскихъ малороссовъ. Бориса Познанскаго. 22—74, 245—266.	480—511
IV. ОТРЫВКИ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ АВТОНОМА АКИМОВИЧА СОЛ- ТАНОВСКАГО (Продолженіе) 75—92 Окончаніе . . .	459—479
V. АНДРІУЛЛИ И МАТЕЙКО, какъ авторы рисунковъ и картинъ изъ малорусскаго быта. Н. Шугурова.	93—106
VI. ЖЕНЩИНЫ ПРИ ЧИГИРИНСКОМЪ ДВОРѢ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVII ВѢКА. Д-ра АНТОНІЯ I. переводъ Н. М. 107—126, 282—304	512—529
VII. РАЗСКАЗЫ КРЕСТЬЯНЪ С. ПЕКАРЕЙ О Т. Г. ШЕВ- ЧЕНКѢ. Ник. Бѣляшевскаго.	165—181
VIII. КОЛЛЕКЦІЯ РИСУНКОВЪ Т. Г. ШЕВЧЕНКА. А. Русова.	182—191
IX. АРХИВНАЯ СПРАВКА О СОСТАВѢ КІЕВСКАГО «ОБ- ЩЕСТВА» ВЪ 1782—1797 годахъ. А. Андріевскаго. . .	192—203
X. КІЕВЪ ТРИСТА ЛѢТЪ НАЗАДЪ А. Стороженка 204—230	403—425
XI. АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ЭКСКУРСІИ Т. Г. ШЕВЧЕНКА ВЪ 1845—1846 г. г. О. Левицкаго	231—244
XII. ЮСИФЪ ЮСИФОВИЧЪ РОЛЛЕ (D-r. Antoni I.) Некрологъ В. А.	305—310
XIII. ВЛАДИМІРЪ СТЕПАНОВИЧЪ АЛЕКСАНДРОВЪ. Некрологъ В. Н.—но.	311—313

- XIV. ГРОБЪ Т. Г. ШЕВЧЕНКА ВЪ КИЕВЪ У ХРИСТОРОЖ-
ДЕСТВЕННОЙ ЦЕРКВИ (7 МАЯ 1861 года). Къ рисунку. **А. Л.** 315—317
- XV. ВОСПОМИНАНІЯ ЕГОРА ѲЕДОРОВИЧА ТИМКОВСКАГО. **Н. Шугурова** . . . . . 359—381
- XVI. ХАРИТАТЫВА. Прот. **Петра Орловскаго** . . . . . 382—402
- XVII. ЗАПИСКА О ПОСЛѢДНИХЪ ГОДАХЪ ЖИЗНИ ГР. АЛ. К. РАЗУМОВСКАГО, ВЪ МАЛОРОССІИ, ЕГО КОНЧИНЪ И ПОХОРОНАХЪ. (1818—1822 г.г.). **А. Л.** . . . . . 426—439
- XVIII. ПѢСНИ И СКАЗКИ О ЖИВОМЪ МЕРТВЕЦѢ. **Н. Ѳ. Сумцова.** . . . . . 440—458
- XIX. ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ОВОЗНЫЙ **ВАСИЛІЙ КАСПАРОВИЧЪ БОРКОВСКІЙ** р. 1640—1702 г. (Къ портрету) **А. Л.** . . . . 530—536
- XX. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Ученическое сочиненіе **Н. В. Гоголя. В. Науменна.** б) Вукъ Сербинъ, полковникъ Переяславскій (1675—1682), **А. Стороженна.** в) Союзники Наполеона на Воляпи нъ 1812 г. **О. Л.** г) Полтавскій губернскій маршалъ **С. М. Кочубей. Н. С.** д) Письмо черниговскаго губернатора **Андрея Милорадонича** нъ защиту кievскаго протоіеря **Ленанды** (1794 г.). **А. А.** е) Объявленіе отъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. ж) О рисункахъ **Т. Г. Шенченка**, исполненныхъ, по порученію Кіевской Археографической Коммиссіи, нъ Волинской губервіи. **Н. Шугурова.** з) Три письма **Т. Г. Шевченка.** и) «Снячена нода», *стих.* **А. Псіоль. Сообщ. Н. И. Стороженно.** і) Дополненіе къ статьѣ о думѣ про **Алексѣя Поповича. Н. Ѳ. Сумцова.** к) Пѣсня «Грыцю, Грыцю, до работы!» **Сообщ. В. С.** л) Святочныя пѣсни елисаветградскаго п александрійскаго уѣздонъ Херсонской губ. **Сообщ. В. Ястребовъ.** м) Хожденіе со звѣздою и вирши на Рожд. Христоно. **А. Малинка.** н) Легенда о Спасителѣ и ап. **Петрѣ. Сообщ. А. Малинка.** о) Какъ обращаются у насъ съ церковной старинной. п) «Малозвѣстные художественные уголки Малороссіи». **Н. Б.** р) Третій отчетъ о пожертвованіяхъ на премію имени **А. А. Потебни. Н. Ѳ. Сумцова.** с) Еще объ ученическомъ сочиненіи **Н. В. Гоголя. В. Науменна.** т) Нѣсколько словъ, посвященныхъ **І. Ролле.** у) Картины изъ малорусскаго быта на кievскихъ выставкахъ. **Н. Ш.** ф) О вирникѣ и жадномъ попѣ. **Ѳ. Кудринскаго.** х) Къ изслѣдованію о литературномъ источникѣ оперы **И. П. Котляренскаго** «Москаль Чаринныкъ».

Вл. Перетца. ц) Разказы о вѣдмахъ. **А. Малинки.** ч) Мѣры гетманскаго пранительства Малороссіи въ 1722 и 1757 г.г. въ предупрежденіе голода. **В. М.** ш) Къ исторіи Малороссійскнхъ оффиціальнхъ архивовъ. Сообщилъ **Ал. Ковалевскій.** щ) О большомъ пожарѣ въ г. Нѣжинѣ въ 1787 году. Сообщилъ **Ал. Ковалевскій.** ь) Народныя пѣсни Херсонскаго края. Сообщилъ **В. Н. Ястребовъ.** 174—192, 318—343 . . . . . 537—569

- XXI. БИБЛІОГРАФІЯ:** а) Семейная хроника. Записки Аркадія Васильевича Кочубея 1790—1873. С.-Петербургъ. 1890. 8 д. 314 стр. **Ал. Лазаревскій.** б) Г. П. Данилевскій по личнымъ его письмамъ и литературной перепискѣ. (Отдѣльн. оттискъ изъ газ. „Южный Край“). Харьковъ 1893. 8. д. 91 стр. **А. Л.** в) Плянъ Кіева, составленный въ 1695 г. Изданіе кіенской комиссіи для разбора древннхъ актовъ. **К.** 1893. **В. Щербина.** г) Проф. В. К. Надлеръ. Одесса въ первыя эпохи ея существованія. Одесса 1893. **В. Я.** д) Народныя иллюстрированныя изданія повѣстей Н. В. Гоголя. **Н. Шугурова.** е) В. Гульдманъ. Населенныя мѣста Подольской губерніи. (Алфавитный перечень населенныхъ пунктовъ губерніи, съ указаніемъ нѣкоторыхъ справочныхъ о нихъ свѣдѣній). **А. Л.** ж) Записки Императорскаго Одесскаго Общества исторіи и древностей т. XVI-й з) Труды Подольскаго епархіальнаго историко-статистическаго комитета. Выпускъ 6. **А. Степовича.** и) Путь-Дорога, научно-литературный сборникъ въ пользу общества вспомошествованія нуждающимся переселенцамъ. **Его-же.** і) Очерки по исторіи русскихъ нарѣчій. Черты южнорусскаго нарѣчія въ XVI—XVII в. в. **В. Шимановскаго. Н. М.** к) Русскимъ матерьямъ, сборникъ въ пользу пострадавшихъ отъ цыгнъ и тифа въ Воронежской губерніи. **А. С.** л) Городъ Владиміръ Волинской губерніи въ связи съ исторіей Волинской іерархіи. Историческій очеркъ **Н. И. Теодоровича.** Городъ Кременецъ Волинской губерніи. Церковно-историческій очеркъ **Н. И. Теодоровича.** Городъ Заславль Волинской губерніи. Историческій очеркъ **Н. И. Теодоровича.** Мѣст. Грнцевъ. Историч. очеркъ **Н. И. Теодоровича. И. Каманина** м) Сборникъ Харьковскаго Историко-филологическаго Общества. Томъ 5. **И. Каманина.** н) **И. Я. Акипѣнъ,** Путешестіе по югу Россіи и сѣверному Кавказу. Екатеринославъ 1893. о) Адресъ-календарь г. Елисаветграда и елисаветградскаго уѣзда на 1894 г. п) Вновь вышедшія изъ

- данія Київської Археографічної Комісії. р) Новѣйшія статистическія изданія Полтавскаго Губернскаго Земства. Л. С. л) Изъ исторіи літературної дѣятельности въ Сербіи XV вѣка. «Книги царствъ». А. М. т) Запѣтки и матеріали по исторіи Слободской Украины. Д. И. Багалѣя. Ѳ. Титова. у) Сборникъ снимковъ съ предметовъ древности, находящіяся въ г. Києвѣ въ частныхъ рукахъ, серія вторая, вып. I. Н. Б. ф) Galicya przedstawiona słowem i ołówkiem w opracowaniu Bolesława Limanowskiego z rysunkami Włodzimierza Tetmajera. Н. Ш. х) Блаженый Игорь Ольговичъ, князь Новгородъ-Сѣверскій и великій князь Київскій. Историческій очеркъ М. Н. Бережкова. И. Каманина. Mythiske bytosće lužiskich Serbow. Napisał Adolf Černý. В. П. ч) Д. И. Эварницкій. Исторія запорожскихъ козаковъ. И. ш) Письма и бумаги Петра Великаго т. I и II. И. ш) Графъ Путятинъ. Переключка Альмаиховъ. И. 193—212, 344—357 . . . . . 570—590
- IX. ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича (193—240).
- 2) Рисунокъ: Гробъ Т. Г. Шевченка въ Києвѣ у Христорождественской церкви.
- 3) Портретъ генеральнаго обознаго Василя Каспаровича Борковскаго.
- ОБЪЯВЛЕНІЯ . . . . . 1—6

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

КВИТКА-ОСНОВЪЯНЕНКО. СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

ТОМЪ I. Драматическія сочиненія: Шельменко, волостный писарь.—Шельменко девъщизъ.—Сватанпа на Гончаривци.—Щира любовь. К. 1894. Ц. 35 к.
II. Малороссійскіи повѣсти:—Солдатскій патреть—Марусл.—Мертвецкый велик-день.—Добре робы, добре и буде.—Конотопська видьма.—Отъ тоби и скарбъ.—Козыр-дивка.—Сердешна Оксана.—Пархнмове свиданья.—На пуцанья якъ завязано.—Перекотыполе.—Пидбрехачъ —Божи диты.—Щира любовь.—Листы до любезныхъ землякывъ.— К. 1894. 584 стр. Ц. 75к

В. НАУМЕНКО

Къ Пятидесятилѣтію со дня кончины

ГРИГОРІЯ ФЕДОРОВИЧА КВИТКИ—ОСНОВЪЯНЕНКА

I. Біографическій очеркъ. 2. Квитка, какъ малорусскій писатель, предъ судомъ критики. Съ Портретомъ Г. Ф. КВИТКИ К. 1893. 40 к.

Житецкій П.

МЫСЛИ О НАРОДНЫХЪ МАЛОРУССКИХЪ ДУМАХЪ.

Кіевъ 1893. ц. 2 руб.

СОДЕРЖАНІЕ I. Строй рѣчи и поэтической стиль въ народныхъ малорусскихъ думахъ. II. Странствующіе школьники въ старинной Малороссіи. III. Ста-

риния малорусскія вирши: 1) Вирши правоучительнаго содержанія. 2) Вирши правоописательнаго содержанія. 3) Вирши историческаго содержанія. IV. Отраженіе вѣсеннихъ мотивовъ въ народныхъ малорусскихъ думахъ. V. Творцы и пѣвцы, думъ. VI. Старинная записъ народныхъ малорусскихъ думъ съ обзоромъ варіантовъ къ нимъ

КУХАРЕНКО Я.

(Наказный атаманъ земли вѣйска черноморскаго).

ЗВИРНЬКЪ ТВОРИВЪ.

1) Черноморскій побитъ на Кубани мижъ 1794 и 1796 роками. Драма въ 3-хъ дѣяхъ. 2) Пластуны. Черноморскѣ оповиданія. 3) Вороний кинь—Оповиданія 4) Чабаны и винцы въ Черноморіи. Оповиданія. 5) Чабанскій словарь. Додатокъ спомынокъ про ясырь и смерть генералъ маіора Якова Герасимовича Кухаренко П. Барыленко. К. 1878. ц. 75 к.

Требованія г. г. нигороднихъ исполняются въ день ихъ полученія, а также для удобства выписывающихъ высылаются съ наложеннымъ платежемъ на сумму не менѣе одного руб. Мелочь можно высылать почтовыми марками.

Книгопродавецъ Ф. А. ЮГАНСОНЪ.

Каталогъ книгъ продающихся по уменьшеннымъ цѣнамъ высылается бесплатно

МУЗЫКА ДО КОВЗАРЯ

Т. ШЕВЧЕНКА

Співы про жюночи та чоловічи голоси якъ поодинокы такъ и гуртовы (дуеты, тріо, квартеты, хоры)

СКЛАВЪ

М. ЛИСЕНКО.

СЕРІЯ ЦЕРЩА.

1. Ой, одна я, одна якъ былиньока въ поли (про сопрана)	— 30
2. Туманъ, туманъ долиною (про сопр.)	— 30
3. На городи коло броду (про сопрана)	— 30
4. Садокъ вишневыи коло хаты (про сопрана або тонора)	— 30
5. Ой, чого ты почорнило, зеленее поле (про барятова)	— 30
6. Нащо мени чорни брови (сопр. або теи.)	— 40
7. Ой люли, люли (про сопрана)	— 30
8. Якъ бы мени, мамо, намысто (сопр.)	— 40

9. Надъ днiпровую сагою (про контральто)	— 50
10. Сонце заходить тріо, про 2 сопр. та тен.	— 80
11. Полюбылася я (про меп.-сопр. або альт.)	— 20
12. Закувала зозуленька	— 20
13. Утонгала стежечку	— 30

(№ 1—13 въ идному зшитку 2 руб.)

СЕРІЯ ДРУГА.

14. И богата я, и вродлива я, (про к.-альт.)	— 30
15. Минають дни (про баритона)	— 40
16. Огни горять (про тенора)	— 20
17. тежъ (про баритона)	— 20
18. „Ой Днiпрє мій, Днiпрє“. Срявь Яремы зъ Гайдамакивь (про баритона). — 30	
19. „Гетьманы, гетьманы“...Свято въ Чегрини, зъ Гайдамакивь (про баритона). — 30	
20. Не женися на богатій. Думака (бар.)	— 20
21. Зацвила въ долини червона калына. Дуеть(про сопрана та тенора)	— 50
22. Не тополю високую (про сопрана)	— 20
23. За сонцемъ хмаронька плыве. (Квартетъ, сопрано, альтъ, теноръ и бась) — 60	
24. Ой по гори ромень цвите (теноръ)	— 30
25. Якъ бы мепцъ черевкы	— 30
26. Вьють пороги ..Кантата про одиноки голоса чомовичи, мишанный гуртъ зъ проводомъ оркестра фортепьян. укладъ (Klavierauszug) автора	1 30

(14—26 въ идному зшитку 2 р.)

СЕРІЯ ТРЕТЯ.

27. Рече та стогне Днiпръ широкий (В)	— 30
28. И широкою долину, дуеть (С. Т.)	— 30
29. Ой крикнули сирн гуси	— 30
30. У неділю вранци рано	— 50
31. Мы засливали, розійшлись. Дуеть В. и С.	— —
32а. Ой умеръ старый батько. К. Альто	— —
32б. „ „ „ „ Сопр.	— —
33. Та не дай Господи никому. Бар. и Бась	— —
34. Матерний жаль М. С.	— —
35. У тїен Катерини хата на помости. Бар.	— —
36. По дiброви витерь вие (Сопр. або теноръ)	— 20
37. Ой я свого чомовика въ дорогу послала.	— 30
38. Тече вода зъ пидъ явора. Дуеть про 2 сопр.	— 30
39а. Буває инодн старый. (Бар.)	— 30
39б. Буває инодн старый. (Тен.)	— 30

СЕРІЯ ЧЕТВЕРТА.

40а. Доля. Ты не лукавила зо мною. (про Тен.)	— 30
40б. „ „ „ „ (про барит.)	— 30

- 40в. Доля. Ты не лукавила во мною (про баса) . . . . . — 30
 41. Росля у купочки. Дуэть (про С. Т.) . . . . . — 30

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ

ВЪ КНИЖНЫХЪ и МУЗЫКАЛЬНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

БОЛЕСЛАВА КОРЕЙВО

въ Кіевѣ и Одессѣ

Въ этихъ же магазинахъ продаются всѣ музыкальныя сочиненія М. ЛИСЕНКА для фортепіано въ 2 и 4 руки, всѣ сборники малороссійскихъ народныхъ пѣсень, съ акомпаниментомъ фортепіано, всѣ сборники малороссійскихъ пѣсень для хора, Опера „Риздвяна Ничъ“, Оперетты: Коза дерева, Наталка Полтавка, Чорноморци, и др. Подробный Каталогъ по требованію высылается бесплатно.

ВЪ РЕДАКЦИИ

„КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ“

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ.

	Руб.	Коп.
1) Первые четыре года ссылки Шевченка Проф. Н. И. Стороженна. Цѣна. —	15	
2) Послѣдніе годы самоуправленія Кіева по Магдебургскому праву И Наманина. Цѣна. . . . . —	50	
3) Аврамъ Езофоничъ Ребичевоничъ, подскарбій земскій, Членъ Ряды Великаго княжества Литовскаго. (Отрывокъ изъ исторіи внутреннихъ отношеній Литвы въ началѣ XVI в.). Проф. С. А. Бершадскаго. Цѣна. —	75	
4) Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича (1717—1767 гг.). Изданіе „Кіевской Старини“ подъ редакціей Л. М. Лазаревскаго. Часто I. (1718—1725). Цѣна. 1	—	
5) Обзоръ фонетическихъ особенностей Малорус. рѣчи. В. П. Науменна. Ц. —	60	
6) Къ пятидесятилѣтію со дня кончины Г. О. Квитки. В. П. Науменна. Ц. —	45	
7) Къ пятидесятилѣтію со дня смерти И. П. Котляревскаго. В. П. Науменна. Цѣна. . . . . —	20	
8) А. Андріевскій. Историческіе матеріалы. Изъ архива Кіевск. Губ. Правленія. Вып. 2—10 (перваго выпуска въ продажѣ нѣтъ). Цѣна за каждый выпускъ. . . . . —	50	

Руб. Коп.

Вписывающіе разомъ всѣ 9 выпусковъ уплачиваютъ 4 рубля и пользуются бесплатной пересылкой.

9) А—ръ. Г. Ф. Квятка (Осповьяненко), біографическій Очеркъ. Цѣна. —	15
10) И. Лучицкій. Сборникъ матеріаловъ для исторіи общины и общественныхъ земель въ лѣвобережной Украинѣ XVІІІ в. Цѣна.	2 —
11) Рабство и русскіе рабы во Флоренціи. И. Лучицкаго. Цѣна.	50
12) Его-же. По поводу дрогичинскихъ древностей. Къ исторіи торговыхъ сношеній Ганзы съ с.-з. и южной Русью. Цѣна.	50
13) Его-же. Земледѣліе и земледѣльческіе классы въ современной Италіи Ц. —	50
14) Его-же. Очерки по экономической исторіи Европы. Вып. I. Населенность городовъ XIV и XV в. Цѣна	50
Вып. II. Рабочее населеніе и экономическая полнѣтка городовъ въ XV и XVI вв. Цѣна.	50

ВЫШЛА ВТОРАЯ (ФЕВРАЛЬСКАЯ) КНИГА

ЕЖЕМЯСЯЧНОГО ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ИЗДАНІЯ.

„Русская Мысль“

Содержаніе: I. Порфирій Петровичъ Кукушкинъ. Окончаніе Д. В. Григоровича. II. Островъ Сахалинъ. Продолженіе. А. Н. Чехова III. Литераторъ. (Повѣсть). Продолженіе. Художника В. В. Верещагина. VI. Стихотворенія. Н. Д. Бальмонта. V. Семейныя бури. (La Tourmente). Романъ. Поля Маргеритъ. Переводъ съ франц. М. Н. Р. Продолженіе. VI. Изъ театральныхъ воспоминаній. А. А. Потѣхина. VII. Семья Подонцевыхъ. Романъ Генрика Сенневича. Переводъ съ польскаго В. М. Л. Продолженіе. VIII. Стихотвореніе. М. М. Гербановскаго. IX. Чарльзъ Дарвинъ и его теорія. Окончаніе М. А. А. Х. А. А. Фетъ (Шеншинъ) какъ поэтъ, переводчикъ и мыслитель (20 ноября 1820—21 ноября 1892 г.). В Л—аго. XI. Автобіографія Л. Ранне. Окончаніе Е. Н. Щепнина. XII. Проектъ экономическаго подъема Россіи В. В. XIII. Человѣческое творчество и эволюція (по поводу возраженія Лесли Стефана на рѣчь профессора Гексли: эволюція и этника). Л. Е. Оболенскаго. XIV. Философская школа прошлаго вѣка. (По поводу книги Du Bled: „La comedie de societé au XVIII siecle“). Z. XV. Судьба крестьянской реформы въ царствѣ польскомъ. А. А. Корнилова XVI. Общинное землевладѣніе въ Швейцаріи. И. Дубскаго XVII. Посмертный трудъ Тона. Продолженіе И. К—ной. XVIII. Гуманизмъ и національное движеніе въ Германіи. П. А. Висноватаго. XIX. Очерки провинціальной жизни. И. И. Иванюкова. XX. Внутреннее обозрѣніе XXI. Иностранное обозрѣніе. XXII. Научный обзоръ. IX. Связь русскихъ естествоиспытателей и врачей въ Москвѣ. В. Д. Соколова. XXIII. Современное искусство Ав. XXIV. Библиографическій отдѣлъ. Объявленія.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ на 1894 годъ.

(Пятнадцатый годъ изданія).

ЦѢНА: съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣ-	Годъ.	9 мѣсяц.	6 мѣсяц.	3 мѣсяц.	1 мѣсяц.
ста Россіи	12 руб.	9 руб.	6 руб.	3 руб.	1 руб.
За границу	14 „	10 „	50 к.	7 „	3 „
				50 к.	1 „
					25 к

Допускается разсрочка: при подпискѣ, къ 1 апрѣля, 1 іюля и 1 октября по 3 рубля. Книгопродавцамъ уступка 50 коп. съ годоваго экземпляра; кредита и разсрочекъ не допускается.

Подписка принимается въ Москвѣ въ конторѣ журнала: Леонтьевскій, 21. Въ С.-Петербургѣ въ книжномъ магазинѣ Н. Февун К^о, Невскій.

Редакторъ-издатель В. М. Лавровъ.

Четвер. 9. Сегодня обѣдалисмо у себе, толко передь обѣдомъ ездилемъ до Наумова и до пана гетмана, а по обѣдѣ до Курбатова и до графъ Головкина, где и Наумовъ пріехавши, смотрѣли дѣль нашихъ малороссійскихъ и о Засуллѣ, и приговорено будто о томъ родителя допрашивать. У Курбатова былемъ повторе и отъ ясновел. прошеніе было о нуждахъ.

Пятокъ 10. Сегодня ездилемъ рано въ слободу до Бидлова, которій мнѣ далъ рецептъ на декоктъ въ такой силѣ. Rr. herb. tagahas. и проч., якого декокту фляшка у полъчетвертной, за которую цена въ аптецѣ Губерта рубль. Ездилемъ по обѣдѣ до ясновелможной и пріехали на залъ. Несторовичеви дали 4 рубля, якобы въ позикку.

Субота 11. Сегодня рано присланный лѣкаръ одъ доктора Бидлова прикладалъ пивки и витяглъ крове 2 талѣрки глубокихъ, которому дали 4 талѣра битихъ. По обѣдѣ пріездила ясновелможная посѣщать насъ слабихъ зъ родителемъ. Василій Федоровъ, архiereя новгор., пріездилъ и взялъ позиченную книжку Buddei, De Atheismo et Superstitione, знову къ архiereю.

Неделя 12. Сегодня рано ездилемъ до Наумова, пана гетмана, паніи, где и обѣдалисмъ. Коваль, сторожъ, пріехалъ зъ Ромна, отъ старшины къ гетману, и писмо ко мнѣ отъ жени привезлъ, мая 3-го писанное. Началисмъ декоктъ пить, въ пятокъ описанный, по кубочку рано.

Понеделокъ 13. Сегодня рано купилемъ матеріи, прозиваемой камліотъ, на кунтушь, помаранчовий коліоромъ, аршинъ 11, по 20 а. зъ шагомъ аршинъ. Обѣдалисмо сами, а по обѣдѣ засидилемъ до тіотки, отца Тимофѣя, Стефана Гамалѣи и Василя Даниловича. Володимерь Петровичъ Шереметевъ унука своего женилъ.

Вовтор. 14. Сегодня обѣдалисмо у себе, а по обѣдѣ ездилемъ до Наумова, до Курбатова и позно въ свою пріехали на квартиру. Въжевскому на расходъ дали 10 руб.

Среда 15. Сегодня тутъ въ Москвѣ по стѣнахъ каменныхъ, около Кремля и около Китая, обиходъ чили процессія съ крести

всенародно отправлялась. Рано ездилемъ до пана гетмана, а объдалемъ въ паней; по обѣдѣ быдемъ у князя Мих. Мих. Голѣцина. Листъ до жени моей писанный о присилцѣ водки двойной 50 нос. и объ висилцѣ въ Гданскѣ, зъ Яковомъ Дубровою, зъ которимъ и облѣкъ его на 70 р. послать же и покупки спорадитъ, именно: сукна и отласу по 2 цѣвки, часи въ 30 таляръ бытихъ, водокъ карбункуловой и алкермесовой, послалемъ до п. Михайла Скор., для нересилки въ Глуховъ и посланъ.

Четвер. 16. Сегодня быдемъ у колегіи іностранныхъ дѣлъ и дѣло наше видѣлемъ, то есть екстрактъ зъ чолобитныхъ, Наумовимъ слѣдованнихъ и неслѣдованнихъ, и отъ гетмана присланныхъ зъ прошеніемъ, чтобъ и оніе къ дѣлу томузъ были приняты, дабы обидимимъ безъ сатисфакціи не остана, и приговоръ мар. 14-го состоявшійся о томъ, чтобъ зде слѣдствіе учиненно было. Сегодня по службѣ Божой бывши у церквѣ ст. Алексея, митрополити кievского, которого и мощамъ приклядался. Купилъ миней 12 годовихъ помислячно, за 23 р., до церкви Веригинской, да требникъ за 20 а., да книжку о князяхъ, за полтину.

Пятокъ 17. Сегодня никуда не ездилемъ, за дожчемъ, увесь день ишовшимъ. Вѣжевскому, Алексѣемъ даннихъ грошей, написалемъ въ пріемѣ 6 руб.

Субота 18. Сегодня рано прислано зъ колегіи іностранной ролителиви капрала, чтобъ онъ въ отвѣтъ былъ въ колегію противъ чолобитчиковъ. А я ездилемъ до Наумова, оттоль до паней, где и объдалемъ. Дожчъ увесь день ишолъ.

Неделя 19. Сегодня ездилемъ рано до паней, где по службѣ Божой объдалемъ. Несторовичъ отъ род. ездилъ до канцел. Василія Леонтіева. Скридловскій пріехалъ въ Москву зъ Ромна, зъ листами и крепостми, черезъ которого и я получилъ 2 листи отъ матки и брата п. Семена, зъ извѣстіемъ, что моей виправи не успѣютъ вислатъ зъ родителскою сюда.

Понеделокъ 20. Сегодня рано ездилемъ до Курбатова, где начатокъ дѣлъ нашихъ отъ сегодня на другіе дни отсрочили. Объдалемъ у паней, а по обѣдѣ ездилемъ до Миклашевского и п. Ми-

хайла. У п. Михайла згодившіеся переписніе книги полку Лубенского, за Кочубея и Трощинского, видѣлемъ и читалемъ тое, что Засулле роменское написано селомъ.

Вовтор. 21. Виналемъ вчора зъ мѣшечка, зъ шкатулки, 14 р. и 2 червоннихъ, зъ якими ездивши въ слободу нѣмецкую, будши у купчина иноземца, купилемъ себѣ и пании—чаю по фунту, а фун. 5 р. зъ полтиною; да у него жъ купилемъ пуделко, зъ зеркаломъ и прочіими сръбраними рѣчами, за 5 р.; да потомъ купилемъ уже въ городѣ помаранчей 5, за полтину, болшихъ, да 2 лимонѣй за 4 а. У доктора Бидлова былемъ, которій сказалъ мнѣ болшь не пить декокту, которій сегодня окончилиемъ, а за неделю, якъ мнѣ поводитись будетъ, пріехать къ нему зъ извѣстіемъ. Зъ слободы едуци, стрѣтилемъ зъ паномъ гетманомъ, ездившимъ до графа Гавріила Івановича и уже поворожавшимся, и пріехавши до паней, засталемъ п. Михайла, по его же отездѣ скоромъ, и обѣдалемъ.

Середа 22. Рано ездилемъ въ колегію иностранную, отуду до паней, а обѣдалемъ въ дому. Составилемъ отвѣтъ о Засуллѣ.

Четвер. 23. Сегодня ездилемъ рано до Курбатова, отуду былъ въ колегіи, куда и родитель призыванъ былъ и роверсъ взять за его рукою, чтобъ ему стать въ отвѣтъ въ колегіи сего мая 30-го числа. По обѣдѣ ездилемъ до Василя Маркелова Леонтіева, подканцеляристи колеж. Поль 8 барилца водки оковитой у мене осталось, а вчора за полтора взялъ 4 руб.

Пятокъ 24. Сегодня въ дому обрѣтался, а писма писалъ въ домъ: до родителки объ отводѣ стѣну короваювского, до брата п. Семона нѣсее-нѣтее, до жени объ отводѣ жъ помянутого стѣну для укошения стѣну, до Перервинець, о присилцѣ сюда тютюну тур. окъ 2-хъ, объ удержкѣ Федора Бѣлополовского, о посилцѣ сюда пузаменту сребраного, дѣтямъ пяти аршинъ, такожь—2-хъ головъ болшихъ цукру, и 7 помаранчей и 3 лимонѣвъ. Купилемъ помянутій пузаментъ сребраній аршинъ 5, въ которихъ цѣвокъ 6, а цѣвка по 40 а., да купилемъ книжку объ обливательномъ крещеніи, за 7 а. Інтердѣгатору, чили переплетчику, далемъ оправить книжокъ 4, въ которихъ тетрадей 32, да статуть литовскій, да на протоколъ го-

лихъ листовъ 120, за що все 20 а. заплатитися мѣють; а шевцу за пошитте чобить и туфлей 30 а., зъ которыхъ послѣдному далисмо 2 гривни. Купили 4 лимони да 8 помаранчей за 1 р. и 5 копѣекъ.

Субота 25. Сегодня обѣдалисмо у ясновелможной, а по обѣдѣ въ гостяхъ былъ у Курбатова. Скридловскій при паспортѣ князя Голѣцина, фолтмаршала, посланъ въ Ромень, зъ висшепомянутыми писмами во вратне.

Неделя 26. Сегодня обѣдалъ у насъ подканцеляристъ колежскій Василій Маркеловъ Леонтиевъ, а по обѣдѣ ездилемъ до п. Михайла, где 5 а. и 2 де. програлемъ въ карти.

Понедолокъ 27. Сегодня отвѣти противъ доношенія старшини луб. чолобитствующой готовили, и за дожчемъ никуда не ездилемъ.

Вовтор. 28. Сегодня тая жъ вчорашняя забавка удержала мене въ дому и дождь. Обѣдалъ у насъ Мировичъ старшій, Петръ, которій сказивалъ, что цесаревна Анна Петровна, въ супружествѣ съ княземъ голштинскимъ бывшая, сего мѣсяца преставилась.

Середа 29. Сегодня Петръ Матвѣевичъ Апраксинъ, братъ старшій адмирала Федора Матвѣевича, представился. Обѣдалемъ у ясновел., по обѣдѣ посѣщаль мене Ханенко и человекъ Василя Даниловича, о которомъ извѣстно стало, что устроень въ полковники сужскію.

Вознесеніе. Четвергъ 30. Сегодня, по реверсу 25-го мая взятомъ, зъ родителемъ былисмо въ колегіи и поневажъ день былъ праздничный, да и чолобитчиковъ нашло, не отвѣтствовали, а пріехавши до ясновел., обѣдалисмо. Табакъ родительскій и мой, и братовъ, проданъ за пудъ по 40 а., а моего табаку заважило 81 и пол., а было всего 100 пуд., столко оставиви себѣ зъ того табаку 150 папушъ.

Пятокъ 31. Сегодня былисмо зъ родителемъ въ колегіи иностранныхъ дѣлъ и родитель противъ чолобиття старшини лубенской допрашиванъ, а въ допросѣ очистилъ 7 пунктовъ, а допрашивалъ ассесоръ колегіи той же Семень Ивановичъ Ивановъ, и отвѣтствовали противъ 7 пунктовъ старшинскихъ.

М-ць іюнь. Субота 1. Сегодня обѣдалисмо у капитана Володимерского полку Іліи Вас. Ржевского. Лобаненко зъ Глухова приѣхаль и сказалъ про мой запасъ, въ дорожѣ сюда имѣющійся.

Неделя 2. Сегодня обѣдалисмо у нанеи зъ п. Михайломъ и сестрою (Толстою); по обѣдѣ ездилемъ до Курбатова и посидѣвши приѣхалемъ въ свою квартиру. Составилемъ отвѣти на всѣ 30 пунктовъ доношеній старшинскихъ.

Понеделокъ 3. Сегодня ездилемъ рано до ассесора Іванова и повидѣвшись съ нимъ, заехали въ колегію иностранную, где и родитель приѣхавши, отвѣтствовалъ противъ пунктовъ 6. По обѣдѣ ездилемъ до Валкевича, где зъ Петромъ Троцкимъ примирились, въ жалобахъ матки его на родителя занесенныхъ. Князь Василій Владимировичъ Долгорукій, коммендовавшій въ Низовомъ корпусѣ, генераль фелтмаршалъ, приѣхаль оттуду сюда въ Москву.

Вовтор. 4. Сегодня рано ездилемъ въ слободу нѣмецкую, где у иноземца сторговалемъ гвоздики болшіе розныхъ коліоровъ, всякій гвоздикъ по 10 а, и задатку ему далемъ червонного золотого. У Гарнова былемъ и отдадемъ направить оба дзикгарики, зъ которыхъ за родительскій простій 2 р., а за тотъ що зъ репетицею 7 р., якіе за 3 неделѣ направить обѣщался. Обѣдалемъ у нанеи зъ родителемъ и сестрою.

Середа. 5. Рано ездилемъ до нанеи, отголь заехали до колегіи и по отвѣтвіи, повернулись въ квартиру свою.

Четвер. 6. Сегодня перемѣнилисмо отвѣтъ о Зисуллѣ; обѣдалемъ дома; по обѣдѣ ездилемъ до Курбатова. Зъ вечера заболѣлемъ на кшталтъ фебри.

Пятокъ 7. Сегодня черезъ увесь день болѣлъ я, посѣщаль мене Ханенко. Родитель окончилъ въ колегіи отвѣти свои на пункта старшинскіе, а старшина поспоривши тому, что допросовъ требовали себѣ въ домъ и не получили, не подписавшись, отойшли зъ колегіи.

Субета 8. Сегодня не ездилемъ я никуда за слабость свою. У Валкевича печать взята, потому что на него подали товарищи наши чолобитную пану гетману въ томъ, якобы зъ его дѣйствія універсаль въ прошломъ октовр. виданъ о зборахъ.

Ст. Тройца. Неделя. 9. Сегодня ездилемъ до паней и тамъ по службѣ Божой обѣдалисмо. Приехалъ Казѣмиръ зъ Ромна, 12-го мая ввехавшій, а зъ нимъ и виправа дойшла, и объявилъ тое, что въ маестностяхъ никто не хочеть слухать. П. Михайло былъ у мене и сказиваль, что поедеть на сой неделѣ въ домъ.

Понедѣлокъ. 10. Сегодня обѣдалисмо въ своей кваргирѣ.

Вовтор. 11. Валкевичъ отъ реентовства отставленъ, потому что на него дали обще вся старшина чоломбитную пану гетману, что якобы подступомъ его составленъ унѣверсаль о зборахъ, же въ оніе включенни козаки, а на его мѣсто устроенни два въ реенти, а именно: Тернавскій и Чуйкевичъ.

Середа. 12. Сегодня былисмо зъ родителемъ въ колегіи, где старшину луб. училичаи пункта, чили отвѣти наши, на пункта числомъ 7. П. Михайлу Скоропадскому отпустилемъ поль фунта чаю, за который далемъ 6 р.

Четвер. 13. Сегодня обѣдалисмо у паней зъ п. Михайломъ Скоропадскимъ, который сегодня и отехалъ въ Украину, а съ нимъ Степанъ Миклашевскій, Федоръ Ширай, да черезъ его жъ писалемъ въ домъ до жени, объ опрятанню сварковскихъ избъ для небытія Наумова; да черезъ его жъ послалемъ женѣ пару соболей добрихъ и пару куницъ подкуренихъ.

Пятокъ. 14. Сегодня былисмо въ колегіи, понеже улика сгаршинская не окончилась, а обѣдалисмо у себе.

Субота. 15. Сегодня обѣдали у насъ хозяини наши, Василій Даниловичъ и Боярскій, суддя ахтирскій. Романъ, служитель мой, приехалъ зъ Глух. сюда въ Москву и привезлъ дещо, чому реестрикъ приложенъ зде.

Неделя. 16. Сегодня обѣдалисмо у паней. Его величество приехалъ зъ охоти въ Москву и кушалъ у посла гишпанского.

Понедѣлокъ. 17. Сегодня рано былисмо въ колегіи при улицѣ старшинской. Обѣдалисмо дома и съ нами Антоновичъ, которому табаку 50 папушъ далъ.

Вовтор. 18. Зъ мѣшка винялемъ 29 р. и 4 гривни, зъ якихъ въ расходъ далемъ 10 р.

Среда. 19. Сегодня по службѣ Божой обѣдалисмо у паней, а по обѣдѣ ездилисмо зъ родителемъ къ Оробіовой горѣ и увѣстяться о князю Долгорукомъ, въ городъ отголь переехавшомъ, и сами повернулисмося.

Четвер. 20. Сегодня обѣдалисмо у себе, а по обѣдѣ ездилемъ въ слободу нѣмецкую, гдѣ былемъ въ огродѣ купца Коври (?) именуемого, которій продавалъ дерева зъ овощами помаранчовіе по 5 р. Тамъ же купилемъ пуделко зъ зеркаломъ, пугѣляромъ и теребильцемъ (зубочисткою) за 1 р., а особливе дзвоникъ за 4 гривни. Билемъ тамъ же у майстера рукавичного, зъ которимъ зторжилися, чтобъ онъ штани пошилъ мнѣ лосиніе за 4 р., а взялъ задатку рубль.

Пятокъ 21. Сегодня ездилисмо въ колегію и сроку взявши къ 25-му числу стать знову къ уликѣ, повернулисмо назадъ. Вѣжевскому далемъ 10 р. въ расходъ, и записалемъ. Два косяки лудану купилемъ за 10 р., да полтори чвертки чорного аксамиту за 35 а. Такъ же казановъ 2, желѣзнихъ болшихъ, за 40 а., а меншихъ за 30 а., желѣза пудъ, всѣхъ 10, по 20 а., до вѣсовъ, за кеторіе дано особливе 4 р. зъ полтиною.

Субота. 22. Сегодня рано былисмо у князя Василія Волод. Долгорукова, а обѣдалисмо у себе. Вѣжевскому на расходъ далемъ 10 р., зъ которихъ и прежнихъ—куплено косяковъ 2 за 10 р., тукъ китаю за 7 р., два казана желѣзнихъ болшихъ и мало меншій за 50 а.

Неделя. 23. Сегодня обѣдалисмо у себе, а родитель у паней. Докторъ заходилъ былъ и рецептъ далъ Алексѣю на горячку та-кій: (*слѣдуетъ рецептъ, который трудно прочестъ*). Сегодня по службѣ Божой обѣдалисмо у паней зъ Несторовичемъ. Былъ Шостакъ, которому далемъ 1 р. Купилемъ въ аптекѣ Губерта носного порошку фунтъ за 8 гривень.

Вовтор. 25. Сегодня въ доказательство отвѣтствовалъ на улику старшины въ колегіи. Докторъ заходилъ, бывши у насъ, далъ еще рецептъ Алексѣеви на прошокъ и каплѣ таковой: (*слѣдуетъ такой же рецептъ*).

Среда. 26. Сегодня былимо въ колегіи и отвѣтствовали на пункта въ оправданіе; отъ гетмана свѣдѣтельство о Засулдѣ таковое, что не только по справкѣ въ вой. евер. канцеляріи и самъ господинъ гетманъ довольно отъ многихъ лѣтъ знаетъ, что сколько ни было полковниковъ лубенскихъ, ни одинъ не владѣлъ онимъ Засуллемъ на рангъ полковничества, но вездѣ оное было до города Ромна въ послушаніи, ибо изъ градскихъ людей болшимъ числомъ въ ономъ живеть, нежели въ городѣ.

Четвер. 27. Сегодня послѣдній отвѣтъ составился объ Засулдѣ и слѣдующихъ 4-хъ пунктахъ. Обѣдалимо въ дому, а по обѣдѣ ездилемъ смотрѣть квартири. Рецептъ доктора Быдлова на шкорбутъ вимивать ясно таковой: (*слѣдуетъ рецептъ*), а внутрь пріймать рано по 100 капель у винѣ венгерскомъ сего: Rр: Cochlear. reiferment. ʒi.

Пятокъ. 28. Сегодня былимо въ колегіи и оправданіе свое противъ пунктовъ доносительныхъ окончили. Писма писалемъ въ домъ до жени о мѣючихъ отпуститись Федору и Роману.

Субота. 29. Сегодня праздновали день тозоименитства его величества, а обѣдалимо у паней, Несторовичъ же у п. гетманз.

Неделя. 30. Сегодня обѣдалимо у себе, а по обѣдѣ ездили до графа Головкина, которому родитель и прошеніе отъ себе подалъ о себѣ, а я отгуду заездилъ до Велляминава, которій указомъ опредѣленъ въ губернаторство московское, а потомъ былъ у Курбатова. Вѣжевскому на расходъ далемъ 9 р. и записалемъ въ реестрѣ.

М-ць юль. Понедѣлокъ. 1. Сегодня родитель обѣдалъ у паней, а мы въ себе. По обѣдѣ ездилемъ до слободы нѣмецкой, где у Гарнова взяли боевій дзюгарикъ, а ему заплатилемъ 9 р., а отъ его захавши до портного, взяли обранне за 4 р. пошитое, лосинне, и рукавички такіе за 4 гривни. Потѣха огненная была у дворца монаршого на слободѣ, куда все зъ господъ ездили, а я гостилемъ у Андрея Миклашевского и листи до п. Михайла и жени отдалемъ.

Вовтор. 2. Сегодня обѣдалисмо у себе. По обѣдѣ прїездилъ Александръ, слуга паней, и отобралъ у мене 18 червон.

Середа. 3. Сегодня былисмо въ колегіи. Переехалисмо съ прежней квартири, за которую плачовалисмо по 4 р. за мѣць, а стали на Стрѣтенки, въ переулку, противъ церкви Воведенія Пр-стой Б-цы, въ дому ямской канцелляріи секретара Мижуева, у которого сторговалисмо за мѣсяць платити по 6 р. Григор. Скридловскій, подписовъ бывшій роменскій, повернулся зъ дому въ Москву.

Четвер. 4. Сегодня рано былисмо въ колегіи и отвѣтъ чинилъ родитель на чолобитную войта роменского, а потомъ прїехавши домой, обѣдалисмо зъ Стефаномъ Гамалѣю, и въ лазнѣ у вечеру мѣлись.

Пятокъ. 5. Сегодня тожъ былисмо въ колегіи, где войтъ доказателство чили улику докончилъ, а оправданіе намъ принести отложено до понедѣлка. Вѣжевскому на расходъ далемъ 13 р., що и записано въ его реестрѣ. Роману и Федору далемъ по 2 штучки китаю темнозеленого и по 2 р.; сварковцамъ 4-мъ—по 7 гривень, а наймиту 2 гривни, а на дорогу 3 р. на все. Левенцу зъ-ведро водки далемъ зъ барила. Писалемъ писма черезъ Романа и Федора: до родительки комплементъ, до п. Михайла тожъ зъ прилогомъ вѣдомостей нѣкоторихъ, до жени зъ объявленіемъ того, що Федоръ и Романъ отпущени и съ ними три вози воловахъ, воловъ 10, а якіе рѣчи черезъ ихъ посланни, о томъ явствуетъ реестръ, zde приложенній, а другій маленкій реестрикъ приложенъ—книгъ 14 посылаючихся. Купилемъ ящикъ гвоздиковъ великихъ, коренціовъ 8, по 10 ал. одинъ коренець, які и посылаются въ Глуховъ; также посылаю (*латинское названіе лікарства*) за полтину въ аптецѣ купленній, женѣ мой.

Субота. 6. Сегодня ездилисмо до паней и тамъ кушалисмо, и привезли тѣда фляшку алкермесовой водки. Торгъ зъ Іваномъ Семеновимъ Каратаевимъ учинился за часи золотіе: дать ему 70 р. и поездека лошака.

Неделя. 7. Сегодня службы Божой выслухавши въ Богоявленскомъ монастыру, обѣдалемъ у паней зъ родителемъ, а по обѣдѣ

гостя Богъ даль Дефарша. зъ котрымъ посидѣвши, послѣ ездилемъ до отца Тимофѣя, где зъ Василюмъ Даниловичемъ, сумского полку полковникомъ, вѣхавшимъ въ домъ свой, спогкавшись, простился, а потомъ заездилъ до п. Петра Апостола и протопопа глуховского,

Понеделокъ. 9. Сегодня оправданіе наше окончилось въ коллегіи іностраннихъ дѣлъ.

Вовтор. 9. Сегодня обѣдалисмо у себе, а по обѣдѣ былисмо зъ родителемъ у пана гетмана, а оттоль я заехалъ до п. Павла, полковника миргород.

Середа. 10. Сегодня обѣдалисмо у паней, а по обѣдѣ заездилемъ до Троцкого. П. Петру Апостолу, гетманичу, родился синь Яковъ, котрымъ его я, подъ часъ битности моей въ его квартирѣ, поздравлялъ. За часи зговорился зъ Александромъ заплатить Каратаеву 60 р. и 2 коней. Подъ часъ бытности нашей у пана гетмана, увѣдомилися зъ его розговору до кievского пол. Танского и переясл. бывшего, что получена вѣдомость о запорожцахъ, которіе хочай самоволно отторгнувшись отъ подданства ханского, отойшли зъ Новой Сѣчи и на Старой осѣли попрежнему, однако жъ тотъ ихъ самовольный поступокъ татаръ бынамиѣй не раздражилъ, которіе по утеку помянутыхъ запорожцевъ отъ своего коша, чего не могли зъ собою забрати, тое они прійшовши многимъ войскомъ берегли, и потомъ всякому свое взять позволили, зъ таковымъ своимъ лагоднымъ виговоромъ: „була, мовили, вона у насъ спасибогъ, отойшла отъ насъ спасибогъ, лошъ одинъ у васъ пропадаетъ, десять зъ Криму дадимъ“ и проч. Увѣдомилеся о силѣ указу 1727-го году, юня 5-го, присланного въ Малую Россію, какіе збори коллегіи малороссійской опредѣленіемъ, по доношеніямъ генерала маіора Веляминова збиравшіеся въ оную коллегію, оставлени, що и видно зъ доносительнихъ пунктовъ оногo геперала маюра, зъ которихъ екстрактъ слѣдующій есть: покуховное, показанщина, пчоланая и табачная десятины, съ мельницъ—войсковая часть, тако жъ протчіе збори; по вѣдомостямъ зборщицкимъ видно, что прежде сего збиралися въ Малой Россіи на гетмана, на полковниковъ и протчую старшину съ козаковъ убогихъ и посполитихъ людей, а старшина,

знатніе козаки и войсковіе товарици, монастирскіе и церковніе владѣлци, которіи имѣють у себе казани, пчели, табакъ и мелници и другіе заводи, противъ помянутыхъ козаковъ и посполитыхъ людей надлежащихъ зборовъ не платять, и нинѣ оніе со всѣхъ ли брать равно? Определеніе таковое было, что брать со всѣхъ равно. Во всей Малой Россіи покуховное берется только зъ шинкарей—зъ вишинкованныхъ куѣ, а малороссійскіе обыватели многіе продають вино приїжджающимъ зъ великороссійскихъ городовъ куѣ по 100, по 200 и болшѣ, а покуховного, какъ берется зъ вишинкованной куѣ, не платять, а платять толко скатное по 15 копѣекъ, а нинѣ съ таковыхъ продавцовъ и купцовъ противъ вишинкованной куѣ брать ли равно? Резолюція: брать равно. Въ тайномъ верховномъ совѣтѣ состоялся указъ монаршій и оній випечатанъ для розсилки въ Малую Россію о нечиненню жадныхъ обидъ козакамъ и посполству.

Четвер. 11. Сегодня рано былисмо у пана гетмана зъ поздравленіемъ рожденного унука его, кото;ій отехалъ во дворець государевъ на службу, а мы, повернувшись въ свою квартиру, обѣдалисмо сами. У Шпетака, бывшого сотника топалского, взялисмо были и перекопіовали екстрактъ, чили випись съ книгъ майстрату старолубовского дѣла Івана Рубца, 1679 году точившогося, по которомъ обвиненъ онъ zostаль отъ покойного гетмана Самойловича и маестности самоволно поселенніе, а именно Ропскую волость, всѣхъ сель зъ мѣстечкомъ 11, а въ млинахъ колъ мучныхъ 10, а ступнихъ зъ валюшами 3, отъ его отобрано на домъ гетманскій. Была въ насъ панѣ и потомъ отехала, куда и я ездилъ и часи золотіе въ Александра взялъ, подъ такимъ договоромъ, чтобъ дать Каратаеву 60 р. да 2 поездека.

Пятокъ. 12. Сегодня рано былемъ въ колегіи іностраннихъ дѣлъ и видѣлемъ челобитную Калюженковъ, поданную въ оную колегію въ такой силѣ, чтобъ футоръ ихъ, будто отческій, отсуженній имъ Турковскимъ да Рошаковскимъ, имъ привернуть, а намъ отказать отъ оногo, для того, что тамъ рощу мы будто зрубали на версту. Михайло Гайдученко зъ машталѣремъ род., припрывадившимъ двоухъ дрикгантовъ, прибули сегодня въ Москву. Сегодня

ездилемъ въ слободу Нѣмецкую, где у иноземца купилемъ картузовъ 3, по полтинѣ, да въ аптецѣ купилемъ алкermесу зъ амброю, поль унцѣи за 11 а. и 2 копѣйки. У Гарнова, часовника, бьлемъ и оному для починки, очистки и придѣлки футляра далемъ золотіи часи, а за работу ему дать 4 р. (поневажъ иншую спренжану новую вмѣсто старой вложилъ), а за футляръ 1 р. и 20 а. Тамъ-же въ слободѣ видѣлемъ, что цесарского величества римского посоль графъ Вратиславъ ехалъ на аудіенцію къ імпер. в—у такимъ порядкомъ: ехали на передѣ кавалери его въ двохъ каретахъ, цѣлими цугами, а за ними шли два скороходи, а послѣ служители посольскіе, за которыми въ каретѣ ехалъ помянутой посоль съ товарищи, въ 4-хъ человекѣхъ; по немъ шли карети въ даръ присланніе отъ цесара государю, а именно: первѣйшая, позолоченая вся, подъ нею цугъ брудно каштановатихъ лошадей чистихъ, шори зъ самого золота, только мало шовкомъ перевиваніе, зъ мохрами и кутасами золотими, за тою шла другая карета болшая, также богатая, обѣ 8 лошадейхъ воронихъ; по бокахъ и на задѣ каретъ обохъ — дивного мастерства рѣзанія, тако жъ и по другихъ мѣстехъ, а все золотомъ визолочено, якіе карети со всѣмъ, зачисляя шори, колеи и провозъ, сказивали Де-Макарти и Де-фаршъ, будто на 150 тысячъ рублей коштуеть, въ чомъ *sit penes autorem fides*. Тайный совѣтникъ Наумовъ пожалованъ въ кавалери красного банта. Торжество нинѣшнего дня зъ той причины учинено, что нинѣ рожденіе сестри государевой, ся височества государинѣ Наталіи Алексѣевни празднуется, для чего въ соборѣ молебствіе при пушечной стрелбѣ было и жалобное платте всей дворъ монаршій снялъ. Пожалованъ сегодня въ кавалери Александра Невского и въ генерали маіори Шенеліовъ и Дмитрій Еропкинъ въ генерали маіори и въ оберкоменданты московскіе.

Субота. 13. Сегодня рано ездилъ я въ колегію иностранную, гдѣ видѣлъ дѣло чили слѣдствіе Турковского да Роцаковского. Купилемъ коберчикъ малый, притертый, на столъ за 45 а. Александръ Левицкому отдаемъ спренжану зъ золотихъ часовъ. Кузма Заруцкій въ разговорѣ своемъ сказивалъ мнѣ: 1) Глуховъ прежде

разоренія своего називался Василкозъ городъ, а былъ такъ великъ, что самихъ въ ономъ церквей, чили костелей, на 70 было, а знатно, что разореніе оному было, тогда и другіе города болшіе, Кіевъ Чернѣговъ и протчіе спустошени стали, за нашествіемъ татаръ азійскихъ; тако-жь потомъ и литовскихъ князей, которіе и всю Малую Россію держали въ своемъ порабощеніи черезъ килка сотъ лѣтъ. 2) Послѣ якого разоренія своего помянутий Глуховъ, что стоялъ долгое время пусгимъ, якобы въ глушѣ, зъ той причины начавши селитись люде, стали оный звать Глуховомъ. 3) Въ якомъ тогдашнемъ малолюдствіи зъ лутшихъ жителей былъ тамъ купецъ зъ Слуцка захожій Марко, прозваніемъ Гимбаръ, который село подъ Глуховомъ, Березу, осадилъ; а где теперъ Марчишина Буда, тамъ онъ имѣлъ будо, где поташъ и смалцугу дѣлалъ, по которого смерти владѣла жена его Марчиха и по ней прозвалась Марчишина Буда.

Неделя. 14. Сегодня службы Вожой слухалисмо въ монастыру Спасскомъ училищномъ, где службы служилъ новопоставленний архимандритъ Коцевичъ. Ездилемъ до архиерея великоновгородского, который въ разговорѣ объявлялъ мнѣ способъ садить рекгулярно ма-лини, ожини и другіе ягоды, а именно такъ: потерши руками яго-ди, смѣшати оніе зъ тѣстомъ житной муки и онимъ тѣстомъ веров-ку конопляную всю вдовжъ облѣпить и якъ надобно, такъ землю проривши, закопати, зъ чего ягоды виростуть такою фѣгурою, якъ веровка закопана будетъ; да онъ же говорилъ о способу чинить простіе барометри, а именно: витесать тоненко дощечку широкую въ ширъ на корхъ, и у довжъ—на 6 вершковъ, чили болшъ, а тесать не по слоямъ, но впоперекъ, чтобъ долгота была зъ шири-ни, а ширина оной дощечки зъ долготи натуральной, тоестъ въ которой былибъ слои въ поперекъ, а не вдовжъ,—до такой дощечки въ долготу жъ ей приклеить три полички тоей же долготи, да на-турално уже виструженіе, одна отъ другой неподалеку, и поста-вить такую дощечку на свободномъ воздухѣ, где она по приходи-чимъ непогодамъ будетъ нагибаться по мѣри оной непогоди и низ-ше и висше.

Понеделокъ. 15. Сегодня обѣдалисмо у себе, а по обѣдѣ ездилемъ до паней и въ пана гетмана былемъ. Михайло Гайдученко, прійшовшій зъ волами нашими сюда, сказиваль у столу при вечерѣ, что хвалился его бить сотникъ роженскій Остапенко за то, же онъ нанялся зъ волами нашими чи род. сюда пойти. Архирей новгородскій сказиваль, что царь Иванъ Василюевичъ, добувши Великого Новгорода и вивезши отгуду премного злота и сребра, самимъ тимъ золотомъ позолотилъ соборъ Благовѣщенскій.

Вовтор. 16. Сегодня рано заездилъ я до колегіи, а обѣдалъ у паней.

Среда. 17. Сегодня былъ у насъ п. Чарнишъ, а потомъ ездилисмо до Николая Ивановича Бутурлина, на Петровки жиючого, и тамъ обѣдалисмо.

Четвер. 18. Сегодня рано ездилемъ де паней, где и сестру заставши, обѣдалемъ, а по обѣдѣ ездилисмо зъ родителемъ до п. судіи Чарниша, отголь повернувшись заехали до Лизогубовъ и до Івана Гамалѣи, и въ дожъ свой, чили околную квартиру, поворотилемся. Принесена грамота зъ іностранной колегіи до п. гетмана и указовъ печатнихъ 300, въ которыхъ указахъ изображено то, что его імператорскому величеству учинилось извѣстно о збиравшихся въ батуриномъ ярмарке накладахъ судовихъ, зъ указу правителей вой. енер. канцелляріи и учиненныхъ тягостехъ отъ Гаврила Милорадовича, полковника гадяцкого, тому полку навиданнемъ горѣлокъ и пивовъ, такъже вимоганнемъ провіянта на себе, чого ради повелено, чтобъ никакихъ тягостей козакамъ и посполству не чинили полковники, енералная старшина и полковая, а ежеди хто будетъ обыженъ, дабы тѣмъ невозбранно быть челомъ въ Малой Россіи—въ генералномъ судѣ, и въ Москвѣ, въ колегіи іностраннихъ дѣлъ, а Милорадовича, ради изслѣдованія дѣла, взять сюда въ Москву. Такихъ же указовъ послано къ Наумову зъ колегіи 600, якіе онъ сегодня нарочнимъ куріеромъ и отправилъ въ Малую Россію.

Пятокъ. 19. Сегодня зъ квартири своей никуда не ездилемъ. Псалсмъ П противъ еврейского вивернулемъ на славенскій дїа лектъ.

Субота. 20. Сегодня обѣдалисмо у паней зъ сестрою. Слуга п. Петра Апостола утонулъ, купаючись въ Москвѣ. У пана гетмана былисмо. Кумпасъ Камѣнскій привезлъ зъ иглою магнитною, а въ заставу даль 2 червоннхъ.

Неделя 21. Сегодня службы Божой слухалемъ въ церквѣ Михайла и обѣдалисмо у паней.

Понеделокъ, 22. Сегодня родитель былъ у пана гетмана, а обѣдалисмо у пеней. Игралисмо въ карти у Андрея Миклашевского и проигралъ я 30 а., потому что виграннихъ 7 гривенъ далемъ Якову Мировичу.

Вовтор. 23. Сегодня рано ездилемъ до фелтмаршала князя Долгорукова. Тамъ же Масу, штапъ-лекару, далемъ писма мои въ Астраханъ писаніе до Гаврила и Федора о томъ: 1, чтобъ судно збули въ пользу мою, а не зъ убиткомъ; 2, чтобъ грошей не отбирали у Михайла Гавриленка и Антона, но смотрѣлибъ надъ ними, чтобъ они не терали; 3, а если на которомъ расходъ непотребній усмотрѣли, у того бъ взяли зъ роспискою. Приложено другое писмо до горбунца Ивановского, а третее родительское до Черевка съ товарищи писаніе. Обѣдалисмо у паней, а по обѣдѣ привезлъ часи боевіе Камѣнскій отъ Гарнова, потомъ иградемъ въ карти зъ Андреемъ Миклашевскимъ, зъ проигришомъ 5 а. безъ копѣйки.

Среда. 24. Сегодня обѣдалисмо въ дому чили въ квартирѣ своей. По обѣдѣ зъ братомъ п. Маркомъ ездилемъ въ сѣбирскій приказъ, где купилемъ зъ китайскихъ товаровъ картину за 40 а. чашку черепаховую за 1 р., пушку деревяную на табакъ за полтину и пару чашокъ фарфуровихъ за полтину жъ. Увѣдомилимся отъ Андрея Миклашевскаго, что будто вчора резолюція на дѣла гетманскіе совершилась въ тайномъ верховномъ совѣтѣ. Иградемъ въ карти въ Миклашевского зъ вигришомъ 11 а. и 4 д.

Четвер. 25. Сегодня обѣдалисмо у себе. По обѣдѣ ездилемъ до архiereя мовгородского, которий въ разговорѣ сказалъ, чтобъ живо было вскорѣ свѣтло, пѣску крупного, придавши къ нему мало сахару, разжарить я всипать въ куфу, то за неделю, а наиболшъ за двѣ, будетъ свѣтло.

Пятокъ. 26. Сегодня купилемъ зъ китайскихъ товаровъ: под- носовъ два деревянихъ за 2 р., картинъ 2 за 2 р., чайникъ орѣ- ховий тожъ за 2 р., чашокъ 2 деревянихъ за 8 гривенъ и ча- рокъ деревянихъ 4, по 4 гривни одну, итого за все заплатилемъ 8 р. и 4 гривни. Федорцови, ключникови паней, подарилемъ казанъ красный, едамашковий.

Субота. 27. Сегодня обѣдалисмо у себе. Алексѣй принюсъ 10 р, отъ Федора за кухву двойной,

Неделя. 28. Сегодня былисмо у пана гетмана, а слухали на- боженства у Богоявленскомъ монастирѣ и обѣдали у пanei. По обѣ- дѣ ездилемъ въ слободу нѣмецкую, гдѣ отобралемъ часи золотіе, за которіе заплатилемъ 5 р. 20 а., да въ купчана купилемъ та- баку картузного 2 фунта за 1 р. и карти нѣмецкіе за 8 копѣекъ. Заехалемъ до Миклашевскаго, где въ карти игралемъ съ проигра- шомъ 10 а.

Понеделокъ. 29. Сегодня обѣдалисмо у себе, а по обѣдѣ хо- дилемъ зъ Яковомъ Мировичемъ до манѣфактури купчина Милю- нина, где табы, штофи и ленти дѣлають, а потомъ зайшовши до Андрея Миклашевскаго, тамъ просидѣлъ и игралъ въ карти зъ проиграшомъ 8 гривенъ безъ 2-хъ копѣекъ. Заехалемъ потомъ до Гарновскаго и въ свою потомъ приехалемъ квартиру.

Вовтор. 30. Сегодня день рожденія торжествовали царици Евдокии Федоровни, и самъ его величество туди ездилъ, въ Новодѣ- вичій монастирь, поздравлять оную.—Мы обѣдалисмо у себе. Холо- довичъ былъ у насъ, зъ которимъ ходилемъ до Миклашевскаго, где игралемъ въ карти зъ проиграшемъ 2 р. Здѣлано мнѣ мѣд- нее ведро вагою у 10 фунтъ, фунтъ по 4 гривни, итого 4 р. коштуеть.

Среда. 31. Сегодня обѣдалисмо у пanei, а по обѣдѣ отеха- ли и бисѣдовали о томъ, чтобъ порадочное было у насъ, между об- ществомъ и гетманомъ опредѣленіе, и то терминовали въ домѣ.

М-ць августъ. Четвер. 1. Сегодня обѣдалисмо у себе, а по обѣдѣ ездилемъ до Наумова, где о томъ же довольно разсуждали; оттуду приехалемъ до пани.

О Т Ъ Р Е Д А К Ц И И.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразныя матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, рассказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служить проявленіемъ народнаго творчества и міровозрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозныя, правовыя и т. д.; исчезающіе древніе нагѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библиографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.
